

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 9, №2 2023

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2023_9_2

Выпуск 9, № 2, 2023

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight
in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation
Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2023_9_2

Volume 9, Issue 2, 2023

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Алексеев Александр Борисович
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва, Российская Федерация
neuausstatten@mail.ru

Некоторые лингвостилистические особенности англоязычного дискурса смешанных единоборств

Аннотация

В статье исследуется (суб)дискурс смешанных единоборств прежде всего с точки зрения лингвостилистических особенностей. Для изучения был избран англоязычный материал, представленный двумя спортивными боевыми дискурсами, созданными в 2021–2022 гг. В исследовании используются различные способы лингвистического анализа – лингвостилистический, контекстуальный, концептуальный, лингвопрагматический. Интерпретируя дискурс смешанных единоборств как разновидность спортивного общения, автор подчёркивает его гибридную природу, что особенно ярко проявляется в сочетании с разговорностью и развлекательностью, выполняющих в данном дискурсе важные функции, способствующие лингвокреативности говорящих и превращению спортивного дискурса в разновидность тейнмент-коммуникации – спортейнмента. В результате установлено, что наиболее часто используемым тропом рассматриваемой коммуникативной среды является эпитет. Богатое разнообразие эпитетов создаёт определённые трудности для их классификации. Тем не менее, исходя из семантико-коннотативного критерия, можно говорить о нескольких группах эпитетов, используемых в рамках рассматриваемых спортивных текстов. Вторым важнейшим тропом дискурса смешанных единоборств является метафора. Выделено несколько метафорических моделей, актуализируемых в текстах спортивных комментариев, в числе которых наиболее важную роль, очевидно, играет военная (милитаристская) метафора, позволяющая провести концептуальные аналогии между спортом и войной, несомненно, вполне уместные. Дальнейшим вектором исследований в области изучения дискурса смешанных единоборств будет не только более подробный анализ его языковых и лингвостилистических особенностей, но и комплексный дискурсивный и лингвоперсонологический анализ данного коммуникативного пространства.

Ключевые слова: спортивный дискурс, смешанные единоборства, эпитет, метафора, метонимия, сравнение, концепт

© Алексеев А. Б. 2023

Для цитирования: Алексеев А. Б. Некоторые лингвостилистические особенности англоязычного дискурса смешанных единоборств // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_5

Aleksandr B. Alekseev
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru

Some linguostylistic peculiarities of the English-language mixed martial arts discourse

Abstract

The article examines mixed martial arts (MMA) discourse, primarily from the standpoint of its linguo-stylistic peculiarities. The material was selected from two English-language discourses produced in the years of 2021 and 2022. In the course of study, different types of the linguistic analysis were exploited including the linguo-stylistic,

contextual, conceptual and linguo-pragmatic methods. Interpreting MMA discourse as a variety of sports communication, the author puts an emphasis on its hybrid nature that clearly manifests itself in such phenomena as colloquiality and interactivity. Both of them perform important functions and contribute to linguistic creativity of the speakers and the transformation of sports discourse into a variety of tainment-communication, viz. sportainment. It has been found that the most commonly used trope was the epithet. Rich variety of epithets observed in the MMA discourse leads to certain difficulties in their classification. Despite this, guided by the semantic and connotative criteria, one can distinguish a few epithet groups that are used within the framework of MMA texts. The second most important trope of MMA discourse is the metaphor. The article identifies a number of metaphor models actualized in the texts of sports commentaries including the military metaphor that apparently plays the most important role since it makes it possible to draw analogies – undoubtedly quite relevant – between the world of sport and the world of war. A more detailed analysis of MMA discourse linguistic and linguo-stylistic means as well as a complex discursive and linguo-personological analysis of this communicative field present an outlook on further research.

Keywords: sports discourse, mixed martial arts, epithet, metaphor, metonymy, simile, concept

© Alekseev A. B. 2023

For citation: Alekseev, A. B. (2023). Nekotorye lingvostilisticheskie osobennosti angloyazychnogo diskursa smeshannykh edinoborstv [Some linguostylistic peculiarities of the English-language mixed martial arts discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_5

1. Введение [Introduction]

Понятие «дискурс», ставшее визитной карточкой коммуникативной – она же коммуникативно-дискурсивная – парадигмы языкознания, как известно, допускает множество трактовок, в связи с чем неверно бы было оставлять его без интерпретации [Kujawa, 2014, S. 15], [Mills, 2004, p. 1]. С позиции социолингвистики дискурс определяют как социальную практику, находящую выражение как в языке, так и экстралингвистическом контексте [Fairclough, 1989, p. 22].

Одним из дискуссионных вопросов дискурсологии является разработка классификации дискурсов, осложняемая тем обстоятельством, что какие-либо строгие дискурсивные границы провести весьма затруднительно. Это относится в первую очередь к сложным дискурсивным средам, подверженным процессам дискурсивной гибридизации, неизбежной в современной медиакультуре и обусловленной «некоторым соединением контента из разных сфер жизни общества» [Мальцева, 2022, с. 81].

Исходя из тематического критерия, часто ведут речь о таких видах дискурса, как политический, религиозный, юридический, спортивный и т. д. Внутри больших дискурсивных пространств можно выделить субдискурсы. Так, в рамках юридической коммуникации имеет смысл различать судебный, адвокатский, прокурорский и т. п. субдискурсы. В медицинском общении спектр субдискурсов также широк – исследователи изучают обыденно-медицинский, фармацевтический, клинический, хирургический и иные разновидности медицинского дискурса [Голованова, 2013, с. 33]. В строгом смысле слова любой субдискурс представляет собой нечто иное, как (узко)профессиональный дискурс – поэтому, на наш взгляд, употребление термина «субдискурс» факультативно.

В отечественном языкознании с начала 2000-х гг. спортивный дискурс не раз становился предметом специального исследования. Рассматривались его базовые понятия и категории [Зильберт Б. А., Зильберт А. Б., 2001], лингвосемиотические признаки [Панкратова, 2005], аксиологические установки [Срыбный, 2017], универсальные и типологические свойства английского и русского спортивного комментария с точки зрения лингвокультурологии [Ма, Михеев, 2022] и даже фонетические особенности (напр., просодическое выражение эмоций в английском и русском футбольном комментарии

[Корыткин, Андросова, 2016]). Не раз указывался его гибридный характер (напр., [Гетман, Осадчая, 2021]). В зарубежном языкознании спортивный дискурс – также весьма популярная тема, которой посвящены многочисленные публикации, в том числе монографии, где затронуты разновидности данного дискурса, особенности, связанные с вербализацией расового и гендерного аспектов, языком олимпийских игр и многое другое (см., напр., [Schirato, 2013 ; Caldwell et al., 2018]). (Суб)дискурс смешанных единоборств – вариация спортивного дискурса, – насколько нам известно, лингвистами почти не рассмотрен, хотя интерес к теме «спортивный дискурс» достаточно высок, что объясняется социальной значимостью профессионального спорта, влияющего на общественные сферы: (патриотическое) воспитание молодого поколения, политику, экономику и т. д.

В статье предлагается исследовать дискурс смешанных единоборств прежде всего с точки зрения (лингво)стилистики. Целью является описание лингвостилистических особенностей соответствующего дискурса посредством выделения его базовых признаков.

2. Тропы и риторические фигуры дискурса смешанных единоборств [Tropes and rhetorical devices of MMA discourse]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве метода исследования был избран лингвостилистический анализ, основанный на выявлении и объяснении особенностей употребления лингвостилистических средств, встретившихся в текстах дискурса смешанных единоборств. В ходе дальнейшего изучения это позволит эксплицировать системообразующие характеристики данного дискурса в целом, ведь языковые и дискурсивные параметры, если и не полностью совпадают, то в значительной степени пересекаются друг с другом. Одновременно использовались методы концептуального, контекстуального и количественного анализа, соотносимые с прагматически ориентированным, функциональным подходом в языкознании [Копнина, 2020, с. 248].

М а т е р и а л о м для исследования послужили два дискурса смешанных единоборств, созданные примерно в одно время – 2021 г. и 2022 г., соответственно. Первый конструировался в рамках действия боевой организации “Invicta Championships”, второй – “One Championship”. Продолжительность первого стрима на видеоплатформе ‘YouTube’ – более 3 ч., второго – почти 5 ч. При всей видимой схожести избранных для анализа дискурсов между ними есть и некоторые отличия. Так, первый инкорпорирует комментирование исключительно женских смешанных единоборств, а само спортивное событие представляет собой турнир, победительница которого получает шанс побороться за звание чемпиона в лёгкой весовой категории. Второй дискурс включает в себя последовательное комментирование различных поединков, в основном смешанных единоборств, в самых разных весовых категориях, проводимых как между мужчинами, так и женщинами, как защищающими / оспаривающими чемпионский титул, так и (пока) не претендующими на него. Эти различия на данном этапе исследования нами во внимание не принимались.

Необходимо отметить, что материал исследования представлен прежде всего речевым жанром спортивного комментария, а также – в меньшей степени – высказываниями самих бойцов смешанных единоборств, произносимыми ими как до поединка, так и после него прямо в клетке ММА. Данные речевые особенности, с одной стороны, конечно же, существенны, но, с другой стороны, они во многом нивелируются тем фактом, что спортивными журналистами выступают люди, сами профессионально занимающиеся или, по меньшей мере, занимавшиеся смешанными единоборствами. Действительно, в нашем исследовании 10 поединков, проводимых под эгидой *Invicta*

Championships, комментируются такими корифеями в мире ММА, как Меган Андерсон¹ и Джули Кедзи². Менее известен в качестве бойца ММА актёр и продюсер Ти Джей Де Сантис. Соревнования *One Championship* регулярно освещаются Митчем Чилсоном, американским бойцом смешанных единоборств, активно снимающимся в сингапурских ММА промоушенах. В нашем материале он и его коллега Стив Доусон представляют вниманию зрителя 11 поединков (10 из них – смешанные единоборства и 1 – муай-тай).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Прежде чем давать какую-либо лингвостилистическую характеристику дискурсу смешанных единоборств необходимо принять во внимание несколько, на наш взгляд, немаловажных особенностей рассматриваемой коммуникативной среды. Во-первых, анализируемый дискурс преимущественно разговорный, и логично предположить, что язык, употребляющийся в рамках боевого спортивного общения, несёт отпечаток повседневного, неформального общения. С другой стороны, речь в данном случае всё же идет об институциональном дискурсе, призванном выполнять определённые социальные функции. Его участниками являются комментаторы спортивных событий, а также сами спортсмены, причём строгого разграничения здесь провести нельзя, – как уже отмечалось выше, подавляющее большинство спортивных комментаторов тоже профессионально занимаются или занимались боевыми искусствами.

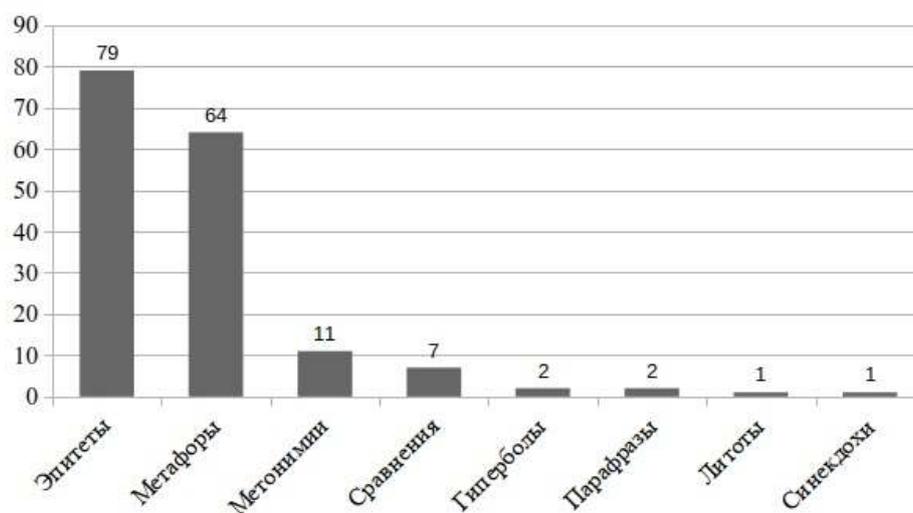
Главными лингвопрагматическими установками изучаемого дискурса являются: 1) передать содержательную сторону спортивного мероприятия 2) развлечь (привлечь) аудиторию, рекламировать спортивный контент. В этом смысле дискурс смешанных единоборств может быть рассмотрен и как разновидность развлекательного дискурса – ёмкого понятия, не лимитированного тематикой общения, включающего, к примеру, такие коммуникативные явления, как политеймент и инфотеймент [Грошева, 2022, с. 31; Шмелева, 2020, с. 80]. По большому счёту, профессиональный спорт – сфера медиаразвлечения, – и воспринимается он любителями как «рекреационное средство уменьшения стрессов и скуки» [Мальцева, 2022 а, с. 179].

Из тропов, чаще всего актуализируемых в дискурсе смешанных единоборств, отметим эпитеты, метафоры, метонимии, образные сравнения. Остальные тропы встретились в небольшом количестве (см. рис. 1–2):

Несмотря на вышеобозначенную разницу дискурсов, распределение тропов в них схожее: в обоих дискурсах наиболее распространённым тропом является эпитет; на втором месте – метафора, на третьем – метонимия, на четвёртом – образное сравнение. Даже в пропорциональном соотношении этих тропов друг к другу различие относительно небольшое: в первом дискурсе ('*Invicta Championships*', 2021) эпитетов примерно на 20% больше, чем метафор, во втором же ('*One Championship*', 2022) эта цифра близится к 30%. В анализируемом материале э п и т е т о в настолько много, что они едва поддаются какой-либо строгой классификации.

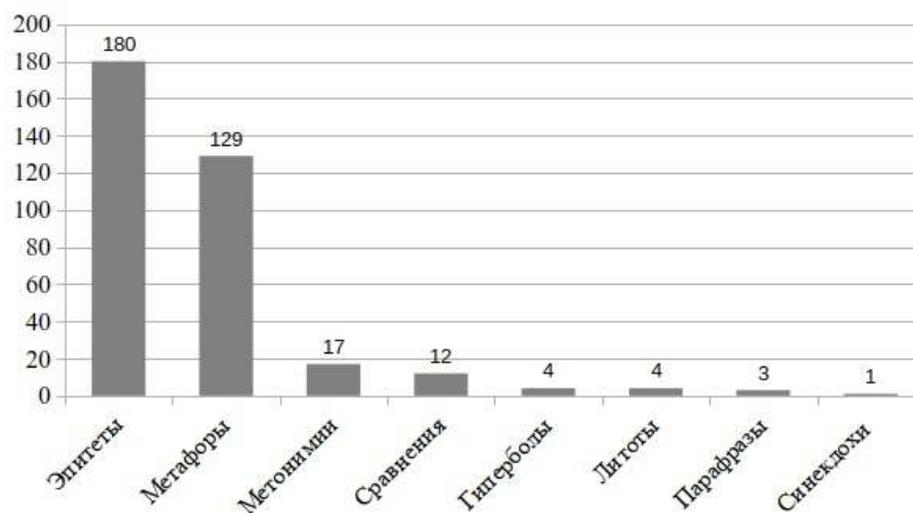
¹ Меган Андерсон (1990 г. рождения) – австралийская профессиональная спортсменка, участвовавшая в соревнованиях, проводимых Ultimate Fighting Championship (UFC) и Invicta Fighting Championships. В 2017 г. в рамках соревнований '*Invicta FC 21*' одержала победу над канадкой Шармейн Твит, завоевав титул временного чемпиона (англ. interim champion) в лёгком весе. Впоследствии – после отказа Крис Киборг защищать пояс – стала беспспорным чемпионом в соответствующей весовой категории. В 2022 г. заявила о своём уходе из профессионального спорта, но, несмотря на это, продолжает активную спортивно-журналистскую деятельность.

² Джули Кедзи (1981 г. рождения) – американский мастер боевых искусств, спортивный комментатор, матчмейкер, актриса. С детства занималась тхэквандо. Профессиональную спортивную карьеру начала в таких ММА промоушенах, как EliteXC и UFC. Широкую известность приобрела в 2005 г., когда одержала победу в женском турнире Гранпри. В 2007 г. сразилась за звание чемпиона EliteXC с Джинной Карано, потерпев, однако, поражение. В 2013 г. закончила свою профессиональную спортивную карьеру с рекордом 16 побед – 13 поражений.

Р и с у н о к 1 . Тропы дискурса смешанных единоборств
'Invicta Championships' (2021)

[Figure 1. Tropes of MMA discourse 'Invicta Championships' (2021)]

Р и с у н о к 2 . Тропы дискурса смешанных единоборств
'One Championship' (2022)

[Figure 1. Tropes of MMA discourse 'One Championship' (2022)]

Тем не менее, в соответствии с семантико-коннотативным критерием (тематической соотнесённостью, положительной либо отрицательной окраской, различной степенью экспрессивности), можно выделить несколько групп. В их числе:

– эпитеты, относящиеся непосредственно к спортивной терминологии, порой лишённые образности, но, как правило, – особенно в контексте их употребления – всё равно наделённые некоторым оценочным компонентом, что и позволяет их отнести к разряду (окациональных) эпитетов³ (*lead / main card* 'главный поединок'; *the Greco-*

³ Хотя эпитет и представляет собой базовый троп, в филологической науке до сих пор не существует единого его понимания. В работе мы исходим из определения С. А. Губанова, согласно которому эпитетом можно считать «любое слово признаковой семантики, содержащее оценочный, образный или эмоционально-экспрессивный компоненты значения» [Губанов, 2022, с. 8]. Таким образом, если исходить из данной формулировки, отсутствие образности у определения не исключает возможности его классификации в качестве эпитета.

Roman wrestling style 'греко-римский боевой стиль'; *black belt* 'чёрный пояс'; *a feeling-out period* 'период разминки'; *a unanimous decision* 'единогласное решение');

– эпитеты, соотносимые с понятиями «агрессия», «бой», «война», в том числе метафорические и переносные (*a bruising bantamweight battle*⁴ 'жестокая битва в категории легчайшего веса'; *a primal scream* 'первобытный крик'; *a stinging kick* досл. 'жалящий кик'; *the bloodthirsty aggression* 'кровожадная агрессия'; *painful nine minutes* 'тяжёлые девять минут');

– эпитеты, как правило, обладающие позитивной коннотативной окраской, используемые с целью привлечения внимания адресата, повышения его интереса к спортивному мероприятию, изображаемому захватывающим и важным (*great action* 'великолепное действие'; *eye-catching bouts* 'эффектные поединки'; *impeccable movement* 'безупречное движение'; *immaculate timing* 'безупречная координация'; *a fantastic night* 'фантастический вечер'; *undefeated superstars* 'непобеждённые суперзвёзды'; *a huge main event* 'масштабное главное событие'; *huge bodies* 'огромные тела'; *fabulous condition* 'невероятная подготовка'; *a number one contender shot* 'борьба за звание претендента № 1'; *compulsive viewing* '[телевизионная] программа, которую нельзя пропустить');

– эпитеты, обладающие сверхпозитивной коннотативной окраской, передаваемой через употребление прилагательного в превосходной степени, а также иногда через удвоение прилагательного или его повторение (*the best mixed martial artist* 'лучший боец смешанных единоборств'; *the most seasoned and successful Indonesian fighter* 'самый закалённый и успешный боец из Индонезии'; *the coolest thing ever* 'самое классное событие, происходившее когда-либо'⁵; *the hottest new contender* 'самый горячий новый участник соревнований'; *the highest level* 'высший уровень'; *beautiful, beautiful trap* 'красивая, красивая ловушка'; *tough, tough animal* 'сильный, сильный зверь'; *summer high level wrestling* 'высочайший уровень борьбы'; *some stupendous leg kicks, punishing leg kicks* 'изумительные удары ногами, удары ногами, наносящие урон'⁶; *He is so entertaining, he is so boisterous* 'Он такой смешной, такой полный сил и энергии');

– эпитеты с отрицательной коннотативной окраской (*worn-out boots* 'поношенные ботинки'; *really dark places* 'по-настоящему тёмные места');

– эпитеты с переосмысленной коннотацией – слово с изначально отрицательным значением в контексте приобретает положительную коннотацию (*a ferocious pace* 'безумно быстрый темп', досл. 'злой темп'; *a nasty armbar* – 'шикарный болевой', досл. 'противный болевой'; *dirty boxing* 'бокс, который инкорпорирует нетрадиционные приёмы ведения боя, интересный, захватывающий бокс', досл. 'грязный бокс'; *a vicious hand* 'сильный удар рукой', досл. 'злостная рука'⁷);

– эпитеты, входящие в состав фразеологизмов (*a dark horse* 'тёмная лошадка'; *a poker face* 'бесстрастное лицо'; *bad blood* 'вражда, неприязнь');

– клишированные эпитеты (*abject poverty* 'крайняя нищета'; *vociferous complaint* 'громкая жалоба'; *a long way* 'длинный путь');

– эпитеты-неологизмы или креативно использованные эпитеты, например, для придания тому или иному выражению людического (от лат. *ludo* 'играю') звучания (*jabheavy [striker]* 'с трудом пользующийся джебом [боец]'; *a volume-type striker* 'боец, наносящий большое количество ударов'; *action-packed fights* 'бои, в которых многое что происходит'; *a golden-gloved champion* 'чемпион в перчатках золотистого цвета'⁸; *supermain event* 'суперг-

⁴ Обратим также внимание на аллитерацию, использованную в данном выражении.

⁵ Зд. одновременно наблюдаем гиперболу.

⁶ В оригинале эпитеты *stupendous* и *punishing* выступают фактически в роли контекстуальных синонимов.

⁷ Зд. использована также метонимия.

⁸ Это буквальный перевод. В контексте употребления, скорее всего, имеется в виду, что спортсмен не раз завоёвывал золотые медали.

лавное событие⁹; *one must-watch TV* 'телевизионная программа № 1, которую нельзя пропустить'¹⁰; *a very observing observation* 'очень наблюдательное наблюдение').

Очевидно, что предложенная классификация эпитетов, употребляемых в рассматриваемом дискурсе, не является исчерпывающей. Более того, ряд эпитетов могут быть одновременно отнесены к нескольким разрядам.

С точки зрения лингвостилистики особый исследовательский интерес представляют метафорические эпитеты, а также эпитеты, изменяющие своё основное лексическое значение, что может в том числе соотноситься с процессом лингвистической апроприации [Curzan, 2014, p. 141; Себряк, 2019], весьма характерным для политического общения [Копнина, 2020, с. 249]. В спортивном же дискурсе имеем дело с рядом прилагательных (*scary, nasty, dirty*, etc.), которые, обладая в системе языка отрицательным значением, в дискурсе смешанных единоборств приобретают положительную коннотацию. К приведённым выше эпитетам добавим ещё несколько примеров, рассматриваемых уже непосредственно в контексте их употребления:

Jessica Delboni: *And I know Lindsey is a hard girl, is a very good girl. I have respect for her* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Джессика Делбони: И я знаю, что Линдси – **сложная девушка**, очень хорошая девушка. Я уважаю её'.

He uses the other arm and he wraps it up like that. That is something special right there... And it's just brute force (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Он пользуется другой рукой, и он обхватывает её [руку противника], как сейчас. Это что-то особенное, что происходит... Это просто **животная сила**'.

Let's see what happens because Y two K¹¹ is a nasty high-level striker (Ibid.) – 'Давайте посмотрим, что же произойдет, потому что Йодкайкаев – опасный боец высокого уровня'.

They are both throwing bombs and it's fierce punching (Ibid.) – 'Они обе обмениваются ударами, и это **жестокие** удары руками'.

He says, to be honest, I wouldn't want to have a quick knockout. ... I want to just share the ring and we can both have a wicked fight (Ibid.) – 'Он сказал, честно я бы не хотел победить нокуатом. ... Я просто хочу быть с противником на ринге, так чтобы мы могли **свирепо подраться**'.

Коннотативное содержание таких слов, как *hard, brute, nasty, fierce, wicked* в дискурсе смешанных единоборств переосмысливается – достигается это в том числе с помощью контекстуальной синонимии. Так, в рамках узкого контекста прилагательное *hard* фактически становится синонимичным определению *good*, а *nasty* – совмещается с эпитетом *high-level*. В целом же можно говорить о том, что в анализируемом дискурсе действует своя система ценностей, в результате чего лексемы, обычно будучи употребленными по отношению к человеку, несущие сильный негативный посыл (*brute* – животное, *brutish* – животный), в спортивных боевых текстах способны выполнять совершенно иные функции.

Особенно ярко концептуальное своеобразие коммуникативной среды смешанных единоборств проявляется на уровне актуализации основных метафорических моделей и, соответственно, использования м е т а ф о р. В ходе исследования нами рассмотрено 200 метафор и выделено 7 метафорических моделей. В их числе: военная (милитаристская), театральная, зооморфная, криминальная, охотничья, полицейская, королевская. Этот вопрос, в том числе с привлечением количественных данных, рассматривался нами ранее [Алексеев, 2022, с. 153–156].

⁹ В словарях лексема *supermain* не зафиксирована, хотя она понятна всем носителям языка по приставке *super-* и корню *main*. Также она близка по звучанию существительному *superman*.

¹⁰ Зд. актуализирована также языковая игра: *one* – это не только числительное один, но и название боевой организации, проводящей турниры, *One Championship*.

¹¹ Неофициальное именование бойца Йодкайкаева Фэйртекса (англ. *Yodkaikaew Fairtex*) по первой букве его фамилии 'Y' и двум буквам 'k' (*Two K*).

Ведя речь о военной метафорической модели, отметим, что при всём метафорическом богатстве и своеобразии анализируемого дискурса в нём достаточно чётко прослеживается ряд метафорических образов, связанных прежде всего с концептами, или понятиями¹² BATTLE 'битва', WAR 'война', WARRIOR 'воин' и т. п. Имеет смысл в этой связи говорить о преобладании в дискурсе военных, милитаристских метафор, образующих его «основной метафорический стержень» [Кондакова, Принципалова, 2021, с. 143], что объясняется в том числе спецификой боевых видов спорта, ориентированных прежде всего на открытую демонстрацию агрессии, поощряемую комментаторами спортивных состязаний. Другими словами, (мега)концепт AGRESSION 'агрессия' реализуется через военные метафоры:

*I don't think we're gonna see an **all-out striking battle** from him* (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Я не думаю, что мы увидим от него **только изнурительную битву** в стойке'.

*It's a **battle** between two fiery atomweights who never take a backward step* (Ibid.) – 'Это **битва** между двумя пылкими бойцами легчайшей весовой категории, которые никогда не отступают ни на шаг'.

*It was a battle in there from start to finish, a **battle with themselves*** (Ibid.) – 'Это была битва от начала до конца, прежде всего **битва с самим собой**'.

*I want to have a **war*** (Ibid.) – 'Я хочу **войны**'.

*He has the heart of a **warrior*** (Ibid.) – 'У него сердце **воина**'.

*What a **warrior** she is!* (Ibid.) – 'Какой она всё же **воин!**'

Иногда слова – они же вербализуют ключевые концепты, понятия анализируемого дискурса – *battle* и *war* употребляются вместе как в выражении, содержащем сразу две метафоры – *battles of war of attrition* 'битвы войны на истощение'.

Можно также выделить общеупотребительную военную терминологию, метафорически употребляемую для описания спорта и / или самих спортсменов:

*The **weapon** of this opening round is Lin's left hand* (Ibid.) – '**Оружие** этого первого раунда – удар Лин левой рукой'.

*She has to mix these **weapons** together* – 'Ей необходимо использовать эти **виды оружия** вместе' (Ibid.).

*Y Two K likes to ... just **throw bombs at** people until they fall, you know* (Ibid.) – 'Йодкайкаев любит ... просто **бить** (досл. **кидать бомбы на**) противников до тех пор, пока, вы знаете, они не свалятся'.

*...clearly a little big weary of that **big bomb** that can be thrown* (Ibid.) – '... очевидным образом [она] слегка опасается этого **сильного удара** (досл. **этой большой бомбы**), который может последовать'.

*These are really **taxing, hard, demanding maneuvers*** (Ibid.) – 'Это поистине **сложные, изматывающие маневры**'.

*He was **shot out of a cannon** and his elbow was coming forward* (Ibid.) – 'Его поразили, **словно из пушки**, и его локоть только еще поднимался для удара'.

*You would expect that sort of aggression from a woman who calls her fighting style a **tank**. She wants to be a **tank** tonight and really shine* (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Можно ожидать этот уровень агрессии от женщины, которая называет свой бойцовский стиль одним словом – **танк**. Сегодня вечером она хочет быть **танком** и звездой соревнований'.

Иногда происходит апелляция к исторической или мифологической военной тематике:

¹² В лингвистике термин «концепт» имеет много интерпретаций. В этой работе мы не проводим существенного различия между понятиями и концептами.

And tonight the last Viking plans to keep the fight standing to spoil Delany's debut (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'И сегодня вечером **Последний Викинг** планирует сражаться с Делейни в стойке, чтобы испортить его дебют'.

And we know that the last Viking is gonna go out on his shield whenever he competes and really he wants to put on good performance here... (Ibid.) – 'И мы знаем, что **Последний Викинг** готов **сражаться с щитом или на щите**. Всегда, когда он выступает в спортивном мероприятии, он хочет показать себя в лучшем свете...'

Помимо военных метафор, концепт AGGRESSION транслируется и зооморфными, охотничьими, криминальными метафорическими моделями, имеющими довольно широкую представленность в дискурсе:

Two undefeated beasts are gonna enter the circle but only one is gonna take the gold back home with them (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Два непобеждённых **зверя** войдут в клетку для смешанных единоборств, но только один – заберёт золото к себе домой' (зооморфная метафорическая модель).

Primal scream. Any element of a cat in there? Was that a Miaow? I don't think so (Ibid.) – *That's a roar right there.* – '**Первобытный крик**. Это похоже на кошку? Это было мяу? – Это **рычание зверя**' (зооморфная метафорическая модель).

The power of these two behemoths! One punch could end it (Ibid.) – 'Сила этих **двух бегемотов**! Один удар – и поединок закончится' (зооморфная метафорическая модель).

She's gonna advance her position and start hunting for the submissions. (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Она намеревается улучшить свою позиции и начать **охотиться на болевые**' (охотничья метафорическая модель).

We go from the hunted to the hunters, Julie. Bring me in to the mindset of an athlete tonight who is sitting in the back preparing... (Ibid.) – 'Мы переходим от **тех, на кого охотятся, к самим охотникам**, Джули. Расскажи мне о том, что думают спортсмены сегодня вечером, сидя позади нас, готовясь к соревнованию...!' (охотничья метафорическая модель).

*He wants to take you down and maul you*¹³ (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Он хочет положить вас на лопатки и жестоко избить' (криминальная метафорическая модель).

He tries to go out there and take your head off and he'll choke you out too (Ibid.) – 'Он старается выйти с вами в клетку и **оторвать вам голову**. Он также **задушит вас**' (криминальная метафорическая модель).

She needs to find that aggression. She has to find that killer instinct because she has the skill (Ibid.) – 'Ей надо найти этот уровень агрессии. Ей надо найти этот **инстинкт убийцы**, потому что он у ней есть' (криминальная метафорическая модель).

Значительно реже в рассматриваемом дискурсе встречается полицейская метафорическая модель:

I think that's a type of police take-hold, right? That's police lock right there? (Ibid.) – 'Я думаю, это **полицейский захват**. Так? Это **полицейский приём**'?

Отметим, что актуализация концепта «АГРЕССИЯ», в том числе посредством метафор, направлена не на причинение (психологического) вреда адресату¹⁴, а оттенение развлекательных смыслов. То, что это может быть так, подтверждают лингвопрагматические исследования в области речевой агрессии и невежливости, выполняющих людическую функцию. К примеру, Дж. Лич отмечает, что невежливое поведение в ме-

¹³ Обратим также внимание на прагматическое использование местоимений, в особенности местоимения you. Спортивные комментаторы обращаются непосредственно к адресату, ставя его на место бойцов смешанных единоборств. Создаётся эффект того, что реципиент как будто бы сам принимает участие в соревнованиях, и именно ему предстоит бороться с опаснейшими противниками.

¹⁴ Такой вред может быть тем не менее причинён, прежде всего если речь идёт об аудитории, не терпящей сцен насилия, – смешанные единоборства, вероятно, оттолкнут и шокируют её своей жестокостью.

диадискурсе носит развлекающий характер. Оно заразительно и привлекает аудиторию [Leech, 2014, p. 219], особенно молодёжную, что коррелирует с такими коммуникативно-социальными трендами, как ювенилизация общения [Галичкина, 2019, с. 98], нарушение лингвистических табу, отвержение политкорректности (ПК) в целом и ПК дискурса – в частности [Кондакова, Принципалова, 2021], создание *cancel culture* [Фефелов, 2022], в связи с чем даже люди, занимающиеся противоправной деятельностью, в СМИ часто презентуются героями-бунтарями [Нигматулина, Галичкина, 2020, с. 94]. Это объясняет, кстати, почему криминальная метафорическая модель весьма популярна в самых различных коммуникативных средах. Спортивный дискурс в данном отношении не является исключением.

Следующей распространённой метафорической моделью, употребляемой в дискурсе смешанных единоборств, является **театральная модель**, предполагающая акцентирование идеи: СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ – это ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Её популярность объясняется тем, что боевые виды спорта представляют собой шоу, яркий развлекательный перформанс, разновидность *тейнмент-коммуникации*, а именно спортейнмента, что не может не отразиться на концептуально-понятийной стороне дискурса, инкорпорирующего метафоры с такими лексическими компонентами, как *show, game, performance*:

The Damsel Lindsey VanZandt ready to put on a showcase tonight (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Мамзель Линдси ВанЗандт готова **устроить** сегодня вечером **шоу**'.

You know, one of the things that we saw in the opening stanza of this fight was... (Ibid.) – 'Вы знаете, **в первом акте** этого боя мы увидели...!'

Samantha Seff: *I've my sight set on Invicta, as it being the biggest atom-weight showing for people in my division and I'm super stoked to be here. This is my platform and this my chance to get my name out there and let people see that, hey, the Wolfqueen is the one that's going to put on the show and be the next fighter for everyone to watch* (Ibid.) – 'Я решила участвовать в соревновании «Инвикта», поскольку это **самое большое шоу в категории легчайшего веса**, созданное для спортсменов моего ранга. Я очень-очень рада быть здесь. Это **моя платформа** и мой шанс сделать своё имя популярным, так чтобы люди говорили о нём. Королева волков ещё **покажет шоу** и будет следующим бойцом, на которого все смотрят'.

Порой смешанные единоборства уподобляются спортивной игре, напр., в шахматы. Тем самым подчёркивается интеллектуальный аспект поединков:

Radzuan is trying to recover full guard but May Yamaguchi continually moves. This is the chess game they are trying to play right now (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Раджун пытается перейти к полной защите, но Мей Ямагучи постоянно двигается. Это **партия в шахматы**, которую они разыгрывают прямо сейчас'.

В дискурсе смешанных единоборств встречается и **королевская метафорическая модель**, позволяющая уподобить успешного бойца ММА королевской персоне:

She hopes to carve a path at the atomweight division by taking out who many believe is the uncrowned queen, Brazil's Jessica Dolboni (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Она надеется проложить себе путь на вершину дивизии в лёгком весе, одержав победу над бразильяжкой Джесикой Делбони, которую многие считают **некоронованным чемпионом**'.

Конечно же, метафорические модели анализируемого дискурса не ограничиваются рассмотренными – их значительно больше. Однако в канве спортивных текстов важное значение имеют и иные тропы, не только эпитеты и метафоры, хотя в количественном отношении они и значительно уступают первым двум (см. рис. 1, рис. 2).

Метонимии в дискурсе смешанных единоборств нередко используются в достаточно клишированных контекстах, как, например, когда речь заходит о видах удара – тогда вместо специального термина могут применять слова *elbow* 'локоть', *hand* 'рука', *knee* 'колени' и т. д. Также регулярно употребляется метонимия, когда команда бойца заменяется словом *corner* 'угол':

He wants to show more than elbows (Ibid.) – 'Он хочет показать больше, чем **удары локтями**'.

I'm hearing that May Yamaguchi's corner is calling for that right hand (Ibid.) – 'Я слышу, что **команда Мэй Ямагучи** хочет видеть **удар правой рукой**'.

Название турнира может применяться для обозначения судей поединка:

But I'm ready for absolutely anything that Invicta throws at me (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – 'Но я абсолютно готовому ко всему, какого бы бойца **Инвикта** не избрала для меня'.

Встречаются метонимии, когда речь заходит о названии поединков:

You could just turn up for Rodtang – DJ. (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Вы можете посмотреть только **Родманга – Ди Джея**'.

Порой имя бойца метонимически заменяется на спортивные награды / достижения, которыми он обладает:

A BJJ black belt is no stranger to tournaments... (<https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo>) – '**Чёрный пояс по бразильскому джиу джитсу**, она не новичок в соревнованиях...'

Образные сравнения хоть и не так часто встречаются в дискурсе смешанных единоборств, нередко наделены яркой образностью:

*It's gonna be like the martial arts are Oscars*¹⁵ (<https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>) – 'Смешанные единоборства словно превращаются в церемонию награждения Оскарами'.

Like an industrial chain, so he was really just hammering those fist (sic.) in (Ibid.) – '**Как будто это производственная цепь**, его кулак бил не переставая'.

That left hand just poised a little bit like a cobra (Ibid.) – 'Левая рука обвилась [вокруг шеи], **в чем-то напоминая кобру**'.

Иногда сравнение сочетается с языковой игрой (в узкой интерпретации термина «языковая игра»):

[He] planted Urrutia like a tree (Ibid.) – 'Он срубил (досл. «посадил») Уруша, **как дерево**'.

Здесь лексема *plant* актуализирована в двух значениях, особенно заметных при дословном переводе на русский: 1. посадить дерево 2. посадить человека [в кресло, на пол].

Помимо тропов активно используются риторические фигуры, подробное рассмотрение которых выходит за рамки настоящего исследования, поэтому ограничимся краткими замечаниями. В ходе анализа было обнаружено, что достаточно часто используются такие риторические фигуры, как парцелляция и эллипсис. Их употребление объяснимо с точки зрения разговорного характера спортивной коммуникативной среды.

Из наиболее интересных для дальнейшего, подробного освещения риторических фигур отметим градацию:

Time to throw down, time to entertain, time to dominate (Ibid.) – 'Настало время **драться, веселить публику, доминировать на ринге**'.

Likes to smile, likes to grin, likes to have a little bit of fun. Quite a personality as well (Ibid.) – '[Он] любит **улыбаться**, любит **усмехаться**, любит **веселиться**. Также яркая личность'.

¹⁵ Слово *Oscars* здесь употреблено метонимически.

3. Заключение [Conclusion]

Дискурс смешанных единоборств, будучи одной из разновидностей спортивного дискурса, обладает рядом характерных черт и особенностей, в том числе лингвостилистических, которые, по всей видимости, не являются только языковыми, но и органически связаны с экстралингвистическим контекстом общения, его прагматическими установками. В рассмотренном дискурсе основные лингвопрагматические цели говорящих соотносятся, с одной стороны, с передачей содержательной стороны спортивно-боевой коммуникации, а с другой, определяются развлекательными аспектами или, в иной терминологии, тейнмент-технологиями глобальной дискурсивной среды, способствующими особой лингвокреативности языковых личностей.

В ходе исследования установлено, что наиболее распространённым тропом дискурса смешанных единоборств является эпитет – его широкая представленность может быть объяснена универсальностью, относительной простотой и красноречивостью эпитетов, которые, ввиду их многообразия, достаточно сложно типизировать. Тем не менее в работе была предложена одна из возможных классификаций эпитетов, базирующаяся на выделении семантико-коннотативных элементов смысла.

Изучению подверглись и метафорические модели, актуализируемые в спортивно-боевой коммуникативной сфере, а именно военные, зооморфные, охотничьи, криминальные, полицейские, театральные, королевские. Частое употребление первых пяти метафорических моделей может быть объяснено манифестацией в дискурсивном пространстве, по всей видимости, одного из ключевых (мега)концептов дискурса смешанных единоборств – AGGRESSION. Понятие агрессии органически вписывается в военные, криминальные, полицейские контексты, но она также неотъемлема от животного мира и действия охотников, хотя, конечно же, отнюдь не все зооморфные метафоры будут соотноситься с выделяемым нами концептом. Использование театральных и королевских метафор, в свою очередь, коррелирует с интерактивным, развлекательным характером дискурса смешанных единоборств, в котором спортсмен выполняет роль звезды, знаменитости, в результате чего имеет смысл поставить вопрос о существовании наряду с политейнментом, инфотейнментом, бизнестейнментом, сайсентейнментом и иной разновидности тейнмент-коммуникации – спортейнмента.

В плане использования метонимий в ряде контекстов не зафиксирована образность, поскольку метонимические клише трансформировались в специфическую спортивную терминологию, что, однако, не исключало возможности обращения спортивных комментаторов к такому тропу, как метонимия в его выразительно-изобразительном аспекте. Образные сравнения, напротив, характеризовались ярким игровым аспектом – их употребление порой соотносилось с применением говорящими языковых игр (англ. language plays), в частности каламбуров.

Вектором дальнейших исследований может быть более подробное освещение лингвостилистических средств, востребованных в пространстве дискурса смешанных единоборств, а также описание этого дискурса с точки зрения комплексного дискурс-анализа, не ограничивающегося изучением языковых или тем более лингвостилистических параметров спортивного общения, но и активно проникающего в экстралингвистические аспекты смыслопорождения, раскрывающего, к примеру, гибридизированную природу боевой спортивной коммуникации, которая, как можно предполагать, никогда не редуцируется до обсуждения исключительно спорта, но вращается вокруг широкого круга тем, что может сближать её с иными дискурсами – развлекательным, рекламным, военным и др.

Интерес представляет и описание особенностей языковых личностей (ЯЛ), актуализируемых в дискурсе смешанных единоборств, в первую очередь ЯЛ спортивного

журналиста и ЯЛ спортсмена. В дальнейшем в ходе более подробного рассмотрения анализируемого дискурса, наверное, будет возможно учесть, например, национальную, гендерную, возрастную и т. д. идентичности говорящих с точки зрения теории коллективной ЯЛ, или лингвоперсоны.

Библиографический список

- Алексеев, 2022 – Алексеев А. Б. Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 146–159. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159>
- Галичкина, 2019 – Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
- Гетман, Осадчая, 2021 – Гетман Е. И., Осадчая В. П. Спортивный дискурс как один из видов институциональных дискурсов // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2021. № 1. С. 47–53.
- Грошева, 2022 – Грошева А. В. Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4. С. 31–37. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10404>
- Губанов, 2022 – Губанов С. А. К вопросу о способах выражения эпитета в текстах М. Цветаевой // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 8–10.
- Зильберт Б. А., Зильберт А. Б., 2001 – Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 17. С. 45–55.
- Копнина, 2020 – Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационнопсихологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 11. С. 248–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
- Корыткин, Андросова, 2016 – Корыткин Ю. А., Андросова С. В. Просодические средства выражения эмоциональной составляющей в английском и русском футбольном комментарии // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2016. Вып. 2 (741). С. 62–74.
- Ма, Михеев, 2022 – Ма Т. Ю., Михеев Д. С. Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 90–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_90
- Мальцева, 2022 а – Мальцева И. А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 177–187.
- Мальцева, 2022 б – Мальцева И. А. Об особенностях речевого взаимодействия в современном медиадискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 78–83.
- Нигматулина, Галичкина, 2020 – Нигматулина В. Н., Галичкина Е. Н. Образные характеристики концепта «киберпреступность» (на материале русскоязычных и англоязычных онлайн СМИ) // Креативная лингвистика. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2020. С. 90–95.
- Панкратова, 2005 – Панкратова О. А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2005. 223 с.
- Себрюк, 2019 – Себрюк А. Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 134–148. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-134-148>
- Срыбный, 2017 – Срыбный Д. С. Спортивный дискурс как среда формирования системы ценностей: модели и тенденции // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 21 (270), Вып. 35. С. 101–106.
- Фефелов, 2022 – Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и

- межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
- Шмелева, 2020 – Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86>
- Curzan, 2014 – Curzan A. Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Fairclough, 1989 – Fairclough N. Language and power. London : Longman Group, 1989. 259 p.
- Kujawa, 2014 – Kujawa I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2014. 234 S.
- Leech, 2014 – Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford : Oxford University Press, 2014. 343 p.
- Mills, 2004 – Mills S. Discourse. London : Routledge, 2004. 168 p.
- Schirato, 2013 – Schirato T. Sports discourse. [s.l.] : Bloomsbury Academic, 2013. 224 p.
- Caldwell et al., 2018 – The Discourse of Sport Analyses from Social Linguistics / Ed. by D. Caldwell, J. Walsh, E. W. Vine, J. Jureidini. [s.l.] : Routledge, 2018. 240 p.

References

- Alekshev, A. B. (2022). Diskurs smeshannykh edinoborstv v aspekte ego razvlekatel'nosti i metaforichnosti [Mixed martial arts discourse from the perspective of its entertaining nature and figurativeness]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2022, 4, 146–159. (In Russ.).
- Galichkina, E. N. (2019). Tipologiya rechevykh zhanrov setevoy komp'yuternoy kommunikatsii [Typology of speech genres of network computer communication]. *Izvestiya VGPU* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], 2019, 2 (135), 97–100. (In Russ.).
- Getman, E. I., Osadchaya, V. P. (2021). Sportivnyy diskurs kak odin iz vidov institutsional'nykh diskursov [Sports discourse as a type of institutional discourse]. *Integrirovannyye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyy opyt* [Integrated Communications in Sport and Tourism: Formation, Tendencies, International Experience], 1, 47–53. (In Russ.).
- Grosheva, A. V. (2022). Politeynment-diskurs: k opredeleniyu ponyatiya [Politainment discourse: To the definition of the concept]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], 2022, 4, 31–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10404>
- Gubanov S. A. (2022). K voprosu o sposobakh vyrazheniya epiteta v tekstakh M. Tsvetaevoy [On the question of the ways of expressing the epithet in the texts of M. Tsvetaeva]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2022, 2, 8–10. (In Russ.).
- Zil'bert, B. A., Zil'bert, A. B. (2001). Sportivnyy diskurs: bazovye ponyatiya i kategorii; issledovatel'skie zadachi [Sports discourse: Basic notions and categories, research questions]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication] (Vol. 17, pp. 45–55). Moscow : MAKS Press. (In Russ.).
- Kopnina, G. A. (2020). Rechevoe soprotivlenie naveschivaniyu politicheskikh yarlykov kak sposob zashchity v informatsionnopsikhologicheskoy voyne [Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information psychological war]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (11), 248–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
- Korytkin, Yu. A., Androsova, S. V. (2016). Prosodicheskie sredstva vyrazheniya emotsional'noy sostavlyayushchey v angliyskom i russkom futbol'nom kommentarii [Prosodic means of expressing emotions in English and Russian football commentary]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2 (741), 62–74. (In Russ.).
- Ma, T. Yu., Mikheev, D. S. (2022). Lingvokul'turnaya spetsifika britanskogo sportivnogo diskursa [Linguocultural specifics of British sports discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 8 (2), 90–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_90
- Maltseva, I. A. (2022 a). Manipulyativnye sposoby vozdeystviya na auditoriyu v kontekste sportivnogo

- mediadiskursa (na primere federal'nogo telekanala «Match-TV») [Manipulative ways of influencing the audience in the context of sports media discourse (On the example of the Federal TV Channel “Match TV”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 8 (74), 1, 177–187. (In Russ.).
- Maltseva, I. A. (2022 b). Ob osobennostyakh rechevogo vzaimodeystviya v sovremennom mediadiskurse [About the peculiarities of speech interaction in modern media discourse]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 1 (114), 78–83. (In Russ.).
- Nigmatulina, V. N., Galichkina, E. N. (2020). Obraznye kharakteristiki kontsepta «kiberprestupnost'» (na materiale russkoyazychnykh i angloyazychnykh onlayn SMI) [Figurative means of the concept “cybercrime” (Based on English and Russian online mass-media)]. *Kreativnaya lingvistika* [Creative linguistics] (pp. 90–95). Astrakhan : Astrakhan State University Press. (In Russ.).
- Pankratova, O. A. (2005). *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Linguo-semiotic patterns of sports discourse]: PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University. (In Russ.).
- Sebryuk, A. N. (2019). Lingvisticheskaya diskriminatsiya i lingvisticheskaya apropiatsiya kak primery fenomena dvoystvennogo soznaniya v SShA [Linguistic discrimination and linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the US]. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik Journal. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 17 (1), 134–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-134-148>
- Srybnyy, D. S. (2017). Sportivnyy diskurs kak sreda formirovaniya sistemy tsennostey: modeli i tendentsii [Sports discourse as the environment for the formation of the values system: Models and trends]. *Nauchnye vedomosti. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], 21 (270), 35, 101–106.
- Fefelov, A. F. (2022). Diskurs vokrug cancel culture kak ob#ekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv «logiki» [The discourse around Cancel Culture as an object of linguocultural and translation analysis: Logic vs “logic”]. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 20 (1), 126–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
- Shmelyova, E. S. (2020). Kognitivnye mekhanizmy i pragmaticheskiy potentsial lingvokreativnosti (na materiale The Economist) [Cognitive mechanisms and pragmatic potential of linguistic creativity (As exemplified in The Economist)]. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 18 (3), 78–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86>
- Curzan, A. (2014). *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1989). *Language and power*. London : Longman Group.
- Kujawa, I. (2014). *Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010*. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition.
- Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford : Oxford University Press.
- Mills, S. (2004). *Discourse*. London : Routledge.
- Schirato, T. (2013). *Sports discourse*. [s. l.] : Bloomsbury Academic.
- Caldwell, D., Walsh, J., Vine, E. W., Jureidini, J. (Eds). (2018). *The Discourse of Sport Analyses from Social Linguistics*. [s. l.] : Routledge.

Бодулева Алла Ралифовна^{1✉}, Дмитриева Дарья Юрьевна², Салина Анастасия Сергеевна³

^{1,2}Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа, Российская Федерация

³Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

г. Бирск, Российская Федерация

boduleva-a@yandex.ru

Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования дисфемизмов как языкового инструмента для осуществления стратегии дискредитации в англоязычных средствах массовой информации. Раскрываются такие базовые понятия, как «дисфемизм», «дисфемизация», «манипуляция», представлены главные функции, осуществляемые дисфемизмами в СМИ с целью реализации дискредитирующей стратегии. В ходе исследования применялись описательный метод, метод сплошной выборки, контекстный анализ, метод словарных дефиниций и количественный подсчет. Материалом исследования послужили статьи из англоязычных интернет-источников. В результате выявлено, что основная функция дисфемизмов, которая четко проявляется при анализе событий в текстах СМИ – это функция дискредитации. Идентифицированы тактики оскорбления, обвинения, издёвки, высмеивания, проанализированы примеры их реализации в медиатекстах. Исследование опирается на изучение случаев дисфемистических речевых употреблений для передачи экспрессии или выражения неодобрения, пренебрежения или отрицательного отношения авторов статей к объекту дискредитации. Анализ материала показал, что дисфемизация и употребление стилистически-сниженной лексики являются самыми распространёнными приёмами журналистов в газетном дискурсе для искажения информации или формирования у аудитории читателей негативного восприятия описываемого объекта или его деятельности. Процесс дисфемизации является нехарактерным для качественной прессы. Предполагается, что частота использования указанных тактик коррелирует с юридическими нормами.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, стратегия дискредитации, дисфемизм, языковая манипуляция, язык СМИ

© Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Салина А. С. 2023

Для цитирования: Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Салина А. С. Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 20–29. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_20

Alla R. Boduleva^{1✉}, Darya Y. Dmitrieva², Anastasia S. Salina³

^{1,2}Ufa University of Science and Technology, ^{1,2}Ufa, Russian Federation

³Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russian Federation

boduleva-a@yandex.ru

Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (Based on English articles)

Abstract

The article discusses the functioning patterns of dysphemisms as a language tool to implement the discrediting strategy in English media. The authors reveal such basic notions as “dysphemism”, “manipulation”,

“dysphemisation”, present the main functions performed by dysphemisms in the media to implement the discrediting strategy. During the study, a number of methods were used: description, continuous sampling, contextual analysis, vocabulary definitions and statistical analysis. The material of the research was comprised by articles from English Internet resources. As a result, the main function of dysphemisms clearly manifested in the analysis of the events in media texts was classified as the function of discrediting. A number of tactics were identified: insult, accusation, mockery, ridicule, the examples of their manifestation in the material were analyzed. The research is based on specific cases of dysphemistic speech usage to convey expressiveness or disapproval, neglect, negative attitude of the authors of the articles towards the addressee. The analysis showed that dysphemisation and the use of stylistically low vocabulary turned out the most common techniques actively exploited by journalists in newspaper discourse to distort information or form a negative perception of the described object among the readers. The process of dysphemisation is atypical for quality press. It is assumed that the frequency of the tactics correlates with legal norms.

Keywords: communicative strategies, discrediting strategy, dysphemism, language manipulation, mass media language

© Boduleva A. R., Dmitrieva D. Y., Salina A. S. 2023.

For citation: Boduleva, A. R., Dmitrieva, D. Y., Salina, A. S. (2023). Disfemizmy kak sredstvo yazykovoy manipulyatsii v media prostranstve (na materiale angloyazychnykh statey) [Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (Based on English articles)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 20–29. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_20

1. Введение [Introduction]

На сегодняшний день основным источником информации, который знакомит общественность с важными событиями в мире и интерпретирует их в свете определённой идеологии, являются средства массовой информации. Это мощный инструмент суггестивного воздействия на мировоззрение большого количества людей и формирование общественного сознания.

Отличительной особенностью СМИ является способность манипулировать информацией и массовой аудиторией, исказить реальное положение дел и навязывать ложные ценности и убеждения. Для искажения информации в современных СМИ и эффективного воздействия на общество используется различный спектр языковых средств и речевых стратегий. Благодаря многообразию лексических единиц и стилистических средств в английском языке, журналистам удаётся повествовать о событиях, акцентируя внимание на определённых фактах для достижения прагматического эффекта и камуфлирования реальности.

Как отмечает О. Н. Быкова, «искусный выбор слов помогает актуализировать определённые оттенки их значений в сообщаемой информации, в следствии чего лексические единицы несут в тексте двойную смысловую нагрузку и искажают реальность в восприятии реципиента» [Быкова, 1999, с. 93]

Как известно, язык – это общественное явление. Языковая система развивается в обществе и обслуживает разные сферы коммуникации людей, поэтому с развитием общества получает развитие и вся языковая система. Определённые культурные нормы вызывают необходимость создавать новые слова в языке. Эти слова и выражения могут завуалировать информацию и заменять обозначения, являющиеся недостаточно вежливыми, вульгарными, а, возможно, грубыми и резкими. В настоящее время возрастает количество слов с отрицательной коннотацией и развивается такое явление, как дисфемизация.

Дисфемизация – это использование оскорбительных, обидных или вульгарных

языковых единиц с целью обозначения явления, предмета или действия. В противоположность эвфемизмам, дисфемизмы призваны придавать негативную окраску денотату и оказывать отрицательное воздействие на аудиторию [Обвинцева, 2018, с. 64].

В последнее время дисфемизмы вызывают всё больший интерес исследователей, но всё же по сравнению с эвфемизмами, это явление остаётся недостаточно изученным. Рассмотрим это понятие с позиции лингвистов, которые занимаются изучением вопросов дисфемизации.

Явление дисфемизации определяется по-разному в лингвистической литературе. Так, М. Л. Ковшова определяет дисфемизмы как «речевой акт, областью значения которого является сознательное огрубление речи» [Ковшова, 2007, с. 106]. Аллан и Берридж рассматривают дисфемизмы как «выражения, которые содержат оскорбительные для денотата коннотации» [Allan, Burrige, 1991, p. 27]. В. Г. Москвин даёт следующее определение: «дисфемизм – это прямое выражение, противоречащее требованиям ситуативной уместности» [Москвин, 2007, с. 25].

Как отмечает Н. Е. Булгакова, «дисфемизм или какофемизм – это сознательное использование стилистически сниженной, вульгарной лексики для выражения отрицательной оценки» [Булгакова, 2012, с. 150]. Того же мнения придерживается Т. С. Бушуева, которая считает, что «дисфемизмы представляют собой единицы сниженного регистра, такие как вульгаризмы и сленгизмы» [Бушева, 2005, с. 121].

Из этих определений можно сделать вывод, что все авторы сходятся во мнении, что дисфемизмы представляют собой замену нейтральных высказываний на высказывания, содержащие резкую оценку или выражающие неприязненное отношение к объекту или явлению, причём эта замена осуществляется намеренно.

Дисфемизмами могут быть нейтральные слова и выражения, претерпевшие изменения в денотативном плане, а негативную коннотацию эти слова получают в условиях того или иного контекста. «Слова выполняют функцию дисфемизма, когда используются с намерением оскорбить, унижить, подчеркнуть неуважение и оказать пейоративное воздействие на реципиента» [Шишова, 2014, с. 76]. Дисфемизм – это экспрессивная передача негативной оценки говорящим для дискредитации оппонента [Там же]. О. В. Обвинцева разделяет это мнение и отмечает, что «дисфемизмы являются одним из языковых средств для осуществления стратегии дискредитации в СМИ» [Обвинцева, 2018, с. 64].

Данная стратегия рассматривается в разных типах дискурса: политический, массмедийный, спортивный и т. п. для того, чтобы бросить тень на дискредитируемый объект, подвергнуть его критике, причинить вред его авторитету или принизить его достоинства.

В СМИ дисфемизмы служат способом манипуляции и дискредитации, а также важным индикатором общественных трансформаций. Кроме того, это инструмент, используемый журналистами с целью формирования определенного общественного мнения. Такие языковые единицы зачастую встречаются в заголовках новостей СМИ для привлечения внимания аудитории.

Мы считаем, что в отношении возникновения дисфемизмов стратегия дискредитации представляет большой интерес. Она реализуется через репертуар таких речевых тактик, как оскорбление, издёвка, обвинение, навешивание ярлыков, утрирование, нацелена на выражение оскорбительного или даже уничижительного отношения к дискредитируемому субъекту и зачастую используется для разоблачения или обличения действий правительства и значимых фигур в политике.

Ряд учёных предпринимали попытки представить классификацию дисфемизмов. Так, согласно одной из классификаций, дисфемизмы различаются по выполняемым ими функциям оскорбления, упрёка или обвинения, угрозы, принижения социального статуса оппонента, нахождения контакта с оппонентом через обличение третьего лица [Реза-

нова, 2008, с. 124].

Кроме того, предлагается подразделять дисфемизмы на семантические разряды, а именно на слова и выражения:

- 1) относящиеся к криминальной области;
- 2) обозначающие умственные или физические недостатки;
- 3) обозначающие человеческие пороки;
- 4) обозначающие национальную принадлежность и т. д. [Резанова, 2008, с. 128].

Также по функциональному признаку предлагает классифицировать дисфемизмы Е. Ф. Бех и выделяет такие функции, как:

1. Выражение оценки объекта высказывания.

Первая функция реализуется, когда говорящий заменяет нейтральное в стилистическом отношении выражение на стилистически сниженную лексику для проявления отрицательного отношения к теме или предмету обсуждения.

2. Усиление экспрессивности высказывания.

Вторая функция дисфемизмов используется для придания особой выразительности речи. Дисфемизмы этой группы могут быть схожи со сленгом и рассматриваются как «украшение речи» [Бодулева, 2022, с. 4].

3. Дискредитация оппонента.

Третья функция используется для того, чтобы подорвать авторитет оппонента. Подобные языковые единицы часто встречаются в политическом дискурсе [Бех, 2018, с. 63].

Наконец, существует разделение дисфемизмов на чистые и скрытые. К первым дисфемизмам относится лексика сниженного стиля, имеющая негативные компоненты в своём значении, а ко вторым – слова и выражения, имеющие нейтральное или положительное значение в языке, но в определённом контексте приобретают негативную окраску [Чепорухина, 2021, с. 96]. Эти единицы в терминологии И. Г. Катеневой называются контекстуальными дисфемизмами [Катенева, 2013, с. 272].

Так, в результате изучения процесса дисфемизации для воплощения стратегии дискредитации в текстах англоязычных СМИ, было установлено, что комплексных исследований, направленных на выявление частотности дисфемизмов, реализующих представленные выше тактики, до сих пор не было проведено. Исходя из этого, настоящая статья имеет целью анализ приемов формирования негативного подтекста с помощью дисфемизмов на основе реализации тактик обвинения, оскорбления и издевки в политических медиатекстах.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Объектом исследования являются дисфемизмы, выделенные методом сплошной выборки из британских (The Times, The Sun, Daily Mirror, The Guardian, The Sunday Post) и американских (The Wall Street Journal, Washington Post) периодических онлайн изданий. Стоит отметить, что газеты The Sun Daily и Mirror относятся к жёлтой прессе. Материалом исследования послужили 56 статей общим объёмом 237 страниц формата А4. Всего было отобрано 67 единиц для анализа: 38 дисфемизмов из изданий Великобритании, 29 единиц из изданий США. Количество примеров, отобранных из качественной и жёлтой прессы, составило 35 и 32 единицы соответственно.

Основным критерием для определения единицы как дисфемизма было намеренное использование автором слов сниженного стиля, а также нейтральной лексики, несущей в контексте негативную оценку. Примером может служить использование президентом США Джо Байденом слова dictator. Президент США намеренно вставил в

свою речь слово с отрицательной коннотацией вместо нейтрального слова *president*. Таким образом, прибегнув к дисфемистической замене, адресат пытается подорвать авторитет и имидж объекта высказывания.

Для анализа дисфемистических замен в тексте было необходимо тщательно исследовать окружение интересующих единиц, поэтому использовался контекстный анализ. При помощи метода словарных дефиниций и компонентного анализа удалось определить план содержания значимых единиц анализа. Описательный метод и метод простого количественного подсчёта позволили определить характер дисфемизмов и частоту их использования в материале.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Прежде всего отметим, что, хотя материал жёлтой прессы представлен всего двумя изданиями, количество примеров, выделенных из этих источников, составляет почти половину фактического материала.

Анализ примеров показал, что основные функции использования дисфемизмов, выделенные Е. Ф. Бех и описанные выше, прослеживаются во всех выделенных единицах. В большинстве случаев наблюдается манипулятивный характер дисфемизмов. В меньшей степени авторы статей используют дисфемистические выражения в качестве украшения речи с целью передачи экспрессии или выражения отрицательной оценки.

В процессе анализа контекстуального употребления дисфемизмов были выявлены все тактики стратегии дискредитации. Почти половина примеров приходится на тактику издёвки, имеющей целью высмеять объект дискредитации, его действия или решения [Бодулева, 2022, с. 4]. К ней относится подавляющее количество выявленных примеров.

Тактика издёвки (28 единиц)

(1) *...in reality, it was an **unsparing, bare-knuckle fight, the death throes of a bloodied friendship*** [The Times, URL] – '...на самом деле это был **беспощадный кулачный бой, предсмертная агония кровавой дружбы**'.

В статье “A Spy Among Friends: Kim Philby's greatest betrayal?” говорится о британском разведчике и двойном агенте Советского Союза Кима Филби. Дисфемизм, реализуемый на синтаксическом уровне, используется для интенсификации негативного прагматического эффекта – бескомпромиссный бой без правил, смертельные муки окровавленной дружбы. Так описывается ситуация между Филби и его «лучшим другом», который узнал про его многолетний обман и предательство. В реальной жизни, впрочем, никакой кровавой схватки не было, как подразумевает данный дисфемизм.

(2) *Experts on health and Chinese politics have told the Observer they believe the local authorities were hamstrung. Any preparations for ending zero-Covid would be seen as a vote of no confidence in both the policy and Xi – **an act of political suicide*** [The Guardian, URL] – 'Эксперты по здравоохранению и китайской политике заявили издательству Observer, что, по их мнению, местным властям связали руки. Любые приготовления к прекращению ведения политики нулевого ковида будут рассматриваться как вотум недоверия как политике, так и Си – **акт политического самоубийства**'. Слово *suicide* используется с целью придания выражению экспрессии, чтобы усилить высказывание и сделать его более выразительным. Если местные органы власти прибегнут к стратегии «нулевого COVID», то политиками они уже больше не будут, что является явным преувеличением. Тем не менее, видится возможным выявить завуалированную издёвку: местные китайские органы управления не являются таковыми, поскольку управляют не они, а один вышестоящий человек. А если они пойдут против решения президента, то это для них станет актом самоуничтожения.

(3) *Is this really appropriate behavior for **the heir to the throne**?* [Daily Mirror, URL] –

'Разве это подобающее поведение *для наследника престола?*'. Здесь использован дисфемизм с целью иронизации. Нейтральное понятие – *the heir to the throne* – употреблено в негативном контексте с целью пристыдить поступки короля. Журналисты «раскопали» сенсацию: в 2013 году принц Чарльз получил пожертвование в размере одного миллиона фунтов стерлингов от семьи Усамы бен Ладена и даже принимал брата террориста у себя в резиденции.

(4) *Spewing promises she'll break and displaying ambition unmatched by ability, Liz Truss is the Conservative PM who Labour want to face* [Daily Mirror, URL] – 'Лиз Трасс, будучи премьер-министром от консерваторов, с которыми лейбористы способны конкурировать, нарушит *изрыгаемые ею обещания* и разрушит демонстрируемые ею амбиции, на которые она не способна'. Дисфемизм *spewing promises* образован от глагола *to spew*. В статье говорится об отрицательной реакции общества на нового премьер-министра Великобритании: «она не может проявить интеллектуальную значимость и вместо этого, полагаясь на дешёвые лозунги, изо всех сил пытается произносить убедительные речи».

(5) *Peru's Liz Truss held after attempted coup* [The Sunday Post, URL] – '*Перуанский Лиз Трасс* задержан после попытки государственного переворота'. Лиз Трасс известна своими неудачами на политическом поприще. В статье использован дисфемизм *Peru's Liz Truss* по отношению к новоизбранному президенту Перу, Педро Кастильо. Кастильо был арестован и обвинён в организации переворота. «Кастильо понадобилось чуть меньше двух лет, чтобы показать свою несостоятельность как лидера. Это было не совсем впечатляющее падение с небес Лиз Трасс, которая разбилась и сгорела в течение 44 дней после того, как стала премьер-министром, но он от неё не ушёл далеко». Дисфемизм был использован с целью высмеивания действий президента Перу, сравнивая его неудачи с похожим исходом бывшего британского премьер-министра, Лиз Трасс.

(6) *Whether Hawley's willingness to parrot Putin will pay off for Hawley is anyone's guess* [The Washington Post, URL] – 'Можно только догадываться, окупится ли готовность Хоули *повторять* за Путиным, *как попугай*'. В самом же заголовке статьи можно также обнаружить использование дисфемизма:

(7) *Josh Hawley seeks to be Putin's new favorite pet* [The Washington Post, URL] – 'Джош Хоули хочет стать *новым любимцем* Путина'. Автор статьи, используя дисфемизмы *to parrot* и *to be a pet*, пытается создать в сознании людей карикатурный клоунский образ политика Дж. Хоули: не понимая и думая, он всё повторяет, как попугай.

Для реализации манипулятивного аспекта, дисфемизмы могут преследовать цель дискредитации определённого объекта, что является значимым способом влияния на сознание адресата. На языковом уровне номинации с пейоративной окраской создаются субъектами дискредитирующей речи по отношению к объекту дискредитации для выражения своего отрицательного эмоционального состояния. Стратегия дискредитации реализуется посредством тактик оскорбления, обвинения и издёвки.

Тактика оскорбления (25 единиц)

Тактика оскорбления осуществляется в целях унижения объекта дискредитации [Бодулева, 2022, с. 3]. Проанализируем примеры.

(8) *I've turned down kangaroo testicles, Matt... but you've really cocked up.* [The Sun, URL] – 'Я отказался от яичек кенгуру, Мэтт... но ты действительно *облажался*'. В статье используется дисфемизм *cocked up*, обращённый к бывшему министру здравоохранения Великобритании Мэтту Хэнкоку, подразумевающий его недавний скандал. Главной причиной недовольства стала не сама связь Мэтта с женой миллионера Оливера Тресса Джинной Коладанджело, а тот факт, что министр нанял Коладанджело в качестве личного помощника на общественных началах, а позже назначил её в состав совета Минздрава.

(9) *Labour said her pitch to get education back on track is a damning indictment of governments* [Daily Mirror, URL] – 'Лейбористская партия заявила, что её предложение

вернуть образование в прежнее русло является **убийственным обвинением** правительств'. В приведённом примере тактика непосредственного оскорбления вербализована инвективной единицей – вульгарным словом *damning*, которое несёт в своём содержании негативную коннотацию и именно поэтому выражает унижение.

(10) *The scandal-ridden political behemoth is on the verge of a third stint as prime minister – this time at the helm of the most extreme rightwing coalition the country has seen* [The Guardian, URL] – 'Охваченный скандалами политический **бегемот** близок к третьему пребыванию на посту премьер-министра – на этот раз во главе самой крайне правой коалиции, которую когда-либо видела страна'. Здесь тактика оскорбления представлена через дисфемизм *behemoth* (исполин/бегемот), который употреблён по отношению к Биньямину Нетаньяху, бывшему премьер-министру Израиля. Согласно статье, Нетаньяху широко критикуют за то, что он возвращается во власть при поддержке ультрарелигиозных партий и правонационалистического блока «Религиозный сионизм». Слово *behemoth* придаёт дисфемистический характер всему высказыванию, которое может быть оценено как унижение.

(11) *“I felt like a criminal”*: *Renata Voracova on being kicked out of Australia* [The Guardian, URL] – 'Чувствовала себя преступницей': Рената Ворацова о том, как её **вышвырнули** из Австралии'. Далее в статье автор использует глагол *to deport*, имеющий нейтральную коннотацию. Дисфемизм *to be kicked out*, использованный в самом заголовке, имеет сниженную коннотацию и характеризуется эмоциональностью, таким образом автор передаёт своё отрицательное отношение к теме высказывания, а также чувства оскорблённого спортсмена.

Тактика обвинения (14 единиц)

В тактике обвинения говорящий с помощью дисфемизмов показывает своё негативное отношение к решениям и действиям объекта дискредитации [Бодулева, 2022, с. 3].

(12) *Lootin' Putin. Russians flee with 14,000 paintings* [The Sun, URL] – '**Грабёж** Путина. Русские сбежали с 14000 картинами'. В данной статье говорится о краже, совершённой в Херсонском художественном музее. «Они проникли в Херсонский художественный музей и загрузили грузовики бесценными сокровищами, после чего покинули город в этом месяце. Следователи по военным преступлениям работают круглосуточно, чтобы составить каталог из более 14000 краж». В заголовке использован дисфемизм, *lootin' – the act of stealing, or the taking of goods by force, typically in the midst of a military, political, or other social crisis*. Дисфемизм использован с целью обвинения объекта в мародёрстве.

(13) *While U.S. and European leaders natter about soft power, Russia's president is making power moves* [The Wall Street Journal, URL] – 'Пока лидеры США и Европы **мпенлются** о «мягкой силе», российский президент предпринимает силовые шаги'. В данном примере автор статьи обвиняет лидеров США и Европы в бездействии (*to natter – to have a conversation with a friend about unimportant things*). Глагол *to natter* имеет отрицательную коннотацию, передаёт негативную оценку, а также воздействует на сознание реципиента, формируя образ лидеров, как виноватых в безынициативности.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что журналисты вводят в употребление дисфемизмы для выражения пренебрежения, презрения, сарказма, и происходит это чаще всего в бульварной прессе. Нейтральность, непредвзятость и беспристрастность свойственна больше широкоформатным качественным газетам, для которых дисфемизация считается нехарактерным явлением.

Дисфемизмы включаются в текст намеренно для выражения отрицательного отношения к событию, для демонстрации неодобрения или возмущения, для дискредита-

ции оппонентов, а также для того, чтобы подчеркнуть остроту проблемы и вызвать общественный резонанс. С семантической точки зрения дисфемия определяется как процесс негативного именованного денотата. В основе механизма дисфемизации лежит процесс намеренного перефразирования или переименования: говорящий сознательно использует дисфемизм вместо нейтрального или эвфемистического слова.

Также по итогам исследования можно заключить, что дисфемистические замены часто встречаются в заголовках статей при том, что в тексте статьи автор использует слова с нейтральной коннотацией. Этот приём можно объяснить стремлением авторов усилить негативность для создания броских заголовков в погоне за количеством читателей.

Стратегия дискредитации таит в себе, пожалуй, бóльшую опасность для журналистов, нежели, например, стратегия манипуляции, поскольку в конечном итоге авторы рискуют быть привлечёнными к ответственности за свои слова. Опираясь на количественные показатели выделенных примеров, можно заключить, что тактики дискредитации соотносятся с процессами нелингвистического характера, а именно с правовыми нормами. Частоту использования тактик можно связать с тяжестью противоправных деяний, таких как оскорбление, ложь и клевета. Бóльшая часть выделенных примеров относится к тактике издёвки. Высмеивание, как правило, не рассматривается как оскорбление, поэтому такие высказывания с дисфемизмами не приводят к такому негативному последствию, как наложение административного штрафа. Тактика оскорбления встречается реже, поскольку может привести к требованиям о денежной компенсации, а также влечёт наложение административного штрафа. Меньшая часть выделенных единиц относится к тактике обвинения. Авторы реже прибегают к обвинению, видимо, в силу того, что выдвинутые обвинения должны быть подкреплены доказательной базой, а иначе объекты высказывания могут потребовать денежные компенсации за ложь и клевету, привлечь редакцию или автора статьи не только к административной, но и в некоторых случаях к уголовной ответственности. Таким образом, тактика издёвки, являясь самой безобидной тактикой, чаще используется журналистами для дискредитации объекта высказывания, в то время как к тактике обвинения, способной вызвать губительные последствия, авторы обращаются реже.

Библиографический список

- Бех, 2018 – Бех Е. Ф. Функциональная классификация дисфемизмов в художественном дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 3. С. 60–66. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-6>
- Булгакова, 2012 – Булгакова Н. Е. Дисфемизм, или Какофемизм // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Сибирского фед. ун-та, 2012. С. 150–151.
- Бодулева и др., 2022 – Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Рюкова А. Р. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 8 (36). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.10>
- Бушуева, 2005 – Бушуева Т. С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; Смоленский гум. ун-т. Смоленск, 2005. 179 с.
- Быкова, 1999 – Быкова О. Н. Ложная аргументация (псевдоаргументация, ложное доказательство). Речевая (языковая, вербальная) агрессия. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8) / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 1999. С. 91–103.
- Катенева, 2013 – Катенева И. Г. Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник Челябинского гос. ун-та.

- Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 80, № 21 (312). С. 269–276.
- Ковшова, 2017 – Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М. : Гнозис, 2007. 320 с.
- Москвин, 2007 – Москвин В. П. Эвфемизмы в системе современного русского языка. М. : ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
- Обвинцева, 2018 – Обвинцева О. В. Дисфемизмы как средства реализации стратегии дискредитации в англоязычных средствах массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 63–69. <https://doi.org/10.26170/pl18-03-08>
- Резанова, 2008 – Резанова А. Н. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2008. 179 с.
- Чепорухина, 2021 – Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 95–102. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_08
- Шишова, 2014 – Шишова Е. В. Определение термина «дисфемизм» в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 73–78.
- Allan, Burridge, 1991 – Allan K., Burridge K. Euphemism and dysphemism, language used as shield and weapon. Oxford, New York : Oxford University Press, 1991. x+ 263 p.
- The Daily Mirror, 2023 – The Daily Mirror. 2023. URL : <https://www.dailymirror.lk> (дата обращения : 30.01.2023).
- The Guardian, 2023 – The Guardian. 2023. URL : <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения : 30.01.2023).
- The Sun, 2023 – The Sun. 2023. URL : <https://www.thesun.co.uk> (дата обращения : 30.01.2023).
- The Sunday Post, 2023 – The Sunday post. 2023. URL : <https://www.sundaypost.com/fp/out-of-his-depth-and-out-of-time/> (дата обращения : 20.01.2023).
- The Times, 2023 – The Times. 2023. URL : <https://www.thetimes.co.uk> (дата обращения : 30.01.2023).
- The Washington Post, 2023 – The Washington Post. 2023. URL : <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения : 30.01.2023).

References

- Bekh, E. F. (2018). Funktsional'naya klassifikatsiya disfemizmov v khudozhestvennom diskurse [Functional classification of dysphemisms in artistic discourse]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research result. Theoretical and Applied Linguistics], 3, 60–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-6>
- Bulgakova, N. E. (2012). Disfemizm, ili Kakofemizm [Dysphemism or kakofemism]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective verbal communication (Basic competencies): A reference dictionary]. Krasnoyarsk : Siberian Federal University Press. (In Russ.).
- Boduleva, A. R., Dmitrieva, D. Y., Ryukova, A. R. (2022). Disfemisticheskaya zamena kak sredstvo realizatsii strategii diskreditatsii v angloyazychnykh tekstakh sredstv massovoy informatsii [Dysphemistic substitution as a means of implementation of discreditation strategy in English media texts]. *Russian Linguistic Bulletin* [Russian Linguistic Bulletin], 8 (36). (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.10>
- Bushueva, T. S. (2005). *Pragmaticheskiy aspekt evfemizmov i disfemizov v sovremennom angliyskom yazyke* [Pragmatic aspect of euphemisms and dysphemes in modern English]. PhD in Philological sci. diss. Smolensk : Smolensk Linguistic University. (In Russ.).
- Bykova, O. N. (1999). Lozhnaya argumentatsiya (psevdoargumentatsiya, lozhnoe dokazatel'stvo). Rehevaya (yazykovaya, verbal'naya) agressiya. Yazykovoe manipulirovanie [Pseudo argumentation, pseudo proof. Speech (language, verbal) aggression. Language manipulation]. In A. P. Skovorodnikov (Ed.), *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii* [Theoretical and applied aspects of speech communication:

- Bulletin of the Russian Rhetorical Association], 1 (8), 91–103. (In Russ.).
- Kateneva, I. G. (2013). Namerennaya disfemizatsiya tekстов kak kharakteristika kommunikativnoy politiki sovremennoy oppozitsionnoy pressy [Intentional disphemisation of texts as a characteristic of communicative policy of the modern opposition press]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskuststvedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism], 21 (312), 269–276. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2017). *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkiy tematicheskii slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms. Brief thematic dictionary of modern Russian euphemisms]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Moskvin, V. P. (2007). *Evfemizmy v sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the language system of modern Russian]. Moscow : LENAND Press. (In Russ.).
- Obvintseva, O. V. (2018). Disfemizmy kak sredstva realizatsii strategii diskreditatsii v angloiazychnykh sredstvakh massovoi kommunikatsii [Dysphemisms as means of discredit speech strategy implementation in English texts of mass communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (69), 63–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl18-03-08>
- Rezanova, A. N. (2008). *Disfemiya v angliyskom yazyke: semanticheskie mekhanizmy i pragmaticheskie funktsii* [Dysphemism in English: Semantic mechanisms and pragmatic functions]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg. (In Russ.).
- Cheporuhina, M. G. (2021). Evfemizmy i disfemizmy v novostnoj internet-stat'e i kommentariyah k ney [Euphemisms and dysphemisms in online political news articles and in their readers' comments]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (85), 95–102. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_08
- Shishova, E. V. (2014). Opredelenie termina «disfemizm» v lingvisticheskikh terminologicheskikh slovaryakh, spravochnikakh i entsiklopediyakh [The interpretation of dysphemism according to linguistic terminological dictionaries, reference books, and encyclopedias]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2 (36), 73–78. (In Russ.).
- Allan, K., Burrige, K. (1991). *Euphemism and dysphemism, language used as shield and weapon*. Oxford, New York : Oxford University Press.
- The Daily Mirror. 2023. Retrieved January 30, 2023 from <<https://www.dailymirror.lk>>.
- The Guardian. (2023). Retrieved January 30, 2023 from <<https://www.theguardian.com/international>>.
- The Sun. 2023. Retrieved January 30, 2023 from <<https://www.thesun.co.uk>>.
- The Sunday Post (2023). Retrieved January 20, 2023 from <<https://www.sundaypost.com/fp/out-of-his-depth-and-out-of-time/>>
- The Times. (2023). Retrieved January 30, 2023 from <<https://www.thetimes.co.uk>>.
- The Washington Post. 2023. Retrieved January 30, 2023 from <<https://www.washingtonpost.com>>.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Igor V. Boichuk, Irina V. Sopova✉, Elena N. Taranova, Victoria V. Platoshina
Belgorod State University
Belgorod, Russian Federation
sopova.ir@yandex.ru

Concerning linguo-stylistic features of political discourse (With references to speeches of politicians from English-speaking countries)

Abstract

The present paper aims to identify and rank lexical and stylistic devices according to their frequency of occurrence and compare their functioning patterns in modern English political discourse. The subjects were 6 top British and American politicians. Continuous sampling was used to select the devices from their speeches delivered in 2021–2022. Semantic identification and contextual analysis were used for further data processing. It was found that idioms, metaphors and colloquialisms were the most frequent. Epithets, historical references, special terms, reiterations and parallel constructions occurred much less often, and the least frequent were alliteration, borrowings, quotations from the Bible and similes. Other devices occurred only once or twice. Most of them were common for British and American while others were typically British or typically American. Another finding was the use of a mixture of elements from various styles which might be a technique that helps to build bridges from political discourse to other discourses reflecting the existence of a common pool created for effective interaction of politicians with their electorate.

Keywords: linguo-stylistic features, stylistic devices, political discourse, idioms, metaphors

© Boichuk I. V., Sopova I. V., Taranova E. N., Platoshina V. V. 2023

For citation: Boichuk, I. V., Sopova, I. V., Taranova, E. N., Platoshina, V. V. (2023). Concerning linguo-stylistic features of political discourse (With references to speeches of politicians from English-speaking countries). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 30–38. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_30

Бойчук Игорь Васильевич, Сопова Ирина Валентиновна✉, Таранова Елена Николаевна,
Платошина Виктория Владимировна
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
sopova.ir@yandex.ru

Лингвостилистические особенности политического дискурса (на материале выступлений политиков англоязычных стран)

Аннотация

В настоящей статье ставится задача выявить и ранжировать лексические и стилистические приёмы по частоте их употребления, а также сравнить модели их функционирования в современном английском политическом дискурсе. Материалом для исследования послужили выступления шести ведущих британских и американских политиков за период 2021–2022 гг. Единицы для анализа отбирались из материала методом сплошной выборки. Для дальнейшей обработки данных использовались семантическая идентификация и контекстуальный анализ. В результате выявлено, что наиболее частотными были фразеологизмы, метафоры

и коллоквиализмы. Значительно реже встречались эпитеты, исторические отсылки, специальные термины, повторы и параллельные конструкции, реже всего встречались аллитерации, заимствования, цитаты из Библии и сравнения. Другие приёмы были единичными. Большинство из них являются общими для британцев и американцев, в то время как некоторые были типично британскими или типично американскими. Было также обнаружено использование смешения элементов разных стилей, что может быть приёмом, помогающим политическому дискурсу находится в тесном контакте с другими видами дискурса, что отражает наличие общего поля, созданного для эффективного взаимодействия политиков со своим электоратом.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, стилистические приёмы, политический дискурс, идиомы, метафоры

© Бойчук И. В., Сопова И. В., Таранова Е. Н., Платошина В. В. 2023

Для цитирования: Boichuk I. V., Sopova I. V., Taranova E. N., Platoshina V. V. Concerning linguo-stylistic features of political discourse (With references to speeches of politicians from English-speaking countries) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 30–38. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_30

1. Introduction

There are different approaches to singling out sublanguages and styles (see [Skrebnev, 2003, p. 167–170] giving their brief overview). According to Skrebnev, there are several style classes: four singled out by [Arnold, 1981], five with ten subdivisions proposed by [Galperin, 1981], two styles with five subdivisions described by [Kuznets, Skrebnev, 1960], five style classes identified by [Morokhovskiy, 1984], etc. In this article, we use the division proposed by [Galperin, 1981]. Within this division, political discourse belongs to the publicistic style, particularly to its subdivision called Oratory and Speeches [Galperin, 1981, p. 287]. Since the main aim of the publicistic style is to exert a constant and deep influence on public opinion, to convince those who are being addressed that they are told the truth, both logical argumentation and emotional appeal are employed [Galperin, 1981, p. 287; Arnold, 1981, p. 295].

Political discourse has been of special importance since it is instrumental in vital issues of well-being of all humankind. However, political discourse is in a state of flux giving a way to various definitions, numerous methods and approaches to its study. This is also a field where the minutest features and changes are of special interest because they reflect not only purely linguistic issues but also encompass those of many other fields.

Regardless of language, modern political discourse is characterized by certain universal features at the same time showing language-specific patterns. In addition to these, it exhibits, at least to some extent, the personality of a certain politician whose background, political party affiliation, ambitions and some other factors determine stylistic features of their political speech samples. Following the anthropocentric approach in modern linguistics, we believe that the text cannot be studied outside the person who produced it reflecting his/her picture of the world, the mental activity dynamics, personal ways of presenting ideas in a particular linguistic form.

Nowadays, English is a global language spoken and understood not only by native speakers living in the most developed and powerful countries with centuries-old political traditions. It is also used by a significant part of the population of our planet for who English is not a native tongue and whose politicians use it as one of the World Englishes in negotiations. From this angle, political discourse of politicians from the USA and the UK is of a particular interest as a source of important information concerning political situation in these powerful states and in the whole world and as a model to follow as far as this sphere of using English professionally is concerned.

Linguo-stylistic features of political discourse attract attention of numerous researchers. American and British political speeches were investigated by [Kulsum-Binder, 2017, p. 22] who

came to the conclusion that “both the American and British politicians make use of some linguistic strategies in their speeches”. In her opinion, this is more typical of American than British political speeches. Among stylistic devices used in those speeches she mentions parallelism, alliteration, contrast and metaphor. Stylistic devices in political speeches by Winston Churchill were described by [Bahrynivska, Karp, 2020]. They found “a significant amount of political, economic and military vocabulary; two types of metaphors indicating a critical situation and a tense period or indicating the call to action and the manifestation of support; numerous periphrases to describe his enemies; simile; personification; metonymy; parallel structures within the sentence; epanaphora; anaphora; modal verbs, most of which indicate the obligation; parenthetical clauses or expressions; complex sentences and imperatives” [Bahrynivska, Karp, 2020, p. 68]. It was found by [Al-Khazraji, Ameer, 2021] that among the stylistic devices used by Donald Trump and Boris Johnson, parallelism was the most frequent. From the point of view of linguistic creativity as seen by [Bergs, 2019], all the analyzed stylistic devices lie within the purview of F-creativity and even the most creative ones do not reach the level of E-creativity [Bergs, 2019]. The present paper aims to identify and rank lexical and stylistic devices according to their frequency of occurrence and compare their functioning patterns in the speeches of top American and British politicians.

2. Experiment

2.1. Material and methods

We studied the transcripts of political speeches delivered at press conferences by two British male top politicians and four American top politicians (2 males and two females) posted on Rev during the period of October 6, 2021 –January 18, 2022 (<https://www.rev.com/blog/transcripts>). The speakers were: 1) Alexander Boris de Pfeffel Johnson, a former Prime Minister of the United Kingdom and Leader of the Conservative Party; 2) Charles III (as Charles, Prince of Wales); 3) Joseph Robinette Biden Jr., the 46th and current president of the United States; 4) Kamala Devi Harris, current vice president of the United States; 5) Jennifer Rene Psaki, a former White House press secretary; 6) Mitchell Joseph Landrieu, an American politician who served as Mayor of New Orleans. Continuous sampling was used to select lexical and stylistic devices. The data were processed using comparative analysis and descriptive statistics. Contextual analysis was applied to identify the devices. Table 1 shows the characteristics of the material (the titles of the speech transcripts and their lengths in words). Table 2 illustrates the amount of lexical and stylistic devices and words in the idioms.

T a b l e 1. **The material characteristics**

Speech	Number of words
Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript; November 2, 2021	2652
Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript; January 18, 2022 (with Mitchell Joseph Landrieu)	9092
Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript; January 11, 2022	5037
Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript; January 6, 2022	2675
Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript; January 6, 2022	3898
Prince Charles COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript; November 1, 2021	831
Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript; October 6, 2021	6534
UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript; September 22, 2021	3101

Table 2. The number of lexical and stylistic devices in the material

Speaker	Quantity of stylistic devices (words)
Joe Biden (Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript; November 2, 2021)	3 (20)
Boris Johnson (Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript; November 2, 2021)	2(14)
Jen Psaki (Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript; January 18, 2022)	3(14)
Mitchell Joseph Landrieu (Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript; January 18, 2022)	19(81)
Joe Biden (Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript; January 11, 2022)	17 (102)
Joe Biden (Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript; January 6, 2022)	15(74)
Joe Biden (Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript; January 6, 2022)	25(143)
Kamala Harris (Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript; January 6, 2022)	2(8)
Charles III (as Prince Charles COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript; November 1, 2021)	8(32)
Boris Johnson (Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript; October 6, 2021)	104(617)
Boris Johnson (UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript; September 22, 2021)	42(292)

2. Results and discussion

In the material, 19 stylistic devices were identified: 1) idioms – 77 (32%); 2) metaphors – 47 (19,5%); 3) colloquialisms – 37 (15,3%); 4) epithets – 20 (8,3%); 5) cultural and historical references – 13 (5,4%); 6) special terms – 11 (4,5%); 7) reiterations – 7 (2,9 %); 8) parallel constructions – 5 (2,1%); 9) alliteration – 4 (1,6%); 10) borrowings – 4 (1,6%); 11) quotations from the Bible – 3 (1,2%); 12) simile – 3 (1,2%); 13) hyperbole – 2 (0,8%); 14) neologisms – 2 (0,8%); 15) references to cartoon characters – 2 (0,8%); 16) elliptical construction – 2 (0,8%); 17) assonance – 1 (0,4%); 18) rhetorical questions – 1 (0,4%); 19) metonymy – 1 (0,4%).

Idioms, sometimes with some modifications and variations, are increasingly used in political leaders' speeches: “*We didn't start from scratch here, of course.*” [Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript January 18], “*...with voting rights activists and others who have been working around the clock to advocate for voting rights.*” [Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript January 18], “*...put them behind the eight ball...*” [Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript], “*On the nuts and bolts...*” [Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript January 18].

A colloquial idiom used by any of the journalists present at a press conference can be picked up by a politician who is asked a question, for example the idiom “*...your old neck of the woods...*” used by Jeff is used in his answer by Mr. Landrieu. Sometimes idioms may be slightly modified by the speaker: “*...put them behind the curve...*” (Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript) (*cf. be behind the curve*).

It should be noted that some idioms specifically belong to political discourse and are used mostly in one of the two countries. For example, “*reaching across the aisle*” (used by Mr. Landrieu) is typical of American political discourse. Some others, without being confined to political discourse of a country, belong to either American or British English in general, for example, “*go south*” is mainly used in the US.

Also, an expression from a particular field of knowledge can be used in political discourse, for example, “*sunk cost*”, used by Jen Psaki, initially belonged to accounting terminology.

As already noted, a certain role in the choice of idioms is played by which version of the English language – American and British, this speech is delivered. It is known that the American and British English, having a large stock of idioms common to both of these variants (e. g. “*stand on the shoulders of...*”) have idioms inherent in each of these variants, for example “*to shoot / reach for the moon*” used by Jen Psaki, is an American idiom. Thus, the use of certain idioms is due to a set of factors: from the personality of a politician to the national characteristics of a variant of the English language. All these factors are in a complex and constant interaction.

M e t a p h o r s are the second frequent trope used in the material: “*In Fermanagh I saw the needles go in like a collective sewing machine*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*to make sure people who bake the pie get a fair slice of it as well...*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*But the NHS saved me and our wonderful nurses pulled my chestnuts out of that Tartarian pit*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript]. The latter also contains an allusion to Greek mythology.

Among the *c o l l o q u i a l i s m s*, both single words and colloquial phrases were found: “*You can say that again*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*Insulin can cost on average, it’s averaged 650 bucks a month*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*Phony partisan audits were undertaken...*” [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript], “*You think I’m kidding, man*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*I say, don’t give me that*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*but I was absolutely blown away*” [UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript], “*...if you see what I mean...*” [UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript], “*Or that I’m not focused on inflation, malarkey*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*The problems no government has had the guts to tackle before*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*Go on, try it*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*... way to fill a damn pothole...*” [Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript January 18]. Such colloquialisms are classified as lexical devices.

However, it appears that the use of colloquialisms has its limits and its “*taboos*”. Thus, when some delicate physiological functions of humans or animals are mentioned, they are described by dint of using formal words: “*...literally defecating in the hallways...*” [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript], “*...with basic facilities where you don’t have to urinate in the bushes*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*feeding seaweed to cows to restrain their traditional signs of digestive approval*” [UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript].

It is noteworthy that one can encounter both colloquial and formal vocabulary within the same sentence: “*That’s why we sent our amazing carrier strike group to the Far East, performing maneuvers with 40 friendly countries, HMS Queen Elizabeth, as long as the entire palace of Westminster, and rather more compelling as an argument than many of the speeches made in the House of Commons, it has dozens of F-35s on board, 66,000 sausages, and not because we want to threaten anyone or be adversarial to anyone, either with the F-35s or indeed, the sausages, but because we want to stick up for the rule of law that is so vital for freedom of navigation and free trade.*” Here “*sausages*” is a colloquial word, whereas “*rather more compelling as an argument than*” and “*be adversarial to*” belong to the formal style both lexically and syntactically.

There are also grammatical colloquialisms. Among them, the most numerous are short forms, and one can encounter them together with full forms within a paragraph, or,

sometimes, within a sentence: “*And that’s not hyperbole*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript]. “*That’s the question they’ll answer*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*That’s why leveling up means fighting crime...*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*I’ll tell you what leveling up is*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*And if that isn’t conservatism, my friends, I don’t know what is*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript]. Colloquial questions are also possible: “*You hear me?*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*And wasn’t he brilliant, my friends?*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript].

Colloquialisms perform an important function to reduce the distance between the speaker and the listener making it easier to win the electorate.

Q u e s t i o n s addressed to the listener including rhetorical ones are frequently exploited by modern politician as an effective means to attract voters. “*What in the hell ... heck are we talking about?*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript]. Sometimes questions can be repeated as in Mr. Biden saying “*And the response was, “For how long? For how long?”*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript].

A s e p i t h e t s, adjectives with various suffixes (-able, -y, -less) as well as without them, Participle I and Participle II were used in abundance: “*...our untiring, unbeatable, unbelievable NHS*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*We have one of the most imbalanced societies and lopsided economies of all the richer countries*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*It’s not just that there’s a gap between London and the Southeast and the rest of the country, there are aching gaps within the regions themselves*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*That is not just a question of social justice, it is an appalling waste of potential*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*But it’s still a grim fact that in this country...*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*...we must end this lethal trade*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*And they love the groovy new architecture and the fashion and the music and all the rest of it*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*...this feckless youth*” [UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript], “*...a vast testament to security of titled trust in the law*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*He helped to defeat a regime after all that was defined by one of the most vicious racisms the world has ever seen*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript].

C u l t u r a l a n d h i s t o r i c a l r e f e r e n c e s included proper names such as the names of historical and cultural figures and place names as well as the references to the facts that are known to the vast majority of native speakers and bearers of the two cultures: “*The man who led and sided with all Southern bulls in the United States Senate to perpetuate segregation of this nation*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*Was able to extend the Voting Rights Act for 25 years*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*The man who led and sided with all Southern bulls in the United States Senate to perpetuate segregation of this nation*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*In her cell, next to her, was Fannie Lou Hamer, who described the beating...*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*They really do want to rewrite our national story, starting with - the Woke*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*...while crossing the bridge at Selma, named after the grand dragon of a Ku Klux Klan*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election

Integrity Speech Transcript], “*When I was lying in St. Thomas’ Hospital last year*”, “*I can tell you something, Margaret Thatcher would not have ignored the meteorite*”, “*When I stood on the steps of Downing Street...*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript]. It is quite clear that such references can be different for representatives of the USA and the UK, even though a great deal of them are shared.

References to cartoon characters, such as Kermit the Frog, Ms. Piggy and Cruella Deville, QC can be considered as a special kind of cultural and historical references, but are somewhat different from the latter because of the links with childhood and children. Psychologically, it may impact the listeners by reminding of their own childhood or their children or both: “*And when Kermit the Frog sang, “It’s not easy being green,” you remember that one?*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*He was...also unnecessarily rude to Ms. Piggy, I thought, Kermit the Frog*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*The Grinch did not steal Christmas nor any votes*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*Well, I say to Cruella Deville, QC, if you can steal a dog or a cat, then there is frankly no limit to your depravity*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript].

Since a politician in any country is expected to promptly react to current events, he/she is supposed to exploit special terms concerning the events in the most relevant areas. Thus, a number of medical terms were used during the COVID-19 pandemic: “*We have so many more tools we’re developing and continuing to develop that can contain COVID and other strains of COVID*” (Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript), “*... getting over 200 million Americans fully vaccinated*” [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript], “*Your excellencies, ladies and gentlemen, the COVID-19 pandemic has shown us just how devastating a global cross border threat can be*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*a zoonotic pandemic*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript]. The terms from other crucial medical issues were also involved, e.g., “*...treatment for cancer is funded by the state and care for Alzheimer’s is not*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript] as well as from other issues like pollution and climate change: “*Putting a value on carbon, thus making carbon capture solutions more economical, is therefore absolutely critical*” [Prince Charles COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript]. Such terms appear all the time, their lifespans vary depending on the situation.

Reiterations were often combined with alliterations (more often) and assonance (rarely): “*Good morning. Good morning, everybody. Good morning, everyone*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*And the response was, “For how long? For how long?”*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], “*Americans are moving up to better jobs with better pay with better benefits*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*It has hit record after record after record*” [Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript], “*jabs, jabs, jabs become jobs, jobs, jobs*” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], “*Build back burger, I say*” (Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript), “*in a full and free and fair election*” [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript].

The following two sentences exemplify the use of parallel and elliptical constructions: respectively, “*We held hearings. We debated. We voted*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript] and “*Simple as that*” [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript].

The use of borrowings was limited to modest 1,6% probably in order to boost the feeling of patriotism (compare to the average of 25% in Russian female socio-political discourse [Protsukovich, Ivanashko, Yu. P. (2023)], e.g., “*I’ll tell you something else, that*

housing in the right place and at an affordable price will add massively, not just to your general joie de vivre, but to your productivity” [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], *“Sellotaped, spectacled sans-culottes, or the skipper of a cruise liner that’s been captured by Somali pirates, desperately trying to negotiate a change of course, and then changing his mind”* [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript]. Sometimes loan words that were used were provided with a translation into English by the speaker himself: *“And terrifying isn’t quite right as a translation for danos. What Sophocles really means is that humanity is awesome”* [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript].

Quotations from the Bible should be set apart from other quotations taking into account the exceptional significance of the former and their importance for both American and British worldview [Boichuk, 2016, p. 34, 40]: *“In the words of scripture, to remind us to hate evil, love good and establish justice in the gate”* [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], *“When the Bible teaches us to feed the hungry and give water to the thirsty”* [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript]. Such quotations are meant to go straight to the hearts of Christians in both countries.

Similes, are characterized by the same frequency as quotations from the Bible, e.g., *“...the ice floes, dissolving like ice in your martini here in New York...”* [Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript].

For some devices, 1–2 occurrences were identified. These include hyperbole, e.g. *“You’ve heard me say it a million times”* [Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript], *“They stop time”* [Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript], references to cartoon characters, elliptical construction, assonance (the examples of the three were given above), metonymy, e.g. *“When this country was sick, our NHS was the nurse”* and some others. Among the rare ones there are neologisms whose excessive use can make it difficult for the majority to understand a politician: *“Living proof that we, you all represent the most jiving, hip, happening and generally funkapolitan party in the world”* [Prince Charles COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript].

3. Conclusion

This study was aimed at identifying the spectrum of stylistic devices that appeared in the speeches delivered by modern American and British politicians and ranking them according to the frequency of their occurrence. The results show a clear preference for idioms (32%). Other common stylistic devices were metaphors (19,5%), colloquialisms (15,3%) and epithets (8,3%). Cultural and historical references together with special terms accounted for 5,4% and 4,5% correspondingly. Reiterations and parallel constructions occurred twice less often. The least common were alliteration, borrowings, quotations from the Bible and similes whose occurrence varied between 1,6–1,2 percent. Such means as hyperbole, neologisms, references to cartoon characters, elliptical construction, assonance, rhetorical questions and metonymy appeared only twice or just once.

Political discourse bears a vivid imprint of the personality of a politician delivering a speech or answering journalists’ questions. Such factors as origin, education, belonging to a particular party, nationality and others affect the choice and use of lexical and stylistic means.

Naturally, political discourse is extremely receptive to current events within the nation and in the world dictating the choice of certain stylistic devices, especially the choice of vocabulary.

The spectrum of the means identified shows that modern political discourse not only allows but often uses a mixture of elements of various styles: from colloquial to literary styles up to quoting the Bible. Such a technique builds bridges from political discourse to other discourses reflecting the existence of a common pool created for effective interaction of politicians with their electorate.

References

- Arnold, I. V. (1981). *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of modern English]. Leningrad : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Bahrynivska, M.-M., Karp, M. A. (2020). Stylistic devices in political speeches by Winston Churchill. *International scientific journal «Internauka»*, 5 (85), vol. 1, 65–68.
- Bergs, A. (2019). What, If Anything, Is Linguistic Creativity? *Gestalt theory*, 41 (2), 173–184. <https://doi.org/10.2478/gth-2019-0017>
- Boichuk, I. V., Moiseeva, S. A. (2016), Arkhaizatsiya v angloyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy amerikanskikh i britanskikh avtorov XIX-XXI veka) [Archaization in English-language prose (Based on the works of American and British authors of the XIX-XXI centuries)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of the Belgorod National Research University. The Humanities], 28 (249), 34–41. (In Russ.).
- Boris Johnson UK Conservative Party Conference 2021 Speech Transcript. (October 6, 2021). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/boris-johnson-uk-conservative-party-conference-2021-speech-transcript>
- Galperin, I. R. (1981). *Stilistika* [Stylistics]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Joe Biden & Boris Johnson COP26 Press Conference Transcript. (November 2, 2021). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-boris-johnson-cop26-press-conference-transcript>
- Joe Biden December Jobs Report Speech Transcript. (January 6, 2022). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-december-jobs-report-speech-transcript>
- Joe Biden Speech on Anniversary of January 6 Capitol Attack Transcript. (January 6, 2022). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-speech-on-anniversary-of-january-6-capitol-attack-transcript>
- Joe Biden, Kamala Harris Voting Rights & Election Integrity Speech Transcript. (January 11, 2022). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-kamala-harris-voting-rights-election-integrity-speech-transcript>.
- Kulsum-Binder, R. (2017). American and British Political Speeches: An Examination of Linguistic Strategies. https://www.researchgate.net/publication/323628618_American_and_British_Political_Speeches_An_Examination_of_Linguistic_Strategies.
- Kuznets, M. D., Skrebnev, Yu. M. (1960). *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Leningrad : Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Morokhovskiy, A.N., Vorob'eva, O.P., Likhosherst, N.I., Timoshenko, Z.V. (1984). *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Kiev : Visha shkola Press. (In Russ.).
- Al-Khazraji, N. H. F., Ameer, H. A. (2021). Some stylistic devices used by Donald Trump and Boris Johnson to persuade people into staying apart. *Linguistica Antverpiensia*, 3, 6240–6251.
- Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference Transcript January 18. (January 18, 2022). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/press-secretary-jen-psaki-white-house-press-conference-transcript-january-18>
- Prince Charles COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript. (November 1, 2021). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/prince-charles-cop26-climate-summit-glasgow-speech-transcript>.
- Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2023). Chastotnost' leksicheskikh yedinit v obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii [Lexemes frequency in socio-political communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87
- Skrebnev, Y. M. (2003). Basics of the stylistics of the English language. Moscow: Astrel Press. AST, (pp. 167–170).
- UK Boris Johnson UN General Assembly 2021 Speech Transcript. (September 22, 2021). Rev. <https://www.rev.com/blog/transcripts/uk-boris-johnson-un-general-assembly-2021-speech-transcript>

Викулова Лариса Георгиевна, Плотникова Анна Владимировна✉

Московский городской педагогический университет

г. Москва, Российская Федерация

plotnikovaav@mgpu.ru

Диалогические стратегии образовательного пространства сайта национального института корейского языка

Аннотация

Растущий во всем мире интерес к изучению корейского языка и корейской культуры оказывает влияние на формирование направлений государственной языковой политики, в рамках которой принимаются меры как по регулированию и развитию корейского языка, так и его распространению за пределами страны. В статье рассматриваются основные диалогические стратегии образовательного пространства сайта Национального института корейского языка как одного из основных государственных учреждений, отвечающих за проведение языковой политики Республики Корея. В исследовании был применён метод контент-анализа в сочетании с контекстуально-интерпретативным и коммуникативно-прагматическим анализом. Выборка включала разделы сайта, содержащие образовательный контент и материалы, которые возможно использовать для обучения корейскому языку, а также разделы с обратной связью. В результате были идентифицированы стратегия интимизации, персуазивная стратегия, стратегия формирования психоэмоционального настроения, направленные на формирование у адресата чувства принадлежности к корейской нации и личной ответственности за состояние родного языка. Это позволяет утверждать, что стратегии, использованные в коммуникативном пространстве сайта Национального института корейского языка, призваны побудить посетителей сайта активно участвовать в проектах Института по формированию словарей и контролю за деятельностью учреждения.

Ключевые слова: диалогические стратегии, языковая политика, веб-сайт, коммуникация, корейский язык

© Викулова Л. Г., Плотникова А. В. 2023

Для цитирования: Викулова Л. Г., Плотникова А. В. Диалогические стратегии образовательного пространства сайта национального института корейского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 39–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_39

Larisa G. Vikulova, Anna V. Plotnikova✉

Moscow City University

Moscow, Russian Federation

plotnikovaav@mgpu.ru

Dialogue strategies of the educational space of the National Institute of the Korean language website

Abstract

Increasing worldwide interest in the study of the Korean language and Korean culture influences the directions the state language policy is headed while regulating and developing the language as well as spreading it outside the country. The article discusses the dialogue strategies in the educational space of the website of the National Institute of the Korean Language as one of the main government agencies responsible for implementing the language policy of the Republic of Korea. The method of content analysis in combination with contextual-interpretive and communicative-pragmatic analysis were used in the study. The selection from the website included the sections containing educational materials that can be used for teaching Korean as well as the

sections requesting the feedback. As a result, the main dialogic strategies were identified including intimidation strategy, persuasive strategy and the strategy for forming psycho-emotional mood, each of them aimed at creating the addressee's sense of belonging to the Korean nation and personal responsibility for their native language. This suggests that the strategies used in the communication space of the National Institute of the Korean Language website are designed to encourage the visitors to actively participate in the Institute's projects to form dictionaries and monitor the activities of the institution.

Keywords: dialogical interaction, language policy, website, communication, Korean language

© Vikulova L. G., Plotnikova A. V. 2023

For citation: Vikulova, L. G., Plotnikova, A. V. (2023). Dialogicheskie strategii obrazovatel'nogo prostranstva sayta natsional'nogo instituta koreyskogo yazyka [Dialogue strategies of the educational space of the National Institute of the Korean language website]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 39–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_39

1. Введение [Introduction]

На фоне популярности *Халлю*, или *корейской волны*, во всём мире стремительно растёт интерес иностранцев к корейской культуре, а также увеличивается количество изучающих корейский язык. По этой причине возникает необходимость поддержания и продвижения позитивного образа корейского языка и культуры, что находит отражение во внешней политике Республики Корея [Бураев, Гармаханов, 2014, с. 116]. Одновременно с этим, в корейском обществе в последние десятилетия наблюдаются тенденции к сохранению культурного наследия на родном языке, обеспечению привилегированного положения корейского языка внутри страны, а также продвижению родного языка и письменности за рубежом. Согласимся с мнением В. А. Клиновского, что «язык, будучи одним из основных атрибутов государства и нации, является эффективным инструментом осуществления власти. Посредством хорошо спланированного регулирования языковой ситуации можно влиять на жизнь общества и отношения между языковыми группами» [Клиновский, 2014, с. 118]. Эти тенденции нашли отражение в основных направлениях внутренней и внешней языковой политики Республики Корея, включающей как меры, направленные на расширение позиций национального языка за пределами государства, так и меры по регулированию корейского языка, а также сохранению его диалектов в пределах страны [Гринева-Гринева и др., 2021, с. 192–193].

В опубликованном в 2022 году Основном законе о языке *국어기본법* сформулирована идея о том, что государственный язык является главным культурным наследием нации, поэтому поощрение использования, развития и сохранения национального языка ведёт к улучшению качества жизни нации и её культурному развитию¹. Таким образом, языковое управление становится одним из ключевых направлений развития и улучшения качества жизни корейского общества.

Основным средством осуществления коммуникации и предоставления информации в современном мире является «Интернет, охватывающий своим влиянием весь земной шар, превращающий мир в единую, невиданную ранее систему – глобальное информационное общество» [Коммуникация, 2020, с. 172]. Наличие неограниченного количества информационных ресурсов привело к проблеме определения тех источников, которые предоставляют достоверную и заслуживающую доверия информацию. Решающим фактором в данном вопросе является деловая репутация организации, включающая, помимо бренда, торговой марки и деловых связей, репутацию в собствен-

¹ Основной закон о государственном языке от 18.01.2022 г. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?efYd=20220118&lsiSeq=239499#0000>

ной стране и в мире [Летун, Воронина, 2022, с. 48]. На фоне этого выделяются государственные учреждения, являющиеся надёжными источниками, предоставляющими не только актуальную, но и проверенную информацию. Основными ресурсами, посредством которых государственные институты и общественные организации осуществляют взаимодействие с аудиторией, являются официальные сайты или социальные сети, выступающие посредниками в диалоге государства с обществом [Викулова и др., 2016, с. 55].

Характерной чертой данного типа дискурса является интерактивность, и гипертекстуальность, позволяющие пользователям самостоятельно осуществлять навигацию по интернет-ресурсу, что обеспечивает возможность непосредственного обращения адресанта к адресату [Антонова, 2017, с. 11]. Основной особенностью веб-сайтов является наличие перекрёстных ссылок или их гипертекстовые возможности, позволяющие пользователю переключаться между различными текстами, предоставляя читателю право выбора контента [Sandrini, 2005, р. 4]. Кроме этого, наличие на веб-сайтах форм обратной связи позволяет обеспечить активное участие населения Кореи в процессе регулирования языка, что говорит о важности роли социума в решении данных вопросов [Гулинов, 2014, с. 130]. Иными словами, веб-сайт представляет собой не только информационное, но и коммуникативное пространство, поддерживающее и упрощающее двунаправленность процесса языкового регулирования «от государственных институтов – ко всему социуму и от социума через общественные организации – к языковому строительству» [Гулинов, 2015, с. 5–6].

Для того, чтобы привлечь внимание пользователей к своей деятельности, «учебные заведения должны уметь прогнозировать изменения, разрабатывать стратегии эффективной коммуникации и гибкого реагирования» [Агеева, 2021, с. 165]. Данное утверждение, на наш взгляд, может быть применимо и по отношению к деятельности Национального института корейского языка, поскольку для поддержания активности пользователей, Институт, в рамках коммуникативного пространства сайта, реализует различные диалогические стратегии, направленные на побуждение интереса к предоставляемой информации, а также побуждение пользователей к совершению определённых действий [Ухова, 2012, с. 72].

Ц е л ь настоящего исследования – рассмотреть диалогические стратегии, реализуемые в рамках образовательного пространства сайта Института, осуществляющего языковую политику Республики Корея. **О б ъ е к т о м** исследования является интернет-дискурс сайта Национального института корейского языка.

Языковая политика в Республике Корея отличается наличием целого ряда государственных институтов, отвечающих как за регулирование государственного языка внутри страны, так и за популяризацию корейского языка и культуры за рубежом. На сегодняшний день одним из главных учреждений, отвечающих за проведение языковой политики в Республике Корея, является Национальный институт корейского языка 국립국어원, находящийся в ведомстве Министерства культуры, спорта и туризма Республики Корея 문화체육관광부.

2. Ход исследования и результаты [Research strategy and results]

2.1. Методология исследования [Methodology]

В качестве ведущих м е т о д о в исследования были выбраны контент-анализ в сочетании с контекстуально-интерпретативным и коммуникативно-прагматическим анализом. М а т е р и а л о м исследования послужили тексты разделов сайта Института, отражающие реализацию диалогических стратегий. В частности, были проанализированы слоганы и описания разделов, содержащих материалы, которые можно использовать при обучении корейскому языку.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Согласно информации, представленной на сайте, Национальный институт корейского языка (국어연구소) был создан 10 мая 1984 года с целью разработки и реализации языковой политики и проектов, направленных на поддержание грамотности и удобства использования корейского языка в повседневной жизни, а также для продолжения традиции Королевского научно-исследовательского института (집현전) – «Зал достойных», основанного Седжоном Великим². Согласно Указу Президента № 13163 от 14 ноября 1990 года учреждение было преобразовано в Национальную академию корейского языка 국립국어연구원, открывшуюся 23 января 1991 года. В 2004 году учреждение получило статус Национального института корейского языка 국립국어원. На сегодняшний день, помимо осуществления языкового планирования и языковой политики, Институт также ведёт научно-исследовательскую деятельность.

Основным ресурсом, посредством которого можно ознакомиться с деятельностью Института, является его сайт, представленный как на корейском, так и на английском языке. Это свидетельствует о том, что его целевой аудиторией являются как носители языка, так и зарубежные пользователи, интересующиеся корейским языком. Сайт Института, являясь одним из наиболее достоверных и доступных источников информации о корейском языке, представляет собой не только ресурс, посредством которого осуществляются регулирующие и информационная функции учреждения, но и платформу, содержащую разнообразные материалы, которые можно использовать в образовательной или исследовательской деятельности. В этой связи актуально выстраивание диалога между адресантом (Институтом) и потенциальным адресатом, значимым становится потенциал диалогизации дискурса для привлечения и удержания аудитории, управления вниманием адресата. Диалогичность дискурса предполагает не только сфокусированность на интересах адресанта, но и на специфических характеристиках целевой аудитории, что способствует вовлечению адресата в коммуникацию и созданию ощущения причастности к обсуждению рассматриваемых вопросов [Учет фактора адресата, 2017, с. 71].

Вследствие вышесказанного, в рамках нашего исследования целесообразно рассмотреть диалогические стратегии, реализуемые в разделах сайта, содержащих образовательный контент на корейском языке.

Прежде чем перейти к анализу разделов сайта, обратимся к его главной странице, треть которой занимает слоган:

– 우리말이 우리의 미래입니다. – Наш язык – это наше будущее³.

Данный слоган, демонстрируя взаимосвязь родного языка с будущим нации, подчёркивает важность деятельности Института, которая направлена на сохранение и развитие корейского языка. При этом стоит отметить, что для корейского языка употребление местоимения *우리* – *мы, наш* имеет свою специфику, поэтому, при переводе данного местоимения важно учитывать «национально-культурный компонент», лежащий в структуре значения слова [Воронина, Летун, 2021, с. 51]. Так, помимо основного, данное местоимение может употребляться в значении *мой* в том случае, когда корейцы говорят о членах своей семьи, школе, фирме, стране: *우리나라* – *наша страна* (Корея), *우리 집* – *наш / мой дом*, *우리 엄마* – *наша / моя мама*, *우리 아내* – *наша / моя жена*. Некоторые исследователи считают это подтверждением коллективистского, характера корейского общества [Ли Хангю, 2007, p. 156]. Использование местоимения *мы* также является средством осуществления диалогической с т р а т е

² Седжон Великий (кор. 세종대왕) 1397 – 1450 гг. – 4-й ван (правитель) корейского государства Чосон, выдающийся монарх, поощрявший развитие науки и технического прогресса.

³ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен авторами статьи.

г и и н т и м и з а ц и и, поскольку создаёт общее семантическое поле и включает адресата в состав позитивной группы адресанта [Агеева, 2021, с. 144].

Как видно из таблицы 1, сайт Национального института корейского языка состоит из восьми разделов. В отличие от привычной структуры сайтов, на которых первые разделы освещают основные направления деятельности учреждения, расположение разделов сайта Института свидетельствует о том, что данное пространство направлено в первую очередь на активное взаимодействие с пользователями сайта.

Т а б л и ц а 1 . Структура сайта Национального института корейского языка
[Table 1 . Structure of the National Institute of Korean language website]

	Название разделов
1	지식 (Общие знания)
	사전 (Словарь) 어문 규범 찾기 (Поиск языковой нормы) 지역어 종합 정보 (Информация по регионализмам)
2	개선 (Исправление, усовершенствование)
	다듬은 말 (Чистая лексика) 표준 전문 용어 (Стандартная терминология) 공공언어 국민 제보 (Приём предложений граждан о внесении изменений в общепотребительный язык) 정책용어 사전 상담 (Консультации по политической терминологии) 공공언어 감수 요청 (Запросы о внесении поправок в общепотребительный язык) 공공 용어 번역 (Перевод общепотребительных терминов)
3	교육 (Образование)
	국어문화학교 (Школа корейского языка и культуры) 한국어교원 자격 (Квалификация преподавателей корейского языка) 알고 싶은 한글 (Хангыль, который я хочу знать) 한국어교수학습센터 (Центр преподавания и изучения корейского языка) 우리말 꿈터 («Удивительный мир родного языка» – интерактивное пространство для детей и подростков)
4	수어/ 점자 (Язык жестов / Шрифт Брайля)
5	참여 (Участие)
6	알림 (Объявления)
7	자료 (Материалы)
8	소개 (Представление)

Наибольший интерес представляют первые разделы сайта, содержащие дидактические материалы и контент, который можно использовать при обучении корейскому языку. К ним можно отнести: *общие знания* [о корейском языке] (지식), *исправления и усовершенствование* (개선), *образование* (교육), *участие* (обратная связь) 참여. В данных разделах представлены словари корейского языка, справочные материалы, сервисы, позволяющие внести предложения по совершенствованию языка, замене иностранных заимствований исконно корейскими словами, а также сервисы, позволяющие получить консультацию по вопросам, связанным с корейским языком, в том числе и посредством видеозвонка для глухонемых пользователей. Таким образом, можно сделать вывод о том,

что в рамках коммуникативного пространства сайта Институт придерживается принципа и н т е р а к т и в н о с т и, поскольку поддерживает активный обмен информацией с пользователями и побуждает граждан к совместной деятельности [Ноздрякова, 2016, с 17–19]. Одним из проявлений такой деятельности является участие посетителей сайта в формировании и совершенствовании словарей родного языка, которое позволяет гражданам осознать культурные особенности своего города, региона, страны и способствует формированию и развитию собственной культурной идентичности [Тарева, 2022, с. 21].

Реализация диалогических стратегий сайта Института прослеживается в рубриках *словарь (사전)* и *информация по регионализмам (지역어 종합 정보)*, включенных в первый раздел *общие знания [о корейском языке] (지식)*.

Блок *словарь (사전)* содержит вкладки с ссылками на следующие ресурсы:

(1) *우리말샘* – поток родного языка. Описание словаря следующее:

– ‘우리말샘’은 실생활에서 쓰는 말, 새로이 나타난 말, 지역에서 쓰는 말 등을 국민과 함께 모으고 만들어가는 사용자 참여형 사전입니다. – Поток родного языка – это словарь, формирующийся совместно с гражданами-пользователями [сайта]. [Данный словарь] включает в себя слова, используемые в реальной жизни, неологизмы, регионализмы и т. д.

Слоган над поисковой строкой данного сервиса выполняет роль аттрактивного фактора:

– 함께 만들고 모두 누리는 우리말 사전. – Словарь родного языка, созданный вместе и которым пользуются все.

С целью эмоционального воздействия на адресата, вместо лексемы *한국말* – корейский язык, на сайте активно используется её синоним *우리말* – родной язык (досл. наш язык), что формирует особый психоэмоциональный настрой носителей языка, пробуждая чувство осознанности и личной ответственности за родной язык. Использованная в данных примерах лексика (*우리말, 국민과 함께, 사용자 참여형 사전, 함께 만들고*) подчёркивает важность участия каждого пользователя, побуждая население внести свой вклад в формирование словаря. Тем самым косвенно реализуется п е р с у а з и в н а я с т р а т е г и я, призывающая адресата к принятию решения и воздействующая на его эмоциональное состояние и вызывающая у него определенные чувства [Голоднов, 2010, с. 17–18].

(2) *한국어기초사전* – словарь базового корейского языка. Описание словаря и слоган над поисковой строкой данного сервиса прямо указывают ориентированность ресурса на иностранных пользователей:

– ‘한국어기초사전’은 한국어 학습자와 교사를 위해 만든 쉬운 한국어 사전으로 5 만여 단어가 실려 있습니다. – Словарь базового корейского языка – это простой [в использовании] словарь корейского языка, созданный для изучающих корейский язык и преподавателей корейского языка. Данный словарь включает более 50000 слов.

– 세계인이 누리는 한국어 학습사전. – Учебный словарь корейского языка, которым пользуются люди со всего мира.

(3) *국립국어원 한국어-외국어 학습사전* – учебные словари корейского и различных иностранных языков.

– ‘국립국어원 한국어-외국어 학습사전’은 ‘한국어기초사전’의 표제어와 뜻풀이를 11개 언어로 번역한 사전으로 특히 초급 한국어 학습자에게 유용합니다. – Это учебные словари, содержащие перевод словарных единиц и их значений из «Словаря базового корейского языка» на 11 языков мира. Данные словари особенно полезны для начинающих изучать корейский язык.

Выбор лексических средств, использованных в описании обоих словарей, в первую очередь, обусловлен принадлежностью адресата к группе лиц, не являющихся носителями языка: *세계인* – *люди со всего мира*, *한국어 학습자* – *изучающие корейский язык*.

Кроме этого, лексема **우리말** – *родной язык*, используемая в рубриках, предназначенных для носителей языка, в данных словарях заменена на **한국말** – *корейский язык*, что также говорит о направленности контента данного раздела на иностранных пользователей.

Последняя рубрика в разделе посвящена *информации по регионализмам* **지역어 종합 정보**. Половину главной страницы данной рубрики занимает слоган, отражающий цель данного проекта:

– **지역어는 다양한 삶의 현장에서 쓰는 진솔한 우리말입니다. 지역어는 살아있는 우리의 문화입니다.** – Регионализмы – это истинный родной язык, используемый в различных сферах жизни. Регионализмы – это наша живая культура.

Подобное оформление главной страницы является важным а т т р а к т и в н ы м ф а к т о р о м , подчёркивающим особую значимость регионализмов для корейского языка и культуры. Использование определений **진솔한** – *истинный, искренний* и **살아있는** – *живой*, а также лексем **우리말** – *родной язык* и **우리의** – *наш*, направлено на пробуждение у адресата чувства национального самосознания и гордости за родной язык. Таким образом, в данном разделе реализуется « с т р а т е г и я ф о р м и р о в а н и я п с и х о э м о ц и о н а л ь н о г о н а с т р о я , направленная на активизацию положительных эмоций адресата» [Агеева, 2021, с. 144].

Второй раздел сайта *Исправление, усовершенствование* **개선** включает шесть рубрик, четыре из которых включают сервисы обратной связи, через которые можно задать вопросы или внести предложения по изменению общеупотребительных терминов (**공공언어 국민 제보**), получить консультацию по политическому глоссарию (**정책용어 사전 상담**), составить заявку о внесении поправок в общеупотребительный язык (**공공언어 감수 요청**), а также найти, запросить или предложить свой перевод общеупотребительных терминов на иностранные языки (**공공 용어 번역**). Таким образом, сайт поддерживает диалог с пользователями, которые могут напрямую сообщить о проблеме или трудностях, возникших при использовании какого-либо общеупотребительного слова или термина.

В рамках данной статьи целесообразно рассмотреть третий раздел – Образование (**교육**), связанный с обучением корейскому языку. Реализация диалогических стратегий прослеживается в следующих рубриках:

(1) **국어문화학교** – *школа корейского языка и культуры*, цель которой представлена так:

– **국립국어원에서는 국민의 국어 능력 향상을 위하여 국어문화학교를 운영하고 있습니다.** – Для совершенствования навыка владения государственным языком граждан, Национальный институт корейского языка поддерживает работу Школы корейского языка и культуры.

(2) **한국어교수학습센터** – центр преподавания и изучения корейского языка.

– **한국어교수학습센터는 전 세계 한국어 교육자, 학습자, 연구자의 정보의 센터이고 쉼터입니다.** – Центр преподавания и изучения корейского языка является источником информации и местом отдыха/приютом (rest area/shelter) для преподавателей, учащихся и исследователей со всего мира.

В приведённых выше описаниях указана целевая аудитория, на которую ориентирован материал, предоставляемый в рубриках (*граждане, преподаватели, учащиеся, исследователи*), что облегчает навигацию на странице раздела. Помимо этого, использование лексемы **쉼터** – *место отдыха/приют* оказывает эмоциональное воздействие на адресата, создавая комфортную атмосферу.

Четвёртый раздел включает всего две рубрики, которые посвящены *жестовому языку* **수어** и *шрифту Брайля* **점자**.

В первой рубрике дано объяснение тому, что такое корейский жестовый язык, а также подчёркивается его важность:

– 한국수어는 한국어와는 문법 체계가 다른, 대한민국 농인의 고유한 언어이다. – Корейский жестовый язык – это уникальный язык глухих и слабослышащих людей в Республике Корея, отличающийся от грамматической системы корейского языка.

Кроме этого, в рубрике даны ссылки на словарь корейского жестового языка, сайт для обучения преподавателей, рубрику с видеозаписями новостей с сурдопереводом, а также вкладку *Новый жестовый язык (새수어)*, в которой собрана информация о деятельности, направленной на развитие, совершенствование и распространение жестового языка для упрощения получения информации о государственной политике глухими людьми.

В рубрике, посвящённой шрифту Брайля, рассказывается о самом способе записи, о правилах использования шрифта, а также присутствует вкладка с различными справочными материалами по данной теме. Наличие данного раздела демонстрирует направленность деятельности Национального института корейского языка на улучшение качества жизни граждан с ограниченными возможностями, на которые обращают внимание и отечественные учёные [Макарова, Морозова, 2017].

Пятый раздел – *Участие* (обратная связь) (참여) объединяет сервисы, поддерживающие прямую связь пользователей с администрацией сайта. Он включает три рубрики:

1. 온라인가나다 – А-Б-В онлайн. Это рубрика, в которой можно задать вопрос о языковой норме, словоупотреблении, а также о содержании словаря стандартизированного корейского языка;

2. 국민신문고 – народный набат/глас народа. Это рубрика, принимающая жалобы и предложения, связанные с деятельностью Национального института корейского языка;

3. 110화상수어상담 – служба поддержки в формате видеозвонка (с использованием языка жестов) или чата, в рамках которой можно оставить жалобу или внести предложение относительно языковой политики государства лицам с ограниченными возможностями.

Наличие отдельного раздела, обеспечивающего возможность оставить обратную связь пользователями, демонстрирует коммуникативную направленность сайта, что ещё раз подчёркивает важность участия населения в деятельности по сохранению и регулированию родного языка и контролю за работой Института.

3. Заключение [Conclusion]

Общий вывод исследования заключается в том, что сайт Национального института корейского языка представляет собой коммуникативное пространство, ориентированное не только на предоставление информации о корейском языке, но и на взаимодействие с пользователями.

В ходе исследования было выявлено, что для побуждения пользователей к коммуникации на сайте использованы такие диалогические стратегии, как стратегия интимизации, персуазивная стратегия, стратегия формирования психоэмоционального настроения. Данные стратегии направлены на эмоциональное воздействие на адресата и побуждение к диалогу. Лексические средства, используемые в коммуникативном пространстве сайта, а именно в слоганах и описаниях разделов, формируют у носителя языка понимание того, что корейский язык – это гордость нации и основа корейской культуры, поэтому каждый кореец должен стремиться внести свой вклад в развитие и сохранение языка. Посредством использования диалогических стратегий подчёркивается важность участия посетителей сайта в работе по формированию словарей корейского языка, внесению правок в словарные статьи или предложений по замене заимствованной лексики. Наличие в информационных разделах и словарях форм обратной связи для получения консультаций, оставления отзывов, предложений или жалоб, позволяют пользователям без труда вступить в диалог с администрацией сайта.

Таким образом, активно используемые в текстах разделов диалогические стратегии побуждают адресата к диалогу и реагированию, а не просто «потреблению» контента, предоставляемого сайтом.

Библиографический список

- Агеева, 2021 – Агеева Н. С. Стратегии компьютерно-опосредованной коммуникации в университетском образовательном пространстве : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Московский городской пед. ун-т. М., 2021. 214 с.
- Антонова, 2017 – Антонова Л. Г. Новый жанр коммуникации в социальной сети // Российская психология-3: тренды и драйверы / отв. ред. А. Д. Кривоносов. СПб. : Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2017. С. 11–15.
- Бураев, Гармаханов, 2014 – Бураев Д. И., Гармаханов М. Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2014. № 8. С. 115–119.
- Викулова и др., 2016 – Викулова Л. Г., Макарова И. В., Новиков Н. В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 54–65.
- Викулова и др., 2020 – Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. М. : ВКН, 2020. 336 с.
- Воронина, Летун, 2021 – Воронина Л. А., Летун С. А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : история, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 49–56. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-2-49-56>
- Голоднов, 2010 – Голоднов А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб. : Астерион, 2010. 244 с.
- Гринева-Гринева и др., 2021 – Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка: антропологистика : учеб. пособие. М. : ВКН, 2021. 256 с.
- Гулинов, 2014 – Гулинов Д. Ю. Язык политики и политика в языке // Вестник Самарского гос. ун-та. 2014. № 5 (116). С. 130–136.
- Гулинов, 2015 – Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 232 с.
- Клиновский, 2014 – Клиновский В. А. Конституционный статус языка в Китайской Народной Республике // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 118–125.
- Летун, Воронина, 2022 – Летун С. А., Воронина Л. А. Электронный учебник иностранного языка как средство брендинга университета // Концепт. 2022. № 5. С. 46–61. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11033>
- Макарова, Морозова, 2017 – Макарова Т. С., Морозова Е. А. Основы руководства проектной деятельностью слепых и слабовидящих, изучающих английский язык // Интернаука. 2017. № 3-1 (7). С. 47–50.
- Ноздрякова, 2016 – Ноздрякова Е. В. Принцип интерактивности в образовании: ретроспективный обзор педагогической теории и практики // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22, № 3. С. 17–21.
- Тарева, 2022 – Тарева Е. Г. Русский язык как инструмент становления наднациональной коллективной идентичности иностранных обучающихся // Русский язык за рубежом. 2022. № 2 (291). С. 21–26. <https://doi.org/10.37632/PI.2022.291.2.004>
- Ухова, 2012 – Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста. Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2012. 375 с.
- Щепилова и др., 2017 – Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе / А. В. Щепилова, О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, А. А. Водяницкая // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
- Sandrini, 2005 – Sandrini P. Website Localization and Translation. 2005. URL : https://www.researchgate.net/publication/237570958_Website_Localization_and_Translation (дата обращения : 12.02.2023).

Ли, 2007 – 이한규, 한국어 대명사 ‘우리’. / 담화·인지언어학회. 2007년. 155-178쪽 [Ли X. Корейское местоимение ‘мы’ // Корейское общество дискурса и когнитивной лингвистики. 2007. № 14 (3). С. 155–178]. <https://doi.org/10.15718/discog.2007.14.3.155>

References

- Ageeva, N. S. (2021). *Strategii komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii v universitetskom obrazovatel'nom prostranstve* [Strategies of computer-mediated communication in the university educational space]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow City University. (In Russ.).
- Antonova, L. G. (2017). Novyy zhanr kommunikatsii v sotsial'noy seti [A new genre of communication in social media]. In A. D. Krivonosov (Ed.), *Rossiyskaya piarologiya-3: trendy i drayvery* [PR theory in Russia. Part 3: Trends & drivers] (pp. 11–15). St Petersburg : St Petersburg State University of Economics Press. (In Russ.).
- Buraev, D. I., Garmahanov, M. T. (2014). Koreyskaya volna i myagkaya sila. Strategiya razvitiya i rasprostraneniya [Korean wave and soft power. Strategy of development and distribution]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Buryat State University], 8, 115–119. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Makarova, I. V., Novikov, N. V. (2016). Institutsonal'nyy diskurs tsifrovoy diplomatii: novye kommunikativnye praktiki [Institutional discourse of digital diplomacy: New communicative practices]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 15 (3), 54–65. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Zheltukhina, M. R., Gerasimova, S. A., Makarova, I. V. (2020). *Kommunikatsiya. Teoriya i praktika* [Communication. Theory and practice]. Moscow : VKN Press. (In Russ.).
- Voronina, L. A., Letun, S. A. (2021). Rol' natsional'no-kul'turnogo komponenta pri obuchenii inostrannomu yazyku (na primere koreyskogo) [Significance of the ‘national and cultural component’ when teaching foreign languages (Using Korean as an example)]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 20 (2), 49–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-2-49-56>
- Golodnov, A. V. (2010). *Persuazivnaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vozdeystviya (na materiale sovremennoy nemetskojazychnoy reklamy)* [Persuasive Communication: Strategies and Tactics of Influence (Based on Modern German-Language Advertising)]. St Petersburg : Asterion Press. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Vikulova, L. G. (2021). *Teoriya yazyka: antropolingvistika* [Language theory: Anthropology linguistics] : A coursebook. Moscow : VKN Press. (In Russ.).
- Gulinov, D. U. (2014). Yazyk politiki i politika v yazyke [Language of politics and politics in the language]. *Vestnik Samarskogo gos. un-ta* [Samara State University Bulletin], 5 (116), 130–136. (In Russ.).
- Gulinov, D. U. (2015). *Diskursivnye kharakteristiki yazykovoy politiki sovremennoy Frantsii* [Discursive characteristics of the language policy of modern France]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Klinovskiy, V. A. (2014). Konstitutsionnyy status yazyka v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Constitutional status of the language in the People’s Republic of China]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], 5 (98), 118–125. (In Russ.).
- Letun, S. A., Voronina, L. A. (2022). [A foreign language e-textbook as a means of university branding]. *Kontsept* [Concept], 5, 46–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11033>
- Makarova, T. S., Morozova, E. A. (2017). Osnovy rukovodstva proektnoy deyatel'nost'yu slepykh i slabovidyashchikh, izuchayushchikh angliyskiy yazyk [Project work management: addressing the needs of BVI learners of EFL]. *Internauka* [Internauka], 3-1 (7), 47–50. (In Russ.).
- Nozdryakova, Y. V. (2016). Printsip interaktivnosti v obrazovanii: retrospektivnyy obzor pedagogicheskoy teorii i praktiki [The principle of interactivity in education: a retrospective review of pedagogic theory and practice]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 22 (3), 17–21. (In Russ.).
- Tareva, E. G. (2022). Russkiy yazyk kak instrument stanovleniya nadnatsional'noy kollektivnoy identichnosti inostrannykh obuchayushchikhsya [The Russian language as a tool for the

- development of a supranational collective identity of foreign students]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2 (291), 21–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.37632/PI.2022.291.2.004>
- Ukhova, L. V. (2012). *Effektivnost' reklamnogo teksta* [Effectiveness of advertising text]. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press. (In Russ.).
- Shchepilova, A. V., Suleimanova, O. A., Fomina, M. A., Vodyanitskaya, A. A. (2017). Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse [Target audience in contemporary educational discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Moscow City University Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 3 (27), 68–82. (In Russ.).
- Sandrini, P. (2005). Website Localization and Translation. Retrieved January, 2005 from <https://www.researchgate.net/publication/237570958_Website_Localization_and_Translation>.
- Lee, H. (2007). *Hangugeo daemyeongsa 'uri'* / Damhwa-inji eoneohakhoe. 2007 nyeon. 155-178 jjok [A pragmatic and sociocultural approach to the so-called 1st person pronoun wuli in Korean. The Discourse and Cognitive Linguistics Society of Korea Press]. (In Korean). <https://doi.org/10.15718/discog.2007.14.3.155>

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.
The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023.

Гостева Ника Светлановна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
nika_gosteva@bk.ru

Вариативность атрибутивных структур, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русском и английском языках (на материале поисковых запросов Google)

Аннотация

Настоящее исследование посвящено изучению обусловленности вербализации классов концепта ПРИРОДА посредством атрибутивных структур в русском и английском языках. В работе рассматриваются такие понятия, как атрибутивные конструкции, концепт, а также формулируется определение и содержание существительного с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русскоязычной и англоязычной картинах мира. В работе представлены результаты лингвистического эксперимента на базе поисковой системы Google с целью выявления особенностей структуры атрибутивных конструкций, характеризующих объекты растительного мира, с учётом вариативности следования компонентов. Выявлено, что указанные конструкции в русском языке характеризуются большей вариативностью, чем в английском. При этом предпочтения в выборе релевантного порядка следования определений в обоих языках схожи. В атрибутивных цепочках на первой позиции размещаются прилагательные с положительной либо отрицательной эмоциональной коннотацией. Для атрибутивных конструкций с колоративами обнаружена большая динамика когнитивного фокуса. При инвертировании порядка следования определений отмечена релевантность выделения фактических характеристик объекта. Зафиксировано смещение когнитивного фокуса, демонстрирующее противоположные приоритеты концептуализации русской и английской языковой действительности.

Ключевые слова: атрибутивная структура, концепт, порядок следования атрибутов, когнитивный фокус, поисковая система

© Гостева Н. С. 2023

Для цитирования: Гостева Н. С. Вариативность атрибутивных структур, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русском и английском языках (на материале поисковых запросов Google) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 50–63. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_50

Nika S. Gosteva
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
nika_gosteva@bk.ru

Variability of attributive structures describing a noun with a conceptual meaning of the flora object in Russian and English (based on Google search queries)

Abstract

The present paper aims to investigate the conditionality of the verbalization of classes of the concept NATURE through attributive structures in Russian and English. The paper considers the notions of attributive construction,

concept, and formulates the definition and content of the noun with the conceptual meaning of the flora object in the Russian and English pictures of the world. The paper presents the results of a linguistic experiment based on the Google search engine and aimed to identify the structural features of attribute constructions characterizing objects of the plant world considering the components variability. In Russian, greater variability of the structures was found compared with English. However, both languages showed similar preferences for the relevant order of attributes. In the chains of attributes, the first position was occupied by adjectives with either positive or negative emotional connotations. In case of attributes inversion, the relevance of highlighting the factual features of the object was observed. The shift of the cognitive focus was found to demonstrate opposite priorities of conceptualizing Russian and English language reality.

Keywords: attribute structure, concept, order of attributes, cognitive focus, search engine

© Gosteva N. S. 2023

For citation: Gosteva, N. S. (2023). Variativnost' atributivnykh struktur, opisyyvayushchikh sushchestvitel'noe s kontseptual'nym znacheniem 'ob'ekt rastitel'nogo mira' v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale poiskovykh zaprosov Google) [Variability of attributive structures describing a noun with a conceptual meaning of the flora object in Russian and English (based on Google search queries)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 50–63. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_50

1. Введение [Introduction]

Результаты исследований последних лет показывают, что атрибутивные конструкции являются одним из наиболее распространённых типов словосочетаний в русском и английском языках [Бахмацкая, 2018 ; Зинченко, 2021]. Понятие атрибутивности связано с именем прилагательным и именем существительным, при этом большую роль играет согласованность между определениями [Синкевич, 2010, с. 239]. Атрибутом определяемого существительного может быть прилагательное, артикль, местоимение, причастие, инфинитив или фраза [Овчинникова, 2020, с. 78]. Термин «атрибут» используется в различных науках, например, в философии, лингвистике, однако в разных областях знаний характеристики данного термина могут различаться. В лингвистике и других гуманитарных исследованиях смысловым значением понятия «атрибут» является передача релевантных характеристик объекта [Синкевич, 2010]. Семантически бо́льшая точность может быть получена при рассмотрении характеристик объекта путём разграничения атрибутов как характеристик, которые приписываются объекту, и характерных свойств, которые присущи объекту [Мещерякова-Клабахер, 2012].

Атрибутивная конструкция – это определение, включающее в себя несколько элементов, например существительных в общем падеже и прилагательных, иногда из целого фразеологического единства или целого предложения [Пилявских, Баскакова, 2016]. Более того, в английской грамматике присутствует отдельная категория внутри атрибутивных конструкций – атрибутивное существительное – это существительное, которое изменяет значение другого существительного, и действует как прилагательное [Сысоев, Шапшева, 2019]. Подлежащее может состоять из одного или нескольких слов, но всегда должно иметь в составе существительное. Существительное, являющееся наиболее важным словом в предложении, квалифицируется прилагательным или эквивалентом прилагательного – атрибутом, например, в выражении *зелёная красивая ель* определяемое существительное – *ель*, а атрибуты – *зелёная* и *красивая*.

Данная работа представляет исследование лингвокультурных особенностей реализации вариативности употребления атрибутивных словосочетаний, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира', в русском и английском языках. Особенностью данного исследования является изучение того, как

представители разных лингвокультур описывают существительные с концептуальным значением 'объект растительного мира' посредством выделения наиболее релевантных характеристик природного объекта путём определённого расположения элементов в атрибутивной структуре. В рамках настоящего исследования под а т р и б у т и в н о й с т р у к т у р о й понимается единица сложной номинации, а именно: определение, включающее несколько компонентов (существительное и характеризующие его прилагательные), предполагающее возможность вариативности порядка следования компонентов внутри него.

О б ъ е к т о м настоящего исследования являются трёхкомпонентные атрибутивные словосочетания, состоящие из концептуально значимого существительного, и характеризующих его прилагательных – атрибутов. Исследуемые атрибутивные структуры включают прилагательные, которые отвечают следующим требованиям: (1) эмоционально окрашенные, описывающие объект с положительной, нейтральной либо отрицательной коннотацией, например, *красивая роза* и (2) указывающие на его фактические характеристики, такие как цвет, форму и прочие физические свойства, например, *сухой мох*. Атрибутивные структуры рассматриваются через призму реляторных конструкций, которые представляют собой языковой знак схематической иконичности [Петрова, 2019 а; Петрова, 2019 б]. Согласно данной концепции, атрибутивная группа может рассматриваться в рамках схемы « $r1+r2+R$ », где $r1$ – релятум 1, $r2$ – релятум 2, R – релятор. Данная схема соотносится с атрибутивной структурой. Такие структуры являются предметом изучения в лингвистике, поскольку порядок следования атрибутов (в данном случае релятумов) сопряжён со значительной вариативностью. Изучение этих вопросов представлено в работах зарубежных и отечественных лингвистов, например, при рассмотрении форм репрезентации адъективной лексики в языке [Петрова, 2018; Прохорова и др., 2018, Сулейманова 2018], исследовании синтаксических и семантических связей прилагательных в предложениях и словосочетаниях [Ferris, 2014; Молчанова, 2016], а также при исследовании особенностей позиционирования прилагательных в английском языке [Matthews, 2014; Петрова, 2019 в], в том числе с использованием корпусного подхода применительно к изучению сложных цепочек прилагательных [Blöhdorn, 2009] и выработке когнитивных оснований порядка следования прилагательных в атрибутивных цепочках [Сулейманова, Петрова, 2018].

В статье анализируются атрибутивные конструкции, созданные по модели « $r1(\text{прил.1}) + r2(\text{прил.2}) + R(\text{сущ.})$ », где существительное входит в структуру с концептуальным значением 'объект растительного мира', а прилагательные, описывающие данное существительное, меняют свои позиции: например, *одинокое (r1) старое (r2) дерево (R) – старое (r1) одинокое (r2) дерево (R)*.

П р е д м е т о м исследования в данной работе выступает позиционное варьирование атрибутов в речи индивида. Основанием подобного исследования выступает когнитивный подход к стилистическому использованию атрибутивных групп в дискурсе, который является новым направлением исследований [Ткаченко, 2020]. Н о в и з н а этого подхода обусловлена тем, что появляется возможность рассмотрения состава атрибутивных конструкций и порядка следования элементов в них со стороны ментального уровня конкретного индивида. Данная область знаний является междисциплинарной и объединяет исследования в сфере когнитивной психологии, нейропсихологии, лингвистики и когнитивной лингвистики, так как затрагиваемые вопросы не могут быть решены с использованием ресурсов только какой-либо одной дисциплины.

Ц е л ь представленного исследования заключалась в изучении того, какие атрибуты являются доминирующими при описании объектов растительного мира в русском и английском языках.

2. Теоретическое обоснование [Theoretical background]

Практические и теоретические исследования в рамках современной когнитивной лингвистики направлены не только на понимание механизма человеческого познания в целом, но и рассматривают лингвокогнитивные особенности данного процесса. Исследователи считают, что существуют общие принципы структурирования информации, отражённые в различных аспектах языка [Никитина, 2009 ; Цупикова, Мусагитова, 2021].

Объяснение явлений в когнитивной лингвистике строится на основе принципов когниции, функциональности, прагматики и эксперимента [Kleiber, 1993 ; Givon, 1990 ; Talmy, 1983].

Понятие «концептуализация» в свою очередь подразумевает трактовку процесса познания как выявления набора когнитивных и категориальных характеристик любого явления, а также удержания и осознания человеком этой новой информации. Исследование особенностей языковой категоризации всегда привлекало учёных, так как данный процесс напрямую связан с жизнедеятельностью человека: каждый новый объект причисляется к определённому «классу», и далее взаимодействие происходит приемлемым для данной категории образом; готовая схема восприятия позволяет человеку сократить время реагирования на динамично изменяющиеся условия окружающей действительности [Сулейманова, Водяницкая, 2020]. Лексика не только фиксирует результаты познания мира человеком, но и отражает социокультурные, национальные особенности представителей различных лингвокультур. Конечный результат данного процесса в когнитивной лингвистике определяется как **к о н ц е п т**.

Согласно положениям когнитивной лингвистики, концепт является языковой единицей, направленной на концептуализацию информации об окружающем мире [Беседина, Степаненко, 2010 ; Зиновьева, 2016]. Считается, что наиболее значимые концепты отражены в грамматике языков и что именно грамматическая категоризация создаёт концептуальную сетку, каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. Д. Б. Ньюби определяет когнитивное пространство как «человеческий опыт, выражаемый в отношениях между концептами, которые формируются, развиваются и видоизменяются в процессе познания» [Newby, 2001]. В грамматике находят отражение концепты, являющиеся наиболее значимыми для каждого конкретного языка. Соответственно, концепты можно рассматривать как наиболее важную составляющую семантического пространства языка, по которому можно судить о его структуре и особенностях [Никишина, 2002].

В настоящее время изучение вариативности элементов в атрибутивных конструкциях является новым направлением исследований в связи с возможностью рассмотрения, анализа стилистического подхода и оценки ментальности для конкретного индивида. Использование образного языка, включая фразеологические единицы, признано важной частью процесса человеческого познания, раскрывающей особенности когниции человека. Практические и теоретические исследования в данной области направлены на понимание процесса человеческого познания в целом и на рассмотрение психологических особенностей данного процесса. Исследователи выделяют общие принципы структурирования информации, действующие в различных аспектах языка, их закономерности. Одна из аксиом когнитивной науки заключается в том, что устная и письменная формы речи являются инструментом человеческого разума. Понятие «концептуализация» в свою очередь подразумевает процесс познания как установления набора когнитивных и категориальных характеристик любого явления при условии удержания и осознания новой информации человеком. Одним из важных свойств человеческого мозга является постоянное осмысление информации, воспринимаемой при помощи различных органов чувств. Наиболее простой способ для данного процесса –

это использование имеющихся знаний, опыта в качестве руководства. Для экономии ресурсов времени и энергии мозг использует концепты, представляющие собой сжатую версию всей имеющейся информации.

В данной работе понятие «концепт» рассматривается как единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и обладающая этнокультурной спецификой. Основное содержание каждого рассматриваемого концепта определяется его семантической структурой и обогащается за счёт других слов и словосочетаний, связанных с ним семантически, деривационно или ассоциативно [Петрова, 2019 в]. В соответствии с изложенными положениями когнитивной лингвистики, в настоящем исследовании анализируется использование атрибутивных структур представителями русской и английской лингвокультур с целью выявления закономерностей языковой категоризации, обусловленных социокультурными особенностями восприятия окружающей действительности.

Концепт ПРИРОДА является одним из важнейших в концептуальной картине мира человека. Он отражает в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений о соответствующих природных явлениях [Гостева, 2022 ; Петрова, 2019 в].

Процесс концептуализации природы необходимо рассматривать в соответствии с культурным контекстом. Понятие «природа» функционирует на разных уровнях и в разных контекстах. Подход к данному понятию, который стал распространённым в последние годы, заключается в том, что природа – это социально сконструированное понятие, которое можно осмыслить только в определённом социальном контексте. Таким образом, проблематична возможность определения понятия «природа» как объекта или явления. Радикальный конструктивистский подход к природе состоит в том, чтобы утверждать, что мы оперируем бесчисленными концепциями природы, независимыми друг от друга, и что эти концепции не имеют ничего общего с природой, понимаемой как явление, вне конкретного контекста, в котором это понятие работает [Нильсен, 2006].

3. Методология исследования [Research methodology]

Для изучения вариативности описания существительного с концептуальным значением 'объект растительного мира' в работе используются следующие методы: концептуальный анализ, лингвистический эксперимент, статистическая обработка результатов.

В рамках концептуального анализа в представленном исследовании рассматривается отдельный класс концепта ПРИРОДА, а именно класс «объект растительного мира». В настоящей работе исследуемой единицей является атрибутивная конструкция. Исходя из этого было необходимо определить источник атрибутов, а именно составить базу концептов, связанных с классом «объект растительного мира». На первом этапе осуществлялся отбор существительных. Была создана экспериментальная база, включающая следующие лексические единицы для рассматриваемого класса: *ель, дуб, дерево, роза, цветок, трава, папоротник, мох*. Выбранные существительные рассматривались как концепты, отражающие лингвистическую культуру русскоязычной и англоязычной языковых групп.

На втором этапе был отобран набор атрибутивных структур, построенных по модели «прилагательное +прилагательное+существительное», для русского и английского языков.

Для проведения лингвистического эксперимента, выявления и систематизации лингвокультурологических закономерностей, определяющих приоритетный порядок следования элементов внутри структуры, характеризующей данный класс объектов, используются возможности поисковой системы Google, которая является одной из наиболее популярных поисковых систем в России. Обоснованием использования данной

поисковой системы в настоящем исследовании служит возможность выгрузки частотности поисковых запросов пользователей, а также возможность использования фильтров для получения наиболее точных статистических данных. Посредством использования инструментария данной поисковой системы оценивается количество вхождений искомым словосочетаниям без использования фильтра и с его использованием [Петрова, 2019 в ; Suleimanova, Petrova, 2020].

В настоящее время информационно-коммуникационная сеть Интернет, являющаяся средством массовой коммуникации и прочих операций, предоставляет возможность для проведения лингвистических экспериментов, позволяя извлечь обширный массив данных из различных источников за короткий промежуток времени. Следует учитывать, что для получения релевантной информации и исключения информационного шума поисковые запросы необходимо производить с использованием фильтров [Щипицина, 2013].

В работах современных лингвистов нарастает тенденция использования ресурсов сети Интернет как источника аутентичных, естественных, контекстуализированных языковых моделей [Gatto, 2014 ; Мордовин, 2015 ; Петрова, 2019 в ; Гостева, 2021]. Обращение к этому типу ресурсов в качестве источника материала для анализа обусловлено релевантностью и объёмом получаемых данных, которые позволяют применять их для рассмотрения и дальнейшего анализа когнитивных аспектов высказывания. Сравнение результатов поисковых систем Google, Яндекс и НКРЯ при исследовании вариативности структуры фразы показало, что получение наиболее релевантных данных возможно при использовании поисковой системы Google в режиме Advanced Search (см., напр., [Сулейманова, Петрова, 2018 ; Петрова, 2019 в]. Это подтверждают и другие исследователи, использующие данную поисковую систему в качестве аналога корпуса текстов [Сулейманова и др., 2020 ; Kilgariff, 2001].

Поисковые системы Интернета имеют свои алгоритмы поиска и выдачи информации, которые разработаны на основе компьютерной семантики. Для настройки и оптимального использования гибкого поиска в языке поисковых запросов используются операторы – символы и команды, позволяющие задавать условия запроса данных. Важной особенностью использования операторов является возможность их комбинирования. За счёт комбинаций операторов можно выстроить сложные запросы. Например, оператор «» фиксирует порядок слов, вследствие чего поисковая система показывает результаты исключительно для страниц, содержащих запрашиваемые слова в заданном порядке следования, например: *дерево и трава*. Без использования оператора поисковая система предлагает 28300000 результатов, тогда как при использовании оператора «» на запрос выдается 82 результата, содержащих именно заданный порядок следования компонентов. Комбинирование операторов позволяет максимально гибко настроить поиск [Петрова, 2019 в ; Suleimanova, Petrova, 2020].

Таким образом, после сбора и анализа данных о принципах работы доступных поисковых систем, обоснованности их использования при проведении лингвистических исследований, из большого количества актуальных в настоящее время информационно-коммуникационных сетей для настоящего исследования были выбраны возможности, предоставляемые поисковой системой Google. Данный ресурс является наиболее релевантным источником для проведения лингвистического эксперимента в связи с высокой скоростью обработки запросов, широким диапазоном и гибкими настройками поиска, возможностью использования операторов, таких как «», для получения точных статистических данных по запросам. Для настоящего исследования ключевое значение имеет возможность выгрузки данных о количестве вхождений среди пользователей поисковой системы для сопоставления и дальнейшего анализа культурологических особенностей в составлении цепочек определений для различного рода объектов, связанных с понятием «объект растительного мира».

Для апробации выбранного подхода к проведению лингвистического эксперимента при помощи инструментария поисковой системы Google были собраны статистические данные для атрибутивных конструкций, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира', на русском и английском языках. Выбранные существительные рассматривались как концепты, отражающие лингвистическую культуру русскоязычной и англоязычной языковых групп.

Выбор прилагательных и существительных осуществлялся исходя из статистических данных, а именно использовались наиболее частотные единицы по данным частотного словаря современного русского языка [Ляшевская, Шаров, 2009].

Для анализа словосочетания были разделены на две категории по расположению на первом месте в их структуре колоративного или эмотивного прилагательного. Атрибутивные конструкции анализировались по аналогичной схеме: 1) оценивалось количество вхождений словосочетаний при инвертировании порядка следования элементов в структуре, 2) с целью получения данных о релевантном порядке следования прилагательных для пользователей поисковой системы проводилась оценка динамики когнитивного фокуса.

Фраза запроса атрибутивных конструкций, имеющих в своём составе колоративы, строилась по модели «прилагательное 1 (наименование цвета) + прилагательное 2 (характеристика объекта) + существительное». Фраза запроса атрибутивных конструкций, имеющих в своём составе эмоционально-окрашенные прилагательные, строилась по модели «прилагательное 1 (эмоциональная оценка) + прилагательное 2 (характеристика объекта) + существительное». В строку поиска заносилось слово, например роза, и проводился статистический анализ вхождений данной леммы. Далее к данному существительному (концепту) добавлялись атрибуты, например, *красивая роза – красивая красная роза – красная красивая роза*.

Цель лингвистического эксперимента с использованием поисковой системы Google состояла в выявлении количества вхождений для первичных и инвертированных фраз, отвечающих следующим критериям: Модель 1 «прилагательное 2 (характеристика объекта) + прилагательное 1 (колоратив)» и Модель 2 «прилагательное 2 (характеристика объекта) + прилагательное 1 (эмотив)».

Важной задачей анализа непосредственно концепта является работа с большим количеством атрибутивных структур, извлечённых из контекста. Для получения данных по атрибутивным группам с исключительно заданным порядком следования компонентов при вводе в строку поиска словосочетаний используется оператор *кавычки*. При каждом добавлении прилагательного и инвертировании порядка следования элементов в атрибутивном словосочетании также осуществлялся сбор статистических данных по количеству вхождений в зависимости от вариативности расположения атрибутов.

Важно отметить, что перед введением запроса в поисковую систему были заданы такие критерии поиска, как: 1) поиск файлов в формате PDF (для сбора конкретных примеров); 2) поиск словосочетаний в определённом, заданном порядке (для сбора статистических данных вхождений каждой атрибутивной конструкции); 3) поиск страниц на любом языке; 4) вывод результатов поиска на русском и английском языках.

На заключительном этапе эксперимента проводилась оценка количества вхождений для каждого запроса, анализ выбора наиболее предпочтительных цепочек атрибутивных структур при описании существительных, передающих значения существительного, с концептуальным значением 'объект растительного мира', анализ смены когнитивного фокуса для атрибутивных структур. Реализуемый в настоящем исследовании лингвистический эксперимент позволяет выявить релевантный порядок следования элементов в атрибутивных структурах, обнаружить и продемонстрировать культурологические особенности, обуславливающие определённый порядок следования

элементов в цепочках определений, при составлении описательных словосочетаний, характерных для русскоязычной и англоязычной лингвокультур.

Подсчёт процента вариативности для рассматриваемых цепочек определений был произведён по формуле: $x2/x1*100\%$.

4. Обсуждение результатов [Results and duscussion]

Результаты подсчётов для заданного и инвертированного порядка следования атрибутов в атрибутивных структурах представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Вариативность атрибутивных структур с колоративами в Позииции 1
[Table 1. Variability of attribute structures containing coloratives in Position 1]

	Фраза 1	Вхождения	Фраза 2	Вхождения	%
<i>Объекты растительного мира. Колоратив в Позииции 1</i>					
Ель	<i>зелёная красивая ель</i>	3	<i>красивая зеленая ель</i>	261	1,1
	<i>green beautiful spruce</i>	2320	<i>beautiful green spruce</i>	12600	18,4
Дуб	<i>зелёный молодой дуб</i>	2	<i>молодой зеленый дуб</i>	313	0,6
	<i>green young oak</i>	2040	<i>young green oak</i>	30200	6,7
Роза	<i>красная красивая роза</i>	796	<i>красивая красная роза</i>	27500	2,9
	<i>red beautiful rose</i>	110000	<i>beautiful red rose</i>	5390000	2,04
	<i>белая красивая роза</i>	181	<i>красивая белая роза</i>	6170	2,9
	<i>white beautiful rose</i>	163000	<i>beautiful white rose</i>	607000	26,8
Трава	<i>зелёная молодая трава</i>	1690	<i>молодая зеленая трава</i>	5650	29,9
	<i>green young grass</i>	25300	<i>young green grass</i>	209000	12,1

Источник: Поисковая система Google. Дата обращения: 05.10.2022.

Показатели количества вхождений запросов, содержащих описание существительных с концептуальным значением 'объект растительного мира', демонстрируют устойчивую закономерность для русского и английского языков: для пользователей поисковой системы наиболее значимой составляющей характеристикой объекта является его положительная эмоциональная коннотация, тогда как колоративное прилагательное перемещается на второе место в атрибутивной структуре. Указанную закономерность подтверждает низкий процент вариативности структуры, при инвертировании порядка следования определений. Следует отметить, что данная тенденция демонстрирует устойчивую фиксацию когнитивного фокуса в рассматриваемых словосочетаниях. Процент вариативности при изменении порядка следования прилагательных в конструкции среди конструкций текущего раздела сохраняется на низком уровне, составляя менее 50% для русского и английского языков.

В качестве демонстрации результатов проведённого исследования отметим контекстуальное окружение атрибутивных конструкций в предложении. Пример реализации структуры *зелёная молодая трава* и инвертированной конструкции *молодая зелёная трава* демонстрирует тенденцию к использованию атрибутивного словосочетания в функции подлежащего в предложении:

1. *Солнце клонилось к закату, тихо шелестела молодая зелёная трава* [<https://mybook.ru/author/mihail-ezhov-2/ot-very-k-gosudarstvu-shag-za-shagom-istoricheskij/read/>].

2. *Зелёная молодая трава пробивается из снега* [<https://www.pressfoto.ru/image-2461442>].

Примеры реализации аналогичных структур в английском языке *green young grass – young green grass* демонстрируют схожую тенденцию:

1. *Young green grass in spring* [https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjGgNzJqrr9AhXNxlSKHWLHC T8QFnoECA4QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.alamy.com%2Ftexture-of-young-green-grass-in-spring-morning-covered-with-drops-of-dew-or-rain-with-the-suns-rays-reflected-in-it-close-up-image365902555.html&usg=AOvVaw3L9AwPLo_XN-FLj9rsuAyP].

2. *Green young grass with water drops after rain* [<https://myloview.ru/poster-green-young-grass-with-water-drops-after-rain-no-EBEA376>].

Как русскоязычные, так и англоязычные примеры реализации атрибутивных структур, характеризующих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира', в предложении демонстрируют повествовательную цель высказывания. Однако для русскоязычных примеров реализации в большей степени свойственно использование сложных предложений для реализации рассматриваемых структур.

Следует отметить различие в числе вхождений между русскоязычными и англоязычными запросами словосочетаний: данная разница обусловлена предпочтением среди пользователей различных языковых культур использования английского языка при составлении текстов как средства распространения контента для мирового сообщества.

Исследуемые в следующем разделе цепочки определений анализировались по единой схеме для разделов данного блока.

Т а б л и ц а 2. Вариативность атрибутивных структур с эмотивами в Позииции 1
[Table 1. Variability of attribute structures containing emotives in Position 1]

	Фраза 2	Вхождения	Фраза 1	Вхождения	%
<i>Объекты растительного мира. Эмотив в Позииции 1</i>					
Дерево	<i>одинокое старое дерево</i>	3300	<i>старое одинокое дерево</i>	503	15,2
	<i>lonely old tree</i>	356000	<i>old lonely tree</i>	216000	60,7
Роза	<i>красивая молодая роза</i>	57	<i>молодая красивая роза</i>	5	8,8
	<i>beautiful young rose</i>	231000	<i>young beautiful rose</i>	555000	41,6
Цветок	<i>старый увядший цветок</i>	7	<i>увядший старый цветок</i>	4	57,1
	<i>old wilted flower</i>	433	<i>withered old flower</i>	184000	0,2
	<i>красивый молодой цветок</i>	1730	<i>молодой красивый цветок</i>	2830	61,1
	<i>beautiful young flower</i>	252000	<i>young beautiful flower</i>	176000	69,8
Мох	<i>старый сухой мох</i>	38	<i>сухой старый мох</i>	1	2,6
	<i>old dry moss</i>	55	<i>dry old moss</i>	8	14,5

Источник: Поисковая система Google. Дата обращения: 05.10.2022.

При описании объектов растительного мира русскоязычные пользователи поисковой системы чаще выделяют эмоционально окрашенное прилагательное, несущее по-

ложительную или отрицательную коннотацию объекта. Среди запросов англоязычных словосочетаний прослеживается схожая тенденция: пользователи отдают предпочтение постановке на первое место в цепочке определений прилагательных, отражающих фактические данные об описываемом объекте, а также эмоционально окрашенных прилагательных с положительной либо отрицательной коннотацией объекта, при этом отмечается высокий процент вариативности для словосочетаний с изменённым порядком следования атрибутов. Указанные различия в приоритетном порядке следования прилагательных среди пользователей русской и английской языковых групп демонстрируют изменение когнитивного фокуса при описании указанных объектов.

Таким образом, анализ числа запросов, содержащих в качестве одного из компонентов эмоционально окрашенное прилагательное, позволяет сделать вывод о разнообразных предпочтениях в приоритетном порядке следования определений для различных классов объектов, связанных с понятием 'объект растительного мира'.

В ряде запросов отмечен высокий процент вариативности при инвертировании порядка следования определений, демонстрирующий релевантность выделения пользователями фактических характеристик объекта, таких как его физическое состояние.

Примеры реализации в предложениях для рассматриваемых атрибутивных структур показывают схожие данные для русского и английского языков. Русскоязычные структуры *одинокое старое дерево – старое одинокое дерево* реализуются в сложных предложениях с повествовательной целью высказывания:

1. *Несмотря на некоторую нестандартность сюжета, думаю, определить, где находится это **одинокое старое дерево**, большого труда не составит* [<https://forum.esmasoft.com/viewtopic.php?t=4527>].

2. *Прямо по середине, как обычно бывает в фильмах, стояло **старое одинокое дерево*** [<https://ficbook.net/readfic/9384263/25296846>].

Аналоги для английского языка *lonely old tree – old lonely tree* реализуются в предложениях схожего типа:

1. ***Lonely old tree** in a snowy winter evening* [<https://www.agefotostock.com/age/en/details-photo/lonely-old-tree-in-a-snowy-winter-evening/ESY-039733043>].

2. *A very **old lonely tree** in the river bed* [<https://vymaps.com/NA/Zebra-River-Lodge-1377155742326227/>].

Как русскоязычные, так и англоязычные контекстуальные примеры реализации атрибутивной структуры демонстрируют выполнение атрибутивной структурой роли подлежащего в исследуемых предложениях.

5. Заключение [Conclusion]

Настоящее было посвящено выявлению лингвокультурологических особенностей, определяющих порядок следования определений в атрибутивных структурах, сравнению специфики концептуализации признаков объекта в русском и английском языках. На основе эмпирической базы, сформированной с учётом схематической структуры и статистики частотности реализации атрибутивных структур в речи посредством поисковой системы Google с применением фильтров были выявлены релевантный порядок следования определений для характеристики существительных и динамика когнитивного фокуса для указанных языков.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, атрибутивные конструкции, описывающие существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русском языке, отличаются большей вариативностью по сравнению с английским языком. Тем не менее, предпочтения в выборе релевантного порядка следования определений в обоих языках схожи. Во-вторых, в обоих языках наблюдается приоритет размещения на первой позиции в атрибутивных цепоч-

ках прилагательных определений, содержащих эмоциональную коннотацию объекта (положительную либо отрицательную). В-третьих, атрибутивные конструкции, содержащие колоративы, отличаются большей динамикой когнитивного фокуса в рассматриваемых языках. Отмечен высокий процент вариативности при инвертировании порядка следования определений, демонстрирующий релевантность выделения пользователями фактических характеристик объекта, таких как физическое состояние, цвет, возраст. Наконец, в ряде словосочетаний наблюдается смещение когнитивного фокуса, демонстрирующее противоположные приоритеты концептуализации языковой действительности, отражающие различные культурные приоритеты представителей рассматриваемых языковых групп.

Перспектива представленной работы заключается в исследовании специфики лингвокультурологической картины мира для русскоязычных и англоязычных носителей, особенностей классификации явлений природы, совершенствовании методологии исследования распределения когнитивного фокуса в единицах малого синтаксиса. Практическое использование заключается в возможности дальнейшей разработки обучающих материалов с учётом полученных данных.

Библиографический список

- Бахмацкая, 2018 – Бахмацкая А. О. Перевод атрибутивных сочетаний в публицистических текстах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 68–70.
- Гостева, 2022 – Гостева Н. С. Атрибутивные конструкции, описывающие концепт природа, в контексте вариативности структуры (на материале русского и английского языков) // Филологический аспект. 2022. № 2 (82). С. 51–57.
- Гостева, 2021 – Гостева Н. С. Порядок следования атрибутов при описании водных объектов в английском и русском языках // Филологический аспект. 2021. № 10 (78). С. 83–89.
- Зиновьева, 2016 – Зиновьева Т. А. Типология концептов как ментальных образований // Молодой ученый. 2016. №2 (106). С. 897–899. URL: <https://moluch.ru/archive/106/25401/> (дата обращения : 19.10.2022).
- Зинченко, 2021 – Зинченко Н. С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в английском языке и способы их перевода // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 16–19 декабря 2020 года / под ред. Л. Г. Кузьминой, Н. А. Фененко. Воронеж : Истоки, 2021. С. 209–217.
- Ляшевская, Шаров, 2008 – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь национального корпуса русского языка: концепция и технология создания. 2008. URL : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/53.htm> (дата обращения : 15.02.2022).
- Мещерякова-Клабахер, 2012 – Мещерякова-Клабахер В. А. Атрибутивные характеристики как средство передачи вещественной и оценочной информации (на примере номинаций писателя в немецких газетно-журнальных текстах) // Вестник ОмГУ. 2012. № 1 (63). С. 148–150.
- Мордовин, 2015 – Мордовин А. Ю. «Веб как корпус» или «корпус как веб»: новая реальность корпусной лингвистики // Вестник МГЛУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (714). С. 163–172.
- Никишина, 2002 – Никишина И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике. М. : МАКС Пресс, 2002. 184 с.
- Нильсен, 2006 – Нильсен Е. А. К экспликации концепта «Время» в английском языке // Вестник СамГУ. 2006. № 10-2. С. 211–217.
- Овчинникова, 2020 – Овчинникова, Н. И. (2020). Фразеологические и сентенциональные атрибуты в современном английском языке // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1, С. 77–81. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2733>
- Петрова И. М. Классификация объекта как отражение процессов категоризации в речи (на материале английской атрибутивной конструкции) // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 311–314.

- Петрова, 2019 а – Петрова И. М. Комбинаторика биномиальных конструкций как отражение процесса иконической репрезентации объектов действительности // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 621–626.
- Петрова, 2019 б – Петрова И. М. Об анализе порядка следования определений в атрибутивной группе в английском и русском языках на основе теории классов // Русистика и компаративистика : сб. науч. тр. по филологии. М. : Книгодел, 2019. С. 281–291.
- Петрова, 2019 в – Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 127–142. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_127_142
- Пилявских, Баскакова, 2016 – Пилявских Ю. А., Баскакова Е. С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 126–128. <https://doi.org/10.21661/r-80011>
- Синкевич, 2010 – Синкевич Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 239–248.
- Сулейманова и др., 2020 – Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки народов мира, 2020. 352 с.
- Сулейманова, 2018 – Сулейманова О. А. Когнитивная интерпретация особенностей адъективной лексики в свете теории классов: hommage à О.В. Афанасьева // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : сб. науч. статей / отв. ред. О. Я. Федоренко. М. : Диона, 2018. С. 70–79.
- Сулейманова, Петрова, 2018 – Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52–63. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26758>
- Сысоев, Шапшева, 2019 – Сысоев А. Н., Шапшева Н. П. Перевод атрибутивной группы в заглавиях англоязычных научно-технических документов при каталогизации // Научные и технические библиотеки. 2019. № 2. С. 60–74. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2019-2-60-74>
- Ткаченко, 2020 – Ткаченко А. В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 4. С. 80–86. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.17>
- Щипицина, 2013 – Щипицина Л. Ю. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 128 с.
- Blöhdorn, 2009 – Blöhdorn L. M. Postmodifying Attributive Adjectives in English: An Integrated Corpus-based approach. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien : PeterLang Press, 2009. 201 p.
- Ferris, 2014 – Ferris C. Meaning of Syntax: A Study in the Adjectives of English. Routledge, 2014. 248 p.
- Gatto, 2014 – Gatto M. The Web as Corpus: Theory and practice. London, New York : Bloomsbury Academic, 2014. 256 p.
- Givon, 1990 – Givon T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. 2. Amsterdam : John Benjamins, 1990. xxv + 552.
- Kemmerer et al., 2007 – Kemmerer D., Chandrasekaran B., Tranel D. A case of impaired verbalization but preserved gesticulation of motion events // Cognitive neuropsychology. 2007. Vol. 24, Iss. 1. P. 70–114.
- Kilgariff, 2001 – Kilgariff A. Web as corpus // Proceedings of Corpus Linguistics 2001 conference. Lancaster, 2001. P. 342–344.
- Newby, 2001 – Newby G. B. Cognitive space and information space // Journal of American Society for Information Science and Technology. 2001. Vol. 52. P. 1026–1048.
- Suleimanova, Petrova, 2020 – Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using big data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, N 3. P. 385–393. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0561>
- Talmy, 1983 – Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: Theory, research, and application / ed. by L. P. Herbert, Jr. Acredolo, L. P. Acredolo. New York : Plenum Press, 1983. P. 225–282.

References

- Bakhmatskaya, A. O. (2018). Perevod atributivnykh sochetaniy v publitsisticheskikh tekstakh [Translation of attributive combinations in journalistic texts]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Issues of Humanities and Sciences], 7, 68–70. (In Russ.).
- Gosteva, N. S. (2022). Atributivnye konstruksii, opisuyayushchie kontsept priroda, v kontekste variativnosti struktury (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Attributive constructions describing the concept of nature in the context of the variability of the structure (Based on the material of the Russian and English languages)]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2 (82), 51–57. (In Russ.).
- Gosteva, N. S. (2021). Poryadok sledovaniya atributov pri opisaniy vodnykh ob"ektov v angliyskom i russkom yazykakh [The order of attributes when describing water bodies in English and Russian languages]. *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect], 10 (78), 83–89. (In Russ.).
- Zinov'eva, T. A. (2016). Tipologiya kontseptov kak mental'nykh obrazovaniy [Typology of concepts as mental formations]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2 (106), 897–899. Retrieved from <<https://moluch.ru/archive/106/25401/>> (In Russ.).
- Zinchenko, N. S. (2021). Mnogokomponentnye atributivnye slovosochetaniya v angliyskom yazyke i sposoby ikh perevoda [Multicomponent attributive phrases in English and ways of their translation]. In L. G. Kuz'mina, N. A. Fenenko (Eds), *Yazykovaya kartina mira v usloviyakh mul'tilingvizma i mul'tikul'turalizma: perevodcheskiy, lingvisticheskiy i didakticheskiy aspekty* [The linguistic picture of the world in the conditions of multilingualism and multiculturalism: Translation, linguistic and didactic aspects] : International conf. proc. (pp. 209–217). Voronezh : Istoki Press. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2008). *Chastotnyy slovar' natsional'nogo korpusa russkogo yazyka: kontseptsiya i tekhnologiya sozdaniya* [Frequency dictionary of the national corpus of the Russian language: Concept and technology of creation]. Retrieved from <<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/53.htm>> (In Russ.).
- Meshcheryakova-Klabakher V. A. (2012). Atributivnye kharakteristiki kak sredstvo peredachi veshchestvennoy i otsenочноy informatsii (na primere nominatsiy pisatelya v nemetskikh gazetno-zhurnal'nykh tekstakh) [Attributive features as a means of transmitting factual and evaluative information (Based on the writer's nominations in German newspaper and journal texts)]. *Vestnik OmGU* [Herald of Omsk University], 1 (63), 48–150. (In Russ.).
- Mordovin, A. Yu. (2015). «Veb kak korpus» ili «korpus kak veb»: novaya real'nost' korpusnoy lingvistiki [“Web as a corpus” or “corpus as a web”: A new reality of corpus linguistics]. *Vestnik MGLU. Ser. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. The Humanities], 3 (714), 163–172. (In Russ.).
- Nikishina, I. Yu. (2002). *Ponyatie «kontsept» v kognitivnoy lingvistike* [The notion of “concept” in cognitive linguistics]. Moscow : MAKS Press. (In Russ.).
- Nil'sen, E. A. (2006). K eksplikatsii kontsepta «Vremya» v angliyskom yazyke [On explication of the concept “Time” in English]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 10-2, 211–217. (In Russ.).
- Ovchinnikova, N. I. (2020). Frazheologicheskie i sententsional'nye atributy v sovremennom angliyskom yazyke [Phrase and sentence premodifiers in modern English]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 1, 77–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2733>
- Petrova, I. M. (2018). Klassifikatsiya ob"ekta kak otrazhenie protsessov kategorizatsii v rechi (na materiale angliyskoy atributivnoy konstruksii) [Object classification as a reflection of categorization processes in speech (Based on the material of the English attributive construction)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 34, 311–314. (In Russ.).
- Petrova, I. M. (2019 a). Kombinatorika binominal'nykh konstruksiy kak otrazhenie protsessa ikonicheskoy reprezentatsii ob"ektov deystvitel'nosti [Combinatorics of binomial phrases as a reflection of the process of iconic representation of objects in reality]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 37, 621–626. (In Russ.).
- Petrova, I. M. (2019 b). Ob analize poryadka sledovaniya opredeleniy v atributivnoy gruppe v angliyskom i russkom yazykakh na osnove teorii klassov [On the analysis of the order of definitions in the attributive group in English and Russian on the basis of the theory of classes]. *Rusistika i komparativistika* [Russian studies and comparative studies] : A collection of scientific papers on Philology (pp. 281–291). Moscow : Knigodel Press. (In Russ.).

- Petrova, I. M. (2019 v). Potentsial poiskovoy sistemy Google pri provedenii issledovaniy v ramkakh kognitivnoy korpusnoy lingvistiki [The potential of Google search for studies in cognitive corpus linguistics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3, 127–142. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_127_142
- Pilyavskih, Yu. A., Baskakova, E. S. (2016). Osobennosti perevoda atributivnykh grupp s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Translation of attribute groups from English into Russian]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 3, 126–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.21661/r-80011>
- Sinkevich, D. A. (2010). Atributivnye konstruksii v sovremennoy lingvistike: problemy opredeleniya i analiza [Attributive constructions in modern linguistics: Problems of definition and analysis]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Current Issues of Modern Science], 12, 239–248 (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Fomina M. A., Tiv'yaeva I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of linguistic research]. 2nd edn., with corrections and addenda. Moscow : Yazyki narodov mira Press. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A. (2018). Kognitivnaya interpretatsiya osobennostey ad"ektivnoy leksiki v svete teorii klassov: hommage à O.V. Afanas'eva [Cognitive interpretation of the features of adjectival vocabulary in the light of class theory: Hommage à O. V. Afanasyeva]. In O. Ya. Fedorenko (Ed.), *Tri "L" v paradigme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika* [Three "L" in the paradigm of modern humanitarian knowledge: Linguistics, literary studies, linguodidactics] : A collection of articles (pp. 70–79). Moscow : Diona Press. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A. Petrova, I. M. (2018). Eksplanatornyy potentsial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredeleniy [Explanatory potential of the theory of classes for linguistic research: Word order in attributive group]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 3, 52–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26758>
- Sysoev, A. N., Shapsheva, N. P. (2019). Perevod atributivnoy gruppy v zaglaviyakh angloyazychnykh nauchno-tekhnicheskikh dokumentov pri katalogizatsii [Translating the attribute group in the titles of the English-language sci-tech documents for cataloging]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2, 60–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2019-2-60-74>
- Tkachenko, A. V. (2020). Atributivnoe slovosochetanie v traditsionnom i kognitivnom aspektakh izucheniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Attribute word combinations from the viewpoints of traditional and cognitive approaches (by the material of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4, 80–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.17>
- Shchipitsina, L. Yu. (2013). *Informatsionnye tekhnologii v lingvistik* [Information technologies in linguistics] : A coursebook. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Blöhdorn, L. M. (2009). *Postmodifying Attributive Adjectives in English: An Integrated Corpus-based approach*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien : PeterLang Press.
- Ferris, C. (2014). *Meaning of syntax: A study in the adjectives of English*. Routledge.
- Gatto, M. (2014). *The Web as Corpus: Theory and practice*. London, New York : Bloomsbury Academic.
- Givon, T. (1990). *Syntax: A functional-typological introduction*. Amsterdam : John Benjamins.
- Kemmerer, D., Chandrasekaran, B., Tranel, D. (2007). A case of impaired verbalization but preserved gesticulation of motion events. *Cognitive neuropsychology*, 24 (1), 70–114.
- Kilgarriff, A. (2001). Web as corpus. *Proceedings of Corpus Linguistics 2001 conference* (pp. 342–34). Lancaster, 4.
- Newby, G. B. (2001). Cognitive Space and Information Space. *Journal of American Society for Information Science and Technology*, 52, 1026–1048.
- Suleimanova, O. A., Petrova, I. M. (2020). Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 3, 385–393. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0561>
- Talmy, L. (1983). How language structures space. In L. P. Herbert, Jr. Acredolo, L. P. Acredolo (Eds), *Spatial orientation: Theory, research, and application* (pp. 225–282). New York : Plenum Press.

Кирколуп Ольга Валерьевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Российская Федерация
olga.kirkolup@gmail.com

Дискурсивная модель концепта ПРОТЕСТ (на основе публикаций издания «Ведомости»)

Аннотация

Настоящая статья нацелена на построение дискурсивной модели концепта ПРОТЕСТ посредством изучения способов его вербализации на материале российских медиатекстов. В соответствии с выбранным антропоцентрическим подходом, структура концепта ПРОТЕСТ рассматривается как элемент картины мира носителя русского языка. Материалом для исследования послужили публикации издания «Ведомости» о митингах за допуск независимых кандидатов на выборы в Московскую городскую Думу в 2019 г. В ходе исследования был проведён когнитивный анализ указанных публикаций. В результате выявлены основные интенции авторов публикаций на выбранную тему, а также используемые ими доминантные психолингвистические сценарии. Оказалось, что основные интенции – информация о событиях, анализ, критика их участников – реализуются с помощью сценариев «Опасность», «Манипулирование», «Неадекватность». В качестве доминирующих номинаций изучаемого концепта были выделены лексемы *протест*, *акция*, *митинг*. Было также отмечено обогащение медиадискурса новыми лексемами для описания участников протеста, заимствованными из английского языка. В структуре исследуемого концепта было выделено несколько основных фреймов, позволяющих составить его концептуальную модель: «субъект», «акция», «инструмент», «объект», «результат», «время» и «место».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, дискурсивная модель, типы протеста, субъект протеста, инструменты протеста

© Кирколуп О. В. 2023

Для цитирования: Кирколуп О. В. Дискурсивная модель концепта ПРОТЕСТ (на основе публикаций издания «Ведомости») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 64–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_64

Olga V. Kirkolup
Altay State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation
olga.kirkolup@gmail.com

Discursive model of the concept PROTEST (Based on «Vedomosti» publications)

Abstract

The article aims to contribute into designing a discursive model of the concept PROTEST by means of studying its verbalization patterns in Russian media texts. According to the anthropocentric approach adopted in this study, the structure of the concept is viewed as an element of Russian native speakers world view. «Vedomosti» publications about the protests supporting the admission of the independent candidates to the elections into Moscow municipal Duma in 2019 were chosen as the material for the study. During the study, cognitive analysis of the publications was performed. As a result, the main intentions of the chosen publications authors and the dominant psycholinguistic scenarios were identified. It turned out that the main intentions of providing the

information about the events, analysis and the criticism of the participants were realized within the following main scenarios: «Danger», «Manipulation», «Inadequacy». Lexemes *protest*, *action* and *meeting* were the dominant nominations of the concept. Another finding was the emergence of new lexemes borrowed from English that describe the participants of protests. Finally, a number of main frames constituting the model of the concept were identified. These included «subject», «action», «tool», «object», «result», «time» and «place».

Keywords: cognitive linguistics, concept, discursive model, protest types, protest actors, protests tools

© Kirkolup O. V. 2023

For citation: Kirkolup, O. V. (2023). Diskursivnaya model' kontsepta PROTEST (na osnove publikatsiy izdaniya «Vedomosti») [Discursive model of the concept PROTEST (Based on «Vedomosti» publications)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 64–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_64

1. Введение [Introduction]

Протестный дискурс стабильно актуален, поскольку он постоянно изучается и вызывает интерес научных кругов, о чём свидетельствуют многочисленные публикации в научных изданиях. Протестные движения являются объектом исследования разных наук: в социологии исследуются актуальное состояние и потенциальное развитие, а также закономерности изменений протестной активности населения [Люлька, 2015]; политические науки занимаются изучением процессов зарождения, развития протестных движений, управления ими и противодействия им [Касович, 2013]; экономические науки рассматривают влияние протестных движений на развитие мирового рынка и международных экономических отношений, выделяют экономические группы, наиболее подверженные участию в протестах [Мамонов, 2012]; исторические науки анализируют традиции и возможные способы изучения массовых протестов в разные эпохи на различных территориях [Мининков, 2019]; психология рассматривает факторы протестных движений [Бочарова, 2018] и др.

Чаще всего анализ протестных движений и способов их описания проводится в свете политических или социальных наук. В настоящей же статье применяется междисциплинарный лингво-когнитивный подход, и, вслед за А. А. Залевской, концепт ПРОТЕСТ рассматривается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская, 2001, с. 39]. Чтобы описать концепт, необходимо объяснить значение его имени и ближайших его обозначений [Карасик, 2002, с. 91]. Согласно В. И. Карасику, концепт находится в постоянном движении, его ядерное и периферийное содержание всё время подвергается трансформациям, и эти изменения более заметны на периферии, но чем ближе к ядру, тем менее заметно это движение, поэтому концепт практически невозможно полностью описать или выразить с помощью определённых языковых средств. Концепт не всегда выражается конкретной лексемой или другими языковыми средствами, поэтому анализ номинаций концепта помогает уточнить лишь коммуникативную его сторону [Попова, Стернин, 2010, с. 50].

Ц е л ь ю настоящего исследования является построение дискурсивной модели концепта ПРОТЕСТ на базе современного русскоязычного медиадискурса. Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие з а д а ч и: 1) выявить и описать языковые средства, используемые для вербализации концепта ПРОТЕСТ в медиадискурсе; 2) провести семный анализ репрезентации исследуемого концепта; 3) описать дискурсивные особенности актуализации концепта ПРОТЕСТ в массмедиа.

Технология построения когнитивно-дискурсивных моделей концептов сама по себе не нова. Общими проблемами построения таких моделей занимались в частности [Астахова, 2010 ; Енина, 2016]; проблемы концепта СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ рассматривались в лингвистике в языковой картине мира США [Лебедева, 2005]. Однако до сих пор не было предложено когнитивно-дискурсивной модели концепта ПРОТЕСТ в русскоязычной лингвокультуре на основе медиадискурса. Востребованность такой модели связана с возросшим количеством в периодических изданиях публикаций, посвящённых описанию протестных акций, а также с особой значимостью семантического содержания концепта ПРОТЕСТ, в том числе и с позиции когнитивной лингвистики.

Статья представляет результаты анализа медиадискурса, посвящённого протестным акциям, в ней последовательно выделяются и анализируются элементы когнитивно-дискурсивной модели концепта ПРОТЕСТ, приводятся основные результаты проведённого исследования и намечаются перспективы изучения концепта.

2. Материал и методы [Material and methods]

Методом направленной выборки в ходе исследования было отобрано, обработано и проанализировано 30 публикаций, описывающих протестные акции в связи с выборами в Московскую городскую думу, проходившими в Москве летом 2019 года. Для работы были выбраны публикации разных жанров (новостные, аналитические, эмоциональные [Колесниченко, 2013, с. 12–13] из федерального издания «Ведомости»¹ длиной от 1200 до 7000 знаков без пробелов (ранее подобный анализ был посвящён статьям из массового централизованного издания «Аргументы и факты» [Лукашевич, 2020]).

В исследовании применялись следующие методы: контент-анализ, интент-анализ [Ушакова и др., 1998], семантико-стилистический анализ языковых единиц, контекстуальный анализ и анализ доминантных психолингвистических сценариев [Котов, 2003].

Конструирование модели концепта ПРОТЕСТ на основе анализа отобранных текстов проходило в несколько этапов: описание макроструктуры концепта, описание категориальной структуры концепта (фреймы, слоты и прочее), описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (ядро и периферия) [Попова, Стернин, 2010, с. 161]. Концепт ПРОТЕСТ включает в себя, таким образом, несколько основных фреймов: «субъект», «акция», «инструмент», «объект», «результат», «время» и «место» (подобная модель концепта СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ была построена И. Л. Лебедевой на материале американской прессы [Лебедева, 2005]).

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Модель концепта ПРОТЕСТ представлена следующими макрокомпонентами: об-разный – 34% (человек, люди), информационный – 48% (несогласие, недовольство, про-тив) и интерпретационный 18% (массовый, организованный, мирный, агрессивный, яркий). Таким образом, значимую роль играет информационный компонент с когнитив-ным признаком недовольство. Основные когнитивные признаки концепта ПРОТЕСТ: человек / люди 32; против 14; недовольство 14; несогласие 13, собрание 12. В ядре поле-вой структуры концепта ПРОТЕСТ обнаруживаются именованная протеста – протест 55, митинг 36, выражение 22, недовольство 14, несогласие 13, акция 10; участники протес-тов – люди 32, граждане 10; характеристика протестов – против 14, организованный 8, массовый 7, активный 5.

¹ Ведомости. URL : <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения : 30.03.2020). СМИ «Ведомости» (Vedomosti) – электронное периодическое издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 22 декабря 2006 г. Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-26576.

Анализ текстов публикаций показал, что в число самых распространённых слов вошли: *кандидаты, власть, выборы, Москва, акция, протест*. Можно говорить о том, что в текстах отражаются две основные стороны, участвующие в протестах: *кандидаты и власть*. Таким образом выражается классическое противопоставление в медиадискурсе «свой – чужие», часто привлекающее внимание современных лингвистических исследований на материале разных языков (см., напр., [Арекеева, 2022 ; Падерина, 2022 ; Зырянов и др., 2021]), оно дополнительно усиливается употреблением местоимений *они – мы* и существительных *сторонники – оппозиция*. Описывается и объект протеста – *выборы*, упоминается место – *Москва*. Протесты именуется различными способами: *акция, протест, митинг*. Причём номинация протест по частоте упоминаний уступает нейтральной *акции*, которая, в соответствии с толковыми словарями, прежде всего обозначает «ценную бумагу, свидетельствующую о взносе определённого пая в предприятие, дающую её владельцу право участия в прибылях», а потом уже «действие, предпринимаемое для достижения какой-нибудь цели». Между тем *протест* – это «решительное возражение против чего-нибудь» или «заявление о несогласии с каким-нибудь решением (офиц.)», а митинг – это «массовое – обычно характеризующееся высокой эмоциональной напряжённостью – собрание, на котором обсуждается какой-либо актуальный вопрос текущей жизни» [Ушаков, 2014].

Стоит также сказать о том, что в текстах преимущественно употребляются существительные (74,1%), в меньшей степени прилагательные (13,3%) и глаголы (6,5%). Это свидетельствует о номинализации речи, что делает её довольно тяжёлой для восприятия. При непосредственном анализе номинативной части концепта ПРОТЕСТ выясняется, что авторы публикаций употребляют различные именованья протестов, самыми распространёнными из которых являются: *протест* 37%, *митинг* 23%, *выражение* 14%, *мероприятие* 9%, *недовольство* 9%, *несогласие* 8%.

Прилагательные, имеющие нейтральную окраску, встречаются чаще, однако есть единичные контекстные употребления эмоционально-окрашенных (чаще негативно) лексем. В целом прилагательные из анализируемых текстов можно разделить на несколько категорий-характеристик:

- по составу участников (33,3%): *общий, иностранный, молодые, умный, провластный, народный, несистемный, политический, независимый, социальные*;
- по месту действия (20,9%): *московский, российский, муниципальный, внутренний, городской*;
- по характеру действий (12%): *радикальный, протестный, резонансный, негативный, лояльный, мирный, опасный, кипящий, военный*;
- по легитимности (10,7%): *несогласованный, недействительный, согласованный*;
- по повторяемости: *единичное, однократное* (10%);
- по степени организации (5,2%): *новый, инспирированный, самодельный*;
- по характеру восприятия: *позитивный, негативный* (5%);
- по количеству участников (1,4%): *массовый*;
- по схожести с другими событиями: *яркое, похожее на протест* (1%);
- по длительности проведения: *кратковременное* (0,5%).

Известно, что интенции авторов редко даются в явном виде, чаще они носят скрытый характер [Ушакова, Павлова, 2000, с. 101], и чем длиннее текст, тем больше в нём интенций. Однако в текстах существует корневая интенция. Ознакомившись с содержанием текстов и проанализировав их, можно сделать вывод, что в публикациях явно выделяются следующие интенции: анализ (чаще нейтральный), информация о событиях, критика двух сторон, о которых речь шла выше («свой – чужой»), к ним добавляется и «третья сторона» в лице иностранного вмешательства во внутрисоциальные дела на всех уровнях от муниципальных до общероссийских, презентация (мнения экспертов и представителей

двух противостоящих сторон), разоблачение действий, совершаемых властью и несистемной оппозицией. Рассмотрим эти интенции подробнее на конкретных примерах.

Следует отметить, что интенция «презентация» выражается через мнения экспертов, которые присутствуют в каждой статье, однако авторы публикаций подчёркивают статус эксперта, иногда не называя конкретных имён: *подписи в поддержку Ильи Яшина*¹ забраковали почерковеды, которые не несут ответственности за свои выводы, считают эксперты; что думают эксперты; Мосгордума – один из самых слабых парламентов, считает политолог Екатерина Курбангалеева; никакого риска в допуске оппозиционеров к выборам в Мосгордуму нет, возражает политолог Александр Кынев* (Ведомости, 14.07.2019); *с точки зрения обывателя, скандальные инициативы гораздо больше бросаются в глаза и запоминаются сильнее, чем мало на что влияющие позитивные, добавляет эксперт* (Ведомости, 25.07.2019); *даже если стратегия «умного голосования» сработает, Мосгордума останется лояльной власти, предупреждает эксперт* (Ведомости, 15.08.2019); *те, кто поддерживает власть, и так считают, что Запад виноват в протестах», – полагает эксперт Московского центра Карнеги Андрей Колесников**¹* (Ведомости, 19.08.2019).

Аналитические данные о происходящих событиях преподносятся с позиции двух сторон (протестующих и власти), мнения одних и других представлены нейтрально без явного принятия мнения одной из сторон: *по словам Митрохина, у него признали недействительными 618 подписей, что означает отказ в регистрации; избиркомы при проверке подписных листов выявляли превышение допустимого брака как у оппозиционных, так и у провластных кандидатов, заверил председатель МГИКа Валентин Горбунов* (Ведомости, 14.07.2019); *ощущается и критика авторами публикаций каждой из сторон-участниц: теперь обе стороны находятся в цугцванге – позиции, когда каждый следующий ход становится шагом к проигрышу партии; ответственные представители каждой из сторон должны предотвратить нависшую угрозу столкновений в центре Москвы и договориться о месте намеченной на субботу массовой акции и мерах обеспечения порядка на ней* (Ведомости, 30.07.2019).

Интенция «критика двух сторон (свой – чужой)» представлена местоимением «они» представляет нам и участников протестов: *они не будут молчать; они же выбрали другой метод, неправовой, – уличные демонстрации* (Ведомости, 14.07.2019); *они остаются разрозненными, им не хватает солидарности между участниками* (Ведомости, 01.08.2019); и власть, против действий которой эти протесты организуются: *все они живут за счёт налогоплательщиков; они на военном диалекте и изъясняются* (Ведомости, 31.07.2019).

Определённые интенции (анализ, информация о событиях, разоблачение действий) передаются авторами статей с помощью доминантных психолингвистических сценариев: *опасность* (17%), *манипулирование* (13,5%), *неадекватность* (13,5%), *обман* (11%). После обработки текстов стало очевидным, что основными сценариями, используемыми в издании «Ведомости» является опасность с позиции мирных граждан, которая может исходить как от власти, так и от оппозиционеров: *в политической атмосфере страны что-то явно искрит, и это неудивительно: коса репрессий машет с усиленной амплитудой – но по камням, которых все больше* (Ведомости, 05.09.2019); *отражают крайне опасную тенденцию – игры на повышение ставок* (Ведомости, 30.07.2019); *манипулирование: до сих пор манипуляции на выборах имели характер полускрытых стратегий* (Ведомости, 06.09.2019); *неадекватность обеих сторон ситуации: будто что-то надломилось, но признавать этого никто не хочет* (Ведомости, 06.09.2019); *даже такие универсальные понятия, как «достоинство» и «свобода», понимаются по-разному митингующими в Москве и большинством россиян* (Ведомости, 01.08.2019); и *обман: они видят махинации на выборах* (Ведомости, 02.09.2019); *мифы об участниках московских протестов* (Ведомости, 11.08.2019).

Рассматривая структуру концепта ПРОТЕСТ, в первую очередь стоит говорить о способах его номинации. Лексемы, представленные во фрейме «типы» протеста, позволяют говорить о самых распространённых номинациях ПРОТЕСТА в порядке убывания по количеству словоупотреблений согласно публикациям в издании «Ведомости». Кроме лексем *акция*, *протест* и *митинг*, дефиниционный анализ которых был представлен ранее [Кирколуп, 2018], зафиксированы также *пикет*, *недовольство*, *мобилизация*, *события*, *манифестации*, *выход на улицы*, *штурм*, *беспорядки*, *конфликт*, *столкновения*, *выступления*, *волнения*, *шествия*, *прогулки*, *мероприятия*, *активность*, *забастовки*. Сравнение этих лексических единиц показывает, что среди них есть чистые синонимы: *протест*, *недовольство*, *беспорядки* и *волнения* [Александрова, 2001], но можно говорить и об аналогах – лексемах, которые схожи лишь некоторыми семантическими элементами: *акции*, *выступления*, *столкновения*, *мероприятия*, *конфликт*. Синонимы, входящие в ряд, указывают на эмоциональную окраску протестов, их масштаб и объект, на который действия направлены, а различаются они по социальной принадлежности субъектов протеста и места его проведения [Ушаков, 2014].

Необходимо подчеркнуть, что в анализируемых статьях название субъектов ПРОТЕСТА происходит с помощью субстантивированных причастий *протестующие*, *митингующие* и *демонстранты*. Однако самыми широко употребляемыми лексемами, используемыми для описания участников ПРОТЕСТА в издании «Ведомости», были собирательные наименования *люди*, *участники*, *группа*. Подобные номинации имеют нейтральную эмоциональную окраску, что позволяет авторам объективно представить происходящие события.

Ещё один важный и показательный фрейм модели концепта ПРОТЕСТ – это «инструменты». Любое протестное движение сопровождается отличительными знаками, среди которых могут быть выделены материальные и нематериальные носители, особенная форма одежды, предметы, транспаранты, аудиальное сопровождение и прочее. Издание «Ведомости» описывает происходящие протестные акции, указывая на характерные инструменты: *прямого призыва «Москвичи, выходите»* (Ведомости, 19.08.2019); *Участники митинга не только брали плакаты у волонтеров, но и делали их сами* (Ведомости, 11.08.2019); *На митинг можно прийти в обычной повседневной одежде, а можно взять в руки флаг, нацепить значок, повесить ленточку или держать плакат, сделав таким образом дополнительное политическое высказывание – послание, которое не просто привлечёт внимание рядом стоящих зрителей, но попадёт в поле зрения СМИ и так будет распространяться еще сильнее* (Ведомости, 11.08.2019). Из приведённых примеров видно, что акции сопровождались материальными носителями, которые отличали участников акции от обычных граждан, совершавших прогулку.

Отдельный интерес представляют лозунги и призывы, которые звучат на митинге или представлены на плакатах. В них сконцентрировано всё умение участников акции изобретать эффектные, экспрессивные и содержательные фразы. Издание «Ведомости» цитирует лозунги, которые использовались известными людьми много лет назад, как например, повторение приказа градоначальника столицы России начала XX в. Петербурга Дмитрия Трепова полиции: *«Холостых залпов не давать и патронов не жалеть»* (Ведомости, 30.07.2019). Большинство лозунгов, используемых в публикациях, восклицательные: *Я в бешенстве!*; *Свободу Егору Жукову, Власть – это мы, дайте нам право голоса!!!*; *Честные выборы, а не обыски и аресты* (Ведомости, 11.08.2019). Все они выражают мнение «я» или «мы», поскольку участники митинга объединены одними идеями. Встречаются, однако, и более изобретательные авторы лозунгов, использующие игру слов, метафоры, буримы, аллюзии и прочее. Вот лишь некоторые из таких лозунгов: *Не хотите Соболь, будет песец* (речь идёт о Любове Соболь^{**2}, чья кандидатура для выборов в Мосгордуму не была допущена), *Любовь – это я* (всё та же Любовь Со-

боль^{**2}, в часто используемой после теракта во франкоязычном издании «Charli hebdo» фразе-ассоциации себя с кем-то или чем-то), *ГУЛАГ 2.0? Спасибо, не надо* (риторический вопрос, намёк на возрождение «сталинских времён» с репрессиями), *Чтобы по-настоящему в избирком, становись придворным шутом!* Лозунги на иностранном языке, в частности на английском, языке международного общения, тоже использовались на митинге, возможно, чтобы привлечь внимание иностранных СМИ: *No taxation without representation* – нет налогов без представительства (Ведомости, 31.07.2019).

Язык масс-медиа, используемый для описания протестных акций в издании «Ведомости», включает стилистические приёмы, говоря о реакции полиции на происходящее на улицах, о решениях суда по протестным делам: *коса репрессий машет с усиленной амплитудой* (Ведомости, 05.09.2019) – метафора использована для усиления эффекта жёсткости представителей закона по отношению к участникам протестных акций; *превратит простое возмущенное общество в общество разгневанное, конфликт может перерасти в драму, а то и, не дай бог, в трагедию* (Ведомости, 30.07.2019) – восходящие градации, описывающие нарастающее недовольство действиями представителей власти по отношению к протестующим ими же самими. Найдены иностранные заимствования, ассимилировавшиеся в русском языке не так давно: *протестность* для обозначения протестной активности, *путинг* – активная пропаганда политики В. В. Путина, *инспирированы* вместо традиционного «вдохновлены». Заимствования употребляются авторами публикации для того, чтобы добавить медиадискурсу экспрессивности, а значит приблизиться к читателю. Медиадискурс стремится к изобретению новых лексических единиц во избежание повторений. Порой авторы умело и ярко соединяют в одну фразу арго, профессиональные термины, иностранные заимствования и повседневную лексику: *Какая уж тут кооптация несогласных, когда собственные кандидаты косят под независимых, чтобы не замараться токсичным лейблом партии власти?* (Ведомости, 28.08.2019). Имеются случаи обыгрывания терминов, употребляемых в совершенно иных сферах. Так, в примере *Ситуация цугцванга: любой ход становится шагом к проигрышу* (Ведомости, 30.07.2019) термин позаимствован в шахматах, но обыгрывается в описании политической ситуации в стране.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ медиопубликаций в издании «Ведомости» позволяет заключить, что модель рассматриваемого концепта содержит в себе образный, информационный и интерпретационный макрокомпоненты, среди которых доминирует информационный компонент с когнитивным признаком «недовольство». К ядру структуры концепта ПРОТЕСТ относятся прежде всего именованная *протест*, *митинг*. Другие способы номинации протестов были менее частотными, но все они передавали основные характеристики концепта – публичность, массовость – и служили выражению несогласия протестующих с действиями властей. Анализ процентного соотношения частей речи, используемых для описания протестов, обнаруживает тенденцию к номинализации, о чём свидетельствует выраженное преобладание существительных (74,1%). Помимо этого, в материале были зафиксированы новые лексемы, связанные с протестами, образованные по принципам иностранного языка (английского). Это может свидетельствовать, с одной стороны, об отсутствии подходящих языковых средств в русском языке для обозначения того или иного нового феномена, связанного с изучаемым концептом, а с другой – об интернационализации медиадискурса. Кроме того выявлено, что особую роль в описании протестных акций занимают лозунги участников протестов, а так же ответные реакции тех, на кого направлен протест. Такие высказывания и фразы носят яркую эмоциональную окраску, сочетают внутри себя разные стили, хорошо запо-

минаются, а иногда становятся символами ПРОТЕСТА. Протест характеризуется авторами по различным критериям (состав участников, место, характер действий, легитимность и повторяемость, степень организации, характер восприятия, схожесть с другими событиями, количество участников, длительность проведения) с помощью прилагательных.

Полученные результаты ограничены одним изданием, поэтому в дальнейшем необходим более широкий охват источников материала для построения более полного русского варианта модели концепта ПРОТЕСТ с обозначением его ядерной части и периферии. Интересно будет сравнить русскоязычную модель данного концепта с её эквивалентами в других языках.

*** Упомянутые физические лица, выполняющие функции иностранного агента**

*1. Яшин, Илья Валерьевич

**** Упомянутые физические лица, выполняющие функции СМИ – иностранного агента**

**1. Колесников, Андрей Владимирович

**2. Соболев, Любовь Эдуардовна

Библиографический список

- Александрова, 2001 – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001. 568 с.
- Арекеева, 2022 – Арекеева Ю. Е. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в поговорках (на материалах китайского политического медиадискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Астахова, 2010 – Астахова Е. В. Дискурсивная актуализация концепта INSTRUCTION: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Иркутский гос. лингвистич. ун-т. Иркутск, 2010. 21 с.
- Бочарова, 2018 – Бочарова Е. Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, Вып. 4. С. 333–346.
- Ведомости, 2019 – Ведомости. 2019. URL : <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения : 14.11.2022).
- Енина, 2016 – Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159–167.
- Залевская, 2001 – Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И. А. Стернина. Воронеж : Воронежский гос. ун-т. 2001. С. 36–46.
- Зырянов и др., 2021 – Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. «Свой»: анализ языковой презентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62
- Касович, 2013 – Касович А. А. Научный концепт «управление политическим протестом» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2013. № 4. С. 109–112.
- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Кирколуп, 2018 – Кирколуп О. В. Сравнительный лексикографический анализ лексем ПРОТЕСТ / PROTESTATION в русском и французском языках // Филология и человек. 2018. № 3. С. 130–137.
- Колесниченко, 2013 – Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. : учеб. пособие. М. : Изд-во Аспект Пресс, 2013. 334 с.
- Котов, 2003 – Котов А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Российский гос. гум. ун-т, Лингвистич. ин-т. М., 2003. 280 с.
- Лебедева, 2005 – Лебедева И. Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США: На материале периодики и Интернет-ресурсов : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2005. 21 с.

- Лукашевич, 2020 – Лукашевич Е. В. Структура массмедийного концепта ПРОТЕСТ: дискурсивные практики современности // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 228–238. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-228-238>
- Люлька, 2015 – Люлька О. Ф. Протестная активность населения: факторы, динамика и потенциал в общероссийском и региональном измерении : дис ... канд. социол. наук : 22.00.04 ; Южный фед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2015. 204 с.
- Мамонов, 2012 – Мамонов М. В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 5–12.
- Мининков, 2019 – Мининков Н. А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 26–35. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>
- Падерина, 2022 – Падерина Т. С. Социолингвистические аспекты оппозиции «свой – чужой» (на материале немецкой художественной литературы) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 132–141. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_132
- Попова, Стернин, 2010 – Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314 с.
- Ушаков, 2014 – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Славянский Дом Книги, 2014. 960 с.
- Ушакова и др., 1998 – Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И. Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4. С. 98–109.
- Ушакова, Павлова, 2000 – Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / отв. ред. Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. СПб. : Алетейя, 2000. 320 с.

References

- Aleksandrova, Z. E. (2001). Slovar' sinonimov russkogo yazyka. [Dictionary of Russian language synonyms]. Moscow. (In Russ.).
- Arekeeva, Iu. E. (2022). Aktualizatsiya oppozitsii «svoiy – chuzhoiy» v paremiyakh (na materialakh kitayskogo politicheskogo mediadiskursa) [Actualization of the opposition “friend – foe” in paroemias (Based on Chinese political media discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 5–16. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Astakhova, E. V. (2010). Diskursivnaya aktualizatsiya kontsepta INSTRUCTION: na materiale angliyskogo yazyka. [The concept INSTRUCTION discourse actualizing on the English language material]. Author's abstract of PhD in Philological sci.; Irkutsk. Irkutsk State Linguistic University. (In Russ.).
- Bocharova, E. E. (2018). Regulativnyye i mirovozzrencheskie faktory razlichnykh form sotsial'noy aktivnosti molodezhi. [Regulative and world view factors of different forms in youth social activity]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. [Bulletin of Saratov University. Development psychology]. (In Russ.).
- Vedomosti. (2019). Retrived November 14, 2022 from <<https://www.vedomosti.ru/>>.
- Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a discourse concept and discourse identification mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6 (60), 159–167.
- Zalevskaya, A. A. (2001). Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta. [Psycholinguistic approach to the problem of concept. In I. A. Sternin (Ed.), *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological issues of cognitive linguistics]. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoiy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovanie kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) [“Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62

- Kasovich, A. A. (2013). Nauchnyy kontsept «upravlenie politicheskim protestom». [The scientific Concept “Management of Political Protest”]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology], 4, 109–112.
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Kirkolup, O. V. (2018). Sravnitel'nyy leksikograficheskiy analiz leksem PROTEST / PROTESTATION v russkom i frantsuzskom yazykakh [Comparative lexicographic analysis of lexemes PROTEST / PROTESTATION in Russian and French]. *Filologiya i chelovek* [Phylology & Human]. (In Russ.).
- Kolesnichenko, A. V. (2013). *Nastol'naya kniga zhurnalista* [Journalist's table book] : A coursebook. Moscow : Aspekt Press Ed. (In Russ.).
- Kotov, A. A. (2003). *Mekhanizmy rechevogo vozdeystviya v publitsisticheskikh tekstakh SMI* [Discourse impact mechanisms in publicist mass-media texts]. PhD in Philological sci. diss. ; Russian State University for the Humanities. Moscow. (In Russ.).
- Lebedeva, I. L. (2005). Kontsept sotsial'nyy protest v yazykovoy kartine mira SSHA: Na materiale periodiki i Internet-resursov [The concept of social protest in the linguistic world image of the USA: Based on the periodical and Internet material]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Far-East Federal University. Vladivostok. (In Russ.).
- Lukashevich, E. V. (2020). Struktura massmediynogo kontsepta PROTEST: diskursivnye praktiki sovremennosti. [The structure of a PROTEST as a Mass-media concept: Modern discursive practices]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 19 (6), 228–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-228-238>
- Lyul'ka, O. F. (2015). Protestnaya aktivnost' naseleniya: faktory, dinamika i potentsial v obshcherossiyskom i regional'nom izmerenii [Protesting activity of the population: Factors, dynamics and the potential for all-Russia and local change] : PhD in Sociological sci. diss. ; South Federal University. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Mamonov, M. V. (2012). *Protestnaya aktivnost' rossiyan v 2011–2012 gg.: osnovnye trendy i nekotorye zakonomernosti* [Russians' protest activity in 2011–2012: The main trends and some patterns]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 1 (107), 5–22.
- Mininkov, N. A. (2019). Traditsii i perspektivy izucheniya massovykh narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vekov [Traditions and perspectives of studying mass public movements in the Russia of the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 24 (2), 26–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>
- Paderina, T. S. (2022). Sotsiolingvisticheskie aspekty oppozitsii «svoy – chuzhoi» (na materiale nemetskoy khudozhestvennoy literatury) [Sociolinguistic aspects of “friend – foe” opposition (Based on modern German fiction)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 132–141. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_132
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2010). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow. AST Press : Vostok-Zapad Press. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (2014). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary]. Moscow : Slavyanskiy Dom Knigi Press. (In Russ.).
- Ushakova, T. N., Tseptsov, V. A., Alekseev, K. I. (1998). Intent-analiz politicheskikh tekstov. [Intent-analysis of the political texts]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 4, 98–109. (In Russ.).
- Ushakova, T. N., Pavlova, N. D. (Eds). (2000). *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [The word acting : intent-analysis of the political discourse]. St Petersburg : Aletyya Press. (In Russ.).

Коршунова Анастасия Сергеевна, Лагута Нина Владимировна✉

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

nlaguta@mail.ru

Категория локативности и её репрезентация в новостном интернет-дискурсе

Аннотация

В статье рассматривается категория локативности как функционально-семантическое поле. Цель статьи – выявить и проанализировать основные языковые средства репрезентации указанной категории, а также семантические и функциональные особенности её реализации в новостном интернет-дискурсе. Материалом для исследования послужили новостные тексты, отобранные с региональных сайтов методом сплошной выборки. В результате, во-первых, внутри функционально-семантического поля определены следующие микрополя: объективной ориентации, субъективной ориентации, перемещения в пространстве и параметризации мира. Во-вторых, установлено, что микрополе объективной ориентации является наиболее обширным, а наименьшим объёмом характеризуется микрополе перемещения в пространстве. Наконец, выявлено, что, в зависимости от микрополя, основными языковыми средствами репрезентации категории локативности являются падежные и предложно-падежные конструкции имён существительных, локативные наречия, глаголы движения и предложно-падежные конструкции имён существительных, которыми они управляют, а также лексика, отражающая трёхмерность и симметрию.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, функционально-семантическая категория, локативность, микрополе, типы локализации

© Коршунова А. С., Лагута Н. В., 2023

Для цитирования: Коршунова А. С., Лагута Н. В. Категория локативности и её репрезентация в новостном интернет-дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 74–84. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_74

Anastasia S. Korshunova, Nina V. Laguta✉

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

nlaguta@mail.ru

The category of locativity and its representation in Internet news discourse

Abstract

The article considers the category of locativity as a functional-semantic field. The aim was to identify and analyze the major language means representing the category as well as the semantic and functional features of its manifestation in the Internet news discourse. As the material for the study, the news texts from local sites were selected by continuous sampling. As a result, firstly, several microfields were identified within the field: objective orientation, subjective orientation, movement in space and parametrization of the world. Secondly, it was found that the microfield of objective orientation was the largest while the microfield of movement in space turned out the smallest. Finally, it was discovered that depending on the microfield the major language means of representing the category were case and preposition-case noun patterns, locative adverbs, verbs of movement and preposition-case noun patterns that they govern as well as lexical units denoting three-dimensional feature and asymmetry.

Keywords: functional-semantic field, functional-semantic category, locativity, microfield, localization types

© Korshunova A. S., Laguta N. V. 2023

For citation: Korshunova, A. S., Laguta, N. V. (2023). Kategoriya lokativnosti i ee reprezentatsiya v novostnom internet-diskurse [The category of locativity and its representation in Internet news discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 74–84. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_74

1. Введение [Introduction]

Пространство наряду со временем является базовым фундаментальным понятием человеческого существования и касается всех сфер жизни. Интернет-коммуникация в настоящее время является неотъемлемой частью каждодневной деятельности человека, что не может не вызывать интерес к анализу новостного интернет-дискурса как передовой сферы распространения информации, а значит, и развития языка. Несмотря на то, что языковая категория пространства не является малоизученной, интерес исследователей сосредоточен либо на пространственных отношениях как факте общего языкознания [Бондарко, 1996 ; Мальцева, 2004 ; Королева, 2010 ; Федосеева, 2004, 2013, 2018 ; Всеволодова, Владимирский, 2019], либо на функционировании категории пространства в иностранных языках или диалектах (говорах) [Самосудова, 2007 ; Рашидова, 2010 ; Хочавова, 2011 ; Кузенкова, 2019 ; Князев, 2022], либо на пространственных отношениях в сопоставительном аспекте с привлечением нескольких языков [Бороздина, 2008 ; Чарторийский, 2017 ; Мосина, Рубцова, 2022]. В качестве объекта исследования чаще всего выступают художественные тексты [Каяниди, 2012 ; Регеци, 2015 ; Плюшко, 2022], а пространственные отношения интернет-коммуникации по-прежнему требуют глубокого лингвистического осмысления.

Данная работа посвящена особенностям репрезентации пространственных отношений в новостном интернет-дискурсе. С точки зрения функционально-семантического подхода, связанного «с движением в изучении языка от семантики к форме, а также с представлением о языке как системе, в которой единицы различных уровней разными способами связаны друг с другом» [Крылова, 2022, с. 58], понятийная категория пространства реализуется как функционально-семантическая категория локативности (далее – ФСКЛ). Как следствие, изучаемая категория образует функционально-семантическое поле локативности (ФСПЛ), охватывающее взаимодействующие между собой средства разных языковых уровней.

Материалом для исследования послужили 90 текстов, размещённых в разделе «Культура» на региональных новостных интернет-порталах Амурской области с 2019 по 2023 гг. [Амур.инфо ; Amur.net]. Материал отбирался методом сплошной выборки. Объектом исследования выступили лексико-грамматические единицы, выражающие пространственные значения. Всего в материале было найдено 150 таких единиц.

Учитывая различные семантические особенности выражения пространственных отношений в новостном интернет-дискурсе, в рамках ФСПЛ можно выделить несколько микрополей – «микрополе объективной ориентации, где ориентиром служит некоторый объективно представленный предмет, объект, место, в пределах которого происходит событие; микрополе субъективной ориентации, где в потоке речи основным ориентиром является сам говорящий, а в тексте – некоторая заданная автором точка пространства, ориентированная относительно наблюдателя; микрополе перемещения в пространстве; микрополе параметризации мира» [Федосеева, 2013, с. 91–92], – которые выражают различные типы локализации предметов, событий и состояний в пространстве. Предмет, событие или состояние могут иметь статическую или динамическую локализацию и

объективную (ориентиром служит какой-либо объективно представленный предмет) или субъективную ориентацию (в речевом потоке основным ориентиром является сам говорящий). Согласно этим критериям в рамках ФСКЛ можно выделить несколько типов локализации, которые соотносятся с соответствующими микрополями: событийно-ситуативная локализация, предметно-соотносительная локализация, субъектно-ориентированная локализация, событийно-динамическая локализация, параметрическая локализация.

2. Микрополе объективной ориентации [The Microfield of Objective Orientation]

Микрополе объективной ориентации включает в себя две зоны: зону событийно-ситуативной локализации и зону предметно-соотносительной локализации.

Локативность в сфере событийно-ситуативной локализации репрезентируется именами существительными, семантика которых включает в себя обозначение места, «где что-нибудь происходит или может происходить: жилищ человека и животных, предприятий, учреждений и организаций, административных органов и административно-территориальных единиц, географических понятий, ландшафта и пр.» [Федосеева, 2013, с. 95]. В новостном интернет-дискурсе локативность в зоне событийно-ситуативной локализации репрезентируется прежде всего при помощи «пространственных конкретизаторов событий» [Федосеева, 2013, с. 93], которые сочетаются с акциональными или бытийными глаголами: *«Парту героя» открыли в школе посёлка Юхта в честь выпускника Владимира Тетерятникова; Передвижной проект областного Дома народного творчества стартовал в краеведческом музее Ивановского муниципального округа; Концерт, посвящённый 100-летию гражданской авиации России, состоялся в областной филармонии; В Выставочном зале Благовещенска реализуют арт-проект амурского художника-иконописца Александра Гассана под названием «Иконы мира»; Ранее в городе был создан проект «Релка», который предусматривает организацию общественного пространства – музея под открытым небом; В этот день в парке будет работать буфет в палатке для обогрева посетителей, гостей бесплатно угостят чаем.* Все эти примеры выражают характеристику пространства по состоявшемуся в нём событию или событию, которому только предстоит состояться, как представлено в последнем предложении. Кроме пространственных конкретизаторов событий, средствами выражения локативности в сфере событийно-ситуативной локализации являются лексические единицы, выражающие «индивидуальные пространства» [Селиверстова, 1983, с. 143], к которым относятся наименования исключительных объектов: населённых пунктов, улиц, рек, морей и т. д.: *В Благовещенске представили спектакль в память Елены Фединой; Кроме того, в Моховой пади сейчас формируется патриотическое пространство «Авангард», поэтому заниматься спортом на новой площадке смогут и приезжающие сюда амурчане»,* – рассказала заместитель мэра Благовещенска Виктория Хопатько; *Лыжники соревновались с 3 по 5 марта в Зее; Подведены итоги второго дня международного фестиваля зимних видов спорта, который прошёл на Амуре между Благовещенском и Хэйхэ; Ледовые кольцевые гонки в Свободном собрали 13 пилотов из Приамурья и Якутии; Музей вместо детского сада может появиться в Белогорске.* Кроме того, в выражении локативности в зоне событийно-ситуативной локализации в новостном интернет-дискурсе участвует пространственная металексика, к которой относятся слова, задающие наиболее обобщённую модель пространства, такие как *территория*: *Спортсмены соберутся на территории водохранилища в Ивановке; Клумбы разбились на территории ОКЦ; граница: Спортивный праздник на границе двух государств – России и Китая – в очередной раз продемонстрирует всему миру, что спорт призван объединять и давать возможно-*

сти для общения спортсменов и зрителей; **зона**: Сейчас не все виды гладиолусов есть возможность выращивать в любой климатической зоне; **черта**: Не каждый может позволить выехать куда-то далеко и на различные турбазы. Здесь всё в **черте** города и это будет очень удобно. Также событийная локативность в новостном интернет-дискурсе может выражаться при помощи архилексем **пространство** и **место**: В Благовещенске может появиться креативный кластер, который разместится в **пространстве** ныне заброшенных казарм военного городка; Форум стартует в 10:00, 15 марта в **пространстве** коллективной работы «Точка кипения – Благовещенск» по адресу Ленина, 139; В этом **месте** проходит железнодорожный переход; Кроме матросов-спасателей, которые дежурят на спасательных вышках, в **местах** массового отдыха и пляжах, в купальный сезон на водоёмах области ведут патрулирование спасатели. Так, локативность в сфере событийно-ситуативной локализации в новостном интернет-дискурсе выражается различными средствами, чаще всего – конструкциями имён существительных с предлогами *в* и *на* в предложном падеже. Глаголы уточняют событийную семантику локализации.

В зоне предметно-соотносительной локализации выражается положение предметов относительно друг друга, то есть один из предметов выступает в качестве ориентира, в соответствии с которым определяется положение другого предмета. Как показал анализ языкового материала, в новостном интернет-дискурсе реализуются различные локативные значения предметно-соотносительной локализации. Например, в предложениях **На подоконниках** жители амурской столицы **выращивают цитрусовые** и даже **кофе**; **Одни люди** просто **лежат на диване** и **смотрят телевизор**, а **другие посвящают свой досуг любимому занятию** – хобби выражается значение расположения предмета на поверхности локума («локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический)» [Всеволодова, Владимирский, 2019, с. 6]. В примерах **Озеленить планируют территории рядом с объектами** культурного наследия; **Площадку, расположенную недалеко от берега, оборудовали** беседками, а **всем отдыхающим выдаются** мангалы и всё необходимое для отдыха репрезентируется значение степени близости предмета от локума. Значение размещения предмета в пределах / за пределами локума реализуется в следующих примерах: **Внутри строения была кровать, снаружи – скамейки с кастрюлями и чайником**; **Цветы не прячут за стенами магазина** – дарят красоту всему району. В предложениях **В Зейском природном заповеднике медведь полакомился** муравьями буквально **в двух шагах от кордона**; **Участок ровный, присвоен адрес, расположен в 150 метрах от реки Зeya** выражается значение конкретного расстояния, которое существует между предметом и локумом. Как видно из примеров, средства выражения локативности в области предметно-соотносительной локализации весьма разнообразны, что обусловлено многообразием предлогов (производных и производных), которые играют главную роль в выражении различной локативной семантики и управляют формами имён существительных преимущественно с предметным значением.

Таким образом, микрополе объективной ориентации, входящее в состав ФСПЛ, в новостном интернет-дискурсе имеет две зоны: зону событийно-ситуативной локализации и зону предметно-соотносительной локализации. Локативность в зоне событийно-ситуативной локализации выражается именами существительными с пространственной семантикой в предложном падеже с предлогами *в* и *на*, а также глаголами, которые уточняют событийное значение локализации. Локативность в зоне предметно-соотносительной локализации репрезентируется при помощи производных и производных предлогов, управляющих формами конкретно-предметных существительных. Микрополе объективной ориентации представлено в первую очередь событийной локализацией,

что обусловлено спецификой выбранного дискурса, который предполагает сообщение о каком-либо событии, происходящем в определённом локуме. Предметно-конкретная локализация представлена в меньшем объёме.

3. Микрополе субъективной ориентации [Microfield of Subjective Orientation]

С микрополем субъективной ориентации соотносится субъектно-ориентированная локализация, связанная с месторасположением лица и его восприятием. Локативность в сфере субъектно-ориентированной локализации репрезентируется при помощи дейктических элементов языка. Такими локативными выразителями являются местоименные и обстоятельственные наречия, которые репрезентируют различную пространственную семантику. Так, в примерах из новостного интернет-дискурса «*Короче туда едет больше всего людей в качестве промышленных туристов*», – сказал Артемий Лебедев; «*Тренировки в новом комплексе планируем начать с января-февраля. Первыми туда зайдёт часть волейболистов. Мы уже согласовали переезд с родителями наших воспитанников*»; «*Чем раньше туда получится добраться, тем лучше*»; «*На соревнования туда приезжают спортсмены со всей области*», – отметил министр по физической культуре и спорту региона Дмитрий Кутека; «*Николя и его компания сеют всюду на своём пути небывалый беспорядок и весёлые раздоры; Грусть и тоска ему не знакомы. Он шутит всюду и всегда; **Всюду**, где жили, старожилы занимались вышивкой; Журавли Снеговик и Нико из Муравьёвского парка, о которых писали корреспонденты Амур.инфо, образовали пару осенью этого года. Сейчас, когда повсюду лежит снег, они резвятся на свежем воздухе и не скрывают симпатии друг к другу; «И все-таки зима – сказочное время года. Чудеса повсюду»»; «*Каждый раз, находясь на соревнованиях здесь, напоминаю, что главное – не победа, а участие и чувство дружеского плеча*»; «*В рамках благоустройства здесь появился большой игровой комплекс с горками и скалодромами, качели и качели-гнезда, карусели, качалки-балансиры, песочницы и другие игровые и спортивные формы; Здесь можно будет тренироваться, проводить соревнования, сборы для старшеклассников и другие мероприятия; Здесь вы можете согреться, расслабиться, наполниться силами и получить яркие эмоции с пользой для тела*» местоименные наречия *туда*, *всюду*, *здесь*, *повсюду* реализуют пространственную семантику, не называя признак, а только указывая на него. При этом каждое наречие указывает на какой-то определённый локативный аспект и относится к определённой сфере локализации. Так, наречие *туда* в представленных выше примерах помимо основного субъектно-ориентированного значения выражает также значение событийно-динамическое. В предложениях с наречиями *всюду*, *повсюду* реализуется значение «нахождения субъекта речи в центре, среди многочисленных объектов, разворачивающихся событий, движения» [Федосеева, 2013, с. 105]. Наречие *здесь* репрезентирует семантику степени близости / удалённости объекта от субъекта.*

Кроме того, локативность в сфере субъектно-ориентированной локализации выражается обстоятельственными наречиями, которые характеризуют обстоятельства протекания действия. Так, в примерах «*Слева от меня Хэйхэ, справа – Благовещенск*»; «*Слева вы увидите красивый зелёный луг со скошенным сеном*» обстоятельственные наречия *слева* и *справа* конкретизируют положение объекта относительно субъекта по горизонтальной оси. В предложениях «*Сверху будем покрывать её кристально чистым искусственным снегом*»; «*Очень красивым стал сверху фасад*»; «*Напряжение, изломанность фигуры, позы, чёрная вставка треугольника внизу, создают ощущение натяжения, усилия*»; «*Местные жители догадались об этом по включённому свету на верхних этажах замка – говорят, прислуга туда не поднимается, их комнаты внизу*» наречия *сверху*, *внизу* уточняют положение объекта относительно субъекта по вертикальной оси.

Обстоятельственное наречие *мимо*, представленное в примерах *Пушистый красавец важно прошептал мимо посетителя и запрыгнул на колени к доктору; Когда воздух поступает в гриль, он проходит мимо горящих углей и выходит через дополнительное вентиляционное отверстие в верхней части гриля*, характеризует субъект в качестве промежуточного ориентира для движущегося объекта. В предложениях *«Тяжело представить, что в этом году в канун великого праздника Победы я не приду к нему домой и не пожму его руку...»*; *«Поздравляю вас с возвращением домой»*; *«Я не могу сидеть дома, когда там страдают дети и старики»*, – поделился амурчанин обстоятельственные наречия *домой*, *дома* обозначают пространство, которое для субъекта является домашним.

Вместе с тем в определённых контекстных условиях выразителями локативности могут быть личные и возвратное местоимения. Например, как в предложениях *В январе у нас прошёл святочный бал и сейчас масленичные гулянья*, – сказала ректор академии *Татьяна Заболотских; Поэтому очень важно, чтобы у них были комфортные условия для тренировок и соревнований. Тем более что команды принимают у себя гостей из других регионов*. Служебные части речи также могут выражать локативные значения в сфере субъектно-ориентированной локализации: *«Вон же дверь расцарапал!»*; *«Вон они ходят. Трубы сейчас свалят опять»*; *«Вон он сидит, смотрит фильм»*.

Таким образом, в новостном интернет-дискурсе локативность в сфере субъектно-ориентированной локализации репрезентируется при помощи различных лексико-грамматических классов слов. Однако основным средством репрезентации локативной семантики в микрополе субъективной ориентации являются местоименные наречия как действительные элементы языка.

4. Микрополе перемещения в пространстве [The microfield of movement in space]

Локативная семантика в сфере событийно-динамической локализации в новостном интернет-дискурсе выражается при помощи глаголов движения и перемещения с разным значением. Например, в предложениях *Кроме того, в соцсетях появилось видео с лисой. Она выбежала на дорогу и выпрашивала у автомобилистов еду; Видимо, когда они заходили в квартиру, хорёк выбежал на площадку и почему-то решил прийти к нам в гости; Просто вышел из дома с коньками, сел на скамейку, переобулся и пошёл на каток; В этот раз скульптор вышел за пределы своего двора; Они вынесли мешки после уборки на обочины, чтобы их город вывез собственными силами; Символ Нового года обнаружили в районе улицы Парниковой глагольные формы выбежал/выбежала, вышел, вынесли* выражают значение начального пункта движения. А в примерах *Так незаметно дошёл до моста, соединяющего российский Благовещенск и китайский город Хэйхэ; Он был лётчиком, дошёл до Берлина, среди наград имеет Орден Красной Звезды; Пеший путешественник Сергей Щеулин сумел доплыть на куске пенопласта через Амурский залив до берега Хасанского района; Для Благовещенска создали макет будущего центра «Трибуна Холл». Уменьшенную в несколько раз копию общественного пространства уже доставили в Благовещенск; Сейчас посылки уже доставили на склад в Благовещенске* глагольные формы *дошёл*, *доплыть*, *доставили* выражают значение конечного пункта движения. В некоторых случаях данные глаголы могут употребляться без «содействия» конкретизирующих наречий и существительных, так как их значение включает в себя сему «движение наружу» (*Предполагается, что её вынесли жители одной из ближайших многоэтажек*) и «движения, ориентированные на достижение какой-то цели» (*«Примерно на середине я начала замерзать, но ничего – доплыла, справилась»*).

В сочетании с падежными и предложно-падежными конструкциями приставочные и бесприставочные глаголы движения могут репрезентировать различные локатив-

ные значения: трассу передвижения (*В Благовещенске сняли на видео, как подростки катались на самокатах по дороге. Ролик выложили в социальные сети*); движение по трассе параллельно ориентиру (*В настоящее время специалисты отслеживают перемещения хищницы. Пока Амба движется вдоль Амура в сторону Шимановского района, где уже находится самец тигра*); движение рядом с сопутствующим ориентиром на трассе (*Как-то я проходила вечером мимо танцующих и меня окликнула Лена, с которой мы познакомились в поездке на Байкал*); направление движения внутрь (*Убедившись, что в помещении никого нет, воспользовался ключом и вошёл внутрь*).

Таким образом, микрополе перемещения в пространстве в новостном интернет дискурсе включает в свой состав различные лексико-грамматические средства – приставочные и бесприставочные глаголы движения и перемещения, которые в сочетании с падежными и предложно-падежными конструкциями репрезентируют различные пространственные значения в сфере событийно-динамической локализации.

5. Микрополе параметризации мира [Microfield of world parametrization]

Параметрические характеристики предметов используются в новостном интернет-дискурсе для конкретизации локативности. Например, в предложениях *Можно выделить несколько популярных вариантов во Франции: Village Camps Ardeche – лагерь на юге страны; Увидеть комету получится через бинокли и телескопы на юге России, Украины, Молдовы, Кавказе и в странах Средней Азии; По данным амурских туроператоров, жители нашего региона чаще путешествуют на запад страны, а также по Дальнему Востоку; На севере области проблема безнадзорных животных стоит наиболее остро; На севере региона прогнозируют плотный туман Жителей Амурской области призывают отказаться от дальних поездок в крещенские морозы; Зимняя переправа через Селемджу заработала на севере Приамурья лексические маркеры на юге страны; на юге России, Украины, Молдовы; на запад страны; на севере области; на севере региона; на севере Приамурья конкретизирует пространственное значение относительно сторон света.*

В примерах *В 2022 году сквер «Бабочка» в центре Благовещенска изменился до неузнаваемости; Так, крикв можно встретить в районе Асташинских озёр и в водоёмах на окраинах города; Напомним, горку на окраине Великокнязевки уже 18 лет подряд заливает местный житель Николай Гавриленко; Основным событием международного фестиваля стала встреча официальных лиц Амурской области и провинции Хэйлуцзян на середине пограничной реки Амур* предложно-падежные конструкции в центре Благовещенска, на окраинах города, на окраине Великокнязевки, на середине реки конкретизирует локативную семантику относительно центра-края.

Локативная семантика нижней ориентации представлена в предложениях *Своё название он получил из-за месторасположения, так как зоопарк построили у подножия горы Кок-Тобе; У подножия скульптуры – петроглифы и наскальные рисунки: то, с чего начиналась цивилизация, в то же время присутствует и элемент ракеты; Там для волонтеров тоже есть домик прямо у подножия Святоносского хребта. В примерах *Ее ждёт последнее восхождение – вместе с подругой она забирается на вершину радиомачты высотой более 600 метров, чтобы развеять прах своего покойного супруга; Копию Знамени Победы подняли на вершину Вилючинского вулкана; На вершине Церковки открывается замечательный вид на Бийскую равнину, подступающую к горам, на город Белокуруху, на курортную зону с санаториями и на волнистые гребни гор Чергинского хребта* реализуется пространственное значение верхней ориентации.*

Таким образом, параметрическая характеристика, присоединяясь к основному локативному значению, может указывать на плоскостную сферу пространства, на раз-

личную степень удаления от центра / края, на нижнюю / верхнюю ориентацию относительно чего-либо. Средствами выражения параметрических характеристик являются предложно-падежные конструкции имён существительных.

6. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показал, что категория пространства в новостном интернет-дискурсе репрезентируется разнообразными лексико-грамматическими средствами, выражает различные оттенки локативных значений и представляет собой функционально-семантическое поле. Последнее обладает сложной разветвлённой структурой и включает в свой состав несколько микрополей, которые соотносятся с определёнными типами локализации. Микрополе объективной ориентации является наиболее обширным (включает в себя 45% проанализированных единиц), что обусловлено спецификой выбранного дискурса, который предполагает сообщение о каком-либо событии, происходящем в определённом общеизвестном локуме. Микрополе субъективной ориентации обладает меньшим объёмом в новостном интернет-дискурсе (включает в себя 30% проанализированных единиц), микрополе параметризации мира представлено в меньшей степени (включает в себя 15% проанализированных единиц). Наименьшим объёмом обладает микрополе перемещения в пространстве (включает в себя 10% проанализированных единиц).

Доминантными средствами микрополя объективной ориентации являются падежные и предложно-падежные конструкции имён существительных (именная локативность). Локативные наречия составляют доминанту микрополя субъективной ориентации (наречная локативность). Доминантные средства микрополя перемещения – глаголы движения и предложно-падежные конструкции имён существительных, которыми они управляют. Основным средством микрополя параметризации является лексика, которая отражает трёхмерность и симметрию.

Таким образом, в новостном интернет дискурсе функционально-семантическая категория локативности представлена прежде всего именной локативностью (60%), в меньшей степени наречной (25%). Реже всего встречается глагольная локативность (15%).

Библиографический список

- Бондарко, 1996 – Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
- Бороздина, 2008 – Бороздина И. С. Сравнительный анализ способов вербализации идентичных пространственных отношений в различных языках (на примере английского и русского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. № 1 (3). С. 81–85.
- Всеволодова, Владимирский, 2019 – Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 286 с.
- Амур.инфо – ИА «Амур.инфо» [офиц. сайт]. 2019–2023. URL : <https://www.amur.info/culture/>.
- Каяниди, 2012 – Каяниди Л. Г. Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вячеслава Иванова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Смоленск, 2012. 27 с.
- Князев, 2022 – Князев С. В. О выражении пространственных отношений в одном северорусском говоре // Русская речь. 2022. № 2. С. 53–71.
- Королева, 2010 – Королева Е. Г. Динамические пространственные отношения и способы их проявления в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2010. 18 с.
- Крылова, 2022 – Крылова М. Н. Средства выражения императивной семантики в русском языке (функционально-семантическое поле императивности) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 54–64. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_54
- Кузенкова, 2019 – Кузенкова С. С. Средства выражения пространственных отношений в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // МНСК-2019. Языкознание : материалы

- 57-й Междунар. науч. студенческой конф., Новосибирск, 14–19 апреля 2019 года. Новосибирск : Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т, 2019. С. 80–81.
- Мальцева, 2004 – Мальцева О. Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Курск, 2004. 222 с.
- Мосина, Рубцова, 2022 – Мосина Н. М., Рубцова О. В. Выражение пространственных отношений послеложными и предложными конструкциями в финском и английском языках // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 4. С. 148–152.
- Плюшко, 2022 – Плюшко П. И. Категория пространственных и временных отношений и средства ее выражения в художественном тексте // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 1 (46). С. 53–59.
- Рашидова, 2010 – Рашидова А. Г. Выражение пространственных отношений послелогоми и падежной системой лакского и английского языков // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 4 (13). С. 109–112.
- Регеци, 2015 – Регеци И. Пространственные отношения в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: материалы и исследования / глав. ред. А. С. Немзер. Вып. 4. М. : Русский путь, 2015. С. 120–128.
- Самосудова, 2007 – Самосудова Л. В. Выражение пространственных и временных отношений в эрзянском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. Йошкар-Ола, 2007. 23 с.
- Селиверстова, 1983 – Селиверстова О. Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42, № 2. С. 142–150.
- Федосеева, 2004 – Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке (Семантика и средства выражения) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Рязанский гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2004. 211 с.
- Федосеева, 2013 – Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. М., 2013. 450 с.
- Федосеева, 2018 – Федосеева Л. Н. К вопросу о новых тенденциях репрезентации пространственных отношений в современном русском языке // Социально-гуманитарные аспекты благополучия человека : материалы II-ой Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 5 октября 2018 года. Уфа : Антровита, 2018. С. 52–57.
- Хочацова, 2011 – Хочацова Ю. У. Выражение пространственных отношений в кумыкском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2011. 163 с.
- Чарторыйский, 2017 – Чарторыйский В. М. Пространственные отношения и позиционные глаголы в русском и испанском языках: этнокультурная специфика значений // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. М. Мекеко. М. : РУДН, 2017. С. 203–211.
- Amur.net – Amur.net. Первый Амурский портал. 2019–2023. URL : <http://amur.net/mojo/culture>.

References

- Bondarko, A. V. (1996). *Teoriya funkcional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possession. Conditioning]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Borozdina, I. S. (2008). Sravnitel'nyy analiz sposobov verbalizatsii identichnykh prostranstvennykh otnosheniy v razlichnykh yazykakh (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) [Comparative analysis of the ways of verbalization of identical spatial relations in different languages (By the example of English and Russian)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 1 (3), 81–85. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Vladimirsky, E. Yu. (2019). *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [Ways of expressing spatial relations in modern Russian]. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Amur.info. (2019–2023): official website. <https://www.amur.info/culture/>. (In Russ.).
- Kayanidi, L. G. (2012). *Struktura prostranstva i yazyk prostranstvennykh otnosheniy v poezii Vyacheslava Ivanova* [The structure of space and the language of spatial relations in Vyacheslav Ivanov's poetry]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Smolensk. (In Russ.).

- Knyazev, S. V. (2022). O vyrazhenii prostranstvennykh otnosheniy v odnom severorusskom govore [On the expression of spatial relations in a northern Russian dialect]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2, 53–71. (In Russ.).
- Koroleva, E. G. (2010). *Dinamicheskie prostranstvennye otnosheniya i sposoby ih proyavleniya v russkom yazyke* [Dynamic spatial relations and ways of their manifestation in Russian]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Krylova, M. N. (2022). Sredstva vyrazheniya imperativnoy semantiki v russkom yazyke (funktsional'no semanticheskoe pole imperativnost) [Means of expressing imperative semantics in Russian (Functional-semantic field of imperativeness)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 54–64. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_54
- Kuzenkova, S. S. (2019). Sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v khantyyskom yazyke (na materiale kazym'skogo dialekta) [Means of expressing spatial relations in the Khanty language (based on the Kazym dialect)]. *Yazykoznanie [Linguistics] : Proc. of the 57th International Student Conference (pp. 80–81)*. Novosibirsk : Novosibirsk National Research State University. (In Russ.).
- Maltseva, O. L. (2004). *Predlog kak sredstvo kontseptualizatsii prostranstvennykh otnosheniy* [Preposition as a means of conceptualization of spatial relations]. PhD in Philological sci. diss. ; Kursk State University. Kursk. (In Russ.).
- Mosina, N. M., Rubtsova, O. V. (2022). Vyrazhenie prostranstvennykh otnosheniy poslelozhnymi i predlozhnymi konstruktsiyami v finskom i angliyskom yazykakh [Expressing spatial relations with postpositional and prepositional constructions in Finnish and English]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and education], 13 (4), 148–152. (In Russ.).
- Plyushko, P. I. (2022). Kategoriya prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy i sredstva ee vyrazheniya v khudozhestvennom tekste [The category of spatial and temporal relations and the means of its expression in a literary text]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], V. 4, 1 (46), 53–59. (In Russ.).
- Rashidova, A. G. (2010). Vyrazhenie prostranstvennykh otnosheniy poslelogami i padezhnoy sistemoy lak'skogo i angliyskogo yazykov [Expression of spatial relations by postpositions and the case system of the Lak and English languages]. *Izvestiya Dagestanskogo gos. ped. un-ta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Social and human sciences], 4 (13), 109–112. (In Russ.).
- Regetsi, I. (2015). Prostranstvennye otnosheniya v romane «V krughe pervom» [Spatial relations in the novel «In the First Circle»]. In A. S. Nemzer (Ed.), *Solzhenitsynskie tetradi: Materialy i issledovaniya* [Solzhenitsyn notebooks: Materials and research] (Vol. 4, pp. 120–128). Moscow : Russkiy put'. (In Russ.).
- Samosudova, L. V. (2007). *Vyrazhenie prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy v erzyanskom yazyke* [Expression of spatial and temporal relations in the Erzya language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yoshkar-Ola. (In Russ.).
- Seliverstova, O. N. (1983). Ponyatiya «mnozhestvo» i «prostranstvo» v semantike sintaksisa [The notions of “set” and “space” in the semantics of syntax]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Literature and Language], 42 (2), 142–150. (In Russ.).
- Fedoseeva, L. N. (2004). *Prostranstvennye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke (Semantika i sredstva vyrazheniya)* [Spatial relations in modern Russian (Semantics and the means of expression)]. PhD in Philological sci. diss. ; Ryazan State Pedagogical University named for S. Yesenin. Ryazan. (In Russ.).
- Fedoseeva, L. N. (2013). Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke [The category of locativity in modern Russian]. Doctoral in Philological sci. diss. ; Derzhavin Tambov State University. Moscow. (In Russ.).
- Fedoseeva, L. N. (2018). K voprosu o novykh tendentsiyakh reprezentatsii prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke [On the new trends in representing spatial relations in modern Russian]. *Sotsial'no-gumanitarnye aspekty blagopoluchiya cheloveka* [Social and humanitarian aspects of human well-being]: Proc. of the II International Scientific and Practical Conference]. Ufa. (In Russ.).

- Khochavova, Yu. U. (2011). *Vyrazhenie prostranstvennykh otnosheniy v kumykskom yazyke* [Expression of spatial relations in the Kumyk language]. PhD in Philological sci. diss. ; Dagestan State Pedagogical University. Makhachkala. (In Russ.).
- Czartoryski, V. M. (2017). *Prostranstvennye otnosheniya i pozitsionnye glagoly v rusском i ispanskom yazykakh: etnokul'turnaya spetsifika znacheniy* [Spatial relations and positional verbs in Russian and Spanish: Ethno-cultural specificity of meanings]. *Innovatsionnost' i mul'tikompetentnost' v prepodavanii i izuchenii inostrannykh yazykov* [Innovation and multi-competence in teaching and learning foreign languages]: A collection of scientific papers (pp. 203–211). Moscow : Peoples' Friendship University of Russia Press. (In Russ.).
- Amur.net. (2019–2023). Retrieved from <<http://amur.net/mojo/culture>>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.
The article was submitted 08.01.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Ли Юнно

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

844238106@qq.com

Добро и зло как ценность и антиценность (на основе данных Словаря русской ментальности 2014 г.)

Аннотация

Цель статьи – определение языковой семантики категорий *добро* и *зло* как фрагментов русской ценностной картины мира. Добро и зло как фразеологическая диада являются основными понятиями в категории ценности, репрезентирующими ценность и антиценность, служат критерием оценки поведения. Поскольку язык, являясь составной частью сознания, отражает миропонимание различных народов, это позволяет на основе языковых материалов конструировать семантические поля тех или иных слов. Материалом для настоящего исследования послужили высказывания русских писателей, философов и общественных деятелей 17–19 вв., содержащие слова *добро* и *зло*. С помощью компонентного анализа и метода конструирования семантического поля для семантики указанных слов были выделены ядерная, предъядерная и периферийная зоны. В результате для слова *добро* выявлено 9 семантических компонентов, один из которых составил ядро, пять были отнесены к предъядерной части и три – к периферии. Для слова *зло* было идентифицировано 8 семантических компонентов, два из них составили ядро, один был отнесён к предъядерной части и пять были отнесены к периферии (два – к ближней, три – к дальней). Семантические поля обоих слов в целом обладают схожей сложностью. Между тем, ядро и периферия поля слова *зло* сложнее, чем слова *добро*, в то время как предъядерная часть поля слова *добро* сложнее, чем поля слова *зло*. Очевидно, что диалектическое единство добра и зла полностью осознаётся авторами проанализированных текстов.

Ключевые слова: семантика слов *добро* и *зло*, категория ценности, мораль и этика, ценность, антиценность, компонентный анализ, семантическое поле, Словарь русской ментальности

© Ли Ю. 2023

Для цитирования: Ли Ю. Добро и зло как ценность и антиценность (на основе данных Словаря русской ментальности 2014 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 85–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_85

Li Yongnuo

Perm State University

Perm, Russian Federation

844238106@qq.com

Good and evil as value and anti-value (Based on The dictionary of the Russian mentality, 2014)

Abstract

This article aims to determine the language semantics of the categories *good* and *evil* as values in the Russian picture of the world. Good and evil as a phraseological dyad are the main notions in the category of value. Representing value and anti-value, they function as criteria for evaluating behavior. Being an integral part of consciousness, language reflects the worldview of various peoples, and this makes it possible to construct semantic fields of any word. The material for this study was comprised by sayings of Russian writers, philosophers and public figures from the 17th to 19th centuries that contained the words *good* and *evil*.

Component analysis and semantic field method were used to identify the nucleus, prenuclear part and the periphery in the semantics of the two words. As a result, 9 components for the word *dobro* were identified with 1 representing the nucleus, 5 included in prenuclear part and 3 forming the periphery. For the word *zlo*, 8 components were identified with 2 included in the nucleus, 1 representing the prenuclear part and 5 forming the periphery (close and far). On the whole, the semantic fields of both words demonstrate similar complexity. However, the field nucleus and periphery of *zlo* are more complex than those of *dobro* while the prenuclear part is more complex for *dobro* than that for *zlo*. Clearly, the authors of the analyzed texts were aware of *dobro* and *zlo* as the unity of opposites.

Keywords: semantics of the words *good* and *evil*, category of value, morality and ethics, value, anti-value, component analysis, semantic field, The dictionary of the Russian mentality

© Li Y. 2023

For citation: Li, Y. (2023). *Dobro i zlo kak tsennost' i antitsennost' (na osnove dannykh Slovarya russkoy mental'nosti 2014 g.)* [Good and evil as value and anti-value (Based on The dictionary of the Russian mentality, 2014)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 85–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_85

1. Введение [Introduction]

Ценность как фундамент жизни человечества влияет на наши мысли и направляет нас в принятии решений, тем самым незримо задаёт направление нашей жизни и в конечном итоге определяет нашу жизнь. Разные культуры своеобразно отражают ценности. Как отметил В. Г. Белинский, «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его манере понимать вещи» [Белинский, 1974, с. 2]. Таким образом, категория ценности играет важную роль в познавательном процессе и является одним из системообразующих факторов культуры.

Категория ценности состоит из двух противопоставленных категорий – ц е н н о с т и и а н т и ц е н н о с т и. Единое определение этих категорий в лингвистике отсутствует. В рамках данной статьи под ценностью понимается то, что оказывает положительное влияние на социальный прогресс и личностное развитие, а под антиценностью – то, что оказывает негативное влияние на эти процессы. Морально-этические ценности не статичны, они взаимозависимы и могут изменяться при определённых условиях.

Добро и зло являются основными понятиями в категории ценности, основным стандартом для суждения о поведении в целом, основным средством национальных эмоциональных оценочных суждений и важными полярными понятиями, которые представляют соответственно ценность и антиценность.

Сегодня существует множество трактовок понятий добра и зла. В Философском энциклопедическом словаре они рассматриваются как «нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщённой форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой – нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 171].

В «Словаре по этике» *добро* квалифицируется как «одно из наиболее общих императивно-оценочных понятий морали и категорий этики; выражает положительное нравственное значение явлений общественной жизни в их соотносённости с идеалом. Противоположность Д. – зло.» [Словарь по этике, 1989, с. 75], а *зло* – как «одно из осн. понятий морального сознания и этическая категория; обозначает негативные стороны действительности, деятельности людей и отношений между ними. З. противоположно добру, благу и в самом общем своём определении есть то, что препятствует удовлетворению интересов человека и человечества» [Словарь по этике, 1989, с. 96].

Добро и зло – уникальные культурные явления в человеческом обществе и вечная ценностная тема человека. В качестве основных понятий ценности они составляют стандарт, по которому люди судят о значении различных вещей. Недаром слова (понятия, концепты) *добро* и *зло* совместно и по отдельности постоянно становятся предметом исследования с разных ракурсов на материале разных языков: во фразеологии современных узбекского и английского языков [Normamatov, 2020, 2021], в немецком и узбекском языках (по материалам соответствующих словарей) [Nazarova, 2022], в Библии на материале 30 языков (корпусное исследование параллельных текстов) [Knobloch, 2021], в книге Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» [Marchuk et al., 2022]. На материале английского языка в диахронии (начиная с древнеанглийского периода по 20 в. включительно) проведено масштабное исследование семантических полей *good* и *evil*, включающее более 9 тыс. лексических единиц [Thornton, 1988]. Нельзя не отметить, что более половины единиц – около 63% – составляют поле зло, тогда как на поле добро приходится лишь 37% [Thornton, 1988, p. 337–338].

«Язык как важнейший компонент культуры непосредственно выражает этнические особенности восприятия действительности и склад мышления» [Саньярова, 2008, с. 1012]. Как средство человеческого общения, язык играет важную роль в развитии, передаче и сохранении культуры. Он, как зеркало национальной ментальности, отражает национальное понимание мира. В данной статье язык представляется «социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования», а также «внутренней психической структурой, которая представляет собой составляющую сознания, базу речевой способности индивида» [Доценко и др., 2010, с. 147].

Будучи основными единицами языка, слова «закрепляют в памяти и передают знания и опыт людей. С позиций отражения мысли слова – это часть предложения, которая соотносится с предметом мысли как обобщённым отражением определённого участка действительности» [Матвеева, 2010, с. 423]. Поскольку одно слово может иметь несколько значений, и значения слова неравноценны по своему содержанию, существует семантическая структура слова – «строение лексического значения слова. Представление о семантической структуре слова выработано на основе компонентного семантического анализа, т. е. деления значения на мельчайшие далее неделимые компоненты – семы» [Матвеева, 2010, с. 406]. Семы могут быть объединены под общим наименованием, которые в лингвистике определяются как дескриптор [см. Кобозева, 2000, с. 188]. В нашем же исследовании в этом значении используется термин «семантический компонент».

Ц е л ь статьи – определение языковой семантики категорий добро и зло раздельно и в сопоставлении как фрагментов русской ценностной картины мира.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили тексты из «Словаря русской ментальности» [Колесов и др., 2014]. Объём текстов варьировал от одного до десяти предложений. Содержательно тексты в основном представлены оригинальными высказываниями классиков 17–19 вв. (писателей, философов и общественных деятелей). Таким образом, в фокус внимания попадает важнейшая часть элитарной картины мира.

Основными м е т о д а м и исследования являются: метод словарных дефиниций, компонентный анализ и метод конструирования семантического поля. В ходе эксперимента было необходимо выявить морально-этические семантические компоненты, отражённые в содержании текстов, приведённых в Словаре русской ментальности на слова *добро* и *зло*.

При анализе семантики слов использовано членение семантического поля. Рассматривались следующие зоны:

Первая зона (ядерная) включает самые частотные семантические компоненты, обозначающие постоянные, обязательные и неустраняемые признаки предмета.

Вторая зона (предъядерная) – зона важных актуальных смыслов с достаточно высокой частотой семантических компонентов.

Третья зона (периферия) – зона индивидуальных реакций, в которых выделяемые семантические компоненты каким-либо образом уточняют актуальные смыслы слова.

Распределение семантических компонентов по зонам позволяет выявить актуальные семантические компоненты в значении слов. Зоны разделяются с помощью метода перепада.

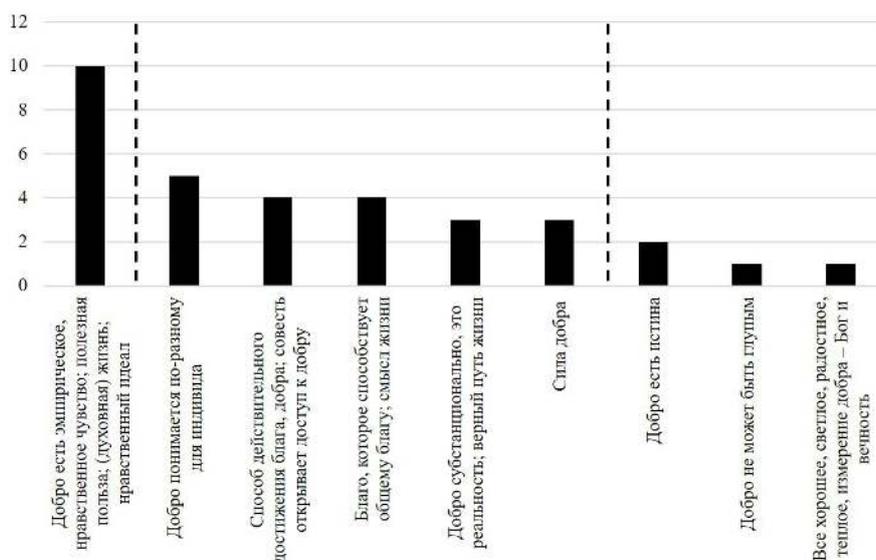
2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Всего в «Словаре русской ментальности» было найдено 73 текстов, содержащих слова *добро* и *зло*. Из них в 36 текстах упоминалось слово *добро*. В этих текстах было идентифицировано 9 семантических компонентов на слово *добро*: Добро есть эмпирическое, нравственное чувство; полезная польза; (духовная) жизнь; нравственный идеал (10 текстов); Добро понимается по-разному для индивида (5 текстов); Благо, которое способствует общему благу; смысл жизни (4 текста); Способ действительного достижения блага, добра; совесть открывает доступ к добру (4 текста); Добро субстанционально, это реальность; верный путь жизни (3 текста); Сила добра (3 текста); Добро есть истина (2 текста); Добро не может быть глупым (1 текст); Всё хорошее, светлое, радостное, тёплое, измерение добра – Бог и вечность (1 текст). Полученные семантические компоненты представлены в таблице 1. В первой колонке содержатся 9 семантических компонентов, расположенных по иерархии количественных показателей, которые указаны в третьей колонке. Во второй колонке дан номер текста, в котором расположен тот или иной семантический компонент.

Т а б л и ц а 1. Морально-этические компоненты значения слова *добро*
[T a b l e 1. Moral-ethic components of the meaning of the word *dobro* 'good']

Семантические компоненты	Номер текста	Частота семантического компонента
1. Добро есть эмпирическое, нравственное чувство; полезная польза; (духовная) жизнь; нравственный идеал	4, 7, 10, 14, 16, 19, 25(2), 34, 35	10
2. Добро понимается по-разному для индивида	4, 5, 10, 20, 29	5
3. Благо, которое способствует общему благу; смысл жизни	1, 2, 4, 22	4
4. Способ действительного достижения блага, добра; совесть открывает доступ к добру	4, 12, 13, 15	4
5. Добро субстанционально, это реальность; верный путь жизни	4, 19, 27	3
6. Сила добра	25, 28, 30	3
7. Добро есть истина	17, 24	2
8. Добро не может быть глупым	26	1
9. Все хорошее, светлое, радостное, теплое, измерение добра – Бог и вечность	36	1

Данные семантические компоненты можно представить графически (см. рис.1).

Р и с у н о к 1. Семантическое поле слова *добро* в текстах «Словаря русской ментальности»
 [Figure 1. Semantic field of the word *dobro* 'good' in the texts of "The dictionary of the Russian mentality"]

Ядро состоит из одного семантического компонента: добро есть эмпирическое, нравственное чувство; полезная польза; (духовная) жизнь; нравственный идеал. Предъядерная зона включает пять семантических компонентов: добро понимается по-разному для индивида; способ действительного достижения блага, добра; совесть открывает доступ к добру; благо, которое способствует общему благу; смысл жизни; добро субстанционально, это реальность; верный путь жизни; сила добра.

Периферийную зону составляют 3 семантических компонента: добро есть истина, добро не может быть глупым, всё хорошее, светлое, радостное, тёплое, измерение добра – Бог и вечность.

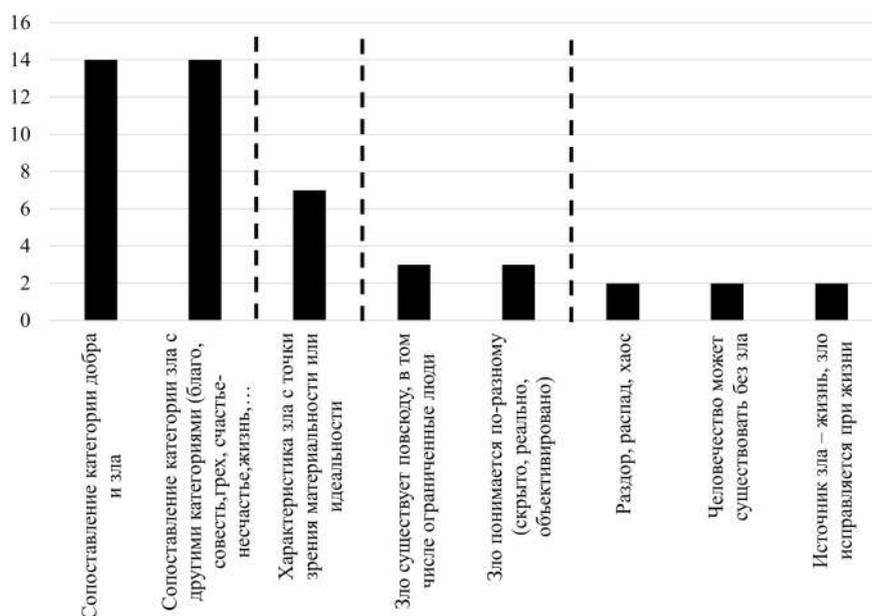
Следовательно, добро в языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей определяется как позитивное нравственное чувство, которое приносит пользу человеку, оно есть духовная жизнь, оно божественно. Каждый может дать добру своё особое определение, но в основном добро рассматривается как способ достижения блага, а совесть открывает путь к добру. Добро существует, это верный путь жизни, это истина, это всё хорошее и светлое, у добра есть своя сила, оно вечно.

Всего в «Словаре русской ментальности» было найдено 37 текстов, содержащих слово *зло*. По такому же плану, в текстах словаря было идентифицировано 8 семантических компонентов на слово *зло*: Сопоставление категории добра и зла (14 текстов); Сопоставление категории зла с другими категориями (благо, совесть, грех, счастье-несчастье, жизнь, смерть, свобода, любовь, ум, чувство, слабость) (14 текстов); Характеристика зла с точки зрения материальности или идеальности (7 текстов); Зло существует повсюду, в том числе и у ограниченных людей (3 текста); Зло понимается по-разному (скрыто, реально, объективировано) (3 текста); Раздор, распад, хаос; Человечество может существовать без зла; Источник зла – жизнь, зло исправляется при жизни (по 2 текста каждый). Результаты представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Морально-этические компоненты значения слова *зло*
 [T a b l e 2. Moral-ethic components of the meaning of the word *zlo* 'evil']

Семантические компоненты	Номер текста	Частота семантического компонента
1.Сопоставление категории добра и зла	1, 2, 5, 7, 11, 15, 16, 19, 20(2), 22, 29, 30, 35	14
2.Сопоставление категории зла с другими категориями (благо, совесть, грех, счастье-несчастье, жизнь, смерть, свобода, любовь, ум, чувство, слабость)	1, 2, 3, 5, 7, 12, 18, 19, 20, 21, 32, 33, 34, 36	14
3. Характеристика зла с точки зрения материальности или идеальности	9, 18, 21, 27, 28, 31, 32	7
4. Зло существует повсюду, в том числе у ограниченных людей	10, 14, 20	3
5. Зло понимается по-разному (скрыто, реально, объективизированно)	24, 25, 26	3
6. Раздор, распад, хаос	4, 13	2
7. Человечество может существовать без зла	8, 37	2
8. Источник зла – жизнь, зло исправляется при жизни	17, 23	2

Данные семантические компоненты можно представить графически (см. рис.2).

Р и с у н о к 2. Семантическое поле слова *зло* в текстах «Словаря русской ментальности»

[F i g u r e 2. Semantic field of the word *zlo* 'evil' in the texts of “The dictionary of the Russian mentality”]

Ядро состоит из двух семантических компонентов – сопоставление категории добра и зла; сопоставление категории зла с другими категориями (благо, совесть, грех, счастье-несчастье, жизнь, смерть, свобода, любовь, ум, чувство, слабость). Предъядерная зона включает характеристику зла с точки зрения материальности или идеальности (один семантический компонент). Периферийная зона представлена ближней и дальней

перифериями. Ближнюю периферию составляют следующие компоненты: зло существует повсюду, в том числе у ограниченных людей; зло понимается по-разному (скрыто, реально, объективировано). В дальнюю периферию включены следующие компоненты: раздор, распад, хаос; человечество может существовать без зла; источник зла – жизнь, зло исправляется при жизни.

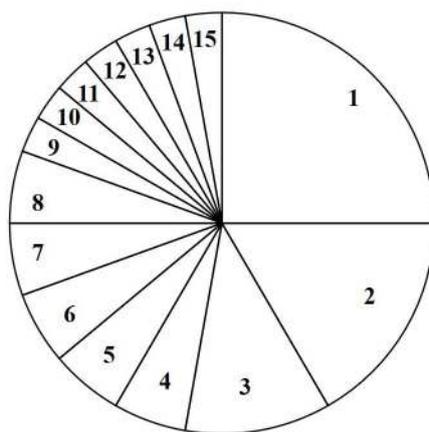
Следовательно, зло в текстах словаря представляется как категория, противоположная категории добра, в то же время тесно связанная с категорией добра и другими категориями, такими как благо, совесть, грех и т. д. Зло существует везде, в том числе и у ограниченных людей; источник зла – жизнь, однако человечество может существовать без него. У разных людей разные понимания зла. Раздор, распад, хаос есть его внешние проявления.

Анализируя тексты словаря, мы обнаружили очень интересное явление: русские писатели, философы и общественные деятели не просто показывают противоречие добра и зла, но и активно подчёркивают взаимосвязь между добром и злом, они рассматривают их отношения с точки зрения единства противоположностей в сфере философии. Из 73 текстов словаря в 36 текстах показывается взаимоотношение добра и зла (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Добро и Зло, их семантические компоненты
[T a b l e 3. The semantic components of good and evil]

№	Семантические компоненты	Частота
1	Зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра	9
2	Добро и зло не делимы	6
3	Виды добра и зла противоречивы друг другу	4
4	Свободное добро предполагает свободу зла	2
5	Каждый народ понимает добро и зло по-своему	2
6	Зло приходящее, добро остается	2
7	Зло вытесняется добром	2
8	Добро и зло не неизменяемые	2
9	Интерес общества к различению добра и зла	1
10	Добро как желаемое и достойное одобрения, зло как нежелаемое, достойное порицания	1
11	Добро – материальное воплощение блага, противопоставленное вредному (злу)	1
12	Борьба добра и зла как условия их существования	1
13	Добро ведет к счастью, а зло наоборот	1
14	Зло – это плен, добро – это свобода	1
15	Добро и зло существуют в индивидуальной жизни	1

Данные семантические компоненты можно представить в виде диаграммы (см. рис. 3). Отметим, что самыми частотными являются три семантических компонента – *зло всегда сопровождает добро, оно не меньшая степень добра*. При этом *добро и зло неразделимы*. Добро и зло имеют разные проявления, и *виды их противоречивы друг другу*. Эти компоненты составляют общую ценностную ориентацию нравственной системы русского социума.

Р и с у н о к 3. Взаимосвязь слов *добро* и *зло* в текстах
«Словаря русской ментальности»
[Figure 3. The interaction of the words *dobro* 'good' and *zlo* 'evil'
in “The dictionary of the Russian mentality”]

Примечание к рисунку 3: нумерация соответствует таблице 3

Семантические компоненты под номерами 4, 5, 6, 7 и 8 конкретизируют эту общую ориентацию понимания добра и зла: добро и зло предполагают друг друга, а их противоположность есть условие их существования. Добро и зло не статичны, каждая страна понимает добро и зло по-своему, однако общество заинтересовано в различении добра и зла. В жизни существует и добро, и зло, либо добро сменяет зло, либо зло вытесняется добром. Добро всегда побеждает.

Такая конкретизация семантики слов *добро* и *зло* показана и в семных компонентах 9–15 диаграммы в различных индивидуальных текстах Словаря. Здесь подчёркивается, что добро – это достойное и желаемое одобрение; зло же порицаемо; *добро ведёт к счастью, а зло наоборот; зло – это плен, добро – это свобода*. Общество различает добро и зло, одобряя первое и порицая второе.

3. Заключение [Conclusion]

В настоящем исследовании с помощью компонентного анализа и полевого метода, применённых к материалу Словаря русской ментальности было сконструировано семантическое поле слов *добро* и *зло* в языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей – в элитарном русском сознании. Семантика указанных слов была представлена как раздельно, так и в сопоставлении. В семантических полях исследованных слов выявлено схожее количество компонентов – 9 и 8 соответственно. И ядро, и периферия поля слова *зло* сложнее, чем слова *добро*, в то время как предьядерная часть поля слова *добро* в разы сложнее, чем поля слова *зло*. Однако в целом семантические поля обоих слов обладают схожей сложностью.

Добро в текстах словаря рассматривается как положительная ценность, связанная с понятиями духовности, идеала, пользы, блага и истины (верного пути). В некоторых случаях проводится параллель с Богом и вечность, однако этот религиозный ракурс остаётся на периферии.

Зло в элитарном русском сознании – отрицательная ценность, которая часто познаётся и определяется в сопоставлении с положительными ценностями. В текстах подчёркивается его повсеместность, скрытое существование в разных формах и явная деструктивность. Источником зла является сама жизнь, а миссия жизни – исправить по-

рождённое зло. Русские писатели, философы и общественные деятели склонны определять зло в макро-перспективе с учётом не только значения самого зла, его появления и исчезновения, но также отношения между значениями лексемы *зло* и диапазонами значений других лексем.

В элитарной русской ценностной картине мира явно присутствует диалектическое единство добра и зла, которые дополняют друг друга и не могут существовать независимо друг от друга. Нельзя не отметить, что и добро, и зло понимается по-разному, но для добра эта характеристика находится в предъядерной части поля, а для зла – в периферийной.

Полученные выводы способствуют более глубокому пониманию общей ценностной ориентации нравственной системы русского социума и дают пищу для размышления о нравственной цели, к которой следует стремиться современному обществу. В дальнейшей работе теми же методами планируется изучить семантическое поле слов *добро* и *зло* в языковом сознании китайских писателей, философов и общественных деятелей на материале национального корпуса китайского языка, а также провести сопоставительный анализ различных представлений о словах *добро* и *зло* в российском и китайском социумах, что позволит глубже понять национальную культуру двух стран и укрепить культурный обмен между ними. Кроме того, представляется необходимым сравнить вербализацию обеих ценностей в элитарном и народном языковом сознании носителей обоих языков.

Библиографический список

- Белинский, 1974 – Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. М., 1974. 95 с.
- Доценко и др., 2010 – Доценко Т. И., Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 144–155.
- Кобозева, 2000 – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000, 352 с.
- Колесов и др., 2014 – Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1: А–О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
- Матвеева, 2010 – Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Саньярова, 2008 – Саньярова Р. Р. Концепты внутреннего мира человека в башкирской языковой картине мира (на материале трилогии З. Бишевой «К свету») // Вестник Башкирского ун-та. 2008. Т. 13. № 4. С. 1012–1015.
- Словарь по этике, 1989 – Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
- Философский энциклопедический словарь, 1983 – Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
- Knobloch, 2021 – Knobloch N. The encoding of bad and evil: A cross-linguistic study using a parallel Bible corpus: Master's thesis. Stockholm: Stockholm University, 2021. 68 p. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1592884/FULLTEXT01.pdf>
- Marchuk et al., 2022 – Marchuk O., Bekhta I., Bondarchuk N. Statistical particulars of the lexical-thematic group Evil in J. K. Rowling's Harry Potter // Proc. 6th International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Systems "COLINS-2022" (May 12–13, 2022), Gliwice, Poland. Gliwice, 2022. P. 461–470.
- Nazarova N. The semantic characteristic of the concepts "Good and Evil" in German and Uzbek languages // Zien Journal of Social Sciences and Humanities. 2022. Vol. 8. P. 14–16. URL: <https://zienjournals.com/index.php/zjssh/article/view/1558/1294>
- Normamatov, 2020 – Normamatov F. K. Concepts of goodness and evil in the modern Uzbek and English linguistic image // Мировая наука. 2020. № 4 (37). С. 64–67.

- Normamatov, 2021 – Normamatov F. K. U. The concepts of “Goodness” and “Evil” in the linguistic image of the world and their national-cultural characteristics // *The American Journal of Social Science and Education Innovations*. 2021. Vol. 3, Iss. 5. P. 372–379. <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume03Issue05-68>
- Thornton F. J. A classification of the semantic field good and evil in the vocabulary of English. PhD thesis. University of Glasgow, 1988. 498 p., i-viii.

References

- Belinsky, V. G. (1974). *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow. (In Russ.).
- Dotsenko, T. I., Erofeeva, E. V., & Erofeeva, T. I. (2010). Permskaya shkola sotsiolingvistiki: teoreticheskiye i metodologicheskiye osnovaniya [Perm School of Sociolinguistics: Theoretical and methodological foundations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2 (8), 144–155. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]: A coursebook. Moscow: Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., & Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoy mental'nosti* [The dictionary of the Russian mentality]. In 2 volumes. Vol. 1: A–O. St Petersburg: Zlatoust Press. (In Russ.).
- Matveeva, T. V. (2010). *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Phoenix Press. (In Russ.).
- Sanyarova, R. R. (2008). Kontsepty vnutrennego mira cheloveka v bashkirskoy yazykovoy kartine mira (na materiale trilogii Z. Biishevoy «K svetu») [Concepts of the inner world of a person in the Bashkir language picture of the world (Based on Z. Biisheva's trilogy “Towards the light”)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 13 (4), 1012–1015. (In Russ.).
- Guseynov, A. A., & Kon, I. S. (Eds.). (1989). *Slovar' po etike* [Dictionary of ethics]. 6th edn. Moscow: Politizdat Press. (In Russ.).
- Ilyichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., & Panov, V. G. (Eds.). (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia Press. (In Russ.).
- Knobloch, 2021 – Knobloch N. The encoding of bad and evil: A cross-linguistic study using a parallel Bible corpus: Master's thesis. Stockholm: Stockholm University, 2021. 68 p. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1592884/FULLTEXT01.pdf>
- Marchuk et al., 2022 – Marchuk O., Bekhta I., Bondarchuk N. Statistical particulars of the lexical-thematic group Evil in J. K. Rowling's Harry Potter // Proc. 6th International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Systems “COLINS-2022” (May 12–13, 2022), Gliwice, Poland. Gliwice, 2022. P. 461–470.
- Nazarova N. The semantic characteristic of the concepts “Good and Evil” in German and Uzbek languages // *Zien Journal of Social Sciences and Humanities*. 2022. Vol. 8. P. 14–16. URL: <https://zienjournals.com/index.php/zjssh/article/view/1558/1294>
- Normamatov, 2020 – Normamatov F. K. Concepts of goodness and evil in the modern Uzbek and English linguistic image // *Мировая наука*. 2020. № 4 (37). С. 64–67.
- Normamatov, 2021 – Normamatov F. K. U. The concepts of “Goodness” and “Evil” in the linguistic image of the world and their national-cultural characteristics // *The American Journal of Social Science and Education Innovations*. 2021. Vol. 3, Iss. 5. P. 372–379. <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume03Issue05-68>
- Thornton, F. J. (1988). *A classification of the semantic field good and evil in the vocabulary of English*. PhD thesis. University of Glasgow.

Ма Татьяна Юрьевна✉, Пинчукова Наталья Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
tdovnar@mail.ru

Структурные и семантические трансформации библейских прецедентных имён *Cain* и *Abel* в лингвокультуре США и Великобритании

Аннотация

В статье представлен анализ библейских прецедентных имён *Cain* и *Abel*, которые встречаются в материалах СМИ США и Великобритании в 1871–2021 гг. В ходе исследования были использованы методы автоматизированного поиска по ключевым словам, сплошной выборки и количественного подсчёта, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ и метод филологической интерпретации текста. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что под влиянием экстралингвистических факторов указанные прецедентные имена претерпели структурные и семантические трансформации в картине мира англоязычного сообщества в течение XIX – XXI веков. Отсутствие языковой объективации ряда дифференциальных признаков и атрибутов имён в современных словарях и текстах СМИ квалифицируется как тенденция к эвфемизации образов персонажей Ветхого Завета под влиянием идей политической корректности. Результатом изменений в структуре и содержании имён стало ослабление связи прецедентных феноменов с текстом-источником и частичная утрата ими сакральных культурных коннотаций.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентная ситуация, языковая личность, концепт, Библия

© Ма Т. Ю., Пинчукова Н. В. 2023

Для цитирования: Ма Т. Ю., Пинчукова Н. В. Структурные и семантические трансформации библейских прецедентных имён *Cain* и *Abel* в лингвокультуре США и Великобритании // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 95–108. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_95

Tatyana Yu. Ma✉, Natalya V. Pinchukova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru

Structural and semantic transformations of the biblical precedent names *Cain* and *Abel* in linguoculture of the USA and the Great Britain

Abstract

The article presents an analysis of the biblical precedent names *Cain* and *Abel*, which are found in the media materials of the USA and Great Britain in 1871–2021. In the course of study, automatic keyword search tool was used; the tokens found were selected using continuous sampling; the data were processed using descriptive statistics, dictionary entries analysis, linguistic and contextual analyses. The obtained results enable to conclude that under the influence of extralinguistic factors, the names underwent structural and semantic transformations in the picture of the world of the English-speaking community during the XIX – XXI centuries. The absence of linguistic objectification of a number of relative features and attributes of the names in modern dictionaries and media texts should be interpreted as a tendency to euphemize the images of Old Testament characters under the influence of the ideas of political correctness. As a result of the changes in structure and content, the names were

exposed to the weakening of the connection of precedent phenomena with the source text and their partial loss of sacred cultural connotations.

Keywords: precedent phrase, precedent situation, language personality, concept, Bible.

© Ma T. Yu, Pinchukova N. V. 2023

For citation: Ma, T. Yu, Pinchukova, N. V. (2023). Strukturnye i semanticheskie transformatsii bibleyskikh pretsedent-nykh imen Cain i Abel v lingvokul'ture Ssha i Velikobritanii [Structural and semantic transformations of the biblical precedent names *Cain* and *Abel* in linguoculture of the USA and the Great Britain]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 95–108. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_95

1. Введение [Introduction]

Теория прецедентности, основы которой были заложены в конце 90-х годов XX века, сегодня остаётся одним из актуальных направлений исследований в лингвистике и межкультурной коммуникации. Ежегодно появляются новые публикации, в которых представлены результаты исследования прецедентных феноменов на современном этапе развития науки. На материале текстов разных жанров и стилей, относящихся к разным видам дискурса и сферам коммуникации, рассматриваются как отдельные прецедентные феномены, так и их совокупности: виды, уровни и сферы-источники заимствования в национальных языках. Учёными обобщаются методологические принципы работы с данными единицами языка и культуры [Аникина, 2020 ; Будаев, 2021], предлагаются новые ракурсы и аспекты исследования прецедентов, постулируются новые подходы к их изучению [Назарова, Золотарев, 2015 ; Будаев, Орлова, 2019 ; Нахимова, Потоцкая, 2022 ; Радбиль, 2020].

В данной статье объектом анализа выступают прецедентные имена *Cain* и *Abel*, апелляции к которым прослеживаются на протяжении длительного времени в материалах англоязычных СМИ, в связи с чем они представляют особый интерес в плане наблюдения над изменениями, которые претерпевают прецедентные феномены библейского истока в пространстве глобальных масс-медиа. Продолжая линию исследования антропонимов библейского истока, намеченную в более ранних работах [Ма, Хлопова, 2019, 2020 ; Ма, Пинчукова, 2022], авторы рассматривают ветхозаветные имена *Cain* и *Abel* как прецедентные феномены, которые, несмотря на устойчивую связь с текстом-источником, претерпели структурные и семантические трансформации в картине мира англоязычного сообщества в течение XIX – XXI веков. Под структурными трансформациями имеется в виду смещение дифференциальных признаков и атрибутов в ментальной модели прецедентного имени. Семантические трансформации – это изменения в специфике восприятия имён в речевой практике коллектива и их языковая кодификация. Результаты этих трансформаций нашли отражение в толковых словарях и текстах СМИ, которые стали эмпирическим материалом проведённого исследования.

Новизна данного исследования, в сравнении с предыдущими публикациями, обусловлена подходом к анализу фактического материала: прецедентные имена описаны с учётом динамики структурных и семантических изменений, которые оказывают непосредственное влияние на специфику восприятия данных прецедентных феноменов современным читателем как языковой личностью.

Оценка трансформаций стала частью процесса интерпретации содержания имён *Cain* и *Abel* как феноменов, обладающих когнитивной и эмоционально-ценностной значимостью для представителей США и Великобритании. Отсутствие языковой объективации ряда дифференциальных признаков и атрибутов имён в словарях и текстах СМИ квалифи-

цируется как тенденция к секуляризации и эвфемизации образов персонажей Ветхого Завета под влиянием современных реалий культурного контекста англоязычного мира.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, необходимостью понимания когнитивно и эмоционально значимых изменений, которые происходят сегодня в языке и культуре, а во-вторых, теми требованиями, которые работодатели предъявляют к специалистам, работающим в сфере межъязыковой и межкультурной коммуникации. Лингвисты, которые занимаются переводческой деятельностью, должны уметь переводить тексты разных функциональных стилей, включая материалы СМИ. В свою очередь, перевод любого текста предполагает его интерпретацию вторичной языковой личностью, постоянное обращение к когнитивным базам автора-создателя текста и читателя. Возможные расхождения в трактовке кажущихся на первый взгляд универсальными понятий, фрагментов языковой картины мира – к их числу, несомненно, относятся вербальные прецедентные феномены – препятствуют достижению необходимого уровня эквивалентности перевода. Поэтому определение мотива включения в текст того или иного феномена, оценка объёма актуализируемой при его языковой объективации информации становятся важной частью процесса перевода и интерпретации текста.

Следуя сложившейся в лингвистике и межкультурной коммуникации традиции классифицировать прецедентные феномены по степени узнаваемости, подчеркнем, что Библия, – хотя бы гипотетически, – является универсально-прецедентным текстом, который знаком любому среднему образованному представителю современной цивилизации независимо от его возраста, пола, этнической и религиозной идентичности. Имена главных персонажей Ветхого Завета необходимо рассматривать также как универсально-прецедентные феномены, упоминание которых в текстах СМИ актуализирует релевантную для восприятия читателем информацию о соответствующей прецедентной ситуации, объективированной в языковой форме в сказании, песне или притче.

Прецедентные имена выступают в дискурсе как один из способов языковой объективации концепта прецедентной ситуации. Имена персонажей Книги Книг не являются исключением. Изменение структуры прецедентного имени библейского истока, которое происходит под влиянием экстралингвистических факторов, может приводить к деформации привычного образа героя сказания, песни или притчи и нарушению алгоритма восприятия соответствующей ситуации, её ключевого концепта. Результатом такого рода изменений будет ослабление связи прецедентных феноменов с текстом-источником и возможная утрата ими сакральных коннотаций.

Структура прецедентного имени давно описана в науке, поэтому нецелесообразно останавливаться на ней подробно. Напомним только, что дифференциальные признаки прецедентного имени составляют систему характеристик, отличающих данный объект от других по внешнему виду, по поведенческим чертам, по специфическим для прецедентной ситуации особенностям. Атрибуты имени – детали одежды, внешности – не являются необходимыми для его сигнификации [Красных, 1997, 2003], могут актуализироваться в структуре разных имён, быть или не быть когнитивно-релевантными для определённой языковой личности.

В Ветхом Завете много интересных и ярких сюжетов, к которым обращаются люди на протяжении веков в поисках авторитетного мнения по разным вопросам бытия. История Каина и Авеля – сыновей Адама и Евы – одно из таких повествований, занимающее важное место в христианской картине мира разных народов.

Образы Каина и Авеля хорошо известны прежде всего потому, что взаимоотношения двух братьев послужили точкой отсчёта глобального конфликта внутри человеческого рода: зависть, соперничество, месть, убийство породили прецедентную ситуацию, которая не утрачивает когнитивной и эмоциональной значимости на протяжении тысячелетий. И хотя сам текст притчи не претерпел изменений за это время, имена *Cain* и

Abel подверглись структурным и семантическим трансформациям, что нашло отражение, в первую очередь, в толковых словарях английского языка.

С целью уточнения изменений в содержании имён по сравнению с текстом-источником был проведён анализ дефиниций *Cain* и *Abel* на материале электронных версий англоязычных толковых словарей «Cambridge Dictionary», «Merriam-Webster Dictionary», «Collins Online Dictionary», «Longman Dictionary of English Language and Culture» и гибридного словаря-конкорданса «King James's Bible Dictionary». Далее методом автоматизированного поиска по ключевым словам в трёх американских (*The New York Times*, *The Washington Post*, CNN) и трёх британских (*The Guardian*, *The Financial Times*, BBC) СМИ было отобрано 2667 контекстов употребления имён *Cain* и *Abel*. Контекстуальный анализ и интерпретационный метод были использованы, чтобы уточнить, 1) употребляются имена денотативно или коннотативно, 2) какие дифференциальные признаки прецедентных имён актуализируются в статьях, 3) какой концепт оказывается ключевым для восприятия и понимания текста.

2. Прецедентные имена *Cain* и *Abel* в толковых и специальных словарях [Precedent names *Cain* and *Abel* in English explanatory and special dictionaries]

Исследование показало, что в словарях объём представленной информации о прецедентных именах *Cain* и *Abel* отличается в зависимости от типа издания. Данный вывод полностью согласуется с ранее полученными результатами [Ma, Хлопова, 2019, 2020; Ma, Пинчукова, 2022], что подтверждает необратимый характер изменений, происходящих с прецедентными именами библейского истока при сохранении целостности восприятия породившего их текста. Трансформации, которые выявляются в процессе сопоставительного анализа лексикографических данных, служат свидетельством эфемизации библейских образов в современном культурно-историческом пространстве и секулярных видах дискурса.

Толковые словари английского языка фиксируют наиболее существенные, воспроизводимые характеристики библейского образа, которые необходимы для адекватного восприятия и интерпретации текста, в котором встречаются прецедентные имена. В частности, дифференциальными признаками прецедентных имён *Cain* и *Abel*, учитывая представленную в словарях информацию, будут выступать поведенческие черты и поступки персонажей, которые отличают их от других героев Ветхого Завета и актуализируют соответствующую прецедентную ситуацию. Атрибутами выступают признаки, которые являются факультативными для идентификации образа и могут воспроизводиться в структуре других имён. Набор признаков и атрибутов имён *Cain* и *Abel*, объективированных в языковой форме в толковых словарях, представлен в таблице 1.

Принципиальных отличий в толковании имён в словарях выявлено не было, что позволяет говорить об общей для двух стран тенденции к интерпретации данных прецедентных феноменов как универсальном способе апелляции к Ветхозаветной притче о Каине и Авеле. Однако в толковых словарях американского варианта английского языка значение имени *Cain* – дифференциальный признак «жертва Богу – плоды нового урожая» является маркированным и имплицитно указывает на наличие второго члена оппозиции – указание на жертву в значении имени *Abel*. Атрибуты имени *Cain* «угрюмый, высокомерный, мстительный» свидетельствуют о том, что Каин отличался от своего брата по нескольким параметрам и потенциально больше подходил на роль преступника.

Единственным значением, которое отличает словарные дефиниции имени *Abel* в американских и британских лексикографических источниках, стал дифференциальный признак «первый мученик». Этот признак может быть важен для американцев в силу историче-

ского восприятия собственной нации как общности людей, пострадавших от родственного им народа, как вынужденных переселенцев и борцов за протестантскую веру.

Т а б л и ц а 1. Дифференциальные признаки и атрибуты имён *Cain* и *Abel*
[Table 1. Relative features and attributes of the names *Cain* and *Abel*]

	Словари амер. варианта англ. языка	Словари брит. варианта англ. языка
CAIN		
<i>Дифференциальные признаки</i>	«первый сын Адама и Евы»; «убийца своего брата Авеля»; «жертва Богу – плоды нового урожая»	«первый сын Адама и Евы»; «убийца своего брата Авеля»; «первый убийца»
<i>Атрибуты</i>	«земледелец»; «угрюмый, высокомерный, мстительный»; «изгнанник и скиталец»; «рыжеволосый»	«земледелец»; «изгнанник из своей земли»
ABEL		
<i>Дифференциальные признаки</i>	«второй сын Адама и Евы»; «был убит своим старшим братом (Каином) из зависти»; «его жертва была более угодна Богу, чем жертва Каина»; «первый мученик»	«второй сын Адама и Евы»; «был убит своим старшим братом Каином»; «его жертва была более угодна Богу, чем жертва Каина»
<i>Атрибуты</i>	«пастух»	«пастух»

В «Easton's Bible Dictionary» («King James's Bible Dictionary»), в котором в основу словарной статьи положены цитаты из Библии, структура имени *Abel* практически полностью спадают с той, которая была смоделирована на основе дефиниций толковых словарей английского языка. Исключение составляет указание на жертву, которая была принесена Богу – первенцев от его стада. Что касается имени *Cain*, в его структуру, исходя из содержания статьи, должны быть включены дополнительные дифференциальные признаки и атрибуты, а также связанные с ними коннотации.

Информация, приведённая в словаре «Easton's Bible Dictionary», важна для восприятия отрицательной оценки как ингерентного компонента семантики прецедентного имени. Каин не был религиозен. Он был дерзок, вёл себя вызывающе, открыто не повиновался даже Богу. Поэтому, когда Бог предпочёл подарок Авеля, Каин разгневался и в течение определённого времени «лелеял» чувство убийственной ненависти к своему брату. Несмотря на совершённое страшное преступление, Бог дал Каину знак, «что он сам не будет убит». В конце концов, Каин построил город «на востоке от Эдема», и род его известен «до шестого колена».

Выделим значения, которые также следует рассматривать, наряду с названными выше, как дифференциальные признаки имени *Cain*: 1) был изгнан из Рая и в дальнейшем вели жизнь отшельника (*for this crime he was expelled from Eden, and henceforth led the life of an exile*), 2) нёс на себе некий знак, который Бог наложил на него в ответ на его мольбу о милосердии, чтобы он мог быть защищён от гнева своих ближних (*bearing upon him some mark which God had set upon him in answer to his own cry for mercy, so that thereby he might be protected from the wrath of his fellow-men*), 3) отправился в землю Нод, построил там первый город и назвал его в честь своего сына Енох (*he went forth into the "land of Nod", i.e., the land of "exile", which is said to have been in the "east of Eden," and there he built a city, the first we read of, and called it after his son's name, Enoch*).

Указанные характеристики отличают Каина от других персонажей Ветхого Завета, однако не являются существенными для ментальной реконструкции прецедентной ситуации братоубийства. Также как «открытое неповиновение Богу» и «долго вынаши-

ваемое намерение убить» вышеназванные признаки не нарушают алгоритм восприятия ключевого концепта библейской притчи. Поэтому они, предположительно, окажутся нерелевантными для интерпретации нового текста и не будут актуализироваться в сознании среднестатистического читателя.

В то же время, важными характеристиками образа Каина, по нашему мнению, являются его склонность ко лжи и цинизм. Прецедентное высказывание «Am I my brother's keeper?», которое включено в цитатный фонд «King James's Bible Dictionary», хорошо знакомо носителям английского языка, и вызывает у них устойчивые ассоциации со старшим сыном Адама и Евы. Однако в толковых словарях отсутствует информация об этой стороне конфликта между Каином и Богом, что, безусловно, делает образ первого убийцы в истории человечества менее ужасающим – он как будто совершает преступление в состоянии аффекта и поэтому просит Бога о милосердии.

Авель, согласно приведённому определению, «принёс от первородных стада своего и от тука их», то есть, принёс в жертву первенцев его стада. Кроме упоминания того, что жертва Авеля была более угодна богу, толковые словари не уточняют, какая жертва была принесена. Данная информация опускается, вероятно, по этическим мотивам, что элиминирует отрицательные культурные коннотации в семантике прецедентного имени, повышая его ценностный статус в модели мира языковой личности.

Таким образом, читатели, хорошо знакомые с содержанием Книги Книг, становятся свидетелями процесса эфемизации образов персонажей Ветхого Завета в толковых словарях при сохранении сакрального статуса притчи, её нравственного посыла и воздействующего потенциала. Отсутствие ряда дифференциальных признаков и атрибутов имён исключает из алгоритма интерпретации текста притчи элементы, которые могут приводить к когнитивному диссонансу в сознании реципиента: факт принесения в жертву живого существа, сомнительный с точки зрения морали выбор ветхозаветного Бога, открытое неповиновение Богу и цинизм убийцы, отсутствие серьёзного наказания за тяжкое преступление, дарование преступнику неприкосновенности. Соответственно, сама прецедентная ситуация оказывается более приемлемой для апелляции в качестве дидактического фрагмента в картине мира англоязычного сообщества, в котором важными поведенческими моделями являются беспрекословное подчинение закону, политическая корректность и бережное отношение к природе.

3. Прецедентные имена *Cain* и *Abel* в текстах СМИ США и Великобритании [Precedent names *Cain* and *Abel* in US and Great Britain media texts]

В текстах англоязычных СМИ, датируемых до 2022 года, независимо от национального варианта дискурса, авторы используют имена *Cain* и *Abel* как способ апелляции к прецедентной ситуации практически с одинаковой частотностью. Результаты количественных подсчётов представлены в таблице 2.

Большая часть публикаций, в которых отмечены случаи денотативного использования прецедентных имён ($\approx 66\%$), была посвящена вопросам истории, литературы, искусства, религиозного образования и воспитания – это театральные постановки, книги, кинематография: *Sound and Fury in Mr. Jeffers; A Twentieth-Century Version of the Story of Cain and Abel in His Latest Narrative Poem, "Give Your Heart to the Hawks"* – 'Звук и ярость в мистере Джефферсе; Версия истории о Каине и Авеле двадцатого века в его последнем стихотворении повествовательного характера «Отдай своё сердце ястребам»' (October 15, 1933), *Macmillan Ballet on Cain and Abel Danced in Berlin* – 'Балет Макмиллана о Каине и Авеле станцевали в Берлине' (November 12, 1968), *Theater; Cain and Abel in California* – 'Театр; Каин и Авель в Калифорнии' (May 3, 1987), *BOOKS OF THE TIMES; Cain and Abel Played out in a Run-Down Amazon Port* – 'Книги того времени; Каин и Авель разыгрывались в захудалом порту Амазонки' (July 19, 2002), *'Fallen': Out*

of Eden – '«Падший»: Из Эдема' (October 30, 2005), *Review: It's Cain and Abel Redux in 'Long Lost' by Donald Margulies* – 'Рецензия: Это возвращение Каина и Авеля в «Давно потерянных» Дональда Маргулиса' (June 4, 2019) и др.

Т а б л и ц а 2. Частотность употребления имён *Cain* и *Abel*
в американских и британских СМИ в 1871–2021 годах
[Table 2. The frequency of occurrence of the names *Cain* and *Abel*
in American and British mass-media in 1871–2021]

СМИ США	Кол-во статей	СМИ Великобритании	Кол-во статей
THE NEW YORK TIMES	< 1195	THE GUARDIAN	< 615
THE WASHINGTON POST	< 186	THE FINANCIAL TIMES	< 50
CNN	< 21	BBC	< 600
Всего	1402		1265

Коннотативное употребление имён ($\approx 34\%$), использование их как стилистического средства образности – с целью сравнения, воздействия и оценки – имеет место в новостных публикациях, посвящённых социально-политическим проблемам. При этом сегодня авторы всё реже апеллируют к притче о Каине и Авеле как прецедентной ситуации братоубийства, предпочитая упоминать имена ветхозаветных персонажей как пример вражды, соперничества, предательства или конкурентной борьбы двух близких людей. Поясним сказанное на примерах.

1871 год. Самой первой публикацией, в которой встречаются прецедентные имена «Cain» и «Abel», стала статья в газете «The New York Times» под заголовком *CAIN AND ABEL: The Newark Meadows Murder Mahoney Arrested for the Murder of His Brother* – 'Каин и Авель: убийство в Ньюарк-Медоуз. Махоуни арестован за убийство своего брата' (May 22, 1871). Имена библейских персонажей в данном примере служат средством апелляции к прецедентной ситуации братоубийства и актуализируют в полном объёме ключевой концепт ветхозаветной притчи, позволяя читателю установить аналогию между текстом Священного Писания и текстом СМИ.

1928 год. В следующем примере – в статье *CAIN-ABEL DRAMA GRIPS SOVIET COURT; Brother, Admitting Guilt, Betrays Brother to Death Penalty for Counter-Revolution* – 'Драма Каина и Авеля захватывает советский суд; брат, признавая вину, предаёт брата на смертную казнь за контрреволюцию' («The New York Times», May 28, 1928) – брат предаёт брата, тем самым обрекая его на смерть. Прецедентная ситуация воспроизводится частично, с заменой структурных элементов имён и следующими за этим смысловыми и оценочными трансформациями в алгоритме восприятия текста притчи.

1947 год. Статья *YOUTH SEIZED HERE IN DETROIT MURDER; Admits, Says FBI, He and a Son of Victim Committed 'Worst Crime Since Cain and Abel'* – 'Молодой человек, задержанный здесь, в Детройте, за убийство, признается, по данным ФБР, что он и сын жертвы совершили «худшее преступление со времен Каина и Авеля»' («The New York Times», June, 25, 1947) посвящена преступлению, которое совершили два подростка в Детройте. Ограбление и убийство Джеймса Смолла, хозяина таверны, было совершено с целью поиска денег на побег из дома. Одним из малолетних преступников оказался сын Смолла.

Прецедентная ситуация, описанная в Библии, является в этом примере прототипом самых страшных преступлений, которые когда-либо были совершены человеком, и воспроизводится благодаря актуализации дифференциальных признаков имён, ассоциативно связанных с ключевым концептом ветхозаветного текста.

1949 год. Статья *MAN, 32, IS ACCUSED IN CAIN-ABEL DEATH; He Is Held on Homicide Charge as Magistrate Compares Case to Biblical One* – '32-летний мужчина задержан и обвиняется в Каиновом убийстве; судья сравнивает дело с библейской историей' («The New York Times», December 15, 1949). 32-летний мужчина, обвиняемый в убийстве своего брата, выслушал с полным безразличием то, как судья сравнил его преступление с библейской притчей. Прецедентная ситуация актуализируется полностью, поскольку сохраняются структура и содержание имён *Cain* и *Abel*.

1959 год. В статье *"AM I MY BROTHER'S KEEPER?"*. *Ever since Cain, the original juvenile delinquent, slew Abel and asked the Lord: "Am I my brother's keeper?" men have been arguing about the doctrine of responsibility* – '«Разве я сторож своему брату?»'. С тех самых пор, как Каин, первый преступник, убил Авеля и спросил Господа: "Сторож ли я брату моему?" люди спорят об ответственности' («The New York Times», October 11, 1959) апелляция к прецедентной ситуации братоубийства осуществляется через два вида феноменов – имя и высказывание, что обеспечивает её воспроизведение в полном объёме, с имплицитной актуализацией таких признаков, входящих в структуру имени *Cain*, как склонность ко лжи и цинизм.

1982 год. В анналах истории родственных отношений братья Перес, считает автор статьи *HEADLINERS; PEREZ V. PEREZ. In the annals of fraternal relations, the brothers Perez must fall somewhere between Cain and Abel and Groucho and Harpo* – 'Перес против Переса. В анналах братских отношений братья Перес должны находиться где-то между Каином и Авелем, Граучо и Харпо' («The New York Times», April 22, 1982). После смерти старшего Переса в 1969 году Леандер Перес-младший и его брат Чалин вели непрекращающуюся вражду за контроль над семейным наследием. Прецедентная ситуация воспроизводится частично, с существенным изменением структуры имён, отсутствием у них ряда дифференциальных признаков, которые не позволяют актуализировать ключевой концепт библейского повествования о Каине и Авеле.

1983 год. В статье *8 POOR CHARGED IN KIDNAPPING OF RICH WIDOW* – 'Восьмерых бедняков обвинили в похищении богатой вдовы' («The New York Times», February 6) рассказывается о похищении 23-летней Кэти Осборн Нис своими близкими родственниками с целью последующего выкупа: *The indictment named three of Mrs. Niece's brothers and her sister, two of their spouses, her nephew and a brother-in-law of one brother. 'Like Cain and Abel'* – 'В обвинительном акте названы трое братьев г-жи Нис и её сестра, двое их супругов, её племянник и зять одного брата. «Как Каин и Авель»...'. Зависть, которая толкнула братьев, сестру и других родственников на преступление, автор уподобляет чувству, которое испытывал Каин по отношению к Авелю. Концепт ЗАВИСТЬ послужил основой для стилистического сравнения и воспринимается как ключевой в тексте данной статьи.

2000 год. Сложные взаимоотношения британских премьер-министров Тони Блэра и Гордона Брауна автор статьи *ALL THE PRIME MINISTER'S MEN* – 'Все люди премьер-министра' (The Guardian, 24 Sep 2000) сравнивает с дружбой Давида и Ионафана, подчёркивая, что она легко может трансформироваться в соперничество Каина и Авеля. Однако речь, безусловно, не идёт о братоубийственной войне. Партийная борьба двух оппонентов не может закончиться уголовным преступлением, но её накал близок по эмоциональной напряжённости к библейскому сюжету.

2004 год. Статья *SIMON AND GARFUNKEL. They started out as Tom and Jerry, though at times their relationship has been more like Cain and Abel* – 'Саймон и Гарфункель. Они начинали как Том и Джерри, хотя временами их отношения больше походили на отношения Каина и Авеля' (BBC, Friday, 16 July, 2004). История творческого союза Саймона и Гарфункеля, которая началась как отношения главных персонажей в известном мультипликационном сериале, нередко перерастала в настоящую вражду. Однако

спорадические конфликты не приводили к серьёзным последствиям в жизни творческого союза. Как следствие, апелляция к прецедентной ситуации в данной публикации является не вполне оправданной – дифференциальные признаки имён Каин и Авель не воспроизводятся в объёме, необходимом для установления соответствующей корреляции между персонажами притчи и знаменитыми музыкантами. Однако автор считает возможным использовать библейский текст как ментальный прототип сложных человеческих взаимоотношений.

2005 год. В статье *THE FORGOTTEN WAR. The massacres in the region surrounding Africa's great lakes have their roots in Rwanda's age-old, Cain-and-Abel-like conflict between the Hutu and the Tutsi tribes, a clash between traditional farmers, the Hutu, and nomadic goatherds, the Tutsi* – 'Забытая война. Массовые убийства в районе великих озёр Африки уходят своими корнями в древний конфликт Руанды, подобный конфликту Каина и Авеля, между племенами хуту и тутси; столкновение между традиционными фермерами – хуту, и кочевыми пастухами – тутти' («The New York Times», February 5, 2005). Стилистическое сравнение *Cain-and-Abel-like conflict* актуализирует ключевой концепт библейской притчи. Однако родственная связь между участниками конфликта, как и его религиозная составляющая, отсутствуют, что позволяет говорить об утрате части важнейших дифференциальных признаков имён и смещении фокуса прецедентной ситуации в сторону смертельной вражды, кровопролитных конфликтов, но не братоубийства.

2009 год. В статье *THRIFT AND THRILLS WITH VW GOLF TDI AND GTI* – 'Экономия и острые ощущения с VW Golf TDI и GTI' (The New York Times, December 30) речь идёт о двух автомобилях «Фольксваген», которые должны были быть представлены на рынке в следующем году и, по мнению автора, составили бы конкуренцию друг другу в сегменте среднего класса: *This year, that car is actually a set of brothers, with a Cain-and-Abel approach to maximizing bang for the buck* – 'В этом году этот автомобиль на самом деле представляет собой двух братьев с «подходом Каина и Авеля» к максимальной отдаче'. Образное сравнение технических характеристик моделей с соперничеством библейских персонажей, безусловно, вызывает у читателя необходимое, по замыслу автора, представление о почти смертельном противостоянии машин. Однако при этом изменяется содержание прецедентных имен, исчезают связанные с текстом-источником сакральные коннотации, необходимые для актуализации ключевого концепта притчи.

2011 год. В статье *MY BROTHER, THE STRANGER* – 'Мой брат, незнакомец' («The Guardian», September 17, 2011) автор рассуждает об отсутствии любви между членами одной семьи, даже если они связаны генетически: *Dislike, enmity, even hatred between siblings is one of mankind's oldest stories. The troubles of Cain and Abel make for one of the most poignant biblical dramas, and through the ages sibling rivalry has been infused with shame and sin* – 'Неприязнь, вражда, даже ненависть между братьями и сёстрами – одна из древнейших историй человечества. Беды Каина и Авеля стали одной из самых острых библейских драм, и на протяжении веков соперничество братьев и сестёр было пропитано стыдом и грехом'. По словам автора, соперничество между братьями и сёстрами на протяжении веков было пропитано стыдом и грехом, поэтому оно становится ключевым концептом, который актуализируется в контексте.

2013 год. Вражда Каина и Авеля, как и некоторых других персонажей Ветхого Завета, – лучший пример соперничества, известный с незапамятных времён, считает автор статьи *EPIC BROTHER BATTLES: FROM THE BIBLE TO THE SUPER BOWL* – 'Эпические битвы братьев: от Библии до суперкубка' (CNN, January 31): *Cain and Abel. Jacob and Esau. Joseph and his brothers. ... If you're looking for brother vs. brother rivalry, no better jumping off point than the Old Testament* – 'Каин и Авель. Иаков и Исав. Джозеф и его братья. ... Если вы ищете соперничество брата с братом, то нет лучшей отправной точки, чем Ветхий Завет'.

Соперничество – не столько атрибут прецедентных имён, сколько концепт прецедентных ситуаций, источником которых служит Библия. Сознательно или случайно, автор исключает факт убийства из алгоритма восприятия притчи о Каине и Авеле, тем самым изменяя не только структуру прецедентных имён и алгоритм восприятия прецедентной ситуации, но и их эмоциональный, когнитивный потенциал.

2014 год. *A ferocious, fratricidal row over the future leadership, The bitter struggle for power, to take the battle, being thrown to the wolves* – 'Свирепый, братоубийственный скандал из-за будущего руководства, ожесточённая борьба за власть, за то, чтобы принять бой, будучи брошенным на растерзание волкам' – так, по словам автора статьи '*CAIN AND ABEL' ROW OVER EADS LEADERSHIP* – «Каин и Авель» ссорятся из-за лидерства' («The Guardian», December, 11, 2011), может быть охарактеризована конкурентная борьба на рынке авиаперевозок между Францией и Германией. Внутренние источники сравнивают отношения между компаниями двух стран с историей Каина и Авеля – *insiders are warning of a "Cain and Abel" relationship. German unions fear a French takeover* – 'инсайдеры предупреждают об отношениях «Каина и Авеля»'. Немецкие профсоюзы опасаются поглощения Францией'. Поглощение одной из них имплицитно приравнивается к убийству. Однако здесь, как и в предыдущих примерах, ключевым концептом, который актуализируется в статье, становится соперничество.

2015 год. *IAN RANKIN: EDINBURGH CRIME AUTHOR TELLS OF HIS BELFAST CONNECTIONS. "They're like Cain and Abel – you never know if they'll become best friends or kill each other," he said* – 'Иэн Рэнкин: автор криминальных историй из Эдинбурга рассказывает о своих связях в Белфасте. «Они как Каин и Авель – никогда не знаешь, станут ли они лучшими друзьями или убьют друг друга», – сказал он.' (BBC, November 27, 2015). Очевидно, что алгоритм интерпретации библейской притчи не предполагает ни возможность дружбы между братьями, ни убийство ими друг друга. Однако автор статьи считает допустимой такую трактовку прецедентной ситуации, что приводит к нарушению структуры имён и изменению содержания ключевого концепта текста Священного Писания.

2016 год. Статья *THIN AIR BY MICHELLE PAVER REVIEW – TOUCHING THE VOID MEETS JACK LONDON* – Рецензия на рассказ Мишеля Павера «Разреженный воздух» («The Guardian», November 20, 2016). Захватывающий рассказ Мишеля Павера о странных событиях, которые сопровождали восхождение группы альпинистов в Гималаях в 1930-х, начинается с утверждения о том, что соперничество между братьями буквально преследует человечество со времён Каина и Авеля: *Ever since Cain and Abel, fraternal rivalry has haunted us* – 'Со времён Каина и Авеля братское соперничество преследует нас'. Однако СОПЕРНИЧЕСТВО остаётся единственным концептом, который актуализируется в статье, что обуславливает утрату прецедентными именами важнейших дифференциальных признаков в процессе чтения и интерпретации текста.

2017 год. *"It's Cain and Abel – Hollywood style," the gossip column said* – '«Это Каин и Авель в голливудском стиле», – говорилось в колонке сплетен'. Ссылаясь на одно из американских СМИ, автор статьи *HARVEY WEINSTEIN BELIEVES HIS BROTHER BOB BETRAYED HIM* – 'Харви Вайнштейн считает, что его брат Боб предал его' (CNN, October 10, 2017) приводит слова опального магната Харви Вайнштейна о том, что брат «воткнул ему нож в спину», поскольку давно хотел занять место главы известной киностудии. В голливудской версии библейской притчи актуализируется ПРЕДАТЕЛЬСТВО как ключевой концепт повествования, что изменяет и структуру имён, и саму прецедентную ситуацию как объект восприятия.

2018 год. *TRUMP ONCE WANTED THE NATIONAL ENQUIRER TO WIN A PULITZER. NOW IT MAY PROVE HIS DOWNFALL* – 'Трамп когда-то хотел, чтобы

National Enquirer получил Пулитцеровскую премию. Теперь это может стать доказательством его падения' («The Washington Post», August 26, 2018). Дэвид Пекер, исполнительный директор «American Media Inc.», который считал себя другом и сторонником Д. Трампа, в течение нескольких лет скупал компромат на будущего президента, но запрещал редакторам публиковать его: *For Trump the candidate, there could be no better media friend than David Pecker... "They were brothers of a sort." ...But, as Cain and Abel knew, brother can turn on brother* – 'Для кандидата Трампа не могло быть лучшего друга в СМИ, чем Дэвид Пекер... «Они были в некотором роде братьями». Но, как знали Каин и Авель, брат может пойти против брата'. Расследование, которое набирает сегодня обороты в США, свидетельствует о возможном участии Пекера в уголовном процессе. Поэтому намёк на предательство, который прозвучал в статье 2018 года, является способом частичной актуализации прецедентной ситуации.

2019 год. Статья *HOW THE MAN BEHIND 'THE CROWN' MADE THE MONARCHY RELEVANT AGAIN* – 'Как человек, стоящий за «Короной», снова сделал монархию значимым институтом власти' («The New York Times», November 6, 2019). Историю взаимоотношений Тони Блэра и Гордона Брауна неоднократно сравнивали в СМИ с притчей о Каине и Авеле. Однако единственным параметром сравнения всегда выступал факт конкурентной борьбы политиков, а отнюдь не смертельная вражда однопартийцев. Подтверждением этому служит, в частности, и название романа Дж. Ноти «Соперники», которое натолкнуло британского драматурга и сценариста Питера Моргана на мысль о том, что прообразом политических оппонентов служат библейские персонажи Каин и Авель: ... *he spotted the front cover of a new book, James Naughtie's "The Rivals," an account of the relationship between Tony Blair and Gordon Brown ... "I realized there was a kind of Cain and Abel story there, and I knew at once how to tell it"* – '... он заметил обложку новой книги Джеймса Наути «Соперники», рассказывающей об отношениях между Тони Блэром и Гордоном Брауном... «Я понял, что там была своего рода история о Каине и Авеле, и я сразу понял, как её рассказать!». Конкурентная борьба, или соперничество, – ключевой концепт повествования, который получает смысловое развитие и языковую объективацию в тексте.

2019 год. Следующий пример – статья *WHY THE LEGACY OF AMERICAN SLAVERY ENDURES AFTER MORE THAN 400 YEARS: THE MAYFLOWER IS THE CENTER OF OUR FOUNDING MYTH. BUT THE SLAVE SHIPS ARRIVED FIRST. ...To simply see those two colonies as a Cain and Abel is to forget the legacies of slavery that taint both* – 'Почему наследие американского рабства сохраняется более 400 лет: «Мэйфлауэр» – это центр нашего мифа об основании. Но корабли с рабами прибыли первыми. ... Просто рассматривать эти две колонии как Каина и Авеля – значит забывать о наследии рабства' («The Washington Post», August 20, 2019). Джеймстаун и Плимут – две колонии, историческое соперничество которых за право называться первым поселением, по мнению автора статьи, нельзя уподоблять вражде Каина и Авеля, поскольку в обеих колониях существовало рабство. В данном случае очевидным становится стремление автора апеллировать к библейской притче как прецедентной ситуации соперничества, тем самым изменяя её ключевой концепт и воздействующий потенциал в процессе восприятия текста читателем.

2020 год. В статье *THE ONE WORD THAT TREE OF LIFE'S RABBI REFUSES TO SAY* – 'Единственное слово, которое раввин Древа Жизни отказывается произносить' (CNN, July 18, 2020) автор задаётся вопросом, можно ли искоренить ненависть, если это чувство является частью человеческой природы со времён Каина и Авеля: *How do you eradicate something like hate, though? Isn't it part of human nature, going back to Cain and Abel?* – 'Но как искоренить что-то вроде ненависти? Разве это не часть человеческой природы, восходящая к Каину и Авелю?'. Имена *Cain* и *Abel*, которые служат основным способом апелляции к Библии, употребляются со значительными структур-

ными трансформациями. Как и в выше приведённых примерах, концепт, который актуализируется в тексте СМИ, – не УБИЙСТВО, а НЕНАВИСТЬ.

2021 год. Одна из последних публикаций, в которых встречаются прецедентные имена *Cain* и *Abel*, – статья '*AWFUL BUT LAWFUL*' – 'Ужасный, но законный' («The New York Times», April 7, 2021). Как утверждает автор материала, полицейские в США часто используют круговую поруку, которая позволяет сотрудникам, совершившим серьёзные правонарушения, уйти от наказания: *the taking of life without the taking of responsibility, a Cain and Abel scenario in which blood cries out from the soil*. – 'лишение жизни без принятия на себя ответственности, сценарий Каина и Авеля, где кровь взывает из земли'. Подобно сюжету библейской притчи, кровавые улики буквально «кричат» о совершённых преступлениях, однако правоохранительные органы не принимают эти улики во внимание.

Данная статья – один из немногих примеров (не более 10% от общего объёма фактического материала), в которых коннотативное употребление имён *Cain* и *Abel* актуализирует прецедентную ситуацию притчи в полном объёме – *Cain and Abel scenario*. Наряду с прецедентными именами автор также употребляет фразу «*blood cries out from the soil*» (в оригинале – «*from the ground*»), которая добавляет экспрессии тексту статьи и способствует правильному восприятию авторского замысла: никто не несёт серьёзного наказания за своё преступление.

4. Заключение [Conclusion]

В когнитивной базе англоязычного лингвокультурного сообщества имена собственные библейского истока *Cain* и *Abel* имеют статус прецедентных. Апелляции к ним в СМИ высокочастотны, контексты, в которых они воспроизводятся, разнообразны и эмоционально нагружены. В то же время большая часть дифференциальных признаков, указывающих на важнейшие характеристики имён, их связь с текстом-источником, не актуализируется в публикациях последних лет, полностью или частично изменяя ключевой концепт ветхозаветной притчи.

Прецедентное имя, как и другие виды прецедентных феноменов, со временем претерпевает структурные и семантические трансформации, что находит отражение в перераспределении признаков ядра и периферии. Следствием таких изменений стала частичная утрата именами *Cain* и *Abel* сакральных культурных коннотаций. В результате, стоящая за ними прецедентная ситуация не воспроизводится в полном объёме, позволяя авторам текстов СМИ апеллировать к библейской притче в самых разных коммуникативных контекстах, не связанных с её ключевым концептом.

Данная тенденция к секуляризации содержания имён, их эвфемизации за счёт элиминации ряда признаков как политически некорректных для восприятия современной языковой личностью особенно характерна для публикаций начала XXI века, в которых актуализируются такие концепты, как СОПЕРНИЧЕСТВО, ВРАЖДА, ПРЕДАТЕЛЬСТВО, КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА.

Апелляции к библейским прецедентным феноменам в материалах СМИ предполагают у читателя как языковой личности знание сюжета сказания, песни или притчи, положенных в основу информационного сообщения, умение устанавливать интертекстуальные связи и, как результат, правильно воспринимать и интерпретировать авторский замысел. Трагическая история сыновей Адама и Евы является горьким уроком для всего человечества на протяжении столетий, однако её дидактический потенциал, эмоциональная ценность как ядерного элемента когнитивной базы англоязычного сообщества, изменяются с течением времени. Сегодня авторы текстов СМИ употребляют имена *Cain* и *Abel* не только как способ апелляции к прецедентной ситуации братоубийства как одного из самых страшных преступлений против веры, но и как способ актуа-

лизации идеи соперничества, вражды, предательства или конкурентной борьбы как неотъемлемой части повседневной жизни.

Библиографический список

- Аникина, 2020 – Аникина Э. М. Прецедентный феномен: этимология понятия, его развитие и функционирование в дискурсе американо-британских СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 233–236. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0903-0057>
- Будаев, 2021 – Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3. (87). С. 22–36. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_02
- Ма, Пинчукова, 2022 – Ма Т. Ю., Пинчукова Н. В. Прецедентное высказывание «the patience of Job» в публикациях газеты «The New York Times» как пример секуляризации узуса библейской фразеологии // Казанская наука. 2022. № 4. С. 174–177.
- Ма, Хлопова, 2018 – Ма Т. Ю., Хлопова Т. В. Прецедентные имена «Noah» и «Noah's ark» в материалах электронной версии журнала «TIME» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 7-2. С. 118–121.
- Ма, Хлопова, 2019 – Ма Т. Ю., Хлопова Т. В. Прецедентное имя библейского истока «DAVID» в материалах электронной версии журнала «TIME» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 77–87. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_41_57
- Назарова, Золотарев, 2015 – Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2015. № 2. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-2-17-23>
- Нахимова, 2018 – Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 41–46.
- Радбиль, Помазов 2020 – Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–153. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- BBC – BBC. URL : <https://www.bbc.com> (дата обращения : 24.12.2021).
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org> Cambridge Dictionary (дата обращения: 24.12.2021).
- CNN – CNN. URL : <https://www.edition.cnn.com/> (дата обращения : 24.12.2021).
- Collins Online Dictionary – Collins Online Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения : 24.12.2021).
- Financial Times – Financial Times. URL : <https://www.ft.com/> (дата обращения : 24.12.2021).
- King James's Bible Dictionary – King James's Bible Dictionary. URL : <https://www.kingjamesbibledictionary.com/> (дата обращения : 24.12.2021).
- Longman Dictionary of English Language and Culture 2005 – Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
- Merriam-Webster Dictionary – Merriam-Webster Dictionary. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения : 04.04.2023).
- Sasson 2015 – Sasson G. E. The Symbolic Meaning of Biblical Names as a Narrative Tool: Moses, Abraham, and David // Storytelling, Self, Society. 2015. Vol. 11, N. 2. P. 298–313.
- The Guardian – The Guardian. URL : <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения : 24.12.2021).
- The New York Times – The New York Times. URL : <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 24.12.2021).
- The Washington Post – The Washington Post. URL : <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения : 24.12.2021).
- Yost, 2017 – Yost L. The Speech Act of Naming in Context: A Linguistic Study of Naming in the Old Testament // Research Projects. 17. URL : http://digitalcommons.cedarville.edu/linguistics_senior_projects/17 (дата обращения : 24.12.2021).

References

- Anikina, E. M. (2020). Precedentnyy fenomen: etimologiya ponyatiya, ego razvitiye i funktsionirovaniye v diskurse amerikano-britanskikh SMI [A precedent phenomenon: Its etymology, development and performance in American-British mass media discourse]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 3 (32), 233–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0903-0057>
- Budaev, E. V. (2021). Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya [Precedent Names in the Media: Research Methods]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (87), 22–36. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_02
- Ma, T. Yu., Pinchukova, N. V. (2022). Precedentnoye vyskazyvaniye «the patience of Job» v publikatsiyakh gazety «The New York Times» kak primer sekulyarizatsii uzusa bibleyskoy frazeologii [The precedent phrase «The patience of Job» in "The New York Times" publications as an example of Biblical phraseology usus secularization]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 4, 174–177. (In Russ.).
- Ma, T. Yu., Hlopova, T. V. (2018). Precedentnye imena «Noah» i «Noah's ark» v materialakh elektronnoy versii zhurnala «TIME» [Proper names "Noah" AND "Noah's ark" as cultural phenomena in the "TIME" articles]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities Series], 07/2, 118–121. (In Russ.).
- Ma, T. Yu., Hlopova, T. V. (2019). Precedentnoye imya bibleyskogo istoka «DAVID» v materialakh elektronnoy versii zhurnala «TIME» [The Biblical proper name «DAVID» in the materials of the electronic journal «TIME»]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 77–87. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_2_41_57
- Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. (2015). Precedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii precedentnykh fenomenov [Precedent phenomena: Problems of definition and classification]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-2-17-23>
- Nahimova, E. A. (2018). O klassifikatsii i differentsiatsii vidov precedentnykh fenomenov v politicheskoy kommunikatsii [Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (67), 41–46. (In Russ.).
- Radbil', T. B., Pomazov, A. I. (2020). Precedentnye fenomeny kak sredstvo sozdaniya attrakivnosti v polikodovom tekste Interneta [Precedent phenomena as means of establishing attractiveness in polycode Internet text]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 1, 140–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- BBC. (2021). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.bbc.com>>.
- Cambridge Dictionary. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://dictionary.cambridge.org>Cambridge Dictionary>.
- CNN. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.edition.cnn.com>>.
- Collins Online Dictionary. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.collinsdictionary.com>>.
- Financial Times. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.ft.com>>.
- King James's Bible Dictionary. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.kingjamesbibledictionary.com>>.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. (2005). Longman: Pearson Educational.
- Merriam-Webster Dictionary. (2023). Retrieved April 04, 2023 from <<https://www.merriam-webster.com>>.
- Sasson, G. E. (2015). The Symbolic Meaning of Biblical Names as a Narrative Tool: Moses, Abraham, and David. *Storytelling, Self, Society*, 11 (2), 298–313.
- The Guardian. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.theguardian.com/international>>.
- The New York Times. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.nytimes.com>>.
- The Washington Post. (2023). Retrieved Dec. 24, 2021 from <<https://www.washingtonpost.com>>.
- Yost, L. (2017). The Speech Act of Naming in Context: A Linguistic Study of Naming in the Old Testament. *Research Projects*. 17. Dec. 24, 2021 from <http://digitalcommons.cedarville.edu/linguistics_senior_projects/17>.

Мазарчук Анна Владимировна
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
anja_av@rambler.ru

Функционирование названий пяти видов скота в монгольских пословицах и поговорках

Аннотация

Как известно, монголы традиционно разводят пять видов скота: лошадей, коров, коз, овец и верблюдов. В монгольском языке существует отдельная система терминов для обозначения этих животных разного пола и возраста. В статье рассматривается функционирование данных терминов в монгольских пословицах и поговорках. Задача исследования состояла в том, чтобы выяснить: 1) какие образы ассоциируются у монголов с каждым из видов скота; 2) какие именно термины, обозначающие скот разного пола и возраста, используются в пословицах и поговорках. Источниками материала послужили сборники монгольских пословиц и поговорок и научные труды, посвящённые данной теме. Материал извлекался методом сплошной выборки, далее происходила его классификация по тематическому принципу, проводился лингвокультурологический анализ паремий с привлечением контрастивного метода. Показано, что в этих малых фольклорных формах часто используется параллелизм для проведения аналогии между людьми и лошадьми. Образы крупного рогатого скота, коз и верблюдов также сопоставляются с образами людей, приводятся аналогии между отрицательными качествами животного и человека. Образы овец используются скорее для описания закономерностей мироустройства, чем характера или привычек человека. Названия лошадей употребляются в 60,3% проанализированных в настоящем исследовании паремий. В 20,5% паремий упоминается крупный рогатый скот. Термины, обозначающие верблюдов, были найдены в 9,9% паремий. Козы упоминаются в 7,9%, а овцы – в 6% от общего количества отобранных паремий.

Ключевые слова: монгольский фольклор, монгольские пословицы и поговорки, термин, аналогия с характеристиками человека, языковая картина мира

© Мазарчук А. В. 2023

Для цитирования: Мазарчук А. В. Функционирование названий пяти видов скота в монгольских пословицах и поговорках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 109–119. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_109

Anna V. Mazarchuk
Institute for Linguistic Studies of the RAS
St Petersburg, Russian Federation
anja_av@rambler.ru

Functioning of terms denoting the five kinds of livestock in Mongolian proverbs

Abstract

It is commonly known that Mongols traditionally breed five kinds of livestock: horses, cows, sheep, goats, and camels. There is a special system of terms denoting livestock of different sex and age in Mongolian. The article examines the usage of these terms in Mongolian proverbs and sayings. The aim of the research was to find out (i) what image is associated with every kind of livestock, (ii) which terms are used in the proverbs and which are restricted to non-proverbal usage. Volumes of Mongolian proverbs and scholarly works on this subject were used

as the source of material for the research. The material was obtained using the continuous sampling method, then it was divided into five groups according to the terms used (one general term denoting a kind of livestock formed a separate group). After that, linguoculturological analysis comprising a contrastive method was carried out to study the selected proverbs. The Mongolian proverbs provide a great variety of metaphors and comparisons exploiting the terms denoting domestic animals. Most of semantic parallels found in such proverbs are between people and horses. The terms denoting cattle, goats and camels are also used in comparisons with people; negative traits of the animals are paralleled with those of humans. The terms denoting sheep are used in descriptions of the world order rather than compared with human qualities. The terms denoting horses are used in 60,3% of the selected proverbs and sayings. The terms denoting cattle are used in 20,5% of the proverbs. The terms denoting different kinds of camels rank third and are used in 9,9% of the proverbs, while terms for goats and sheep can be found in 7,9% and 6% of the proverbs correspondingly.

Keywords: Mongolian folklore, Mongolian proverbs and sayings, term, analogies of personality traits, language picture of the world

© Mazarchuk A. V. 2023

For citation: Mazarchuk, A. V. (2023). Funktsionirovanie nazvaniy pyati vidov skota v mongol'skikh poslovitsakh i pogovorkakh [Functioning of terms denoting the five kinds of livestock in Mongolian proverbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 109–119. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_109

1. Введение [Introduction]

Пословицы и поговорки, или паремии, – это сформулированные народом истины, обобщающие знания о закономерностях повседневной жизни. В традиционном обществе, не подверженном таким радикальным и быстрым изменениям, как современное информационное общество, человек, наблюдая за окружающей жизнью, делает фундаментальные выводы о том, что бывает, чего не бывает и как всё должно быть устроено. Паремии можно рассматривать как компонент фразеологии, немалую часть которой составляют фразеологизмы с анималистическим компонентом. Такие фразеологизмы не раз становились предметом лингвистического исследования, например, на материале кубанских говоров, где были выявлены многочисленные фразеологизмы с названиями насекомых, птиц, млекопитающих (диких и домашних) [Борисова, Костина, 2021], с названиями *волк, овца, бык, утка* в русском и английском языках [Розенкова, Шустова, 2018; Шустова, Тяпугина, 2020]. Сами анимализмы (зоонимы) изучались с разных ракурсов, в том числе – с терминологического [Дорогайкина, Игнатьева, 2019].

Анималистические паремии – это довольно популярная тема исследования на материале разных языков: русского, английского, арабского, немецкого, индонезийского, китайского [Аль-Бдер, 2012; Юсупова, Кузьмина, 2017; Кобилжонова, Муталова, 2020; Рахмат и др., 2020] и др. Исследователями выявлена общность тематических групп, к которым относятся паремии; обнаружены как полные и частичные эквиваленты, так и несовпадения; описаны паремии, содержащие названия как диких, так и домашних животных.

Для монголов долгие века естественной окружающей средой была степь, а главным занятием, делавшим возможным жизнь в степи, – скотоводство. Неслучайно в монгольских пословицах и поговорках довольно часто упоминаются пять видов скота, которые монголы традиционно разводили: *адуу* 'лошади', *үхэр* 'крупный рогатый скот' (коровы, яки), *хонь* 'овцы', *ямаа* 'козы', *тэмээ* 'верблюды', а также *мал* 'скот' (общее понятие). В монгольском языке используются разные термины, обозначающие скот

разного возраста и пола. Так, *адуу* – это общий термин, обозначающий лошадей в целом, табун. Термином *азарга* обозначают некастрированного жеребца-производителя, *унага* – это жеребёнок до двух лет, *даага* – жеребёнок-двухлетка. *Шүдлэн* используется как общее название для жеребят-трёхлеток обоего пола. Есть также отдельные термины *үрээ* и *байдас*, обозначающие соответственно коней и кобыл трёх, четырёх и пяти лет. Общее название для лошадей-четырёхлеток – *хязалан* (этот термин употребляется и для коров как общее обозначение четырёхлеток обоего пола, а также для четырёхлетних самок овец и коз). Общий термин, объединяющий пятилетних коней (*үрээ*) и кобыл (*байдас*) – *соёолон*. Шестигодовалый конь – *хавчиг соёолон*, мерин старше шести лет – *морь*. Кобыла шести лет и старше – *гүү* [Баттуулга, 2006, с. 30]. Подобные системы терминов существуют для всех пяти видов скота. Интересно, что в пословицах некоторые термины, например, названия трёх- и четырёхлеток не встречаются (по крайней мере, в опубликованных источниках), другие же используются довольно часто.

Названия видов скота в паремиях, бытующих в культуре и речи носителей монгольских языков, уже становились предметом отдельного исследования. В частности было описано употребление названий четырёх видов скота в калмыцких народных сказках, песнях, восхвалениях, поверьях, героическом эпосе и паремиях [Манджиева, 2020 ; Надбитова, 2012 а, б], однако отдельных работ, в которых было бы проанализировано функционирование названий пяти видов скота в монгольских пословицах и поговорках, пока не представлено.

Ц е л ь данного исследования состоит в том, чтобы проследить, какими характеристиками наделяли монголы разные виды скота в пословицах и поговорках, как в них отражается отношение к тому или иному животному, с каким животным чаще проводят аналогию, когда говорят о человеке. Ответы на данные вопросы могут быть полезны при анализе картины мира монгола.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование было проведено на материалах, опубликованных в сборниках монгольских пословиц и поговорок: в издании под редакцией Дж. Рэймонд [Raymond, 2010], в списках паремий, размещённых на интернет-ресурсах [ЗЦУ; МАЗЦУ; Түүвэр], а также на материалах, процитированных в научных трудах по данной теме. Особую ценность как источник материала представляет монография «Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий» [Кульганек, 2017, с. 167–179], поскольку в ней обобщены сведения из огромного количества источников. Пословицы и поговорки отбирались из источников методом сплошной выборки: из электронных источников автоматически с помощью поискового сервиса, из печатных источников – вручную. Всего для анализа была отобрана 151 паремическая единица. Найденные пословицы и поговорки были распределены по пяти группам в зависимости от названия животного и далее анализировались с помощью методов контекстного, лингвокультурологического, сравнительно-сопоставительного анализа. При контекстном анализе выявлялось возможное в паремиях окружение, в котором встречаются термины, обозначающие скот разного пола и возраста. Лингвокультурологический анализ применялся для объяснения связи между произносимой паремией и действительностью, окружающей носителя монгольского языка. Сравнительно-сопоставительный анализ с элементами контрастивного метода применялся для выявления общих черт и различий в восприятии животных монголами. Для статистической обработки использовался метод простых количественных подсчётов и вычисления ранга группы в выборке.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Наиболее часто в найденных монгольских пословицах и поговорках упоминается лошадь (100 раз в 91 паремии – Ранг 1). В народных изречениях встречаются такие термины, как *адуу* 'лошади' (1)¹ – 36 раз, *агт* 'рысак, скакун, холощёный конь' (2) – 4 раза, *унага* 'жеребёнок до двух лет' (3) – 4 раза, *даага* 'жеребёнок двух лет' (4) – 1 раз, *морь* 'мерин старше шести лет' (5) – 42 раза, (10), *азарга* 'жеребец' (6) – 4 раза, *гүү* 'кобыла шести лет и старше' (7) – 1 раз, *хүлэг* 'скакун' (3), (8) – 8 раз. В связи с лошадьми упоминаются *уурга* 'урга (длинный шест с петлей на конце для ловли лошадей)' (8) – 12 раз, *эмээл* 'седло' – 1 раз – и *хазаар* 'уздечка' (9) – 2 раза, *ташуур* 'плеть' – 1 раз (10). Итого, 8 терминов, обозначающих лошадей, и 4 названия средств ловли и управления лошадьми.

(1) *Аавдаа авгай авахыг заах*

Аавдаа адуу манахыг заах

'Учить своего отца жениться, учить своего отца пасти табун ночью'. Эквивалент в русском языке: 'Учить рыбу плавать' [Кульганек, 2017, с. 66].

(2) *Аавын буйд хүнтэй танилц,*

Агтны буйд газар үз [Raymond, 2010, p. 3]

'Когда есть (пока жив) отец, знакомься с людьми (обзаводись связями), когда есть конь, осмотри (объезди) местность'. Смысл: всё нужно делать в своё время и сообразно обстоятельствам.

(3) *Хүн болох багаасаа*

Хүлэг болох унаганаасаа [Кульганек, 2017, с. 156].

'Нужно воспитывать человека с детства, рысак вырастает из жеребёнка'.

(4) *Дааганаас унадаггүй,*

Даравгараас унадаг [Кульганек, 2017, с. 111].

'С жеребёнка-двухлетки не падают, падают с большого'. Смысл: если что-то делаешь, то нужно делать с размахом. Эквивалент в русском языке: 'Помирать – так с музыкой'.

(5) *Эр сайтай эм номхон,*

Эзэн сайтай морь номхон

'У хорошего мужа жена спокойная, у хорошего хозяина лошадь смирная'. Эквивалент в русском языке: 'Хорошему человеку везде хорошо' [Кульганек, 2017, с. 162].

(6) *Азарга алдвал барихад хялбар,*

Ам алдвал барихад хэцүү [МАЗЦҮ]

'Если потеряешь жеребца, поймать легко; если потеряешь слово (то есть дашь обещание), забрать трудно'. Эквивалент в русском языке: 'Слово – не воробей: вылетит – не поймаешь'.

(7) *Зүүгүй үйлчин,*

Гүүгүй айрагчин

'Без иглы швея, что кумысодел без кобылиц' [Кульганек, 2017, с. 117]. Эквивалент в русском языке: 'Сапожник без сапог'.

(8) *Хүнийг аргаар*

Хүлгийг уургаар [МАЗЦҮ]

'Человека хитростью, рысака ургой'. Смысл: на всё нужно умение.

(9) *Эр хүний дотор эмээлтэй хазаартай морь багтдаг* [Кульганек, 2017, с. 162].

'В мужчине умещается осёдланный и взнузданный конь'. Смысл: мужская душа широкая.

(10) *Эцсэн моринд ташуур олон.*

'Отставшей лошади достаётся много ударов плети' [Кульганек, 2017, с. 165]. Смысл: последнему больше всего достаётся.

¹ Цифра в скобках с двух сторон обозначает номер примера.

Термин *адуу* 'лошади' в основном употребляется, когда речь идёт о лошадях как о скоте, табуне (1). Под словом *агт* 'рысак, скакун, холощённый конь' чаще всего подразумевается скакун, принадлежащий наезднику (2). Иногда в пословицах проводится параллель между скакуном (*агт*) и отцом семейства. Соответственно, сын, ребёнок в подобных аналогиях – *унага* 'жеребёнок до двух лет' (11). Определяющей характеристикой жеребёнка двух лет (*даага*), если судить по пословице, является его малый рост (4). Кобыла (*гүү*) в поговорках упоминается как дойное животное, источник молока (7). Термин *хүлэг* 'скакун' используется для проведения аналогий с человеком, мужчиной (3), (8). *Морь* 'мерин шести лет и старше' в большом количестве пословиц упоминается как средство передвижения. Соответственно, проводятся аналогии между хорошими, спокойными конями и хорошими людьми (5) или же убегающими, буйными конями и людьми торопливыми и гневливыми (12). Жеребец-производитель *азарга* – вожак в табуне. В пословицах он часто упоминается именно в этом качестве, и этот термин используется как метафорическое обозначение лидера, главы, предводителя (13), (14).

(11) *Аавын хүү адилгүй, арван хуруу тэгшгүй*

Аавын хүү алагтай цоогтой, агтны унага алагтай булагтай [Кульганек, 2017, с. 89]. Буквальный перевод: 'Сыновья отца не похожи (друг на друга), десять пальцев – не одинаковой длины; (ряды) сыновей отца пёстрые и разнородные, жеребята скакуна пегие'. Смысл: все люди разные.

(12) *Агсам хүн нэргүй,*

Агсам морь амгүй [Кульганек, 2017, с. 91].

'Буйный человек без имени, горячий конь безо рта' (То есть у буйного человека плохая репутация, а у буйного коня губы содраны удилами).

(13) *Адуу азаргагүй бол сүрэг болдоггүй,*

Галуу түүчээгүй бол цуваа болдоггүй [Raymond, 2010, p. 10].

'Из лошадей без жеребца не получится табун, из гусей без вожака не получится стаи'.

(14) *Тэргүүлэгчгүй айл азаргагүй адуу адилхан*

'Двор без хозяина подобен табуно без вожака' [Кульганек, 2017, с. 145].

Термины, обозначающие крупный рогатый скот, были найдены в 31 паремии (Ранг 2) – *үхэр* 'крупный рогатый скот (коровы, яки и их гибриды)' (15) – 16 словоупотреблений, *бух* 'бык-производитель' (16) – 7 словоупотреблений, *тугал* 'телёнок до двух лет' (17) – 1 словоупотребление, *бярүү* 'телёнок двух лет' (18) – 6 словоупотреблений, *үнээ* 'корова' (19) – 2 словоупотребления, *шар* 'вол, кастрированный бык' (20) – 1 словоупотребление, *сарлага* 'як' (21) – 1 словоупотребление. Всего 34 словоупотребления 7-ми уникальных слов.

(15) *Сүх далайтал үхэр амар*

'Пока замахиваются топором, корова спокойна'. Эквивалент в русском языке: 'Пока гром не грянет, мужик не перекрестится' [Кульганек, 2017, с. 142].

(16) *Уулын буга хараад унасан бухаа голох*

'Увидев горного оленя, отвергнуть быка, на котором ездил'. Эквивалент в русском языке: 'Нет пророка в своём отечестве' [Кульганек, 2017, с. 149].

(17) *Уг муутын тугал муу*

'У низкопородной (коровы) и телёнок низкопороден' [Кульганек, 2017, с. 146]. Эквивалент в русском языке: 'Яблоко от яблони недалеко падает'.

(18) *Арслан барс шиг хүчтэй ч алаг бярүү шиг номхон*

'Силён, как лев, смирен, как ласковый телёнок' [Кульганек, 2017, с. 100].

(19) *Тэжээл өвсөөр тордвол үнээ жилбээр дээшилдэг,*

Өршөөл ивээл өгвөл түмний санаа наашилдаг

'Если откармливать корову, повышается удой, если покровительствовать народу, укрепляется его дух' [Кульганек, 2017, с. 144].

(20) *Шаранд ишигний ачаа ачих*

'Навычить на вола груз, который рассчитан на козлёнка' [Кульганек, 2017, с. 160].

(21) *Саар хүн сургаалаар, сарлаг үхэр чөрхөөр* [МХТТ, 2011, с. 977]

'Плохой человек (исправляется) при помощи наставлений, яков и коров (ведут) за недоуздок'. Смысл: есть способы управлять людьми и животными.

Из пословиц можно понять, что *үхэр* 'коровы' (общее понятие), с одной стороны, воспринимаются положительно, как признак богатства (22). С другой стороны, коровы (*үхэр*) воспринимаются как спокойные (15), медлительные существа (23), которые всё норовят слизать (пословице «даже корова не станет есть» – настолько очевидна неприемлемость предлагаемого) (24). Аналогичная черта подмечается у быка (*бух*) (25). Коровы бодливы (согласно пословицам, особенно безрогие) (26), внутренности их неприятны на вид и запах (27). Кроме того, это очень крупные животные, поэтому слово *үхэр* используется как метафора чего-то большого (28). В пословицах монголы подмечают, что коровы (как коровы в целом (*үхэр*), так и дойные коровы (*үнээ*)) много пьют, поэтому с ними сравнивают людей, страдающих алкоголизмом (29), и обжор (30).

(22) *Үхэртэй баянаас нөхөртэй баян*

Эдийн баянаас эрдмийн баян

Эрдэм билэг эрхэм баян [Кульганек, 2017, с. 63].

'Чем быть богатым коровами, лучше быть богатым друзьями; чем быть богатым имуществом, лучше быть богатым знаниями; знания – главное богатство'.

(23) *Үнэнээр явбал, үхэр тэргээр туулай гүйцнэ*

'Кто живёт честно, тот и на бычьей телеге догонит зайца' [Кульганек, 2017, с. 38].

(24) *Өвсөнд ороовч үхэр идэхгүй, өөхөнд ороовч нохой идэхгүй*

'Хоть заверни в сено – скот не станет есть, хоть заверни в жир – собака не станет есть' [Кульганек, 2017, с. 132].

(25) *Тааж мэддэг таван хаан биш, тамшааж мэддэг тарган бух биш*

'Не пять ханов, которые все разгадывают, не жирный бык, который все пробует языком'. Эквивалент в русском языке: 'Я не господь-бог — всё знать' [Кульганек, 2017, с. 143].

(26) *Муу хүн сонжооч, мухар үхэр сэжээч*

'Плохой человек придирчив, комолая корова бодлива' [Кульганек, 2017, с. 122].

(27) *Чихэр шиг үгтэй, үхэр шиг дотортой* [Кульганек, 2017, с. 160].

'Слова как сахар, а внутренности как у коровы'.

(28) *Үхэр алаад ахар сүүлэн дээр нь хутгаа хугалах*

'Убивая корову, нож сломать о копчик'. Эквивалент в русском языке: 'Начал за здоровье, а кончил за упокой' [Кульганек, 2017, с. 152].

(29) *Сохор үхэрт худаг бүү үзүүл, согтуу хүнд архи бүү үзүүл*

'Не показывай колодца слепой корове, не показывай водку пьянице' [Кульганек, 2017, с. 141].

(30) *Ангасан монголын үнээ*

'Испытывающая жажду монгольская корова' (ненасытная утроба) [Кульганек, 2017, с. 97].

С быком (*бух*) ассоциируется нечто близкое человеку, что он хорошо знает (16), в чём хорошо разбирается, что-то очень приземлённое и понятное, в отличие, например, от религии (31).

(31) *Бурхан бурхан гэснээс*

Бухаа тахьсан нь дээр

'Чем говорить бурхан-бурхан, лучше своего быка почитай' [Кульганек, 2017, с. 45].

Взрослый бык-производитель *бух* противопоставляется телёнку-двухлетке *бярүү* как старший младшему (32) (ср. *агт* – *унага* (11)). Сам же по себе двухлетний телёнок *бярүү* очень ласковый и нежный (18).

(32) *Бяруу болоогүй байж, бухын баадгаар баах* [Кульганек, 2017, с. 106].

'Ещё двухгодовалым телёнком не стал, а возомнил себя уже быком'. Букв.: 'Ещё не став двухгодовалым телёнком, испражняется так, как испражняется бык'.

Отмечается склонность быка испражняться в больших объёмах (32), (34).

(33) *Арслангаас айсан бух арван жил чацга алдах*

'Бык, испугавшийся льва, десять лет страдает поносом'. Эквивалент в русском языке: 'Обжегшись на молоке, дует на воду' [Кульганек, 2017, с. 100].

Вол (кастрированный бык) *шар* в народном сознании наделён такими характеристиками, как сила и выносливость (34).

(34) *Шаранд ишигний ачаа ачих*

'Навьючить на вола груз, который рассчитан на козлёнка' [Кульганек, 2017, с. 160].

Телёнок до двух лет *тугал* ассоциируется с потомством (17).

Встречаются в монгольских пословицах и поговорках и различные термины, обозначающие коз (всего 16 словоупотреблений 6 уникальных терминов в 12 паремиях – Ранг 4): *ямаа* 'козы' (общее наименование) (35) – 7 раз, *зусаг* '3-х, 4-х, 5-тилетняя коза, впервые суягная (беременная) коза' (36) – 1 раз, *ухна* 'козёл-производитель' (37) – 2 раза, *ишиг* 'козлёнок до двух лет' (38) – 3 раза, *сэрх* 'кастрированный козёл шести лет и старше' (39) – 1 раз, *тэх* 'дикий горный козёл' (40) – 2 раза. О впервые суягной козе *зусаг* отмечается, что её мясо несочное (36). Проводится аналогия между ней и льстивым, заискивающим человеком, с которым так же неприятно общаться, как есть несочное мясо козы *зусаг*. Козлов-производителей *ухна* не требуется много, поэтому ситуация, описанная в пословице (37), используется как аллегория чрезмерности. Козлёнок *ишиг* – это нечто малое и слабосильное, противопоставляемое большому и мощному: быку *шар* (34), козлу-производителю *ухна* (38), старому кастрированному козлу *сэрх* (39). Что касается коз в целом (*ямаа*), в пословицах подмечено, что у них в шерсти заводятся паразиты. С паршивыми, чесоточными козами сравнивают алкоголиков (35), а с червивыми – должников (41). Первые не находят себе места, вторые никак не нагуляют жира. Пару козам *ямаа* составляют верблюды *тэмээ*. Первые противопоставляются вторым по росту и используются в параллельных конструкциях, в которых говорится о несовместимости людей, глубоком непонимании между ними и, как следствие, невозможности взаимодействовать, об абсолютно разной природе явлений (42), (43). Хотя козы – мелкий скот, «с короткими ногами» (*бог мал*), а верблюды «длинноноги» (*бод мал*), хвостик у верблюда маленький, а рога у горного козла *тэх* длинные. Но ни верблюжий хвост не дорастёт до земли, ни рога горного козла не дорастут до неба, поэтому выражение (40) используется, когда нужно сказать, что что-то никогда не произойдёт.

(35) *Архинд орсон хүн хамуутай ямаа хоёр ижил*

'Человек, пристрастившийся к водке, и чесоточная коза похожи' [Кульганек, 2017, с. 101].

(36) *Зулгуйч хүн зулаггүй, зусаг ямаа шимгүй*

'У льстивого человека нет передков на обуви, у впервые суягной козы мясо несочное' [Кульганек, 2017, с. 116].

(37) *Зуун ямаанд жаран ухна*

'У ста коз шестьдесят козлов-производителей'. Эквиваленты в русском языке: 'У одной овечки семь пастухов. Невелик городок, да семь воевод' [Кульганек, 2017, с. 117], 'У семи нянек дитя без глаза'.

(38) *Ухна ишигний зовлон мэдэхгүй, хүн хүний зовлон мэдэхгүй*

'Козёл не понимает муки козлёнка, человек не понимает муки человека' [Кульганек, 2017, с. 150].

(39) *Айлын ишиг сэрх, авгай нь хүртэл дагина*

'У соседа козлёнок кажется козлом, а жена – богиней' [Кульганек, 2017, с. 94].

(40) *Тэхийн эврийг тэнгэрт хүртэл, тэмээн сүүлийг газарт хүртэл*

'Ожидать до тех пор, пока рога дикого горного козла дорастут до неба, а хвост верблюда – до земли'. Эквивалент в русском языке: 'Когда рак на горе свистнет' [Кульганек, 2017, с. 145].

(41) *Өртэй хүн өөдөлдөггүй, өттэй ямаа таргалдаггүй* [Кульганек, 2017, с. 136].

'Должник не богатеет, червивая коза не жиреет'.

(42) *Тэнэг цэцэн хоёр хөөрөлдөж чадахгүй, тэмээ ямаа хоёр мөргөлдөж чадахгүй*

'Беседовать друг с другом не могут умный и дурак, бодаться не могут верблюд и коза' [Кульганек, 2017, с. 59].

(43) *Ямаа гэхэд тэмээ гэх*

'Тебе говорят про козу, а ты говоришь про верблюда'. Эквивалент в русском языке: 'Ему про Фому, а он про Ерёму' [Кульганек, 2017, с. 166].

В е р б л ю д (Ранг 3) упоминается 20 раз в 15 паремиях как вьючное животное, перевозящее грузы (44) (ср. (10)). Кроме общего названия верблюдов *тэмээ* – 10 раз, в пословицах и поговорках употребляются термины *ат* 'кастрированный верблюд' – 5 раз – и *буур* 'верблюд-производитель' – 3 раза. Последние два понятия противопоставляются друг другу как символы неполноценной и полноценной жизни (45). Однако стоит отметить, что когда о кастрированных верблюдах (*ат*) говорится отдельно, то подмечаются их сила и выносливость (46). Реже встречаются слова *ингэ* 'верблюдица' (47) – 1 раз – и *тором* 'двухлетний верблюжонок' (48) – 1 раз. В словах *ингэ* 'верблюдица' и *ирэг* 'валух' одинаковый первый гласный, что позволяет использовать их для создания аллитерации в поговорке. Эти понятия создают как семантический, так и фонетический параллелизм (47). Образ двухлетнего верблюжонка *тором*, навьюченного широким, тяжёлым *тоно*, представляется метафорой несуразности и несоответствия, как и мост, построенный из прутьев (48). Таким образом, в найденных паремиях используется пять уникальных терминов, обозначающих верблюдов разного пола и возраста.

(44) *Сүүлийн тэмээний ачаа хүнд*

'Груз последнего верблюда тяжёлый'. Смысл: последнему больше достаётся [Кульганек, 2017, с. 142].

(45) *Арван жил ат болохоор нэг жил буур болсон нь дээр*

'Лучше быть один год верблюдом-производителем, чем десять лет верблюдом-кастратом' [Кульганек, 2017, с. 98].

(46) *Аав хүний сэтгэл бөх, атан тэмээний нуруу бөх* [Raymond, 2010, с. 1].

'Крепка душа отца, крепка спина холощёного верблюда'.

(47) *Ингэ даарвал хивэхээ мэдэхгүй, ирэг таргалбал хэвтэхээ мэдэхгүй* [МХТТ, 2011, с. 624].

'Верблюдица, когда мёрзнет, не знает, как жевать жвачку; кастрированный баран, когда жиреет, не знает, как лечь'. Смысл: невозможность пережить счастье и страдания.

(48) *Тормон тэмээнд тооно ачих торлог модоор гүүр тавих* [МХТТ, 2011, с. 1150].

'На двухлетнего верблюжонка навьючивать тоно – всё равно что из прутьев строить мост'.

Что касается о в е ц разного возраста и пола (Ранг 5), то в пословицах и поговорках упоминаются термины: *хонь* 'овцы' (общее название) (49) – 6 раз, *хурга* 'ягнёнок до двух лет' (50) – 1 раз, *ирэг* 'валух (кастрированный баран шести лет и старше)' (47) – 2 раза, *хуц* 'баран-производитель' (51) – 1 раз. Всего 10 словоупотреблений трёх уникальных слов в 9 паремиях. Довольно часто об овцах говорят как о еде (50), (51).

(49) *Чононд хонь хадгалуулсантай адил*

'Всё равно что доверить охранять стадо овец волку' [Кульганек, 2017, с. 160].

(50) *Цадахад цагаан хурганы сүүл хатуу, өлсөхөд өлөн бугын эвэр зөөлөн.*

'Когда сыт, тогда и курдюк белого ягнёнка кажется твёрдым, когда голоден, тогда и рог сивого изюбря кажется мягким' [Кульганек, 2017, с. 159].

(51) *Нэг тогоонд хоёр хуцын толгой багтдаггүй*

'В одном казане две бараньи головы не сварись' [Кульганек, 2017, с. 125].

3. Заключение [Conclusion]

Целью данного исследования было проанализировать монгольские паремии, включающие разнообразие названий пяти животных (лошади, коровы, козы, верблюды и овцы) и проследить аналогию их характерных черт и человеческих качеств, проводимую в языковой картине мира монголов. В результате выявлено, что в паремиях было употреблено 29 уникальных (без учёта повторений) названий этих животных в зависимости от пола, возраста и выполняемой функции. Это явно свидетельствует об очень уважительном отношении монголов к своему скоту, поскольку без него они не смогли бы выжить. Именно поэтому для монгола не зазорно проводить параллели между собой и, например, скакуном. Если животное больное или у него есть какие-то недостатки, то они аналогичны отрицательным чертам человека. Больше всего параллелей можно отметить между людьми и лошадьми. Образы крупного рогатого скота, коз и верблюдов также сопоставляются с образами людей, приводятся аналогии между отрицательными качествами животного и человека. Образы овец используются скорее для описания закономерностей мироустройства.

Названия лошадей были употреблены в 60,3% проанализированных в настоящем исследовании паремий. В 20,5% паремий упоминался крупный рогатый скот. Термины, обозначающие верблюдов, были найдены в 9,9% паремий. Козы упоминались в 7,9%, а овцы – в 6% от общего количества отобранных паремий. В одной паремии могло употребляться больше одного термина из разных групп.

Благодарности [Acknowledgements]

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Библиографический список

- Аль-Бдер, 2012 – Аль-Бдер А. Х. Л. Русские пословицы с названиями животных в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2012. 20 с.
- Борисова, Костина, 2021 – Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Фразеологизмы с компонентом зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когнитии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 35–51. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51
- Дорогайкина, Игнатъева, 2019 – Дорогайкина Е. М., Игнатъева Т. Г. Зоономинации как объект лингвистического исследования. Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 53–66. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_53_66
- Кобилжонова, Муталова, 2020 – Кобилжонова М., Муталова Г. С. Семантические особенности названий животных в некоторых арабских пословицах // Страны. Языки. Культура : сб. материалов XI междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н. Н. Абуевой. Махачкала : Изд-во Дагестанского гос. техн. ун-та, 2020. С. 161–163.
- Кульганек 2017 – Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с.

- Манджиева 2020 – Манджиева Б. Б. Кочевое скотоводство в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 92–108.
- Надбитова 2012 а – Надбитова И. С. Калмыцкие пословицы и поговорки о домашних животных // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова; Калмыцкий научный центр РАН. Элиста: КНЦ РАН, 2012. С. 161–165.
- Надбитова 2012 б – Надбитова И. С. Образ коня в калмыцких пословицах и поговорках // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова; Калмыцкий научный центр РАН. Элиста: КНЦ РАН, 2012. С. 283–287.
- Рахмат и др., 2020 – Рахмат А., Банит С. В., Якименко Н. Е. Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков: Лингвокультурологический словарь пословиц и поговорок русского и индонезийского языков. Bandung, St. Petersburg: Unpad Press, 2020. 225 с.
- Розенкова, Шустова, 2018 – Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Анималистический код: сопоставительный и лингводидактический аспекты // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 2. С. 79–90. https://doi.org/10.22250/2410-71902018_4_2_79_90
- Шустова, Тяпугина, 2020 – Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 190–199. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199
- Юсупова, Кузьмина, 2017 – Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д. Анималистические паремиологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 193–196.
- Raymond 2010 – Raymond, J. Mongolian Proverbs: A window into their world. San Diego: Alethinobooks, 2010. 374 p.
- Баттуулга 2006 – Баттуулга Ч. Амар байна уу? Монгол орон судлалын унших бичиг [Как поживаете? Книга для чтения по монгольскому страноведению]. IV. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2006. 125 с.
- ЗЦҮ – Зүйр цэцэн үгс // Цахим номын сан [Пословицы и поговорки // Электронная библиотека]. URL: <https://mongolmedleg.org/category/domog-tuuli-busad/zuir-ug/> (дата обращения: 05.12.2022).
- МАЗЦҮ – Монгол ардын зүйр цэцэн үгс [Пословицы и поговорки монгольского народа]. URL: <https://kidstoy.mn/zuir-tsetsen-ug/> (дата обращения: 05.12.2022).
- МХТТ 2011 – Монгол хэлний тайлбар толь [Толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- Түүвэр – Монгол ардын зүйр цэцэн үгсийн түүвэр [Собрание пословиц и поговорок монгольского народа]. URL: <https://news.mn/r/628131/> (дата обращения: 05.12.2022).

References

- Al'-Bder, A. Kh. L. (2012). *Russkie poslovitsy s nazvaniyami zivotnykh v lingvokul'turologicheskoy aspekte* [Russian proverbs containing animal names: Linguocultural aspect]: author's abstract of PhD in Philological sci. diss.; Voronezh State University. Voronezh. (In Russ.).
- Borisova, O. G., Kostina, L. Yu. (2021). Frazеologizmy s komponentom zoonimom v dialektnoy kartine mira zHITELEY Kubani: Mekhanizmy kognitsii [Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: Cognition mechanisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 35–51. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51
- Dorogaikina, E. M., Ignatieva, T. G. (2019). Zoonominatsii kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Zoological names as object of linguistic research]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics] 5 (3), 53–66. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_53_66
- Kobilzhonova, M., Mutalova, G. S. (2020). Semanticheskie osobennosti nazvaniy zivotnykh v nekotorykh arabskikh poslovitsakh [Semantic features of animal names in some Arab proverbs]. In

- N. N. Abueva (Ed.), *Strany. Yazyki. Kul'tura* [Countries. Languages. Culture]: XI International Conf. Proc. (pp. 161–163). Makhachkala : Dagestan State Technical University Press. (In Russ.).
- Kulganek, I. V. (2017). *Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentariy* [Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary]. St Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie Press. (In Russ.).
- Mandzhieva, B. B. (2020). Kochevoe skotovodstvo v kalmytskom fol'klore [Nomadic livestock breeding in Kalmyk folklore]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2 (53), 92–108. (In Russ.).
- Nadbitova, I. S. (2012 a). Kalmytskie poslovitsy i pogovorki o domashnikh zivotnykh [Kalmyk proverbs and sayings about domestic animals]. In N. G. Ochirova (Ed.), *Uchastie kalmykov v ukreplenii rossiyskoy gosudarstvennosti: Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 1150-letiyu rossiyskoy gosudarstvennosti i Godu rossiyskoy istorii (g. Elista, 29 noyabrya 2012 g.)* [Participation of Kalmycks in reinforcement of the Russian sovereignty: Materials of the regional research-to-practice conference dedicated to the 1150th anniversary of the Russian State and The Year of the Russian History (Elista, November 29, 2012)] (pp. 161–165). Elista : Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Nadbitova, I. S. (2012 b). Obraz konya v kalmytskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The image of horse in Kalmyk proverbs and sayings]. In N. G. Ochirova (Ed.), *Uchastie narodov Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 g. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Elista, 11–14 sentyabrya 2012 g.)* [Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812. Materials of the Russia-wide academic conference (Elista, September 11–14, 2012)] (pp. 283–287). Elista : Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Rakhmat A., Banit S. V., Yakimenko N. E. (2020). Nazvaniya zivotnykh v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo i indoneziyskogo yazykov: Lingvokul'turologicheskii slovar' poslovits i pogovorok russkogo i indoneziyskogo yazykov. Bandung, St. Petersburg : Unpad Press. (In Russ.).
- Rozenkova, Kh. E., Shustova, S. V. (2018). Animalisticheskii kod: sopostavitel'nyy i lingvodidakticheskii aspekty [Animalistic code: contrastive and linguodidactic aspects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (2), 79–90. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-71902018_4_2_79_90
- Shustova, S. V., Tyapugina, A. E. (2020). Aktualizatsiya animalisticheskogo koda kul'tury vo frazeologii russkogo i angliyskogo yazykov [Animalistic cultural code actualization in Russian and English phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 190–199. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199
- Yusupova L. G., Kuz'mina O. D. (2017). Animalisticheskie paremiologicheskie edynitsy s oboznacheniyami dikikh zivotnykh v russkom i nemetskom yazyka [Animalistic paremiological units naming wild animals in Russian and German]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 3 (69), Part 3, 193–196. (In Russ.).
- Raymond, J. (2010). *Mongolian Proverbs: A window into their world*. San Diego : AlethinBooks.
- Battulga Ch. (2006). *Amar baina uu? Mongol oron sudlalyn unshih bichig. IV* [How are you? A Mongolian country studies' reader. IV]. Ulaanbaatar : Munhiin useg. (In Mongolian).
- MAZTsU. (2022). *Mongol ardyn zuir tsetsen ugs* [Mongolian proverbs]. Retrieved December 5, 2022 from <<https://kidstoy.mn/zuir-tsetsen-ug/>>. (In Mongolian).
- MKhTT. (2011). *Mongol khelnii tailbar tol'* [A Mongolian explanatory dictionary]. Ulaanbaatar : Monsudar. (In Mongolian).
- Tuuver. (2022). *Mongol ardyn zuir tsetsen ugsiyn tuuver* [A collection of Mongolian proverbs]. Retrieved December 5, 2022 from <<https://news.mn/r/628131/>>. (In Mongolian).
- ZTsU. (2022). *Zuir tsetsen ugs. Tsakhim nomyn san* [Proverbs. Electronic Library]. Retrieved December 5, 2022 from <<https://mongolmedleg.org/category/domog-tuuli-busad/zuir-ug/>>. (In Mongolian).

Морозова Ольга Николаевна✉, **Осипов Борис Яковлевич**, **Андросова Светлана Викторовна**
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
morozova_olga06@mail.ru

Безударный вокализм в эвенском и эвенкийском языках

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты акустического анализа безударных гласных в двух агглютинативных языках – эвенском и эвенкийском. Безударные позиции гласных определялись согласно правилам расстановки ударения, представленным в работах по эвенскому [Лебедев, 1978 ; Новикова, 1991] и эвенкийскому языкам [Константинова, 1960]. В ходе анализа звукового материала в программе PRAAT были произведены замеры первой и второй формант (F1 и F2 соответственно), а также длительность безударных гласных. Полученные данные сравнивались с соответствующей статистикой по ударным гласным корневого слога в обоих языках. В результате выявлено, что, во-первых, количественно-качественная редукция гласного непервого слога оказалась общей особенностью в обоих языках. Во-вторых, при редукции в эвенском языке лабиализованные и нелабиализованные аллофоны гласного /ɛ/ могут находиться в отношениях свободного варьирования. В аналогичных отношениях могут находиться мягкорядный и твёрдорядный аллофоны гласной /u/. В целом, редуцируясь, безударные гласные обоих языков продвигаются к центру вокалического пространства, повторяя аналогичную схему качественной редукции гласных многих других языков.

Ключевые слова: эвенский язык, эвенкийский язык, фонетика, гласные, редукция, форманты гласных, длительность

© Морозова О. Н., Осипов Б. Я., Андросова С. В. 2023

Для цитирования: Морозова О. Н., Осипов Б. Я., Андросова С. В. Безударный вокализм в эвенском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 120–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_120

Olga N. Morozova✉, **Boris Ya. Osipov**, **Svetlana V. Androsova**
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

Unstressed vowelers in Even and Evenki

Abstract

This article presents the results of an acoustic study of unstressed vowels in two agglutinative languages – Even and Evenki. Unstressed positions of vowels were determined according to the rules of stress placement set forth for the Even language in [Lebedev, 1978 ; Novikova, 1991] and the Evenki language [Konstantinova, 1960]. During the analysis, the measurements of the first and second formants (F1 and F2 respectively) and duration for the unstressed vowels were performed using PRAAT. The obtained data were compared with the corresponding values for the stressed vowels in the root syllable of a word in both languages. First, it was found that vowel quantity and quality reduction in non-initial syllable in a word was a common phenomenon for both languages. The second finding was that during the reduction in Even, labialized and non-labialized allophones of the phoneme /ɛ/ could be in free variation relations. Similar relations were characteristic for so called soft and hard allophones of the phoneme /u/. In general, when reduced, unstressed vowels in both languages moved to the center of the vocalic space replicating the vowel quality reduction pattern common for many other languages.

Keywords: the Even language, the Evenki language, phonetics, vowels formants, reduction, formants, duration

© Morozova O. N., Osipov B. Ya., Androsova S. V. 2023

For citation: Morozova, O. N., Osipov, B. Ya., Androsova, S. V. (2023). Bezudarnyy vokalizm v evenskom i evenkiyskom yazykakh [Unstressed vowels in Even and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 120–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_120

1. Введение [Introduction]

1.1. Безударный вокализм эвенкийского языка [Unstressed Evenki vowels]

Тунгусскому безударному вокализму посвящено немногочисленное количество работ отечественных лингвистов, следовательно, данная проблема ещё не получила должного теоретического осмысления и нуждается в специальном изучении. Известно, что безударность гласных, под которой в языках со словесным ударением понимается количественная и качественная редукция вокалических сегментов в соответствующих позициях слова, не является широко распространённой в эвенкийском языке [Афанасьева, 2010, с. 69]. На данный момент посредством слухового анализа выявлено, какие эвенкийские гласные подвергаются редукции в безударном положении, называются типы редукции гласных (качественная и количественная); указываются позиции, характерные для редукции [Константинова, 1964 ; Афанасьева, 2010, с. 70]. Однако объективных экспериментально-фонетических исследований по тунгусскому безударному вокализму предпринято не было, и в целом, тунгусская редукция гласных остаётся белым пятном в алтаистике.

Впервые в эвенковедении предварительные замечания относительно данной фонетической закономерности высказала О. А. Константинова. По её мнению, редукции в потоке речи подвержены не все гласные эвенкийского языка, и происходит это только при определённых условиях. Явно выраженному изменению подвергаются недолгие (=краткие) эвенкийские гласные /a/, /o/, /i/, /u/ (в транскрипции Константиновой а, о, и, у соответственно) [Константинова, 1964, с. 16].

Законы количественной и качественной редукции при реализации безударных эвенкийских гласных действуют в непервых слогах эвенкийского слова. Константинова посредством слухового анализа описывает качественную вариативность безударных гласных. Редукция гласных в её работах графически обозначается особым знаком (гачек с круглым основанием над гласным звуком) – ă, ă, ỳ, ỳ (редуцированные /a/, /o/, /i/, /u/ в транскрипции МФА).

Редукции подвержены безударные гласные непервых слогов, следующих за первым слогом, содержащим долгую гласную фонему. Это трактуется Константиновой как «естественный результат ослабления артикуляционного напряжения, вызванного предшествующим длительным и напряжённым гласным» [Константинова, 1964, с. 16]. Качественная редукция, по мнению исследователя, может характеризовать не только слог, непосредственно реализующийся за первым ударным слогом, но и часто распространяется на несколько слогов слова. В результате образуется цепочка следующих друг за другом безударных слогов с редуцированными гласными при доминировании долгого гласного первого ударного слога.

Ниже представим характеристику эвенкийского безударного вокализма, предложенную на материале говоров Подкаменной Тунгуски [Константинова, 1964, с. 16]. Как отмечалось выше, классификация по качественной редукции предлагается только в отношении четырёх недолгих (=кратких) гласных – /a/, /o/, /i/, /u/ (в транскрипции Константиновой а, о, и, у соответственно) – из 11 гласных фонем эвенкийского языка:

1. Гласный переднего ряда низкого подъёма а (/a/ по МФА), редуцируясь в непервых слогах слова, по мнению Константиновой, приближается по качеству к гласному смешанного ряда (по классификации автора) э (=э/ по МФА), но является гласным более продвинутого вперёд ряда и более низким по подъёму, чем гласный э (=э/ по МФА). Типичные примеры: *б̄а̄р̄а̄н* 'он не хочет', *а̄ӯр̄а̄н* 'он причалил', *β̄а̄р̄а̄н* 'он убил', *с̄а̄д̄'а̄н̄* 'он узнает', *с̄а̄д̄'а̄р̄а̄н* 'он знает', *а̄д̄'а̄р̄а̄н* 'он спит' и др. В приведённых (и дальнейших) примерах Константиновой небуквенный орфографический знак в виде надстрочной запятой (') после согласных в соответствии с авторской транскрипционной системой обозначает их мягкость [Там же, с. 16].

2. Гласный глубокого заднего ряда среднего подъёма о (/o/ по МФА), редуцируясь в непервых слогах слова, близок по своим характеристикам к гласному заднего ряда среднего подъёма продвинутому вперёд õ. Константинова считает, что акустически такой редуцированный õ воспринимается как звук, близкий к гласному смешанного ряда среднего подъёма э. Частотные позиционные условия для реализации такого редуцированного õ – это постпозиция к долговому о или постпозиция к ударному о (в последнем случае Константинова не уточняет, каким по долготе должен быть ударный о, но, судя по приведённым далее примерам – недолгий (=краткий). Например, *он'о̄к̄о̄л* 'напиши, нарисуй', *оллок̄о̄н̄м̄о̄* 'рыбку', *оло̄д'о̄н̄о̄* 'идя вброд', *хо̄ј̄во̄* 'болото', *оло̄но̄* 'испугались', *олоп̄к̄о̄н̄о̄* 'испугали', *оло̄кт̄о̄д'о̄р̄ил̄β̄о̄* 'идущих вброд'. В перечисленных примерах гласный о с диакритическим знаком «акут», обозначает ударный гласный слога.

3. Гласный переднего ряда высокого подъёма и (/i/ по МФА), редуцируясь в позиции абсолютного конца слова, определяется Константиновой как «гласный переднего ряда ε – вариант фонемы и» [Там же], так как по своему качеству он более низкого подъёма, в отличие от гласного и. Интересным является введение двух аллофонов редуцированного гласного для одной и той же позиции: [ĩ]=[ε]. Константинова уточняет, что редуцированный аллофон ε фонемы и является характерной чертой безударного вокализма говоров Подкаменной Тунгуски. В других говорах эвенкийского языка в позиции ауслаута на месте редуцированного аллофона ε реализуется нередуцированный вариант фонемы и или ноль звука. Например, *ити / ите* 'порядок', *орорзи / орорзе* 'оленьями', *ам-тылви / амтилве* 'мои родители', *дил / диле* 'голова', *бур / буре* 'остров'. В этих примерах через наклонную черту даётся сначала слово с нередуцированным и, затем с редуцированным аллофоном фонемы и – [ε], который, по данным Константиновой, характерен для говоров Подкаменной Тунгуски.

4. Гласный глубокого заднего ряда верхнего подъёма у (/u/ по МФА), редуцируясь в позиции абсолютного конца слова, на слух Константиновой воспринимается как гласный смешанного ряда э. Частотным суффиксом в слове для реализации такого редуцированного ў является суффикс побудительного наклонения -кэллу в мягких сингармонических формах эвенкийских слов. Типичные примеры: *эмкэллү* 'приходите', *сурукэллү* 'уходите', *йкэллү* 'входите' [Там же].

Известный исследователь эвенкийской фонетики Е. Ф. Афанасьева, интерпретируя классификацию безударного вокализма Константиновой, предлагает на основе алфавита Международной фонетической ассоциации собственный набор безударных аллофонов эвенкийских гласных фонем (см. табл. 1) [Афанасьева, 2010, с. 70].

В строках 3 и 4 таблицы 1 иллюстрируют примеры реализации эвенкийских гласных, которые представляют, на наш взгляд, факты чередования фонем, но не редукции, что побуждает к планированию дополнительного экспериментального исследования.

О количественной редукции эвенкийских гласных, сокращении их длительности в безударном положении данных в имеющейся литературе по эвенковедению не представлено. При этом мы не рассматриваем историческое отпадение и выпадение гласных в некоторых эвенкийских говорах и диалектах в качестве редукции гласных полного ти-

па (их элизии), поскольку считаем фонемную модель без таких гласных современной нормой для данных говоров и диалектов, равно как и для других говоров и диалектов эвенкийского языка нормой будет, наоборот, наличие гласных в соответствующих фонетических позициях. Примером такого исторически свершившегося факта может быть отпадение узкого недолгого (=краткого) /i/ в суффиксе творительного падежа в основах, заканчивающихся на гласный или согласный (за исключением основ на -н и основ с суффиксом множественного числа: было *пурта+ти~зи* > стало *пуртам* 'ножом' [Константинова, 1964, с. 20].

Т а б л и ц а 1. Аллофонное варьирование безударных эвенкийских гласных
[Table 1. Allophonic variation of unstressed Evenki vowels]

№	Фонема	Аллофоны в безударных позициях слова с примерами*	
		по Константиновой, 1964	по Афанасьевой, 2010
*	*		
1	/a/	[ã] б̄ар̄ан 'он убил', с̄ад'ар̄ан 'он знает', а̄д'ар̄ан 'он спит'	[ʌ] д̄аран [da:ɬʌn] 'он выследил зверя'
2	/o/	[õ] оллокõнмõ 'рыбку', олõд'õнõ 'идя вброд', хõјвõ 'болото'	[e] котово [kõtɔβe] 'ножа', олдонмо [ɔldɔnmɛ] 'стену'
3	/i/	[ĩ]=[ɛ] ит̄е 'порядок', дил̄е 'голова', бур̄е 'остров'	[ɛ] (автор не приводит собственных примеров)
4	/u/	[ũ]=[ɛ] эмэкэллũ 'приходите', сурукэллũ 'уходите', йкэллũ 'входите'	[ɛ] бэлэкэллу [beɬekɛl:ɛ] 'помогите', ичэткэллу [iʃɛtkɛl:ɛ] 'смотрите'

*Орфографическая и транскрипционная версии примеров даны в написании Константиновой и Афанасьевой.

1.2. Безударный вокализм эвенского языка [Unstressed Even vowels]

Проблема безударного вокализма эвенского языка состоит, как ни странно, в «оканье» – характерной черте ламунхинского говора эвенского языка, которая трактуется как редукция эвенских гласных /a/ и /э/ [Бурькин, 2001, с. 36]. В подобной трактовке искажается классическое значение термина «редукция», который согласно словарной формулировке определяется как «изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряжённости» [Бондарко, 2000, с. 408]. Возможно, А. А. Бурькин понимает под термином «редукция» изменение качества звучания, его «преображение», то есть такое изменение акустических характеристик гласных /a/ и /э/ в непервых слогах слов, которое приводит к реализации совершенно иных по формантной структуре фонем, которые, согласно концепции Щербовской фонологической школы, следует интерпретировать как реализации других фонем¹. На наш взгляд, такие случаи правильнее было бы описывать в терминах дистрибуционных закономерностей, характерных для каждого из говоров эвенского языка.

По мнению В. И. Цинциус, одной из характерных особенностей эвенского языка является так же конечное отпадение (апокопа) и выпадение недолгих гласных непервых слогов (синкопа). Однако при изменении слов с наращением тех или иных формальных элементов после согласных основы или суффиксов в ряде случаев реализуется недолгий гласный, который в других формах слова отсутствует. Этот гласный не имеет никакого самостоятельного грамматического значения и называется соединительным гласным. Соединительный гласный наблюдается в тех случаях, когда необходимо избежать стечения согласных в середине слова [Цинциус, 1947, с. 26].

¹ Именно такой позиции придерживаются авторы настоящей статьи.

Кроме того, в эвенском языке прослеживается склонность к потере недолгого гласного второго слога при двух соседних открытых слогах, то есть полная редукция гласного. Вот почему в эвенском словаре имеется небольшое количество двусложных именных основ с открытыми слогами, т. е. таких основ, в которых оба слога – и начальный, и конечный – оканчивались бы на гласный. В имеющихся словах такого слогового типа гласный последнего слога – долгий. Цинциус приводит следующие примеры: *кунга* (*ку-ҥа*) ‘ребёнок’ *кума* (*ку-ма*) ‘нерпа’, *тэты* (*тэ-тй*) ‘одежда’, *хуси* (*ху-си*) [Там же].

Двусложных именных основ подобной структуры, в которых исходный гласный был бы недолгим, в современном эвенском языке нет, но имеется довольно значительное число односложных слов, оканчивающихся на согласный, так как конечный гласный отпал. При изменении таких слов, с наращением тех или иных формальных элементов, после конечного согласного наблюдается так называемый соединительный гласный, например: *гед* ‘копьё’ – *гед-а-л* ‘копья’, *нгал* ‘рука’ и *нгал-а-л* ‘руки’, *тог* ‘огонь’ и *тог-а-л* ‘огни’, *мир* ‘плечо’ и *мир-э-л* ‘плечи’ [Цинциус, 1947, с. 27].

При закрытом слоге конечный гласный не отпадает, в противном случае произошло бы стечение согласных, несвойственное эвенскому языку. Но исходный гласный в таких словах является редуцированным: *олра* (*олрв*) ‘рыба’, *нанра* (*нанрв*) ‘кожа’, *инмэ* (*инмэ*) ‘игла’, *уркэ* (*уркэ*) ‘дверь’ [Цинциус, 1947, с. 27]. Относительно редукции гласных звуков К. А. Новикова пишет, что гласные а и э в непервых слогах в говорах восточного наречия произносятся неясно, бегло (ы-образно): *оран* [орын] ‘олень’, *муран* [мурын] ‘лошадь’, *улрэ* [улры] ‘мясо’, *эмрэм* [эмрым] ‘пришёл’ [Новикова и др., 1991, с. 17].

Цинциус отмечает, что отпадение гласного в позиции конца слова характерно также эвенским глаголам при односложной открытой глагольной основе суффикса настоящего времени изъявительного наклонения.

При написании работы В. Д. Лебедева, посвящённой языку эвенов Якутии, были использованы рентгенограммы, сделанные в 1962 году под руководством В. М. Надеяева. Данные со снимками, в которых проиллюстрированы образцы произнесения гласных, были получены от трёх носителей разных диалектных групп эвенского языка – западного (ламунхинский и догдо-чебогалахский говоры) и восточного наречий. Относительно принадлежности последнего диктора к определённому говору приводится следующая информация: «по восточному диалекту данные были получены от Суздалова И. П., 23 лет, уроженца пос. Озерное Сусуманского района Магаданской области» [Лебедев, 1978, с. 11]. Судя по географическому расположению местности, откуда родом Суздалов, следует предположить, что он владел либо рассохинским говором, либо тенькинским диалектом восточного наречия. Названные диалектные единицы, упомянутые в классификации А. А. Бурькина [Бурькин, 2004, с. 5], имеют значительное сходство с ольским говором – литературным вариантом эвенского языка.

В результате своих исследований Лебедев пришёл к выводу, что в ряде говоров эвенского языка недолгие гласные ограничиваются первым слогом, так как в непервых слогах эти гласные редуцируются, становятся краткими. Кимографические данные догдо-чебогалахского говора (далее – д. ч.) эвенского языка показали, что в непервых слогах редукция приводит к ы-образным гласным неясного образования [Лебедев, 1978, с. 17]. В качестве примеров учёный приводит следующие слова: д.-ч. *адыл* – лит. *адал* (*адәл*) ‘сеть’, д.-ч. *эмыр* – лит. *эмэр* (*эмәр*) ‘острый’, д.-ч. *олды* – лит. *олра* (*олрә*) ‘рыба’ и т. д. [Лебедев, 1978, с. 19]. Кроме того, Лебедев выделяет в догдо-чебогалахском говоре редуцированный гласный ы (*тобы* ‘огонь’, *бэйы* ‘человек’, *удыы* ‘след’), реализуемый в изолированном произношении односложных слов с закрытым слогом в конце [Лебедев, 1978, с. 19; Осипов, 2022, с. 40].

В ламунхинском говоре эвенского языка М. И. Матусевич были выявлены краткие гласные [œ] и [ɔ], реализующиеся во всех позициях слова. Они являются огублен-

ными и противопоставлены по принципу «передний и задний ряд». В данном случае, краткие гласные [œ] и [ɔ] выступают в качестве аллофонов гласных [ɛ] и [a] соответственно. Краткий гласный переднего ряда [œ], имеющий слабую лабиализацию и встречающийся на месте краткого гласного [ɛ], приводится автором в следующих примерах: *æmœr* ‘острый’, *bærgœ* ‘жирный’. Краткий лабиализованный гласный заднего ряда [ɔ], встречающийся на месте краткого гласного [a], приводится автором в следующих примерах: *ɔstɔ* ‘ноготь’ и *ɔldɔ* ‘рыба’ [Матусевич, 1979, с. 109–111].

В описании безударных редуцированных гласных в аллайховском говоре эвенского языка Х. И. Дуткин использует иную формулировку, заявляя о том, что в речи представителей рода Дутки редукция гласных в непервых слогах является более выраженной, чем в речи рода Деллянкин. Редукция гласных в говоре аллайховских эвенов отражена в таких словах, как *олдӑ* – лит. *олра* ‘рыба’, *хэннӑ* – лит. *хэннэ* ‘колено’ [Дуткин, 1995, с. 9].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Целью настоящего исследования является классификация типов безударных гласных в позиции качественной редукции в эвенкийском и эвенском языках. Поставленная цель достигается решением следующих задач: 1) изучение акустических коррелятов дифференциальных признаков безударных редуцированных гласных эвенкийского и эвенского языков; 2) исследование и систематизация влияния контактного и дистантного влияния на акустические корреляты дифференциальных признаков безударных редуцированных гласных эвенкийского и эвенского языков.

Материалом для анализа послужили записи связной речи носителя ламунхинского говора эвенского языка и носителя селемджинского говора эвенкийского языка общей длительностью звучания 32 мин. и 43 мин. соответственно. С помощью программы Audacity речевой материал был сегментирован и подготовлен для акустического анализа, проведённого в программе по обработке звукового сигнала PRAAT. Сегментированные звукозаписи были транскрибированы согласно системе знаков МФА.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В результате акустического анализа были выявлены интересные факты реализации редуцированных эвенкийских и эвенских гласных (см. табл. 2).

Как показано в таблице 2, гласные анализируемых языков подвергаются незначительной редукции в безударных слогах слова (аналогичная тенденция была обнаружена ранее для количественной редукции на материале эвенкийского языка [Морозова и др., 2019, с. 7–9]). Исключение составляет эвенский краткий /ɛ/, который реализуется как более узкий и отодвинутый назад гласный, приближаясь по звучанию к [ə] (см. рис. 1).

На рисунке 1 представлена спектрограмма слова *тӕрэссиврӕрэм* [tʊɾ:ɾəs:iβr̥æɾɛm] ‘стараюсь говорить’ в произнесении носителя ламунхинского говора эвенского языка. Вертикальными метками обозначены границы редуцированных вариантов фонемы /ɛ/ в позиции второго и четвёртого слогов. Его акустические характеристики: F1 = 481 Гц, F2 = 2316 Гц, продолжительность звучания не более 65 мс.

Выявленный в работе М. И. Матусевич слегка лабиализованный краткий гласный переднего ряда низкого подъема [œ] на месте краткого /ɛ/ во всех позициях в слове [Матусевич, 1979, с. 209] в нашем материале зафиксирован, но только в отдельных словах (см. рис. 2), например, [кӕтлӕн] ‘маленький’ (F1 = 699 Гц, F2 = 1808 Гц, D = 54 мс); [œβœн] ‘эвен’ (F1 = 653 Гц, F2 = 2017 Гц, D = 48 мс).

Т а б л и ц а 2. Форматные значения и длительность ударных и безударных гласных в эвенкийском (селемджинском говоре) и эвенском (ламунхинский говор) языках
[Table 2. Format values and duration of stressed and unstressed vowels in the Evenki (Selemdzha accent) and Even (Lamunkha accent) languages]

Фонема	Эвенкийский язык						Фонема	Эвенский язык					
	Ударный вокализм			Безударный вокализм				Ударный вокализм			Безударный вокализм		
	FI (Гц)	FI (Гц)	D (мс)	FI (Гц)	FI (Гц)	D (мс)		FI (Гц)	FI (Гц)	D (мс)	FI (Гц)	FI (Гц)	D (мс)
i:	388	2464	288	359	2406	161	i:	349	2520	179	256	2275	177
i	381	2276	90	461	2275	91	i	341	2288	73	371	2195	67
e:	556	2134	210	553	2066	124	ie:	524	2445	132	513	1937	129
э:	772	1946	268	860 ²	1785	115	ε:	495	2201	117	577	2229	133
э	556	1591	68	514	1431	66	ε	526	2598	96	481	2316	64
a:	879	1571	203	917	1571	165	ia	666	2495	133	594	2089	165
							a:	882	2215	114	746	1855	105
a	815	1455	85	835	1542	88	a	744	2025	64	730	2160	62
о:	504	938	268	563	983	263	о:	693	1078	102	513	1132	183
							о ₁ :	658	1202	104	535	1307	132
о	627	1028	76	611	1164	67	о	677	1081	58	648	1063	55
							о ₁	543	1288	72	530	1291	73
u:	408	728	344	388	834	283	u:	403	1172	198	423	975	158
							u ₁ :	396	1023	203	377	1013	140
u	375	841	95	451	1053	97	u	445	751	94	407	843	74
							u ₁	393	896	82	376	812	87

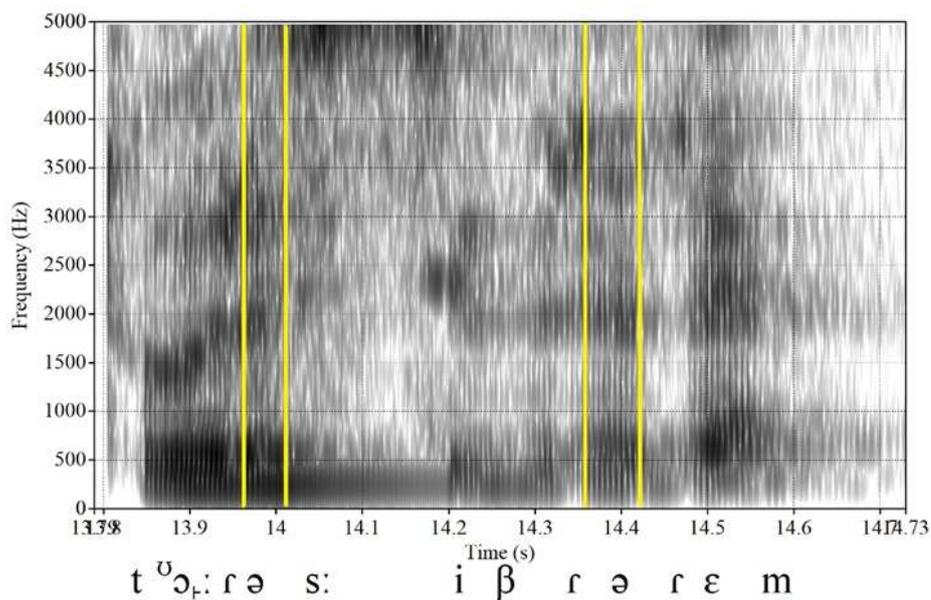
На рисунке 2 представлена спектрограмма слова бөйөңэллi [bœjœŋɛlj:i:] ‘их люди’ в произнесении носителя ламунхинского говора эвенского языка. Вертикальными метками обозначены границы огубленного редуцированного произнесения гласного /ε/ в позиции первого и второго слогов. Его акустические характеристики: FI = 664 Гц, FI = 2191 Гц, D = 44 мс.

При акустическом анализе встречались также случаи слабой редукции краткого /ε/, но при его реализации не происходило огубления (см. рис. 3), например, [ε²mdɛŋu-] ‘прийти’ FI = 486 Гц, FI = 2163 Гц, D = 66 мс; [œ-kɛŋj] ‘молоко’ FI = 478 Гц, FI = 2439 Гц, D = 91 мс; [mie:ɛɛn:i] ‘вступил в брак’ FI = 478 Гц, FI = 2345 Гц, D = 80 мс.

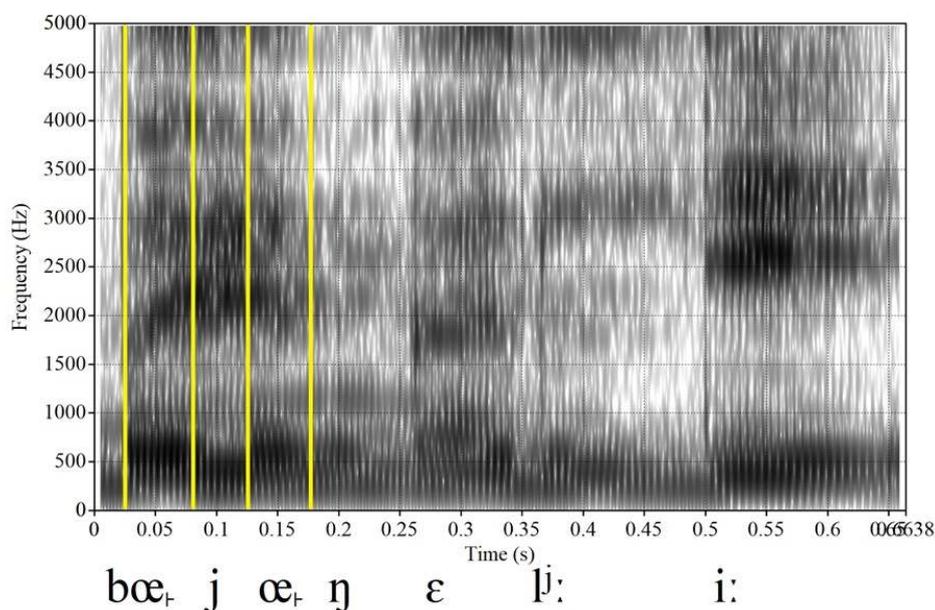
На рисунке 3 показана реализация фонемы переднего ряда /ε/ в позиции середины и конца слова гургэднэ [ɟu-ɾɟɛʔnɛ] ‘работали’. Её акустические характеристики составляют FI = 524 Гц, FI = 2103 Гц, D = 96 мс.

В отношении безударного вокализма заднерядных гласных, огубленный гласный заднего ряда верхнего подъёма [u-], произносимый при сильно продвинутом вперёд языке, в материале нашего исследования присутствует только в нескольких словах, где, как правило, могут находиться лишь аллофоны мягкого сингармонического ряда – [ε],

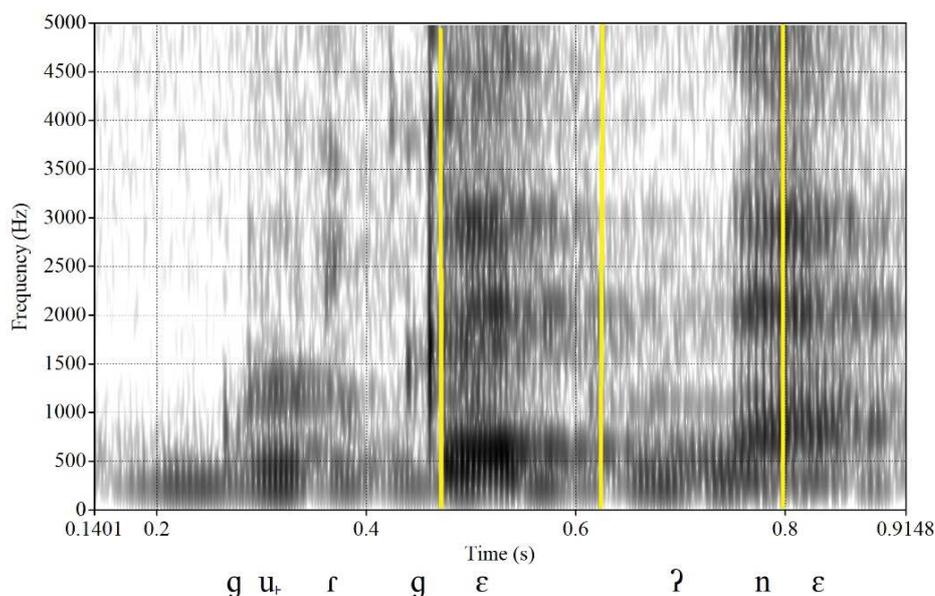
[œ] и [ɔ]. Однако в большинстве случаев данный закон нарушается, и вместо [ɯ] реализуется его твёрдый вариант – [u].

Р и с у н о к 1. Реализация эвенского слова тёрэсиврэрэм [tʊɔ̃:rəs:iβrəɣɛm] ‘стараясь говорить’ (ламунхинский говор)
[F i g u r e 1. Realization of the Even word тёрэсиврэрэм [tʊɔ̃:rəs:iβrəɣɛm] ‘I try to speak’ (Lamunkha dialect)]

Р и с у н о к 2. Реализация эвенского слова бөйөнэлли [bœjœŋɛlj:i] ‘их люди’ (ламунхинский говор)
[F i g u r e 2. Realization of the Even word бөйөнэлли [bœjœŋɛlj:i] ‘their people’ (Lamunkha dialect)]

Р и с у н о к 3. Реализация эвенского слова гургэднэ [gu-rgεʔnε] ‘работали’ (ламунхинский говор)
[F i g u r e 3. Realization of the Even word гургэднэ [gu-rgεʔnε] ‘worked’ (Lamunkha dialect)]

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Редукция гласных в непервых слогах является специфической чертой для вокализма эвенского языка. В эвенкийском языке гласные редуцируются в незначительной степени, подчиняясь универсальным законам безударности, действующим во многих других языках: укорачиваясь по длительности, они продвигаются к центру вокалического пространства. Для эвенских гласных отмечена та же тенденция за исключением /u:/, /u_:/ и /u_/ которые становятся ещё более задними.

2. В ламунхинском говоре западного наречия при редукции сохраняется слабая лабиализация гласной /ε/ во всех фонематических позициях. В то же время, допускается свободное варьирование в реализации безударных кратких аллофонов [œ] и [ε] фонемы /ε/.

3. Зафиксирована э-образная редукция гласной /ε/, что может говорить о влиянии литературного варианта эвенского языка.

4. Допускается свободное варьирование в произнесении безударных кратких гласных заднего ряда /u_/ и /u/.

Перспективу исследования составит сравнительно-сопоставительный анализ случаев качественной редукции в потоке речи на обоих языках.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига. 576 с.
 Бондарко, 2000 – Бондарко Л. В. Редукция // БЭС Языкознание. М. : «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 408–408.
 Бурыкин, 2001 – Бурыкин А. А. Из истории изучения фонетики западных диалектов эвенского языка // Материалы международной конференции “100 лет экспериментальной фонетике в России”. СПб., 2001. С. 33–34.

- Бурькин, 2004 – Бурькин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. (на материале эвенского языка). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.
- Дуткин, 1995 – Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб. : Наука, 1995. 142 с.
- Лебедев, 1978 – Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1978. 205 с.
- Матусевич, 1979 – Матусевич М. И. Звуковой состав ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 202–212.
- Морозова и др., 2019 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Колесников С. В. Длительность гласных в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 88–100. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_1_88_100
- Морозова и др., 2017 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Кравец Т. В., Процукович, Е. А. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3. № 3. С. 63–73.
- Морозова и др., 2018 – Морозова О. Н., Андросова С. В., Кравец Т. В. Стандарт для транскрибирования звучащей речи восточных эвенков (на материале речевого корпуса эвенкийского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 1. С. 32–48. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_32_48
- Новикова и др., 1991 – Новикова К. А., Гладкова Н. И., Роббек В. А. Эвенский язык. Л. : Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1991. 303 с.
- Осипов, 2022 – Осипов Б. Я. К вопросу о нормальных и долгих гласных эвенского языка // Языки и литература народов Северо-Востока России: современное состояние и перспективы : сб. науч. трудов конф. Якутск : Сахаада, 2022. С. 39–42.
- Цинциус, 1947 – Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press.
- Bondarko, L. V. (2000). *Reduktsiya* [Reduction]. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Press.
- Burykin, A. A. (2001). Iz istorii izucheniya fonetiki zapadnykh dialektov evenskogo yazyka [From the history of the study of the phonetics of the western dialects of the Even language]. *100 let eksperimental'noy fonetike v Rossii* [100 years of experimental phonetics in Russia] : International Conf. Proc. (pp. 33–34). St Petersburg.
- Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme (na materiale evenskogo yazyka)* [Language of indigenous people in its written form (Based on Even)]. St Petersburg : Peterburgskoye Vostokovedeniye Press.
- Dutkin, Kh. I. (1995). *Allaikhovskiy govor evenov Yakutii* [Dialect of the Allaikha Evens of Yakutia]. St Petersburg : Nauka Press.
- Lebedev, V. D. (1978). *Yazyk evenov Yakutii* [Language of the Even people of Yakutia]. Leningrad : Nauka Press.
- Matusevich, M. I. (1979). *Zvukovoy sostav lamunkhinskogo govora evenskogo yazyka* [The sounds of the Lamunkhin dialect of the Even language]. *Zvukovoi stroy yazyka* [The sound system of the language]. Moscow.
- Morozova O. N., Androsova S. V., Kravets T. V., Protsukovich, E. A. (2017). Glasnye realizatsii na meste kanonicheskoy dolgoy fonemy /z:/ v selemdzhinskom govore evenkiyskogo yazyka i ikh fonologicheskiiy status [Phonetic patterns of canonical /z:/ in the Selemdzha accent of the Evenki language and their phonological status]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 63–73.
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kolesnikov, S. V. (2019). Dlitel'nost' glasnykh v evenkiyskom yazyke [Vowels duration in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (1), 88–100. https://doi.org/10.22250/24107190_2019_5_1_88_100

- Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kravets, T. V. (2018). Standart dlya transkribovaniya zvuchashchey rechi vostochnykh evenkov (na materiale rechevogo korpusa evenkiyskogo yazyka) [Standard for transcribing oral speech of Eastern Evenks (Based on the material of the the speech corpus of the Evenki language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 32–48. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_32_48
- Novikova, K. A., Gladkova, N. I., Robbek, V. A. (1991). *Evenskiy yazyk* [Even language]. Leningrad : Prosveshchenie Press.
- Osipov, B. Ya. (2022). K voprosu o normal'nykh i dolgikh glasnykh evenskogo yazyka [On the normal and long vowels of the Even language]. *Yazyki i literatura narodov Severa-Vostoka Rossii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Languages and literatures of the peoples of the North-East of Russia: Current state and perspectives] : Scientific Conf. Proc. Yakutsk : Sakhaada Press.
- Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [The outline of the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 13.05.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 13.05.2023.

Пак Ирина Яковлевна✉, Цзян Цзиньчи
Народный университет Китая
г. Пекин, Китайская Народная Республика
Ira3822@yandex.ru

Образный потенциал семантического поля «РАСТЕНИЕ» (на материале русского и китайского языков)

Аннотация

В статье анализируются сходства и различия образных интерпретаций внутри семантического поля «Растение» в русском и китайском языках. Методом сплошной выборки были отобраны языковые единицы лексико-фразеологического уровня, имеющие семантическую связь с образом растения. Идентификация интересующих единиц осуществлялась с помощью компонентного анализа. Далее был применён метод полевого моделирования для построения образного семантического поля «Растение» на материале обоих языков. В ходе исследования были описаны образные значения единиц и проанализированы основные метафорические модели. Выявлено, что данные лексико-фразеологические группы (микрополя) в основном описывают человека, различные стороны его жизнедеятельности, а также используются для обозначения цветовых характеристик предметов. Установлены универсальные коннотации, обусловленные общими когнитивными механизмами порождения речи, и национальные, являющиеся результатом влияния на язык культурных, исторических и географических факторов. Общими для обоих языков являются параллели «человек – растение», «человек – часть растения», «жизнь человека – жизненный цикл растения», «цвет – растение». Различия в основном касаются первичного лексического состава групп «Виды растений», «Виды плодов», «Виды цветов» внутри микрополя «Растение, виды растений».

Ключевые слова: категория образности, семантическое поле, образ растения, образ человека, метафора, фразеологизм

© Пак И. Я., Цзян Ц. 2023

Для цитирования: Пак И. Я., Цзян Ц. Образный потенциал семантического поля «РАСТЕНИЕ» (на материале русского и китайского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 131–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_131

Irina Ya. Pak✉, Jiang Jinchi
Renmin university
Beijing, People's Republic of China
Ira3822@yandex.ru

Figurative potential of the semantic field “PLANT” (Based on Russian and Chinese)

Abstract

The article aims to analyze similarities and differences of figurative interpretations within the semantic field “Plant” in Russian and Chinese. Continuous sampling was used to select the units of lexical-phraseological level having a semantic connection with the image of a plant. The units were identified by means of components analysis. Then, the method of field modeling was applied to construct the figurative semantic field “Plant” in both languages. In the course of study, the figurative meanings of the units were described, and the main metaphorical models were analyzed. It was found that, these lexical-phraseological groups (microfields) describe people, different sides of their life activities, and they are also used to denote the color of objects. The paper

reveals universal connotations conditioned by the general cognitive mechanisms of speech production as well as by the national ones resulting from the influence of cultural, historical, geographical factors on the language. The parallels “Human – plant”, “Human – part of plant”, “Human circle of life – plant circle of life”, “color – plant” were common for both languages. The differences were noticed for the primary lexical composition of the groups “Kinds of plants”, “Kinds of fruit”, “Kinds of flowers” within the microfield “Plant, kinds of plants”.

Keywords: category of imagery, semantic field, plant image, human image, metaphor, phraseology

© Pak I. Ya., Jiang J. 2023

For citation: Pak, I. Ya., Jiang, J. (2023). Obraznyy potentsial semanticheskogo polya «RASTENIE» (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [Figurative potential of the semantic field “PLANT” (Based on Russian and Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 131–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_131

1. Введение [Introduction]

Ещё в XIX веке высказывались первые мысли о возможности объединения слов в понятийные (концептуальные) поля. Эта идея постепенно развивалась и к середине XX века оформилась в виде теории семантических полей – совокупности слов, имеющих общую сему. Первоначально изучение полей осуществлялось в рамках структурного подхода, подвергающего анализу системные связи внутри данной единицы, но с изменением научной парадигмы вектор исследований сместился в сторону проблем категоризации, вербализации и национально-культурной специфики языкового сознания. Следовательно, изучение семантических полей, связывающих языковые единицы в метафорических значениях, приобрело особую актуальность. Полевое моделирование позволяет не только понять системный характер языка, но и вскрыть механизмы и процессы мышления, а также описать национально-культурное своеобразие языковых явлений. Кроме того, процессы компьютеризации, цифровизации и интеграции разных наук породили исследования, связанные с проблемой передачи образности мышления с помощью машинного перевода или искусственного интеллекта. В этом смысле создание моделей образных полей также актуально, поскольку представляет языковой материал, имеющий семантические связи, в интернете в виде системы взаимосвязанных ссылок и гиперссылок.

Так называемые «вторичные» поля неоднократно привлекали внимание исследователей [Скляревская, 2004 ; Илюхина, 1998 ; Петрова, 2015 ; Юрина, 2005], однако до сих пор существуют нерешённые вопросы, связанные с определением такого поля (метафорическое [Скляревская, 2004 ; Абрамов, 2019 ; Юрина, Балдова, 2017], ассоциативно-семантическое [Илюхина, 1998], образное [Петрова, 2015; Соколова, 2020]), а также с определением и структурированием его частей (тематические группы [Скляревская, 2004 ; Абрамов, 2019], микрополя [Пак, 2006 ; Шерина, Потураева, 2014], образные параллели [Николина, Петрова, 2021], образные парадигмы [Соколова, 2020], категориально-образные парадигмы [Юрина, Балдова, 2017]). Также остаются открытыми вопросы о границах, составе и областях пересечения полей.

В данной работе под образным полем понимается обширное структурированное семантическое пространство, объединяющее разноуровневые языковые единицы на основании их соотносённости с одним ключевым образом и способности подвергаться метафорическому переосмыслению в рамках определённых концептуальных моделей. Оно включает языковые единицы, обладающие образностью, т. е. «способностью лексической (а также фразеологической, синтаксической) единицы обозначать определённое явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим явлением, нетождественным обозначаемому, на основе их ре-

ального или мнимого сходства» [Юрина, 2005, с. 27]. Основы данной концепции образности, связанной с мотивированностью слова, были заложены в трудах О. И. Блиновой [Блинова, 1983], позднее эти идеи получили своё дальнейшее оформление в исследованиях Е. А. Юриной [Юрина, 2005] и др.

Образное поле создаётся вокруг одного базового образа (концепта, фрейма, кода культуры), имеющего распространение в культуре, возникающего в сознании в виде различных ментальных схем и воплощённого в многочисленных образных единицах. «На современном этапе развития лингвистики принято говорить о существовании вегетативного (растительного, фитонимического) кода культуры, являющегося знаковой системой, которая базируется на знаниях о мире растений в неразрывной связи с национальной культурой того или иного народа» [Кожевников, 2018, с. 90]. Также используются понятия флористического, древесного, ботанического кодов, но в целом можно заключить, что все анализируемые языковые единицы имеют семантическую связь с образом растения и в своих образных значениях характеризуют разнообразные стороны человеческой жизнедеятельности и предметы, явления окружающего мира.

Образ растения является одним из древнейших архетипов, он получил широкое распространение и в мировой культуре, и в разных родственных и неродственных языках. В лингвистике данный образ, распадающийся на более мелкие образы, рассматривается прежде всего в лингвокультурологическом и сопоставительном аспектах, в качестве материала привлекаются в основном паремии с компонентом-фитонимом [Ван, 2022 ; Кожевников, 2018 ; Архипова, Куроедова, 2021 ; Ли, 2018 ; Нань, 2021]. Некоторые исследования основаны на лингвопоэтическом анализе текста и связаны с воплощением растительного кода в художественном дискурсе [Петрова, 2015 ; Соколова, 2020 ; Исаев, 2019].

Ц е л ь данного исследования – описать образный потенциал семантического поля «Растение» на материале русского и китайского языков, а также выявить сходства и различия образных переосмыслений.

Нами впервые представлен и структурирован обширный пласт образных единиц языка с семантикой растения в русском и китайском языках и проведён сравнительный анализ образных переосмыслений.

Выдвигается г и п о т е з а о том, что 1) большая часть образных единиц русского и китайского языков связана с образом человека, описывает различные стороны его жизнедеятельности; 2) в каждом языке есть как универсальные коннотативные смыслы, так и национально-специфические.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили образные единицы (метафоры, сравнения, фразеологизмы, пословицы, поговорки и др.), извлечённые из словарей русского и китайского языков [Евгеньева, 1999 ; Мелерович, Мокиенко, 1997 ; Ли, 2001 ; Словарь современного китайского языка, 2016]. Методом сплошной выборки были отобраны языковые единицы лексико-фразеологического уровня, имеющие семантическую связь с образом растения. Идентификация интересующих единиц осуществлялась с помощью компонентного анализа. Далее был применен метод полевого моделирования для построения образных семантических полей «Растение» на материале обоих языков. Всего было проанализировано около 550 образных единиц русского языка и около 320 образных единиц китайского языка.

Обратимся к основным п р и н ц и п а м м о д е л и р о в а н и я образного семантического поля. Объём образного поля варьирует в зависимости от целей исследования и материала, на котором оно строится. Например, Н. А. Николина, З. Ю. Петрова

описывают только те метафоры и сравнения, которые непосредственно связаны с развитием темы и сюжета произведения, а само образное поле при этом понимается как «объединение лексических единиц одного семантического поля» [Николина, Петрова, 2021, с. 93]. В. П. Абрамов включает в метафорическое поле и лексические, и синтаксические единицы, которые группируются вокруг ядерного тропа художественного текста, среди них – метафоры, метонимии, синекдохи, «словесные ассоциации» [Абрамов, 2019]. В исследованиях М. Г. Соколовой образное поле – это «иерархическая структура, состоящая из компаративных тропов, характеризующих общий денотат и актуализирующих общую образную парадигму» [Соколова, 2020, с. 46]. Все эти исследования предполагают анализ художественного текста и выполнены в лингвостилистическом аспекте. Собственно лингвистический аспект изучения вторичных полей мы находим в работах Г. Н. Скляревской, которая изучает языковые метафоры и вводит понятие метафорического поля [Скляревская, 2004]. В фокусе её внимания синонимические ряды, антонимические пары, словообразовательные гнезда и др., то есть парадигматические и синтагматические отношения, в которые вступает мотивированная лексика. Также Н. А. Илюхина даёт полное описание ассоциативно-семантического поля, подчёркивая, что термин «ассоциативный» указывает не на особую психолингвистическую методику формирования поля, а на его широкий состав, включающий не только слова, но и фразеологические обороты [Илюхина, 1998, с. 66]. Такие работы направлены на установление системных связей внутри поля и характера отношений между его единицами. Лингвокультурологический аспект рассматривает образные единицы в неразрывной связи с культурой народа, его традициями, обычаями, особенностями мышления. Особое значение приобретают такие понятия, как национально-культурная специфика языка [Юрков, 2012], языковая картина мира и др. Анализу подвергаются прежде всего фразеологизмы, пословицы, поговорки, следовательно, такие поля строятся преимущественно не на лексическом материале, а на единицах лексико-фразеологического и синтаксического уровней. Как видим, аспект и цели определяют выбор терминологии и материала.

Вопрос о делении образного поля на отдельные сегменты, выражающие более конкретные смыслы, также остаётся дискутируемым. В большинстве работ используется понятие тематической группы, которое соотносится с понятием микрополя [Скляревская, 2004; Шерина, Потураева, 2014; Абрамов, 2019; Пак, 2006; Григорьева, 2019]. Менее распространено в современных работах понятие лексико-тематической группы [Ли, 2018], поскольку, как уже было отмечено выше, такие поля зачастую включают не только лексические, но и синтаксические единицы. Другие работы вводят такие термины, как метафорические модели, образные параллели, категориально-образные парадигмы и др. [Николина, Петрова, 2021; Соколова, 2020; Юрина, Балдова, 2017]. Безусловно, выбор методов дробления поля на более мелкие единицы также обусловлен целями и задачами исследования.

Однако у всех без исключения исследователей есть идея о «сдвоенной» структуре такого поля: на первичное семантическое поле, связывающее языковые единицы в их прямых значениях, накладывается вторичное (образное, метафорическое), отражающее сходство предмета или явления в ассоциативной связи с другими предметами или явлениями и «обрастающее» различными коннотативными смыслами. Первичное семантическое поле включает только лексику, а образное расширяется за счёт включения в него единиц фразеологического уровня, а также образных выражений, представляющих законченные суждения. Но было бы ошибочно предполагать, что любое образное поле шире номинативного: не все слова, имеющие семантическую связь с определённым образом, имеют образные значения, соответственно, они не являются частью образного поля.

Ещё одна общая идея в принципах моделирования поля: оно строится на основе бытовых представлений носителей языка и является фрагментом не научной, а на-

ивной картины мира. Например, в семантическое поле «Растение» включают обычно грибы, хотя в биологии эти два «царства» разграничиваются. Кроме того, в ботанической картине мира есть такое понятие, как ложные ягоды (клубника, арбуз, огурец, тыква, баклажан), но носители русского языка клубнику относят к классу ягод, арбуз – к классу фруктов, а огурец, тыкву, баклажан – к классу овощей. Более того, на структурно-содержательную организацию поля влияют и этнокультурные факторы. Например, проведенный лингвистический эксперимент показал, что носители китайского языка относят помидор, киви, банан и даже кукурузу к классу ягод [Дзюба, 2015, с. 192].

В данной работе поле представляется в виде нескольких микрополей, деление на которые производится на основании частеречного и семантического признаков. Например, в микрополе «Виды растений» входят существительные *дерево, трава, ива, сосна, дуб* и др. Название микрополя «Действия человека, связанные с растением», указывает на наличие в нем глаголов *сеять, тесать, косить, молоть, укоренять*, а микрополе «Характерные признаки растения или его частей» состоит из прилагательных *бесплодный, ветвистый, вялый* и др.

2.2. Обсуждение результатов исследования [Results and discussion]

Итак, в поле «Растение» выделены следующие микрополя: 1) растение, виды растений (*дерево / 树; ива / 柳, сосна / 松; кипарис / 柏; дуб / 橡* и др.); 2) части, органы растений (*ветвь / 枝; корень / 根; семя / 种子; плод / 果* и др.); 3) обработанная часть дерева / растения (*палка / 棍, бревно / 木头; доска / 板* и др.); 4) деревянные изделия, предметы из частей растения (*веник / 扫帚; клин / 楔; верёвка / 绳* и др.); 5) совокупность растений или его частей (*лес / 森林; букет / 花束; дебри / 密林; урожай / 丰收* и др.); 6) признаки, выражающие отношение к виду растения, его частям (*абрикосовый / 杏的,杏树的,杏黄色的; ананасовый / 菠萝的; апельсиновый / 橙子的,橙色的; дубовый / 橡树的; луковый / 葱的* и др.); 7) действия, характеризующие жизнедеятельность растений (*укорениться / 生根,扎根; цвести / 开花; вянуть / 枯萎,蔫; никнуть / 蔫; отпочковаться / 出芽繁殖* и др.); 8) характерные признаки растения или его частей (*гнилой / 腐朽的; бесплодный / 不结果的; зернистый / 颗粒状的; скороспелый / 早熟的* и др.); 9) действия человека, производимые над растением, его частями (*засевать / 播种; затёсывать / 砍薄; косить / 割; лупить / 剥; мариновать / 醋渍; молоть / 磨; рубить / 砍* и др.).

Некоторые микрополя имеют настолько широкий состав, что могут быть также разбиты на относительно самостоятельные группы. Например, в первое микрополе входят группы «Виды растений», «Виды деревьев», во второе – не только общие названия частей растений, но и названия различных цветов (*пион / 牡丹; роза / 玫瑰; лотос / 荷, 莲, 芙蓉*). Также некоторые лексические единицы проявляют подвижность относительно границ микрополей и могут быть одновременно в нескольких группах. На это влияет, во-первых, многозначность слов и способность каждой отдельной единицы со своим значением подвергаться процессу метафоризации. Например, *клюква* – это и название растения, и название ягод этого растения. Два образные единицы, в составе которых данное слово, распределяются по двум микрополям: в первом случае (рус. *развесистая клюква* в значении о чём-л. неправдоподобном) речь идёт о растении (микрополе «Растение, виды растений»), а во втором (рус. *кислый, как клюква*) – о ягодах (микрополе «Части, органы растений»).

Во-вторых, иногда в состав одной образной единицы входят два или даже три слова, имеющие семантическую связь с образом растения: *пень берёзовый* (рус. о глупом человеке), *兰质蕙心 / внешнею красива, как цветок орхидеи, а душою прекрасна, как её аромат* – о женщине, прекрасной и телом, и душой. С точки зрения теории семантического поля они могут быть включены в разные микрополя. В данной работе

такие единицы были отнесены к микрополю, в которое входит слово, связанное с основным образом. Это слово формирует образные смыслы: *пень берёзовый* – пень (микрополе «Части, органы растения»), в основе образного представления лежит параллель *глупый – твёрдый*, речь идёт прежде всего о твёрдости дерева, а не о его принадлежности к определённому виду (берёзовый); *兰质蕙心 / внешностью красива, как цветок орхидеи, а душою прекрасна, как её аромат* – орхидея (как символ красоты в китайской культуре, внешний вид и аромат этого цветка вызывают положительные эмоции).

В некоторых случаях невозможно выделить один ключевой образ, такие единицы входят в два микрополя. Большинство примеров – из китайского языка, где для образного переосмысления часто используется два самостоятельных растительных образа: *芝兰玉树 / душистые травы, прекрасные деревья* – о молодом поколении, перспективной молодёжи; *残花败柳 / завядший цветок и засохшая ива* – о легкомысленной, падшей женщине; *夭桃秣李 / нежное персиковое дерево и пышное сливовое дерево* – о молодости и красоте невесты и жениха.

Результаты исследования выявили с х о д с т в а и р а з л и ч и я в образном постижении мира двух народов. Большая часть образных единиц, имеющих общие смыслы, обнаруживается в таких микрополях, как «Части, органы растений», «Действия, характеризующие жизнедеятельность растений», «Характерные признаки растения или его частей», «Признаки, выражающие отношение к виду растения или его частям», «Действия человека, производимые над растением, его частями». Это обусловлено общностью физиологических характеристик человека, органов чувств, универсальностью когнитивных процессов и сходством явлений окружающего мира. Образные значения, возникшие в результате первичной категоризации действительности, проявляют сходства в разных языках, однако впоследствии, с историческим и культурным развитием народов, языковые единицы обрастают новыми коннотативными значениями, имеющими национальную специфику.

Идея жизненного цикла растений, предполагающая начало (семя), развитие (росток) и результат (плод), является одной из наиболее повторяющихся в разных культурах. Она проецируется на образ человека и разнообразные стороны его жизнедеятельности: рус. *семена раздора, ростки* (экономики, инициативы и др.), *вкушать плоды* (пользоваться результатами своего труда); кит. *硕果累累 / крупные плоды* – о блестящих успехах, *稂莠 / плохие семена* – о плохом или трусливом человеке, *萌芽 / росток* – о новом явлении, предмете. Понятие корня связано с основой, источником чего-либо: рус. *корень зла, пустить корни* (обосноваться), *врасти корнями* (укрепиться в чем-л.), *знать в корень* (основательно знать), *в корне* (совсем, совершенно); кит. *根深蒂固 / корни глубоки, черенки прочны* – о чём-л. прочном и крепком, *祸根 / корень бедствий* – источник бедствий, *刨根 / копать корень* – досконально всё изучить, полностью разобраться в каком-либо деле.

Образ цветка, как правило, вызывает положительные ассоциации, связан с чем-либо прекрасным и используется при описании внешности человека. В большинстве случаев речь идёт о женской красоте: рус. *распустившийся цветок; прекрасна, как цветок*; кит. *花容月貌 / прекрасная, как цветок, и светлая, как луна; 如花似玉 / подобная цветку или яшме*.

Также признаки, связанные с развитием растения, ассоциируются с этапами человеческой жизни и в русской, и в китайской культурах: юностью, зрелостью, старостью. Например, *зрелый /成熟的, спелый /成熟的* (физически сложившийся, полный жизненных сил), *вялый / 蔫了的, увядший / 蔫了的* (физически слабый, пожилой). Кроме того, некоторые из них используются для описания умственных, психических и др. характеристик человека: *скороспелый / 早熟的* (слишком рано развившийся), *зрелый / 成熟的* (опытный, достигший совершенства в каком-л. деле), *вялый / 蔫了的* (потерявший энергию), *недозрелый / 不成熟的* (не достигший психологического развития).

Те же образные смыслы несут в себе глаголы микрополя «Действия, характеризующие жизнедеятельность растения»: *цвести* / 开花 (находиться в состоянии физического или душевного подъёма, быть здоровым, красивым); *увядать* / 凋谢, *вянуть* / 枯萎 (стареть, умирать). Глагол *укорениться* / 生根, 扎根 используется в значении «укрепиться, создать прочный фундамент», также в китайском языке есть фразеологизм 落地生根 / спуститься на землю и укорениться – осесть где-л. или надолго сосредоточиться на своём деле.

С помощью растительных образов в двух языках передаются различные оттенки цветового спектра. Но в русском языке эти смыслы обнаруживаются в основном в микрополе «Признаки, выражающие отношение к виду растения или его частям». Основанием для многочисленных переосмыслений в рамках этого микрополя является цвет плода (в широком смысле, в том числе и ягод). Прилагательные, связанные с плодами, используются для обозначения следующих цветов: оранжево-жёлтого (*абрикосовый*, *персиковый*), зеленовато-коричневого (*оливковый*, *фисташковый*), красно-бордового (*черешневый*, *вишнёвый*), ярко-красного (*земляничный*, *рябиновый*), бледно-розового (*малиновый*), тёмно-фиолетового (*смородиновый*). Обозначать цвет могут и метафоры-прилагательные, относящиеся к названиям цветков (*фиалковый* – ярко-фиолетовый, *сиреневый* – светло-лиловый, *розовый* – имеющий цвет бледно-красной розы), общим названиям растений (*соломенный*, *ржаной* – светло-жёлтый, *травяной* – зелёный). В китайском языке единицы данного микрополя также участвуют в процессах метафоризации: бледно-бежевый (杏色的 / *абрикосовый*), оранжевый (橙色的 / *апельсиновый*), оранжевый с жёлтым (橘色的 / *мандариновый*), бледно-розовый (桃红色的 / *персиковый*), розовый с красным (玫红色 / *розово-красный*), коричневый с красным (枣红色的 / *финиковый*). Но большинство единиц – из микрополей «Растение, виды растений», «Части, органы растения», которые и создают цветовые образные ассоциации: нежно-зелёный (葱绿色的 / *цвет зелёного лука*), светло-серый (藕色的 / *цвет корня лотоса*), светлый оттенок жёлтого и коричневого (肉桂色的 / *цвет корицы*), оранжевый с коричневым (南瓜色的 / *цвет тыквы*), лиловый (藕荷色 / *цвет лотоса и его корня*). Необходимо отметить, что и в современном русском языке наблюдается сходная тенденция, когда для обозначения цвета используется не прилагательное, а существительное, в данном случае – название плода (растения, цветка): *абрикос*, *персик*, *ананас*, *вишня*, *сирень* и др.

Схожие образные смыслы наблюдаются и в других микрополях. Лес (микрополе «Совокупность растений или его частей») и в русском, и в китайском используется в значении «большое количество чего-либо»: лес рук, 林立 / *вставить лесом* – о большом количестве кого/чего-л. О человеке с невысокими умственными способностями говорят: 木头 / *бревно* (микрополе «Обработанная часть дерева / растения»). В русском языке *лупить кого-л.* значит «сильно бить», в китайском языке имеется то же самое образное значение (микрополе «Действия человека, производимые над растением, его частями»).

Различия проявляются прежде всего в выборе слов, называющих виды растений, плодов, цветов. Микрополе «Растение, виды растений» в русском и китайском языках имеет разную лексическую и семантическую наполняемость. Безусловно, в природе произрастает ограниченное количество видов растений, но для образного переосмысления используются те, которые наиболее освоены народом, имеют хозяйственное, промышленное значение.

В русском языке используются такие слова, как *дуб* (*глупый*, *как дуб*), *липа* (*обдирать*, *как липку* – грабить, отнимать всё), *тополь* (*прекрасный*, *как тополь*), *крапива* (*жгучий*, *как крапива*), *полынь* (*горький*, *как полынь*), *лён* (*брови*, *как лён*), *лопух* (о глупом человеке), *мимоза* (об обидчивом, изнеженном человеке), *мох* (*мохом обрасти* – одичать), *сморчок* (невзрачный человек), *одуванчик* (тихий, слабый человек, внешне приятный) и др. Также некоторые образы растений / деревьев приобрели коннотации,

связанные с историей, культурой, религией: *пальма первенства* (символ победы, славы в Древней Греции, в русском языке обозначает преимущество в чем-л.); *бесплодная смоковница* (из евангельской притчи о дереве, на котором не было плодов) в русском языке – о человеке, деятельность которого не приносит результатов или о женщине, страдающей бесплодием; *вкушать от древа познания добра и зла* – приобретать знания, постигать смысл различных явлений (из библейского рассказа об Адаме и Еве, нарушивших запрет Бога и вкусивших плод с древа познания).

В китайском языке наиболее частотными для образных переосмыслений являются следующие языковые единицы: 竹 / бамбук (*势如破竹 / подобно тому, как раскалывают бамбук* – о сокрушительной силе, стремительной победе), 玉兰 / магнолия (*玉树临风 / стоит, как магнолия на ветру* – о красивом и талантливом молодом человеке), 柳 / ива (*眠花宿柳 / спать среди цветов, ночевать в ивах* – о мужчине, который проводит ночи в публичных домах). Интересно, что образ ивы часто используется при описании женщин лёгкого поведения, а деревья персика и сливы – при описании достойных учеников, воспитанников: 门墙桃李 / деревья персика и сливы, которые растут возле стены – об учениках, которых направляет известный и мудрый учитель; 桃李满天下 / деревья персика и сливы посадили во всем мире – о последователях, которые распространились по всему миру и др. Также во многих образных выражениях используются образы сосны и кипариса, которые являются символом непоколебимости, твёрдости, благородства и долголетия: 苍松翠柏 / пышные сосны и зелёные кипарисы – о благородном, целомудренном человеке; 松柏之寿 / долголетие сосны и кипариса – о людях, которые проживают долгую жизнь и др. Безусловно, история и культура также оказали влияние на язык, и в некоторых образных выражениях китайского языка можно заметить следы этого влияния: 罄竹难书 / не хватит бамбука для описания – о бесчисленных преступлениях, злодеяниях (это дерево использовалось в Древнем Китае в качестве бумаги); 祸枣灾梨 / посылать несчастье на финик и ввергать в бедствие грушу – о плохом сочинении ученика (раньше ксилографические доски делали из финикового и грушевого деревьев); 章台之柳 / ива с улицы Чжантай – о куртизанке, падшей женщине (章台 / Чжантай – район публичных домов времен династий Цинь – Хань).

То же самое можно сказать о микрополе «Части, органы растений», в которое входят группы с различными наименованиями плодов. Образному переосмыслению подвергаются названия тех плодов, которые имеют важное хозяйственное значение, употребляются в пищу. В русском языке, например, это картофель / картошка (*нос картошкой* – о большом круглом носе), огурец (*здоровый, как огурчик*), помидор (*красный, как помидор*), репа (*проще пареной репы*), перец (*перец* – о колком, язвительном человеке или об остроумной шутке), яблоко (*яблоку негде упасть* – о чрезвычайной тесноте), орех (*крепкий орешек* – о человеке с большой физической силой или твёрдым характером) и др. В китайском языке – дыня (*强扭的瓜不甜 / дыни, сорванные насильно, несладкие* – сделанное что-либо по принуждению не принесёт желаемых результатов), тыква-горлянка (*中流失舟, 一壶千金 / когда посреди реки останешься без лодки, и тыква-горлянка покажется на вес золота* – даже незначительные вещи порой оказываются на вес золота), китайская капуста (*白菜价 / по цене китайской капусты* – очень дешево), имбирь (*姜还是老的辣 / старый имбирь всё же острее* – у пожилых людей больше опыта), финик (*囫圇吞枣 / проглотить финик целиком* – сделать что-либо быстро, в короткий срок), хурма (*软柿子 / мягкая хурма* – о слабом, беззащитном человеке) и др.

В других микрополях также есть различия, но в большинстве случаев речь идёт об одной языковой единице, имеющей разные значения в языках. Например, в русском языке метафора лапоть используется для описания невежественного, отсталого человека, а в китайском языке у этого слова нет отрицательной коннотации в образном значении: 布衣草鞋 / холщовая одежда и лапти – простой народ.

3. Заключение [Conclusion]

Полевое моделирование позволяет представить фрагмент языковой картины мира как систему. Семантические поля, организованные вокруг одного базового образа, имеют высокий образный потенциал и могут быть разбиты на микрополя, вмещающие определённые смыслы. Анализ лексики и фразеологии, связанной с образом растения, выявил некоторые универсальные и специфические концептуальные модели в двух неродственных языках. Общие значения языковых единиц обусловлены прежде всего древними представлениями людей о схожести человека и явлений природного мира. Модели *человек – растение*, *человек – часть растения* продуктивны и в русском, и в китайском языках. С их помощью описываются внешность и характер человека, его умственные способности, даются физиологические, социальные, возрастные характеристики. Идея жизненного цикла растения также получает одинаковый набор образных смыслов. Всё многообразие оттенков цветового спектра передаётся с помощью растительных образов в обоих языках. Но, безусловно, образные единицы языка окрашиваются и в национальные тона. На них влияют культура, религия, история, география. Одно и то же слово в двух исследуемых языках может быть употреблено в разных значениях и иметь совершенно противоположные коннотации. Также первичный лексический состав некоторых микрополей имеет существенные различия, это в основном касается групп «Виды растений», «Виды плодов», «Виды цветов», что обусловлено экстралингвистическими факторами: места обитания некоторых видов растений ограничены конкретными территориями.

Перспективы работы связаны с изучением полей такого типа на материале других языков или базовых образов. Интересным может быть сравнительный анализ языкового воплощения образа растения в художественном, публицистическом, научном дискурсах. Проанализированный материал может быть полезен в практике преподавания русского языка как иностранного, в таких курсах, как «Лингвокультурология», «Лингвострановедение», «Стилистика» и др.

Библиографический список

- Абрамов, 2019 – Абрамов В. П. Семантические поля русского языка. М. : Флинта, 2019. 336 с.
- Архипова, Куроедова, 2021 – Архипова Н. Г., Куроедова М. А. Образ цветка как фрагмент языковой картины мира (на материале русского и китайского языков) // Вестник Амурского гос. ун-та. 2021. Вып. 92. С. 110–114.
- Блинова, 1983 – Блинова О. И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1983. С. 3–11.
- Ван, 2022 – Ван Ци. Информация о культуре народа в семантике устойчивых выражений с компонентом-фитонимом «слива» и «дуб» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 109–116. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10113>
- Григорьева, 2019 – Григорьева А. А. Семантическая характеристика фитонимов в китайском языке (на материале фразеологизмов) // Современный дискурс-анализ. 2019. Вып. 2 (23). С. 15–19.
- Дзюба, Джао, 2015 – Дзюба Е. В., Чжао Лин. Этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации в русском и китайском языковом сознании // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 185–194.
- Евгеньева, 1999 – Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999.
- Илюхина, 1998 – Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 1998. 204 с.
- Исаев, 2019 – Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2019. 348 с.

- Кожевников и др., 2018 – Кожевников И. Р., Шевчук О. П., Мережко Е. В. Символические значения флоронимов в составе фразеологизмов китайского и японского языков (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 1. С. 90–96. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.20>
- Ли, 2018 – Ли Вэньжуй. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом-фитонимом при описании внешности человека // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. Тула : ТППО, 2018. С. 390–394.
- Мелерович, Мокиенко, 1997 – Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. М. : Русские словари, 1997. 864 с.
- Нань, 2021 – Нань Я. Лингвокультурологический анализ русских паремий с компонентом-фитонимом (на фоне китайского и корейского языков) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. 2021. № 11–2. С. 135–139. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.11-2.21>
- Николина, Петрова, 2021 – Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 93–101.
- Пак, 2006 – Пак И. Я. Языковое воплощение образа дерева/растения в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 ; Томский гос. ун-т. Томск, 2006. 24 с.
- Петрова, 2015 – Петрова З. Ю. Образное поле «Растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 54–59.
- Скляревская, 2004 – Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. 2-е изд., стер. СПб. : Изд-во филол. факультета СПбГУ, 2004. 166 с.
- Соколова, 2020 – Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2020. Т. 42. № 7. С. 45–53.
- Шерина, Потураева, 2014 – Шерина Е. А., Потураева Е. А. Электронная модель образного лексико-семантического поля «человек»: специфика создания и использования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16056>
- Юрина, 2005 – Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. 156 с.
- Юрина, Балдова, 2017 – Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 98–115. <https://doi.org/10.17223/19986645/48/7>
- Юрков, 2012 – Юрков Е. Е. Метафора лингвокультурного кода «растения» в аспекте лингвокультурология // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 137–141.
- Ли, 2001 – 李国南, 辞格与词汇, 上海外语教育出版社, 2001. (Ли Гонань, Устойчивые выражения и лексика. Шанхайское изд-во обучения иностранным языкам, 2001. 294 с.).
- Словарь современного китайского языка, 2016 – 现代汉语词典 (第 7 版), 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 商务印书馆, 2016. (Словарь современного китайского языка. / под ред. отдела составления словаря Института языков Академии общественных наук КНР. 7-е изд. Пекин : Коммерческая пресса, 2016. 1800 с.).

References

- Abramov, V. P. (2019). *Semanticheskie polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).
- Arkhipova, N. G., & Kuroedova, M. A. (2021). *Obraz tsvetka kak fragment yazykovoy kartiny mira (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov)* [The concept «Flower» as a fragment of a linguistic picture of the world: Based on the Material of the Russian and Chinese Languages]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University], 92, 110–114. (In Russ.).

- Blinova, O. I. (1983). *Obraznost' kak kategoriya leksikologii* [Figurativeness as a Category of Lexicology]. *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii* [Expressiveness of Vocabulary and Phraseology] (pp. 3–11). Novosibirsk : Novosibirsk State University Press. (In Russ.).
- Wang, Q. (2022). Informatsiya o kul'ture naroda v semantike ustoychivyykh vyrazheniy s komponentom-fitonimom «sliva» i «dub» [Information about the culture of a people in the semantics of set expressions with the phytonymic components “plum” and “oak”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 1 (459), 127, 109–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10113>
- Grigor'eva, A. A. (2019). Semanticheskaya kharakteristika fitonimov v kitayskom yazyke (na materiale frazeologizmov) [Semantic characteristic of phytonyms in the Chinese language (On the material of phraseological units)]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Contemporary Discourse Analysis], 2 (23), 15–19. (In Russ.).
- Dziuba, E. V., & Chzhao, L. (2015). Etnospetsificheskie osobennosti lingvokognitivnoy kategorizatsii v russkom i kitayskom yazykovom soznanii [Ethnospecific features of linguo-cognitive categorization in Russian and Chinese lingual mentality]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 11, 185–194. (In Russ.).
- Evgen'eva, A. P. (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]: in 4 volumes. 4th edn. Vol. 4. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Ilyukhina, N. A. (1998). *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [The Image in the Lexicalsemantic Aspect]. Samara : Samara University Press. (In Russ.).
- Isaev, Yu. N. (2019). *Fitonimicheskaya kartina mira v raznostrukturnykh yazykakh* [Phytonymic Picture of the World in Languages with Different Structures]. Cheboksary : Chuvash University Press. (In Russ.).
- Kozhevnikov, I. R., Shevchuk, O. P., & Merezhko, E. V. (2018). Simvolicheskie znacheniya floronimov v sostave frazeologizmov kitayskogo i yaponskogo yazykov (sopostavitel'nyy aspekt) [Symbolic meanings of floronyms in the structure of phraseological units in the Chinese and Japanese languages (Comparative aspect)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 9 (87), part 1, 90–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.20>
- Li, W. (2018). Lingvokul'turologicheskaya interpretatsiya paremiy s komponentom-fitonimom pri opisaniy vnesnosti cheloveka [Linguoculturological interpretation of paroemias with the component-phytonym in the description of human appearance]. *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v XXI veke: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Polyparadigmatic contexts of phraseology in the 21st century]: International conference proc. (pp. 390–394). Tula : TPPO Press. (In Russ.).
- Melerovich, A. M., & Mokienko, V. M. (1997). *Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'* [Phraseologisms in Russian speech: A dictionary]. Moscow : Russkie slovari Press. (In Russ.).
- Nan, Y. (2021). Lingvokul'turologicheskyy analiz russkikh paremiy s komponentom-fitonimom (na fone kitayskogo i koreyskogo yazykov) [Linguocultural analysis of Russian paroemias with component-phytonym in Russian, Chinese and Korean languages]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], 11–2, 135–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.11-2.21>
- Nikolina, N. A., & Petrova Z. Yu. (2021). Klyuchevye obraznye polya v tekstakh sovremennoy russkoy prozy [Key figurative fields in modern Russian prose]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskyy vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], 4 (27), 93–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101>
- Pak, I. Ya. (2006). *Yazykovo voploshchenie obraza dereva/rasteniya v russkom yazyke* [Linguistic embodiment of the image of a tree/plant in Russian]: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss.. Tomsk : Tomsk State University. (In Russ.).
- Petrova, Z. Yu. (2015). Obraznoe pole «Rasteniya» v «Materialakh k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury XIX–XX vv.» [Metaphorical Field “Plants” in the “Materials for the dictionary

- of metaphors and similes of the XIX–XX-centuries Russian literature”]. *Verxnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], 1, 54–59. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the System of Language]. 2nd edn. St. Petersburg : St. Petersburg State University, Philological Faculty Press. (In Russ.).
- Sokolova, M. G. (2020). Sopostavitel'naya kharakteristika obraznykh poley «topol' – chelovek» i «klen – chelovek» v russkoy poezii [Comparative characterization of the figurative fields “Poplar – Human” and “Maple – Human” in the Russian poetry]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 42 (7), 45–53. (In Russ.).
- Sherina, E. A., & Poturaeva, E. A. (2014). Elektronnaya model' obraznogo leksiko-semanticheskogo polya «chelovek»: spetsifika sozdaniya i ispol'zovaniya [E-model of figurative lexico-semantic field «Person»: specific of developing and usage]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 6, 1281. (In Russ.).
- Yurina, E. A. (2005). *Obraznyy stroy yazyka* [The imagery system of language]. Tomsk : Tomsk State University Press. (In Russ.).
- Yurina, E. A., & Baldova, A. V. (2017). Pishchevaya metafora v protsessakh kontseptualizatsii, kategorizatsii i verbalizatsii predstavleniy o mire [Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 48, 98–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/48/7>
- Yurkov, E. E. (2012). Metafora lingvokul'turnogo koda «rasteniya» v aspekte lingvokul'turologiya [Metaphor of the linguocultural code "Plants" in the aspect of linguoculturology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism], 1, 137–141. (In Russ.).
- Li, G. (2001). *Ci ge yu ci hui* [Curly expression and vocabulary]. Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House. (In Chinese).
- Xian dai han yu ci dian (di 7 ban), zhong guo she hui ke xue yuan yu yan yan jiu suo ci dian bian ji shi* (2016). [Dictionary of the modern Chinese, edited by the Dictionary Editorial Office, Institute of Languages, Chinese Academy of Social Sciences]. 7th edn. Beijing : The Commercial Press. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
nstarodubceva@yandex.ru

Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи

Аннотация

Настоящее исследование своей целью ставит определение перечня фразеологических оборотов, вербализующих концепт ЛИЦО, и оценку значимости данного концепта в современной языковой картине мира китайской молодёжи. Объектом исследования выступают примеры чэньюй (成语), пословиц (谚语) и поговорок (俗语) с понятием «мяньцзы» 面子 или близкими к нему понятиями. С помощью лингвистического интервьюирования 77 респондентов – жителей КНР из 20 городов в возрасте от 16 до 25 лет – было получено 86 примеров. Дальнейшее исследование проводилось с помощью комплекса методов: индуктивный, описательный и метод анализа с использованием приёмов классификации и систематизации. В результате, во-первых, продемонстрировано знание китайской молодёжью фразеологических единиц, репрезентирующих концепт ЛИЦО. Во-вторых, удалось распределить примеры по трём группам: 1) примеры, содержащие понятие «мяньцзы» 面子 'лицо, репутация'; 2) примеры, содержащие понятие «лянь» 脸 'лицо, репутация'; 3) примеры, в состав которых не входят понятия «мяньцзы» 面子 и «лянь» 脸, но смысл которых сводится к значениям, выражаемым данными понятиями. Анализ показал 1) стремление китайцев иметь и сохранить «лицо», поскольку «лицо» даёт уважение общества, а его потеря вызывает чувство стыда; 2) то, что в «лице» не нуждается лишь бесстыжий человек. Это свидетельствует о высокой значимости данного культурно-психологического феномена для китайской нации на современном этапе.

Ключевые слова: концепт ЛИЦО, фразеологизм, чэньюй, поговорка, пословица

© Стародубцева Н. С. 2023

Для цитирования: Стародубцева Н. С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 143–151. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_143

Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveschensk, Russian Federation
nstarodubceva@yandex.ru

The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth

Abstract

This study aims to compile the list of phraseological units verbalizing the concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth and to determine the value of the concept for the Chinese nation at the present. The focus is made on chengyu (成语), proverbs (谚语) and sayings (俗语) containing the notion of “mianzi” 面子 ‘face’ or other notions close to it. Using the method of linguistic interview with 77 subjects, the residents of China from 20 cities aged 16 to 25, the total of 86 examples were obtained. Further research was performed with a set of methods: inductive, descriptive and analytic using the techniques of classification and systematization. First, the obtained results showed the knowledge of phraseological units representing the concept FACE

demonstrated by the Chinese youth. Second, three groups of examples were identified: 1) the ones containing the notion of “mianzi” 面子 ‘face, reputation’; 2) the ones containing the notion of “lian” 脸 ‘face, reputation’; 3) the ones that contain neither “mianzi” nor “lian” but whose meanings are close to both notions. The analysis demonstrates 1) the desire of the Chinese to ‘have face’ and not to ‘loose face’ since ‘having face’ gives respect of society, and ‘loosing face’ causes the sense of shame; 2) that only a shameless person does not need ‘face’. These findings prove the significance of this cultural and psychological phenomenon for the Chinese at the present.

Keywords: the concept FACE, phraseological unit, chengyu, proverb, saying

© Starodubtseva N.S. 2023

For citation: Starodubtseva, N. S. (2023). Kontsept LITSO v yazykovoy kartine mira kitayskoy molodezhi [The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 143–151. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_143

1. Введение [Introduction]

Понятие «лицо» Н. А. Спешнев справедливо назвал одной из глубинных структур культурной психологии китайцев [Спешнев, 2011, с. 81]. Цитируя работу Линь Юйтана, он представил «лицо» как нечто непере译имое и неопределяемое, похожее и одновременно непохожее на «почёт, славу, честь», нечто, что не измеряется деньгами, но даёт человеку, независимо от пола, чувство собственного достоинства. Несмотря на всю неуловимость и эфемерность, за это нечто мужчины борются, а многие женщины готовы пожертвовать жизнью. Оно витает в воздухе и, будучи бесформенным, беззвучным, придаёт чувство уважения, надёжности и непоколебимости. «Лицо» не подчиняется законам разума и логики, но является частью людских привычек и обычаев. Это нечто может дать ход делам в суде, разрушить семью, толкнуть на убийство, довести до самоубийства, заставить совершившего несправедливость раскаяться и вернуться на путь истинный под давлением критикующих и обличающих односельчан. «Лицо» дороже какого угодно земного блага, могучее самой судьбы, больше доброты и благих дел.

Н. В. Селезнева [Селезнева, 2021 б] подчёркивает важность рассмотрения данного культурно-психологического феномена китайского общества для понимания его сущности с целью выявления механизмов и принципов межличностного взаимодействия, характерного для китайской культуры. В обзоре китайских научных работ, посвящённых концепту ЛИЦО, Ф. Н. Даулет указывает, что интерес китайских учёных к указанному концепту возник относительно недавно, при этом он в первую очередь трактовался с социально-культурной и психологической точек зрения, а именно, как утилитарно-прагматическое явление [Даулет, 2019, с. 158]. Н. А. Спешнев [Спешнев, 2011] уделяет серьёзное внимание рассмотрению понятия «лицо», обращаясь к работам китайских [Хуан Гуанго, 1988; Чэнь Чжичжао, 1988 и др.] и российских учёных [Собольников, 2001; Тертицкий, 1994 и др.], занимающихся вопросами изучения этнопсихологии китайцев. Уделялось внимание и лингвокультурному аспекту данного понятия [Даулет, 2019; Юй, 2018]. Имеется также философский взгляд на данный концепт через призму межличностных отношений, рассматриваемых древнекитайскими философами (см. анализ в [Лю, Зуб, 2021]), согласно которому категория «лицо» (*мяньцзы*) – это неотъемлемая часть китайской национальной традиции, связанной с достоинством человека. «Большое лицо» (*да мяньцзы*) означает почёт, высокий общественный статус, что в свою очередь даёт доступ к немалым социальным ресурсам. Человек, «потерявший лицо» (*без мяньцзы*), перестаёт быть частью конфуцианской иерархии, а значит и частью общества, он теряет и уважение, и влияние, и даже дееспособность и, следовательно, перестаёт существовать для данного общества [Лю, Зуб, 2021, с. 161].

Согласно Ф. Н. Даулет, этнокультурная специфика изучаемого концепта состоит в том, что он выступает носителем особых значений, определяемых соматическим кодом лингвокультуры Китая. Ею выявлено, что концепт ЛИЦО характеризуется обширным интерпретационным полем сложной структуры, в котором размещается совокупность ментальных и оценочных стереотипных суждений с разнооценочными предикациями, представляющими различные когнитивные слои данного концепта [Даулет, 2019, с. 156]. При этом важные особенности сводятся к следующим: 1) он часто вербализуется языковыми средствами, в состав которых ключевые лексемы не входят; 2) указанный концепт объективирует не гендерную, а возрастную специфику; 3) будучи ключевым концептом соматического кода китайской культуры, он имеет общекультурную ценность; 4) его общелингвистические характеристики в лексико-семантической системе китайского языка закреплены символическими значениями. Отсюда вытекают универсальность и культурная обусловленность концепта: вербализованные в лексическом фонде знания влияют на мировосприятие китайцев и на качество процесса коммуникации [Даулет, 2019, с. 156]. Свидетельством коммуникативной релевантности данного концепта для китайского языкового сознания выступает тот факт, что, помимо собственно лексических единиц, он «объективируется многочисленными фразеологическими единицами, паремиями, прецедентными текстами и другими языковыми средствами» [Даулет, 2019, с. 156].

Е. В. Толстогузова и Н. Б. Медведева, рассматривая в своей работе вопросы китайской бизнес-культуры, подчёркивают важность и взаимосвязь системы деловых связей «гуаньси» и концепта ЛИЦО «мяньцзы» [Толстогузова, Медведева, 2019, с. 75].

В. И. Молодых и Т. И. Леонтьева, исследуя вопрос верификации обмана / лжи в современном китайском языке на материале художественного дискурса, обращаются к понятию «лицо» и отношению китайцев к формированию, проявлению, сохранению «лица» в ситуациях пагубного социального явления хитрости, лжи и обмана [Молодых, Леонтьева, 2017, с. 69]. В работе указывается на древнюю культурно-историческую традицию, сохранившуюся в менталитете современных китайцев, не позволяющую им ни при каких обстоятельствах терять «своё лицо», прилагая все усилия для того, чтобы показать себя в выгодном свете.

Чжу Юнсинь на основе теории социальных взаимоотношений пытается объяснить динамическое отношение между понятиями «лянь» 臉 и «мяньцзы» 面子, «благодаря чему появляется возможность истолковать большинство моделей, существующих в процессе социальных взаимоотношений внутри китайского общества, в особенности это касается «коллективной» (цзити чжуи) культуры [Цит. по : Спешнев, 2011, с. 82].

Учёные-китаисты [Спешнев, 2011 ; Селезнева, 2021 ; Даулет, 2019] уделяют внимание языковой репрезентации концепта ЛИЦО и приводят сопоставительный анализ двух близких по значению лексических единиц: *лянь* 臉 и *мяньцзы* 面子. Изучение лексического, фразеологического, паремиологического и полевого материала демонстрирует, что исходное значение – 'лицо как передняя часть головы' – изменяется в производных значениях слов 面子 / 脸 через переосмысление основной функции лица как части тела: «лицо» в указанных случаях кодирует следующие значения: 1) лицо – это статус, престиж, доброе имя, достоинство; 2) лицо – это репутация; 3) лицо – честь; 4) лицо – значимость [Даулет, 2019, с. 161]. Исследователь обращает внимание на работу китайского психолога Чжай Сюэвэя, который утверждает, что «лянь» 脸 – это имидж и статус, которых придерживается индивид, чтобы соответствовать потребностям общества, а «мяньцзы» 面子 – это признание имиджа и статуса социумом [Даулет, 2019, с. 158].

Занимаясь аксиологическим измерением современной китайской культуры, А. В. Думинская замечает важный момент – «получить «мяньцзы» 面子 можно как с помощью личных качеств, так и на основе социальных связей, богатства и собственных

усилий. Потеря «лянь» 脸 является более серьёзной, чем утрата «мяньцзы» 面子, поскольку последнее гораздо легче вернуть [Думинская, 2021, с. 1666].

Рассматривая социальные роли китайцев, С. А. Просеко выделяет три «круга» связей: 1) «ближний круг», в котором доминирует доверие – это семья и родовые связи; 2) «внешний круг», включающий тех, кому в основном доверяют, но не безоговорочно – сюда относятся друзья и доброжелатели (здесь встречается существенно большая доля подозрительности и соперничества по сравнению с ближним кругом); 3) «периферийный круг» – чужие. Для каждого из этих трёх кругов «у китайца имеется своё «лицо» – набор ожиданий, требований и реального поведения, которое так или иначе всегда отличается от образцов по разным причинам» [Просеков, 2020, с. 198].

Анализируя китайских публицистов, Н. А. Спешнев указывает на три варианта поведения, связанные с «лицом»: 1) «продажа» «лица» по инициативе индивида, когда он / она, используя власть или материальные блага, находящиеся в распоряжении, оказывает благодеяние друзьям и родственникам; 2) «накопление запасов» «лица» – индивид оказывает услуги вышестоящим лицам, надеясь через некоторое время получить ответное благодеяние; 3) «обмен» «лицами» – оказание взаимных услуг с использованием служебного положения [Спешнев, 2011, с. 81–82].

Г. А. Баженов обращает внимание на то, что «в современном китайском языке концепт ЛИЦО фразеологизируется в идиомах четырёх категорий: 1) «сохранение своего лица», 2) «усиление чужого лица», 3) «неудачная попытка сохранить своё лицо», 4) «потеря лица другими людьми» [Баженов, 2009].

Настоящее исследование своей целью ставит определение перечня фразеологических оборотов, вербализующих концепт ЛИЦО, и оценку значимости данного концепта в современной языковой картине мира китайской молодёжи. Отправной точкой для настоящего исследования послужило утверждение Н. В. Селезневой о том, что «широкое оперирование в повседневном общении не только лексическими, но и фразеологическими единицами, репрезентирующими концепт ЛИЦО, подтверждает особую значимость данного культурно-психологического феномена для представителей китайской нации» [Селезнева, 2021 а, с. 187].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материал для исследования был получен в ходе опроса китайской молодёжи. Респондентам – жителям КНР обоих полов в возрасте от 16 до 25 лет (большинство – 16–20 лет) – было предложено привести примеры чэньюй (成语), пословиц (谚语), поговорок (俗语) и недоговорок (歇后语) с понятием «мяньцзы» 面子 или близкими к нему понятиями, которые они слышат в своей жизни от старших родственников и людей ближайшего круга. Таким образом, задачей эксперимента было определить, какие фразеологические единицы (далее – ФЕ) вербализуют концепт ЛИЦО на современном этапе развития китайского языка. В опросе приняло участие 77 человек из 20 городов КНР.

В ходе исследования был задействован комплекс методов: метод лингвистического интервьюирования, индуктивный метод, описательный метод и метод анализа с использованием приёмов классификации и систематизации.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа ответов респондентов было выделено 86 примеров ФЕ, которые были условно разделены на три группы: 1) примеры, содержащие понятие «мяньцзы» 面子; 2) примеры, содержащие понятие «лянь» 脸; 3) примеры, в состав которых не входят

понятия «мяньцзы» 面子 и «лянь» 脸, но смысл которых сводится к значениям, выражаемым данными понятиями.

Примеры группы 1, содержащие понятие «мяньцзы» 面子 в свою очередь были разделены на следующие подгруппы:

А. Стремиться иметь/сохранить лицо (45 примеров): идти на всё, чтобы сохранить лицо – 死要面子活受罪 (35 респондентов); неудобно отказать, неловко отказать (не потеряв «лицо») – 情面难却 (4 респондента); стремиться иметь/сохранить «лицо» – 要面子 (2 респондента); до смерти бояться потерять лицо, сохранять свой престиж любой ценой – 死要面子¹ (2 респондента); сохранить лицо ценой больших потерь – 得了面子, 失了里子 (1 респондент); имеющие авторитет, не думают о своём престиже, а те, кто его не имеют (так как не заслуживают) – добиваются/требуют его – 有面子的没面子——没面子的净面子 (1 респондент).

«Мяньцзы» связано с публичным признанием 1) достижений человека, 2) статуса/авторитета человека в результате количественной оценки, производимой другими членами общества. При этом соотнесения с моральными качествами не требуется. Достаточно благодаря достижениям иметь положение в обществе, обладать авторитетом, известностью, популярностью. Талант «мяньцзы» – это талант к созданию и укреплению своего имиджа. Во имя «мяньцзы» можно пренебречь здоровьем, забыть об общеизвестной истине и даже не следовать действующим законами [Спешнев, 2011, с. 85].

Б. Потерять лицо / осрамиться (8 примеров): полностью потерять лицо, уничтожить репутацию (букв. 'репутацией подмели землю') – 颜面扫地 (7 респондентов); потерять лицо, попасть в плохое положение (букв. 'на лице темнота') – 面上无光 (1 респондент).

Потеря «мяньцзы» может вызвать чувство стыда и унижения. Линь Юйтан отмечает, что даже потерпевшему поражение генералу дают возможность «не потерять лицо». Всё это построено на «добрых отношениях», но в то же время мешает развитию законности [Цит. по : Спешнев, 2011, с. 85].

В. Репутацией сыт не будешь (8 примеров). По мнению Лу Синя, у элиты китайского общества превалирует «доктрина мяньцзы» [Цит. по : Спешнев, 2011, с. 86]. Однако нижеследующие примеры демонстрируют, что у простого народа понятие «мяньцзы» 面子 не всегда в приоритете: достоинство равно обувной стельке – 面子等于鞋垫子 (5 респондентов); достоинство уступает обувной стельке – 面子都不如鞋垫子 – (1 респондент); достоинство – это обувная подметка 面子就是鞋底子 (1 респондент); репутацией не наешься – 面子不能当饭吃 (1 респондент).

Примеры группы 2, содержащие понятие «лянь» 脸 были далее разделены на следующие подгруппы:

А. Иметь достойную репутацию (4 примера): уважаемый – 戴头识脸 (2 респондента); почтенный, уважаемый – 有头有脸 (2 респондента) – (оба значения букв. 'иметь (носить) голову, знать лицо').

По словам Н. А. Спешнева, главное отличие «мяньцзы» 面子 от «лянь» 脸 в том, что первая приобретается, а вторая является своего рода данностью, которую человек получает «авансом» просто будучи членом китайского общества. Между тем, неподобающее поведение индивида может привести к утрате «лянь». В этом общность двух понятий. Однако если «мяньцзы» связано с количественной оценкой, то «лянь» предполагает качественную оценку моральных принципов человека на предмет соответствия поведения принятым в данном обществе нормам и правилам [Спешнев, 2011, с. 82].

Б. Беречь честь (5 примеров): беречь честь человеку необходимо настолько же, насколько дереву нужна кора – 人要脸树要皮 (4 респондента); репутация для человека как кора для дерева – 人活一张脸, 树活一张皮 (1 респондент).

¹ Это сокращённый вариант от 死要面子活受罪 (см. первый пример в данной подгруппе)

В. Пускать пыль в глаза (4 примера): пыжиться, разыгрывать из себя богача, разыгрывать из себя важную персону (букв. 'набить себе морду, чтобы выглядеть толстяком') – 打肿脸充胖子 (4 респондента).

Г. Бесстыжий (4 примера): потерявший стыд и совесть (букв. 'не нуждаться в лице') – 不要脸 (1 респондент); 臭不要脸 – бесстыжий, ни стыда ни совести, как не стыдно (1 респондент); 死皮赖脸 – нахальный; назойливый; без зазрения совести (1 респондент); 左脸皮贴右脸皮上一边不要脸一边二皮脸 – бессовестный и толстокожий (букв. 'бессовестный с одной стороны, толстокожий – с другой') (1 респондент).

Д. Сохранять кому-то лицо / не сохранять (свое) лицо (3 примера): отказаться от предоставленной возможности сохранить лицо (я дал тебе возможность выйти сухим из воды, но ты ей не воспользовался, потому что ты не нуждаешься в «лице»); зарываться, наглеть) – 给脸不要脸 (3 респондента).

Г р у п п а 3, в состав которой не входят понятия «мяньцзы» 面子 и «лянь» 脸, но смысл которых сводится к значениям, выражаемым данными понятиями представлена двумя подгруппами:

А. Стыдно: не знать куда деть лицо (букв. 'нет места для лица' – в значении 'очень стыдно') – 措颜无地 (3 респондента); не находить себе места от стыда, не знать куда деться (от стыда) – 无地自容 (1 респондент).

Б. Стремиться сохранить лицо: умереть от голода – меньшее несчастье, чем потерять свою честь – 饿死事小失节事大 (1 респондент).

Процентное соотношение групп и подгрупп от общего количества зафиксированных примеров представлено в таблице 1.

Т а б л и ц а 1 . Группы и подгруппы примеров (%)
[Table 1. Groups and subgroups of the examples (%)]

Группа 1. Примеры, содержащие понятие «мяньцзы» 面子		
А	Стремиться иметь / сохранить лицо	52,33
Б	Потерять лицо; осрамиться	9,3
В	Репутацией сыт не будешь	9,3
Группа 2. Примеры, содержащие понятие «лянь» 脸		
А	Иметь достойную репутацию	4,65
Б	Беречь честь	5,82
В	Пускать пыль в глаза	4,65
Г	Бесстыжий	4,65
Д	Сохранять кому-то лицо / не сохранять (свое) лицо	3,49
Группа 3. Примеры, в состав которых не входят понятия «мяньцзы» 面子 и «лянь» 脸, но смысл которых сводится к значениям, выражаемым данными понятиями		
А	Стыдно	4,65
Б	Стремиться сохранить лицо	1,16

Полученные результаты демонстрируют стремление китайцев иметь и сохранить лицо – 59,3% (51 пример): фразеологические обороты со значениями 'стремиться иметь или сохранить лицо' – 52,33% (45 примеров со словом *мяньцзы* 面子), 'беречь честь' – 5,82% (5 примеров со словом *лянь* 脸) и 'стремиться сохранить лицо' – 1,16% (1 пример

оборота, в состав которого не входят ни *мяньцзы* 面子, ни *лянь* 脸, но смысл которого сводится к значениям, выражаемым данными словами).

Уважаемым считается человек, имеющий «лицо», понимающий (знающий), что такое «лицо» – 4,65% (4 примера со словом *лянь* 脸).

Человек, потерявший лицо, чувствует себя осрамившимся, он испытывает стыд – 13,95% (12 примеров): 'потерять лицо; осрамиться' – 9,3% (8 примеров со словом *мяньцзы* 面子) и 'стыдно' – 4,65% (4 оборота, в состав которых не входят ни *мяньцзы* 面子, ни *лянь* 脸, но смысл которых сводится к значениям, выражаемым данными словами).

В погоне за «лицом» люди пускают пыль в глаза – 4,65% (4 примера со словом *лянь* 脸).

Бесстыжий человек не нуждается в «лице» – 4,65% (4 примера со словом *лянь* 脸), и когда ему предоставляют возможность сохранить «лицо», он ею не воспользуется – такой человек не нуждается в «лице» – 3,49% (3 примера со словом *лянь* 脸).

Однако есть ситуации, когда человек осознаёт, что «репутацией сыт не будешь» – 9,3% (8 примеров со словом *мяньцзы* 面子). Между понятиями, выражаемыми словами *лянь* 脸 и *мяньцзы* 面子, имеется принципиальная разница, на которую указывал Н. А. Спешнев. «В отличие от «лянь» 脸 (где велик компонент внутренних рестрикторов – совести, морали, самобичевания) «мяньцзы» 面子 – скорее имидж, статус, который не обязательно соотносится с моральными качествами, а скорее с умением производить впечатление, с тем, как тебя оценивают окружающие» [Цит. по : Чайников, 2014, с. 210].

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показал, что представители молодого поколения КНР слышат в своей жизни от старших родственников и людей ближайшего круга чэньюй (成语), пословицы (谚语), поговорки (俗语) с понятием «мяньцзы» 面子 или близкими к нему понятиями и свободно их воспроизводят, что демонстрирует наличие фразеологических единиц, репрезентирующих концепт ЛИЦО, в ментальном лексиконе молодёжи и быстрый доступ к ним.

Примеры, приведённые респондентами, демонстрируют стремление китайцев иметь и сохранить «лицо». Из полученных данных видно, что «лицо» даёт уважение общества, а его потеря – стыд. В «лице» не нуждается лишь бесстыжий человек. Однако есть ситуации, когда человек осознаёт, что «репутацией сыт не будешь». Речь идёт о понятии, выражаемом словом *мяньцзы* 面子, означающим имидж, статус, который не обязательно соотносится с моральными качествами (это выражает слово *лянь* 脸), а скорее с умением производить впечатление, с тем, как тебя оценивают окружающие.

Проведённое исследование подтвердило сохранение значимости концепта ЛИЦО в восприятии представителей китайской нации на современном этапе. В ходе эксперимента было также продемонстрировано знание китайской молодёжью фразеологических оборотов, репрезентирующих концепт ЛИЦО. В связи с этим возникает вопрос, который требует дальнейшего изучения: на каком уровне и в каких ситуациях происходит оперирование данным понятием в повседневном общении китайской молодёжи?

Библиографический список

- Баженов, 2009 – Баженов Г. А. «Лицо» как базовый концепт концептосферы китайского языка человека // Общество и государство в Китае : XXXIX науч. конф. М. : Восточная литература, 2009. С. 262–265.
- Даулет, 2019 – Даулет Ф. Н. Актуализация концепта «лицо» в китайской языковой картине мира // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 4. С. 156–176. <https://doi.org/10.31857/S086919080006142-3>

- Думинская, 2021 – Думинская А. В. Аксиологическое измерение современной китайской культуры // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 8. С. 1664–1668. <https://doi.org/10.30853/mns210277>
- Лю, Зуб, 2021 – Лю Ю., Зуб А. Т. Китайская философия в межличностных отношениях // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. С. 149–165. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-149-165>
- Молодых, Леонтьева, 2017 – Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Верификация обмана / лжи в современном китайском языке и художественном дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 69–73.
- Просоков, 2020 – Просоков С. А. «Лицо» китайца: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 191–201.
- Спешнев, 2011 – Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: «КАРО», 2011. 336 с.
- Селезнева, 2021 а – Селезнева Н. В. Китайская концепция «лица» сквозь призму фразеологии // Языки и культуры стран Азии и Африки: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, Москва, 15–17 октября 2020 года. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2021. С. 186–187.
- Селезнева, 2021 б – Селезнева Н. В. К вопросу о вербализации понятия «лицо» в китайском языке // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе: 4-я Международная науч.-практ. конф.: сб. материалов конф.: в 2 т., Москва, 16 декабря 2020 года. М.: Московский гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана (нац. исслед. ун-т), 2021. С. 185–189.
- Толстогузова, Медведева, 2021 – Толстогузова Е. В., Медведева Н. Б. Роль системы деловых связей «гуаньси» (关系 guānxi) и концепции лица «мяньцзы» (面子 miànzi) в китайской бизнес-культуре // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей: сб. материалов IX Всероссийской науч.-практ. конф., Биробиджан, 30 ноября 2020 года. Биробиджан: Приамурский гос. ун-т им. Шолом-Алейхема, 2021. С. 71–76.
- Чайников, 2015 – Чайников Ю. В. 2015.02.035. Спешнев Н. А. китайцы: особенности национальной психологии. – СПб.; Каро, 2014. – 336 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2015. № 2. С. 203–211.
- Юй, 2018 – Юй Ф. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка). СПб: Нестор-История, 2018. 208 с.
- Хуан, 1988 – 黄光国, 人情与面子: 中国人的权力游戏 (中国人的心理) / 台北. 1988 年. 276 页 [Хуан Г. Жэньцин и мяньцзы: властные игры китайцев (Психология китайцев). Тайбэй: Дом книги «Цзюй Лю», 1988. 276 с.].
- Чэнь, 1988 – 陈之昭, 面子心理的理论分析与实际研究 // 中国人的心理 / 杨国枢 (主编)。台北: 桂冠图书股份有限公司, 1988 年. 155 – 237 页。 [Чэнь Ч. Теория и практика исследования психологии «мяньцзы» // Психология китайцев / отв. ред. Г. Ян. Тайбэй: Книжное акционерное общество «Гуйгуань», 1988. С. 155–237].
- Ли, 2000 – 李建华, 中国官德。成都: 四川人民出版社。2000 年。282 页 [Ли Ц. Чиновничья мораль в Китае. Чэнду: Народное изд-во провинции Сычуань, 2000. 282 с.].

References

- Bazhenov, G. A. (2009). «Litso» kak bazovyy kontsept kontseptosfery kitayskogo yazyka cheloveka [“Face” as a basic concept of the concept sphere of the Chinese language]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the State in China]: XXXIX Scientific Conference] (pp. 262–265). Moscow: Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Daulet, F. N. (2019) Aktualizatsiya kontsepta «litso» v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Actualization of the concept “face” in the Chinese linguistic worldview]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian Societies: history and modernity], 4, 156–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086919080006142-3>
- Duminskaya, A. V. (2021). Axiologicheskoe izmerenie sovremennoy kitayskoy kul'tury [Axiological dimension of the modern Chinese Culture]. *Manuskript* [Manuscript], 8, 1664–1668. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/mns210277>

- Liu, Y., Zub, A. T. (2021). Kitayskaya filosofiya v mezhlichnostnykh otnosheniyakh [Chinese philosophy in interpersonal relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2, 149–165 (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-149-165>
- Molodykh, V. I. Leont'eva, T. I. (2017). Verifikatsiya obmana / lzhi v sovremennom kitayskom yazyke i khudozhestvennom diskurse [Deceit / lie verification in modern Chinese language and artistic discourse]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 6, 3 (20), 69–73. (In Russ.).
- Prosekov, S. A. (2020). «Litso» kitaytsa: sodержanie ponyatiya [The “face” of a Chinaman: The content of the concept]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill], 3, 191–201. (In Russ.).
- Speshnev, N. A. (2011). *Kitaytsy. Osobennosti natsional'noy psikhologii* [The Chinese. Features of national psychology]. St Petersburg : KARO Press. (In Russ.).
- Selezneva, N. V. (2021 a). Kitayskaya kontseptsiya «litsa» skvoz' prizmu frazeologii [Chinese concept of “face” in phraseology]. *Yazyki i kul'tury stran Azii i Afriki* [Languages and cultures of Asian and African countries] (pp. 186–187). Moscow : Moscow State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Selezneva, N. V. (2021 b). K voprosu o verbalizatsii ponyatiya «litso» v kitayskom yazyke [About verbalization of face-concept in the Chinese language]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v neyazykovom vuze* [Actual problems of linguistics and linguodidactics in a non-linguistic university] (pp. 185–189). Moscow : Bauman university Press. (In Russ.).
- Tolstoguzova, E. V., Medvedeva, N. B. (2021). Rol' sistemy delovykh svyazey «guan'si» (guānxi) i kontseptsii litsa «myan'tszy» (miànzi) v kitayskoy biznes-kul'ture [The role of the system of relationship of guanxi (关系) and the concept of face mianzi (面子) in Chinese business culture]. *Kartina mira v sistemno-strukturnom i antropotsentricheskom aspektakh: poiski obshchikh zakonernostey* [The picture of the world in system-structural and anthropocentric aspects: the search for common patterns] (pp. 71–76). Birobidzhan : Sholom-Aleichem Priamursky State University Press. (In Russ.).
- Chaynikov, Y. V. (2015). 2015.02.035. Speshnev N. A. Kitaytsy: osobennosti natsional'noy psikhologii. – SPb. : Karo, 2014. – 336 s. [2015.02.035. Speshnev N. A. The Chinese: features of national psychology. – St Petersburg : Karo, 2014. – 336 p.]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies], 2, 203–211. (In Russ.).
- Yuy, F. (2018). *Ustoychivye sravneniya, kharakterizuyushchie litso cheloveka, v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone kitayskogo yazyka)* [Stable comparisons characterizing a person's face in the Russian language picture of the world (Against the background of the Chinese language)]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Huang, G. (1988). Rénqíng yǔ miànzi: Zhōngguó rén de quánlì yóuxì (zhōngguó rén de xīnlǐ) / Táiběi Jùliú túshū gōngsī [Renqing and Mianzi: Chinese Power Games (Chinese Psychology). Taipei : Juliu Press]. (In Chinese).
- Chen, Zh. (1988). Miànzi xīnlǐ de lìlùn yú shíjì yánjiū (zhōngguó rén de xīnlǐ) / Táiběi : Guìguān túshū gǔfèn yǒuxiàn gōngsī. 1988 nián. 155–237 yè. [Theory and practice of the study of psychology “mianzi” (Chinese Psychology). Taipei : Guiguan Press]. (In Chinese).
- Li, J. (2000). Zhōngguó guān dé / Sīchuān rénmin chūbǎnshè. 2000 nián. [Official morality in China. Chengdu : Sichuan Press]. (In Chinese).

Сыскина Анна Александровна✉, Айкина Татьяна Юрьевна
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
г. Томск, Российская Федерация
saa@tpu.ru

Особенности использования слов-связок в современном американском варианте английского языка для академических целей (на материале COCA)

Аннотация

Данная статья посвящена одному из важнейших аспектов организации письменной речи на английском языке – функционированию слов-связок в контексте академического письма. Вопрос об использовании вводных слов для логического построения высказываний приобретает особое значение на уровнях B1, B2, C1 и C2 согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Целью статьи является изучение данной проблемы в синхроническом аспекте с позиции стандарта современного английского языка. В исследовании применён метод корпусной лингвистики с использованием Корпуса современного американского английского (COCA). Методом сплошной выборки были выделены слова-связки из списка наиболее употребительных слов, далее при помощи лингвостатистического метода был проведён анализ данных единиц. В результате с опорой на критерии общей частотности и распространённости в различных областях знаний был актуализирован список слов-связок, свойственных современному американскому варианту английского языка и являющихся отличительной чертой современного английского языка для академических целей. Кроме того, были выявлены различия в использовании слов-связок в различных областях знаний.

Ключевые слова: американский английский (AmE), стандарт английского языка, корпусная лингвистика, слова-связки, критерий общей частотности, критерий распространённости в различных областях знаний

© Сыскина А. А., Айкина Т. Ю. 2023

Для цитирования: Сыскина А. А., Айкина Т. Ю. Особенности использования слов-связок в современном американском варианте английского языка для академических целей (на материале COCA) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 152–163. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_152

Anna A. Syskina✉, Tatiana Yu. Aikina
Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russian Federation
saa@tpu.ru

Functioning patterns of linking words in modern American English for academic purposes (Based on COCA)

Abstract

This article considers one of the most important aspects of English written speech arrangement – the functioning of linking words in academic writing. The issue of the linking words functioning patterns for the logical construction of utterances is of special significance at levels B1, B2, C1 and C2 according to the Common European Framework of Reference (CEFR). The paper aims to study the issue synchronically from the

perspective of the modern American English standard. We use the corpus linguistics method exploiting the Corpus of Contemporary American English (COCA) as the source of the material. Continuous sampling method was used to select linking words from the list of the most commonly used words, then using linguostatistical method, the analysis of these units was performed. The obtained results enabled to update the list of linking words characteristic for modern American English academic style based on the criteria of general and domain frequency of occurrence. The differences in the use of linking words in various fields were also found.

Keywords: American English (AmE), standard for English, corpus linguistics, linking words, general frequency rate, domain frequency rate

© Syskina A. A., Aikina T. Yu. 2023

For citation: Syskina, A. A., Aikina, T. Yu. (2023). Osobennosti ispol'zovaniya slov-svyazok v sovremennom amerikanskom variante angliyskogo yazyka dlya akademicheskikh tseley (na materiale COCA) [Functioning patterns of linking words in modern American English for academic purposes (Based on COCA)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 152–163. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_152

1. Введение [Introduction]

Грамотная речь должна быть правильной не только с точки зрения лексики и грамматики, но и с точки зрения логики. Чем логичнее человек говорит и пишет, тем больше шансов быть лучше и быстрее понятым собеседником, поэтому при построении устного или письменного высказывания мы зачастую прибегаем к различным вводным словам и сложно-подчинительным союзам, или же словам-связкам, чтобы последовательно выражать свои мысли и логически строить повествование. Этот аспект называют прагматическим: «знание определённых правил, помогающих структурировать высказывание» (на материале французского языка) [Борисенко, 2019, с. 126]. Указанная компетенция является базовой в процессе изучения любого языка, но приобретает особое значение на уровнях B1, B2, C1 и C2 согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Данный документ используется для создания национальных систем оценки языковой компетенции.

Для английского языка для академических целей характерен научный стиль изложения информации, что проявляется на лексическом уровне в использовании специальной терминологии, преимущественном использовании существительных, отсутствии эмоционально-окрашенной лексики и сокращений, а на синтаксическом уровне – в построении сложных предложений и длинных абзацев. Научному стилю присущи точность, строгая логичность, чёткость изложения.

Научное сообщество по определению Д. Свейлза – группа, объединённая общими целями и задачами и использующая коммуникацию для достижения этих целей и задач [Swales, 1988]. Цели научного сообщества, по его мнению, полностью формируют жанр. Кен Хыланд развивает идею Д. Свейлза о том, что «в социальных группах люди приобретают, используют и модифицируют жанры, и это помогает объяснить, как мы учимся становиться членами научных сообществ» [Hyland, 2006, p. 50]. Таким образом, знания характерных особенностей текста, таких как времена, связность, модальность и т. д., а также способы структурирования этих текстов, служат для понимания и удовлетворения коммуникативных потребностей учащихся.

Ранее зарубежные исследователи отмечали различное жанровое оформление введений в научных статьях, построенных на эксперименте, по общественным наукам [Crookes, 1986], различия при построении статей по программной инженерии (на мате-

риале 12 лучших статей в данной области) [Anthony, 1999]. Авторы приходят к заключению, что при общем следовании требованиям написания введения, отсутствовали некоторые ключевые элементы, например, развёрнутый литературный обзор, наличие терминов и примеров, оценка исследования с позиции применения и новизны исследования.

Параллельно исследователи занимаются изучением авторов статей как представителей научного сообщества. Так, на материале публикаций в научных и научно-популярных журналах выявлено, что, во-первых, авторы статей прибегают к различным языковым средствам для выражения эпистемической модальности, во-вторых, авторы в научных журналах очень осторожны в своих выводах, в то время как в научно-популярных журналах они очень критичны в суждениях и категоричны в оценках [Fahnestock, 1986]. Это объясняется тем, что научные факты рождаются в процессе написания, осмысления, редактирования, критического анализа и популяризации научной публикации [Myers, 1990]. Были изучены и различные способы эпистемической модальности путём сравнения академических и научно-популярных статей, академических статей и учебников по различным дисциплинам [Dudley-Evans, 2000]. Как оказалось, авторы учебников выражают большую степень уверенности в своих трудах.

На материале корпуса текстов, состоящего из 80 исследовательских статей и интервью с экспертами рассматривались различные способы цитирования в научных статьях [Nyland, 1999]. Выяснилось, что, в зависимости от области науки, по-разному оформляется и подтверждается авторство идей. Авторы статей по гуманитарным и социальным наукам чаще прибегают к цитированию, в отличие от учёных и инженеров, и используют глаголы, которые подтверждают изложенную информацию.

Особенностям аргументирования в устной и письменной речи уделено немало внимания. Исследовались языковые средства описания аргументативности [Ощепкова, 2011], теория концептуальной интеграции была применена к анализу когнитивных процедур прочтения адресатом языковой аргументации [Бареева, 2012], разрабатывались структурные особенности аргументированного письменного высказывания во французском языке [Борисенко, 2019], анализировался текст научной монографии с позиции «специфики объективации в ней категории согласия / несогласия» [Геляева, Макитова, 2020].

В фокус методических исследований, посвящённых академическому дискурсу, попадали стратегии аргументирования в устном и письменном высказываниях в процессе обучения французскому языку [Баранова, 2012 ; Ефимова, Метелькова, 2015], обучения языку для специальных целей [Борисенко, 2018]; многим ранее была предложена целая методика проведения иноязычной дискуссии на старших курсах языкового факультета [Шантарин, Гурвич, 1973].

Слова-связки не раз становились предметом отдельного исследования на материале разных языков. Так, было произведено сравнение использования связок монолингвами (французский и итальянский) и билингвами, владеющими обоими языками [Natale, 2013], изучалась синтаксическая структура монологических высказываний в четырёх языках (английский, французский, иврит и испанский) среди студентов-выпускников вузов [Nir, Berman, 2010], анализировалось использование слов-связок среди носителей китайского языка и иностранцев, изучающих данный язык [Li, 2009], использование слов-связок в устных высказываниях носителей китайского и английского языков [Dongtao, 2021], фонетические особенности слов-связок в обычной функции и в роли слов-паразитов [Ли, Андросова, 2019]. Данная проблема рассматривалась и в диахроническом аспекте на материале древнекитайского и современного китайского языка [Wei, 2005].

Авторов настоящей статьи проблема слов-связок интересует в синхроническом аспекте с позиции стандарта современного английского языка: нормы изменяются с течением времени, и то, что было идиоматически верным 10–20 лет назад, сейчас уже может оказаться устаревшим. Из вышесказанного вытекает цель настоящей статьи –

исследовать вопрос актуализации слов-связок в современном американском варианте английского языка (AmE) для академических целей. Кроме того, нас интересует вопрос о том, насколько актуальным остаётся требование использования слов-связок в академических текстах различной направленности. В связи с данной целью предусматривается решение ряда задач:

- 1) определение критериев выборки объектов исследования;
- 2) отбор слов-связок по критериям;
- 3) исследование слов-связок методами корпусной лингвистики (на основе корпуса AmE);
- 4) выделение слов-связок, характерных для академического стиля речи;
- 5) выяснение их частотности и особенностей употребления в речи;
- 6) распределение их частотности по областям знаний.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Materials and methods]

Влияние американского варианта английского языка на британский очевидно «на фоне интенсивных общественных и языковых процессов, связанных с появлением США на мировой арене в качестве экономической, политической и культурной державы и приобретением английским языком статуса доминирующей разновидности английского языка» [Ларцева, 2012]. Кроме того, доказано, что «современное развитие английского языка с его несомненным креном в сторону AmE определяет становление AmE стандартом английского языка» [Сыскина и др., 2022, с. 64]. Именно по этой причине для исследования был выбран AmE.

Сегодня во многих странах собраны корпуса текстов национальных языков; наиболее популярные из них – это Национальный корпус русского языка, Британский национальный корпус, Американский национальный корпус. Данные корпуса являются коллекцией устных и письменных текстов различных жанров, стилей и находят своё применение для решения различных лингвистических задач. В данной работе был применён метод корпусной лингвистики и использован Corpus of Contemporary American English (COCA) [English-Corpora, 2022], который представляет собой корпус из более чем 1 миллиарда слов AmE различных жанров, собранных в период с 1990-х по 2020-ые годы (по более чем 25 миллионов слов каждый год). Ранее данный корпус носил название BYU Corpora по месту его создания – Университета Бригама Янга (Brigham Young University). Жанровое многообразие представлено разговорным английским, художественной литературой, популярными журналами, газетами, академическими текстами и с марта 2020 – субтитрами к телевизионным программам и фильмам, блогами и другими Интернет-страницами.

Общеизвестно, что в устной и письменной речи мы зачастую соединяем краткие главные предложения в более длинное при помощи наиболее частотных слов-связок: *and* (для добавления информации), *but* (для противопоставления), *or* (для выражения альтернативы). Данная техника соединения не вызывает сложностей у изучающих английский язык. Проблемы возникают при соединении главных и придаточных частей предложения. Придаточная часть чаще всего следует за главной, но порядок может быть изменён, если необходимо подчеркнуть информацию из придаточного, и в этом случае зачастую ставится запятая перед главной частью и используются слова-связки.

Для проведения исследования методом сплошной выборки были выделены слова-связки из списка наиболее употребительных слов, состоящего из более чем 20000 единиц, и при помощи лингвостатистического метода, целью которого является установление количественных изменений, вызывающих качественные преобразования раз-

личных явлений языка и речи, проведён анализ отобранных единиц. Список был составлен на основе 120 млн. слов из COCA Academic [Academic Vocabulary Lists, 2022]. Все тексты из академического корпуса были опубликованы на территории США и являются образцами письменной речи [Gardner, Davies, 2013]. Слова из этого списка были разделены авторами корпуса на 3 категории:

- Основной академический (3000 единиц). Чтобы быть отнесённым к этой категории, слово должно соответствовать ряду условий:

- 1) встречаться на 50% чаще в текстах английского языка для академических целей на 1 млн. слов (т. е. иметь коэффициент 1,5 и выше);

- 2) быть представлено во всех 9 областях английского для академических целей (образование; гуманитарные науки; история; науки об обществе; философия, религия и психология; право и политика; наука и технология; медицина и здоровье; бизнес и финансы);

- 3) иметь по крайней мере 20% от ожидаемой частотности в 7 из 9 областей;

- 4) не должно встречаться в 3 раза чаще в одной из вышеперечисленных областей английского.

- Технический / отнесённый к одной из областей английского для академических целей (8000 слов). Слова из этой категории встречаются в 3 раза чаще в одной из областей по сравнению с другими.

- Основной (9000 слов): единицы, которые не могут быть отнесены к академическому языку по смыслу, но которые входят в 20000 наиболее частотных слов.

Далее слова объединены в группы по 500 слов в каждой.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Все слова-связки нами были разделены на группы по смысловому признаку:

- Adding words (для добавления аргументов в защиту своей точки зрения);
- Contrasting words (для представления противоположной точки зрения);
- Cause words (для выражения причинных связей);
- Effect words (для выражения следственных связей);
- Condition words (для выражения условия);
- Time words (для выражения временных отношений);
- Sequence words (для последовательной аргументации своего мнения).

В таблице 1 слова-связки представлены тематически в порядке убывания их частотности. Слова, отнесённые к английскому языку для академических целей, выделены серым. Показатель «PoS» демонстрирует, к какой части речи относится данное слово (**noun** (существительное), **verb** (глагол), **adjective** (прилагательное), **adverb** (наречие), **determiner** (определяющее слово), **conjunction** (союз), **preposition** (предлог), **numeral** (числительное). Все слова-связки из английского языка для академических целей относятся к наречиям.

Как видно из таблицы 1, коэффициент частотности слов (лемм) из английского языка для специальных целей колеблется в диапазоне от 1,62 до 2,83 при минимальном 1,5, необходимом для отнесения данного слова в группу академического английского. Четыре леммы также имеют коэффициент в необходимом диапазоне, но не были включены в список наиболее частотных слов из английского языка для академических целей (although (1,76), whereas (2,5), whilst (1,55), such (1,56)), поскольку относятся к служебным словам. Данные слова служат для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений и практически не несут смысловую нагрузку. Они включают определяющие слова (determiners), союзы

(conjunctions), предлоги (prepositions), местоимения (pronouns), вспомогательные глаголы (auxiliary verbs), модальные глаголы (modals), определители (qualifiers) и вопросительные слова (question words).

Т а б л и ц а 1. Частотность слов-связок
[T a b l e 1. Linking word frequency]

	Номер (ID)	Группа (band)	Слово (word)	Часть речи (Pos)	COCA (COCA-All)	COCA акад (COCA-Acad)	Коэффициент частотности (ratio)	Распространение (disp)	Области (range)
Adding words	4	1	and	c	11654440	3291949	0,99	0,96	9
	17	1	or	c	1488977	508533	1,2	0,96	9
	45	1	also	r	504559	192668	1,34	0,96	9
	184	1	both	d	157482	57485	1,28	0,96	9
	237	1	too	r	303970	46326	0,53	0,96	9
	547	2	either	r	72215	24012	1,16	0,95	9
	1051	3	moreover	r	17171	12762	2,6	0,95	9
	1428	3	similarly	r	13104	8941	2,39	0,95	8
	1437	3	furthermore	r	11030	8899	2,83	0,94	8
	1546	4	neither	r	21470	8217	1,34	0,94	9
	4511	10	besides	r	11389	1886	0,58	0,95	9
	6042	13	alternatively	r	1543	1180	2,68	0,92	9
Contrasting words	26	1	but	c	1933747	343724	0,62	0,96	9
	109	1	however	r	151837	90906	2,1	0,95	8
	114	1	while	c	254311	84915	1,17	0,96	9
	182	1	although	c	115282	57943	1,76	0,95	8
	272	1	yet	r	146786	40751	0,97	0,95	9
	346	1	though	c	165349	35265	0,75	0,96	9
	652	2	despite	i	55875	20432	1,28	0,95	9
	1323	3	whereas	c	13714	9774	2,5	0,94	8
	1587	4	nevertheless	r	13968	7989	2	0,94	8
	2290	5	nonetheless	r	9785	5049	1,81	0,94	9
15600	32	whilst	c	477	211	1,55	0,89	8	
Cause words	10	1	for	i	3564803	1014762	1	0,96	9
	23	1	as	i	895158	373925	1,46	0,96	9
	92	1	because	c	476691	99129	0,73	0,96	9
	253	1	since	c	152783	43548	1	0,96	9

Продолжение таблицы 1

	Номер (ID)	Группа (band)	Слово (word)	Часть речи (Pos)	COCA (COCA-All)	COCA акад (COCA-Acad)	Коэффициент частотности (ratio)	Распространение (disp)	Области (range)
Effect words	78	1	so	r	837971	115655	0,48	0,96	9
	94	1	such	d	221361	98532	1,56	0,95	9
	237	1	too	r	303970	46326	0,53	0,96	9
	238	1	thus	r	60363	46287	2,69	0,95	8
	508	2	therefore	r	38371	25808	2,36	0,95	8
	697	2	enough	r	115134	18910	0,58	0,93	9
	1846	4	hence	r	9036	6745	2,61	0,94	8
	2189	5	consequently	r	6862	5366	2,74	0,94	8
	3283	7	accordingly	r	4556	3039	2,34	0,95	9
	5178	11	thereafter	r	3307	1529	1,62	0,94	9
Condition words	46	1	if	c	1011861	189474	0,66	0,96	9
	1719	4	unless	c	30050	7300	0,85	0,95	9
Time words	57	1	when	c	736305	148571	0,71	0,96	9
	114	1	while	c	254311	84915	1,17	0,96	9
	116	1	during	i	205544	83964	1,43	0,94	9
	137	1	after	i	339185	72276	0,75	0,96	9
	487	1	once	r	136714	27024	0,69	0,96	9
	532	2	until	c	155160	24742	0,56	0,95	9
	822	2	before	c	116410	16450	0,49	0,95	9
	3093	7	whenever	r	15672	3332	0,74	0,96	9
	8475	17	afterwards	r	4322	670	0,54	0,94	8
	12228	25	beforehand	r	1448	343	0,83	0,92	9
Sequence words	71	1	first	m	502030	123671	0,86	0,95	9
	98	1	then	r	589713	95413	0,57	0,95	9
	302	1	second	m	112893	38393	1,19	0,96	9
	427	1	next	m	192845	30162	0,55	0,94	9
	465	1	later	r	136908	28051	0,72	0,95	9
	562	2	third	m	72864	23513	1,13	0,96	9
	610	2	finally	r	88457	22081	0,87	0,96	9
	1197	3	eventually	r	37413	11181	1,05	0,94	9
	8071	17	secondly	r	3242	732	0,79	0,93	8
	8792	18	lastly	r	1095	625	2	0,91	8

Окончание таблицы 1

	Номер (ID)	Группа (band)	Слово (word)	Часть речи (Pos)	COCA (COCA-All)	COCA акад (COCA-Acad)	Коэффициент частотности (ratio)	Распространение (disp)	Области (range)
Sequence words	16862	34	firstly	r	363	181	1,75	0,89	8
	17999	36	thirdly	r	407	157	1,35	0,9	8
	19935	40	secondarily	r	205	126	2,15	0,89	8

Если говорить о таком показателе, как области использования в английском языке для академических целей, то слово должно употребляться при показателе 20% от ожидаемой частотности по крайней мере в 7 из 9 областей. В данной таблице можно наблюдать, что все слова употребляются в 8–9 областях.

Показатель «распространение» сигнализирует о том, насколько равномерно слово распространено в корпусе. Показатель варьирует от 0,01 (слово встречается лишь в очень маленькой части корпуса) до 1,00 (равномерное распространение во всём корпусе). Показатель для групп слов из английского языка для академических целей колеблется в диапазоне от 0,89 до 0,95, при этом лишь у двух слов – *firstly* и *secondarily* – он соответствует 0,89, как и у слова «whilst», которое отнесено к служебным словам.

Таблица 2 демонстрирует частотность слов-связок по сферам деятельности (история – HIS, образование – EDU, науки об обществе – SOC, право и политика – LAW, HUM – гуманитарные науки, философия – PHIL, наука и технологии – SCI, медицина и здоровье – MED, бизнес и финансы – BUS). Цифра без скобок представляет частотность слов-связок в различных областях английского языка для академических целей, под ней цифра в круглых скобках со знаком процентов представляет относительную частотность в сравнении с ожидаемой, которая зависит от объёма корпуса в данной области. Жирным шрифтом выделены показатели лемм, которые наиболее частотны в данной области. В предпоследней строке дана сумма показателей частотности. В последней строке показана относительная частотность (ОЧ).

Т а б л и ц а 2. Частотность слов-связок по сферам деятельности
[Table 2. Domain frequency of linking words]

id	word	HIS	EDU	SOC	LAW	HUM	PHIL	SCI	MED	BUS
1	moreover	2444 (1,61%)	837 (0,97%)	2155 (1,21%)	1902 (1,46%)	1386 (1,19%)	1231 (0,91%)	1949 (0,81%)	526 (0,51%)	332 (0,25%)
2	similarly	1113 (1,05%)	852 (1,41%)	1753 (1,41%)	1114 (1,22%)	1030 (1,27%)	896 (0,94%)	1500 (0,89%)	515 (0,72%)	168 (0,18%)
3	furthermore	1121 (1,06%)	965 (1,60%)	2085 (1,68%)	905 (1,00%)	777 (0,96%)	817 (0,86%)	1390 (0,82%)	751 (1,05%)	88 (0,09%)
4	alternatively	80 (0,57%)	102 (1,28%)	239 (1,45%)	124 (1,03%)	94 (0,87%)	95 (0,76%)	343 (1,53%)	76 (0,80%)	27 (0,22%)
5	however	12671 (1,17%)	7368 (1,20%)	16081 (1,27%)	10333 (1,12%)	8617 (1,04%)	8748 (0,90%)	18058 (1,05%)	7294 (1%)	1736 (0,18%)
6	nevertheless	1542 (1,62%)	432 (0,80%)	1106 (0,99%)	1018 (1,25%)	1218 (1,67%)	974 (1,14%)	1202 (0,79%)	348 (0,54%)	149 (0,18%)
7	nonetheless	861 (1,43%)	201 (0,59%)	829 (1,18%)	790 (1,54%)	688 (1,5%)	668 (1,24%)	682 (0,71%)	177 (0,44%)	153 (0,29%)
8	thus	6547 (1,19%)	3428 (1,09%)	8760 (1,36%)	5703 (1,21%)	6324 (1,5%)	5292 (1,07%)	7294 (0,83%)	2393 (0,65%)	546 (0,11%)

Окончание таблицы 2

id	word	HIS	EDU	SOC	LAW	HUM	PHIL	SCI	MED	BUS
9	therefore	3044 (0,99%)	2575 (1,47%)	4725 (1,31%)	2944 (1,12%)	2499 (1,06%)	3069 (1,12%)	4332 (0,89%)	2354 (1,14%)	266 (0,10%)
10	hence	897 (1,12%)	357 (0,78%)	1194 (1,27%)	875 (1,27%)	843 (1,37%)	970 (1,35%)	1180 (0,92%)	350 (0,65%)	79 (0,11%)
11	consequently	777 (1,22%)	618 (1,70%)	1187 (1,59%)	478 (0,87%)	536 (1,1%)	524 (0,92%)	892 (0,88%)	323 (0,75%)	31 (0,06%)
12	accordingly	435 (1,2%)	260 (1,26%)	491 (1,16%)	498 (1,61%)	272 (0,98%)	340 (1,05%)	469 (0,81%)	178 (0,73%)	96 (0,30%)
13	thereafter	303 (1,66%)	62 (0,60%)	209 (0,98%)	177 (1,14%)	145 (1,04%)	134 (0,82%)	298 (1,03%)	141 (1,15%)	60 (0,37%)
14	lastly	70 (0,94%)	81 (1,91%)	196 (2,25%)	66 (1,04%)	44 (0,77%)	60 (0,90%)	76 (0,64%)	24 (0,48%)	8 (0,12%)
15	firstly	30 (1,39%)	27 (2,20%)	35 (1,39%)	10 (0,54%)	18 (1,09%)	29 (1,50%)	8 (0,23%)	24 (1,66%)	0 (0%)
16	secondarily	18 (1,2%)	7 (0,82%)	14 (0,8%)	13 (1,01%)	18 (1,57%)	19 (1,42%)	25 (1,05%)	12 (1,19%)	0 (0%)
Сумма		19,42	19,68	21,3	18,43	18,98	16,9	13,88	13,46	2,56
ОЧ		1,21375	1,23	1,33125	1,151875	1,18625	1,05625	0,8675	0,84125	0,16

Как видно из таблицы 2, наибольшей частотностью обладают слова-связки в текстах социальной направленности, наименьшей – в сфере бизнеса и финансов. Наиболее широко представленным в различных областях является слово *firstly*, оно наиболее частотно сразу в трёх сферах жизни: образование; философия, религия и психология; медицина и здоровье. Следом идёт *thereafter*, которое представлено в двух областях: история, бизнес и финансы. *Alternatively*, *nevertheless*, *accordingly*, *lastly* имеют по одной сфере преимущественного распространения. Остальные представлены в различных областях равномерно.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итоги исследования особенностей функционирования слов-связок в английском языке, можно сказать, что был актуализирован список слов-связок, свойственных современному AmE для академических целей. Этот список представлен рядом наречий, которые по критериям частотности и распространённости в различных областях знаний можно интерпретировать как показатели академического стиля. Среди частотных слов-связок, служащих для добавления аргументов в защиту своей точки зрения (adding words), можно выделить *moreover*, *similarly*, *furthermore*, *alternatively*. Среди связок для представления противоположной точки зрения (contrasting words) – *however*, *nevertheless*, *nonetheless*. Слова-связки для выражения следственных связей (effect words) представлены следующими единицами: *thus*, *therefore*, *hence*, *consequently*, *accordingly*, *thereafter*. В последней группе слов для последовательной аргументации своего мнения (sequence words) можно выделить *lastly*, *firstly*, *secondarily*. На письме все они чаще всего стоят в начале предложения и отделяются запятой. Этот список является базовым для изучающих английский язык, уровень которых ниже или чуть выше уровня B1 согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Служебные слова, используемые для выражения семантико-синтаксических отношений между словами, такие как *although*, *whereas*, *whilst*, *such* и т.д., являются «пререквизитом» для изучения слов-связок, свойственных для современного AmE для академических целей. Их

знание необходимо, но не является отличительной чертой языка для академических целей, поэтому корректное использование данных слов будет оцениваться как знание грамматического строя языка.

Наиболее распространёнными в различных областях являются слова *firstly* и *thereafter*. *Alternatively, nevertheless, accordingly, lastly* имеют по одной сфере преимущественного распространения. Остальные равномерно представлены в различных областях. Тексты социальной направленности отличаются обилием слов-связок; в сфере бизнеса и финансов ситуация обратная. Авторы статьи полагают, что в текстах, посвящённых бизнесу и финансам преимущественно используются другие способы построения связного текста: местоимения, параллельные конструкции, перечисления, эллиптические предложения, синонимизация ключевых слов и т. д. Подробное изучение аргументирования в различных жанрах составит перспективу настоящего исследования.

Библиографический список

- Баранова, 2012 – Баранова Е. А. Обучение порождению текста доказательного характера // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 211–214.
- Баребина, 2012 – Баребина Н. С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 5–12.
- Борисенко, 2018 – Борисенко М. К. Комплексный подход в преподавании языка специальности // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 3 (13). С. 21–30. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-3-21-30>
- Борисенко, 2019 – Борисенко М. К. Структурные особенности аргументированного письменного высказывания во французском языке // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 3. С. 126–134. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-3-126-134>
- Геляева, Макитова, 2020 – Геляева А. И., Макитова Т. Т. Особенности репрезентации категории согласия/несогласия в дискурсе научной монографии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 40–50. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-40-50>
- Ефимова, Метелькова, 2015 – Ефимова Е. О., Метелькова Л. А. Стратегия аргументирования в устном и письменном высказываниях на французском языке // Актуальные проблемы лингводидактики и методики обучения иностранным языкам : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева. 2015. С. 25–28.
- Ларцева, 2012 – Ларцева Е. В. Американский вариант английского языка и его влияние на британский в дискуссиях зарубежных лингвистов // Известия Уральского фед. ун-а. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 147–159.
- Ли, Андросова, 2019 – Ли И., Андросова С. В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 99–116. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116
- Ощепкова, 2011 – Ощепкова Н. А. Языковые средства описания аргументативности // Учёные записки Орловского гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 228–233.
- Сыскина и др., 2022 – Сыскина А. А., Колбышева Ю. В., Терре Д. А. Основы лексического своеобразие универсального английского (на материале корпусов BNC и ANC) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 57–66. <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9291>
- Шантарин, Гурвич, 1973 – Шантарин Е. В., Гурвич, П. Б. Методика проведения иноязычной дискуссии на старших курсах языкового факультета // Проблемы обучения иностранным языкам : сб. Владимир, 1973. № 7. С. 177–187.
- Academic Vocabulary Lists, 2022 – Academic Vocabulary Lists. 2022. URL : <https://www.academicvocabulary.info/> (дата обращения : 27.04.2022).
- Anthony, 1999 – Anthony L. Writing research articles introductions in software engineering: How accurate is a standard model? // IEEE Transactions on Professional Communication. 1999. № 42. P. 38–45.
- Crookes, 1986 – Crookes G. Towards a validated analysis of scientific text structure // Applied Linguistics. 1986. № 7. P. 57–70.

- Dongtao, 2021 – Dongtao Yu. A comparison between Chinese and English linkages in oral narratives // *Modern oriental studies*. 2021. № 3 (1). P. 22–36. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2021-22-36>
- Dudley-Evans, 2000 – Dudley-Evans T. Genre analysis: A key to a theory of ESP? // *Iberica*. 2000. № 2. P. 3–11.
- English-Corpora, 2022 – English-Corpora: COCA. 2022. URL : <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения : 27.04.2022).
- Fahnestock, 1986 – Fahnestock J. Accommodating science // *Written Communication*. 1986. № 3. P. 275–296. <https://doi.org/10.1177/0741088386003003001>
- Gardner, Davies, 2013 – Gardner D., Davies M. A New Academic Vocabulary List // *Applied Linguistics*. 2013. № 35 (3). P. 305–327. <https://doi.org/10.1093/applin/amt015>
- Hyland, 1999 – Hyland K. Academic attribution: citation and the construction of disciplinary knowledge // *Applied Linguistics*. 1999. № 20. P. 341–367.
- Hyland, 2006 – Hyland K. *English for academic purposes: An advanced resource book*. Routledge, 2006. 356 p.
- Li, 2009 – Li X. Do they tell stories differently?: Discourse marker use by Chinese native speakers and nonnative speakers // *Intercultural Communication Studies*. 2009. № 18 (2). P. 150–170.
- Myers, 1990 – Myers G. *Writing biology: Texts in the social construction of scientific knowledge*. Madison, Wisc : The University of Wisconsin Press, 1990. 260 p.
- Natale, 2013 – Natale S. Linkage in narratives: A comparison between monolingual speakers of French and Italian, and early and late French-Italian bilinguals // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2013. № 51 (2). P. 151–169.
- Nir, Berman, 2010 – Nir B., Berman R. Complex syntax as a window on contrastive rhetoric // *Journal of Pragmatics*. 2010. № 42 (3). P. 744–765.
- Swales, 1988 – Swales J. Discourse communities, genres and English as an international language // *World Englishes*. 1988. № 7 (2). P. 211–220.
- Wei, 2005 – Wei W. On extension of the word “ranhou” in modern spoken Chinese and its mechanism // *Chinese language learning*. № 4. P. 31–39.

References

- Baranova, E. A. (2012). Obuchenie porozhdeniyu teksta dokazatel'nogo kharaktera [Teaching to produce an argumentative text]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series : Linguistics and Intercultural Communication], 1, 211–214 (In Russ.).
- Barebina, N. S. (2012). Argumentativnyy dialog v aspekte teorii kontseptual'noy integratsii [Argumentative dialogue in the light of conceptual integration theory]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, 5–12 (In Russ.).
- Borisenko, M. K. (2018). Kompleksnyy podkhod v prepodavanii yazyka spetsial'nosti [Complex approach in teaching the language for special purposes]. *Vestnik RGGU. Ser. «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series], 3, 21–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-3-21-30>
- Borisenko, M. K. (2019). Strukturnye osobennosti argumentirovannogo pis'mennogo vyskazyvaniya vo frantsuzskom yazyke [Structural features of a reasoned written statement in French]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series], 3, 126–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-3-126-134>
- Gelyaeva, A. I. Makitova, T. T. (2020). Osobennosti reprezentatsii kategorii soglasiya/nesoglasiya v diskurse nauchnoy monografii [Representation features of the category agreement / disagree in the discourse of scientific monography]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1, 40–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-40-50>
- Efimova, E. O. Metel'kova, L. A. (2015). Strategiya argumentirovaniya v ustnom i pis'mennom vyskazyvaniyakh na frantsuzskom yazyke [The strategy of argumentation in oral and written utterances in French]. In N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva (Eds), *Aktual'nye problemy lingvodidaktiki*

- i metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Current issues of linguodidactics and methods of teaching foreign languages] (pp. 25–28). Cheboksary : Chuvash State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Lartseva, E. V. (2012). Amerikanskiy variant angliyskogo yazyka i ego vliyanie na britanskiy v diskussiyakh zarubezhnykh lingvistov [American English and its influence upon British English through the prism of foreign linguists' discussions]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 3 (105), 147–159. (In Russ.).
- Li, Y., Androsova, S. V. (2019). Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitayskogo yazyka) [Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (3), 99–116. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116
- Oshchepkova, N. A. (2011). Yazykovye sredstva opisaniya argumentativnosti [Argumentative language usage]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Orel State University. Humanities and Social Sciences], 6, 228–233. (In Russ.).
- Syskina, A. A., Kolbysheva, Yu. V., Terre, D.A. (2022). Osnovy leksicheskogo svoebraziya universal'nogo angliyskogo (na materiale korpusov BNC i ANC) [Lexical features of universal English (Based on the BNC and ANC)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2, 57–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9291>
- Shantarin, E. V. Gurvich, P. B. (1973). Metodika provedeniya inoyazychnoy diskussii na starshikh kursakh yazykovogo fakul'teta [Methods of conducting a foreign language discussion at the senior courses of the language faculty]. *Problemy obucheniya inostrannym yazykam* [Problems of teaching foreign languages] (Vol. VII, pp. 177–187). Vladimir. (In Russ.).
- Academic Vocabulary Lists. (2022). Retrieved April 27, 2022 from <<https://www.academicvocabulary.info/>>.
- Anthony, L. (1999). Writing research articles introductions in software engineering: how accurate is a standard model? *IEEE Transactions on Professional Communication*, 42, 38–45.
- Crookes, G. (1986). Towards a validated analysis of scientific text structure. *Applied Linguistics*, 7, 57–70.
- Dongtao, Yu. (2021). A comparison between Chinese and English linkages in oral narratives. *Modern Oriental Studies*, 3 (1), 22–36. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2021-22-36>
- Dudley-Evans, T. (2000). Genre analysis: a key to a theory of ESP? *Iberica*, 2, 3–11.
- English-Corpora: COCA. (2022). Retrieved April 27, 2022 from <<https://www.english-corpora.org/coca/>>.
- Fahnestock, J. (1986). Accommodating science. *Written Communication*, 3, 275–296. <https://doi.org/10.1177/0741088386003003001>
- Gardner, D. Davies, M. (2013). A new academic vocabulary list. *Applied Linguistics*, 35 (3), 305–327. <https://doi.org/10.1093/applin/amt015>
- Hyland, K. (1999). Academic attribution: citation and the construction of disciplinary knowledge. *Applied Linguistics*, 20, 341–367.
- Hyland, K. (2006). *English for academic purposes: An advanced resource book*. Routledge.
- Li, X. (2009). Do they tell stories differently?: discourse marker use by chinese native speakers and nonnative speakers. *Intercultural Communication Studies*, 18 (2), 150–170.
- Myers, G. (1990). *Writing biology: texts in the social construction of scientific knowledge*. Madison, Wisconsin : The University of Wisconsin Press.
- Natale, S. (2013). Linkage in narratives: A comparison between monolingual speakers of French and Italian, and early and late French-Italian bilinguals. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 51 (2), 151–169.
- Nir, B. Berman, R. (2010). Complex syntax as a window on contrastive rhetoric. *Journal of Pragmatics*, 42 (3), 744–765.
- Swales, J. (1988). Discourse communities, genres and English as an international language. *World Englishes*, 7 (2), 211–220.
- Wei, W. (2005). On extension of the word “ranhou” in modern spoken Chinese and its mechanism. *Chinese Language Learning*, 4, 31–39.

Чердниченко Олеся Александровна✉, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
olesya7965@bk.ru

Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров

Аннотация

На протяжении более чем вековой истории исследований китайского языка лингвисты всё больше углублялись в грамматические свойства (синтаксические функции) служебных слов. Между тем, высока востребованность изучить их поведение и частотность в различных контекстах и жанрах. В данной статье рассматриваются два служебных слова современного китайского языка – 因为 yīnwèi 'из-за, из-за того, что' и 由于 yóuyú 'из-за, из-за того, что', – обозначающие причинные отношения. Целью настоящей статьи было выявить особенности поведения этих служебных слов в разных функциях и определить частотность омонимов «предлог / союз» в различных контекстах и речевых образцах разных жанров. В ходе исследования были применены следующие методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный анализ (семантико-синтаксического контекста), описательная статистика. Для указанных служебных слов определялась частотность в публицистических текстах, текстах художественной литературы и в спонтанной речи. Всего было исследовано по 900 реализаций каждого из двух служебных слов. В результате выявлено, что частота встречаемости данных служебных слов напрямую зависела от жанра. Оба слова в публицистических текстах встретились схожее количество раз, в художественной литературе соотношение было 78% к 22% соответственно, в спонтанной речи разрыв ещё больше увеличился – 97% к 3%. В большинстве контекстов слово 由于 употреблялось как омофон-предлог, а слово 因为 – как омофон-союз.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, служебные слова, частотность, особенности функционирования, омоним, предлог, союз

© Чердниченко О. А., Андросова С. В. 2023

Для цитирования: Чердниченко О. А., Андросова С. В. Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 164–175. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_164

Olesya A. Cherednichenko✉, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
olesya7965@bk.ru

Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres

Abstract

For more than a century of the Chinese language research history, linguists have been scrutinizing grammatical properties (syntactic patterns) of functional words. Meanwhile, there is a high demand to study their behavior and frequency of occurrence in various contexts and genres. This article examines two functional words of modern Chinese – 因为 yīnwèi 'because (of)' and 由于 yóuyú 'because (of)' – denoting causal relations. The aim was to identify their functioning patterns as conjunctions and homonymous prepositions in various contexts and to

determine the frequency of their occurrence in each function depending on a speech genre. During the study, descriptive and comparative methods were applied together with context analysis (based on semantic and stylistic features), descriptive statistics was also used. Among the genres, journalistic texts, fiction and spontaneous speech were chosen. The total of 900 contexts for each of the two words were analyzed. It was found that the frequency of occurrence of these functional words directly depended on the genre. Both words had similar number of occurrences in journalistic texts, however in fiction the ratio was 78% to 22% respectively, and in spontaneous speech the gap was even wider – 97% to 3%. In most cases, 由于 was used as the homophone-preposition while 因为 was used as the homophone-conjunction.

Keywords: the Chinese language, grammar, functional words, frequency, functioning patterns, homonym, preposition, conjunction

© Cherednichenko O. A., Androsova S. V. 2023

For citation: Cherednichenko, O. A., Androsova, S. V. (2023). Osobennosti funktsionirovaniya sluzhebnykh slov 因为, 由于 v tekstakh raznykh zhanrov [Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 164–175. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_164

1. Введение [Introduction]

Будучи языком изолирующего типа, китайский язык почти полностью лишён морфологии, поэтому основным средством выражения грамматических отношений, помимо порядка слов, являются служебные слова, значимость исследования которых сложно переоценить. О б ъ е к т о м настоящего исследования послужили служебные слова 因为 yīnwèi 'из-за', 'потому что' и 由于 yóuyú 'из-за', 'вследствие', 'благодаря'. Данные служебные слова играют важную роль в обеспечении связанности современного китайского текста. Синтаксическая функция 因为 и 由于 сосредоточена на выражении причины совершения того или иного действия.

Служебные слова 因为 yīnwèi /由于 yóuyú в предложении могут выражать логическую причинно-следственную связь, а также могут употребляться самостоятельно или в сочетании с другими словами, т. е. выполнять функцию предлога или союза. Такие функциональные особенности трудно воспринимаются теми, кто изучает китайский язык как иностранный.

Вопрос о частеречной принадлежности этих слов относится к разряду дискуссионных: и союзы, и предлоги; общая категория слов; предлоги с дополнительной союзной функцией. Рассмотрим теоретические основания для отнесения их к одной (или нескольким) из указанных категорий.

В настоящее время в научных кругах принято считать, что основная функция союзов соединительная, а предлогов – вводная. Предлоги и союзы являются двумя важными категориями служебных слов в современном китайском языке, и их границы в основном определяются грамматическими свойствами последующих элементов.

Высказывались разные точки зрения о разграничении предлогов и союзов: методологическая [Ма Ц., 1998], логическая [Цзинь, 1980; Лю, 1935] и синтаксическая [Ли Ц., 1958].

Самые ранние исследования частей речи в китайском языке восходят к грамматике Ма Цзянчжуна, первая редакция которой была издана в 1898 году. Именно он ввёл западные взгляд на грамматический анализ частей речи в китайском языке и подробно описал последующие компоненты и функции предлогов и союзов. По мнению автора, предлоги – это служебные слова, которые используются для связи между «полными словами» (знаменательными) [Ма Ц., 1998, с. 22]; союзы – это также служебные слова,

которые используются с целью соединения, противопоставления, а также для того, чтобы начать предложение (отсюда союзы классифицируются как соединительные, противительные, условные и начальные соответственно) [Ма Ц., 1998, с. 22].

Лю Фу, начиная с 1920 года, принимал попытки выстроить революционную базу для изучения китайской грамматики. В своём труде «Общая теория китайской грамматики» учёный разделил слова на пять категорий: предметные слова, модальные слова, указательно-определяющие слова, формальные и смысловые слова [Лю, 1935, с. 44]. Предложенная им классификация показывает, что предлоги и союзы относятся к так называемым 形式词 Xíngshì cí (формальным словам). С одной стороны видно, что предлоги и союзы имеют много общего, однако в этой классификации они функционально не различаются.

Начало современному изучению китайских предлогов и союзов положила «Новая национальная грамматика» Ли Цзиньси, которая впервые увидела свет в 1924 году. Она и установила современный подход к изучению китайской системы предлогов и союзов. Автор выделил девять разрядов частей речи, а предлоги и союзы отнёс к 关系词 Guānxì cí (служебным словам). По мнению учёного, служебные слова, это «слова, которые являются связующими коммуникативными элементами», используются в качестве соединителей, чтобы показать связь между словами и предложениями. Предлоги выступают «посредниками» между знаменательными словам (существительными или местоимениями и глаголами или прилагательными), чтобы выразить их время, место, способ действия и причинную связь. Союзы используются для соединения слов, выражений, предложений между собой, для выражения их взаимосвязанных отношений [Ли Ц., 1958, с. 11–12].

Чжан Чжигун считает, что общим для обоих служебных слов 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú является то, что независимо от того, используются ли они в качестве союза, или в качестве предлога, значение причины не меняется, разница заключается только в грамматической функции. Предлоги не могут использоваться отдельно, только в сочетании с существительным и местоимениями. [Чжан, 1953, с. 37]. Недаром часть китайских лингвистов считает, что границы между предлогами и союзами провести трудно, поэтому их лучше относить к общей категории слов [Дин и др., 1961 ; Чжу, 1952].

Имеется и другое мнение, согласно которому служебные слова 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú относятся к предлогам с дополнительной союзной функцией [Шатравка, 2009].

В приведённых точках зрения отсутствует важный, на наш взгляд, ракурс – рассмотрение служебных слов с точки зрения омонимии, характерной для изолирующего китайского языка.

В отечественном китаеведении проблема омонимии служебных слов в современном китайском языке поднималась В. И. Гореловым. В своей работе «Теоретическая грамматика китайского языка» писал: «Употребление слова в разных функциях в зависимости от его вхождения в то или иное синтаксическое образование в европейской лингвистической традиции обычно называют транспозицией» [Горелов, 1989, с. 26]. Он также отмечал, что возможно использование слова в функциях нескольких частей речи, если отсутствует заметное для носителя языка расхождение лексических значений.

Китайский язык считается одним из языков с самой развитой омонимией в мире. Омонимы составляют 10–16% лексического состава [Хаматова, 2006 ; Ван, 2017]. Это связано прежде всего со слоговым типом китайского языка. Ограниченное число слогов приводит к их высокой повторяемости, что является важнейшей причиной большого числа омонимов, когда при одинаковой фонетической форме (состав согласных и гласных, рифма, тон) слова имеют совершенно разные значения (см. табл. 1). Кроме того эволюция фонетики, эволюция дифференциаций значений слов, поглощение диалектов и иностранных слов – всё это, также можно отнести к причинам появления такого большого числа омонимов.

Т а б л и ц а 1. Количество лексических омонимов среди частей речи в китайском языке [Хаматова, 2006, с. 43].

[T a b l e 1. Number of lexical homonyms among parts of speech in Chinese]

Части речи	Количество омонимов		Всего
	Односложные	двусложные	
существительные	1323	1218	2541
глагол	1199	694	1885
прилагательные	223	182	405
наречие	62	48	110
счетное слово	104	14	118
числительные	19	6	25
местоимение	19	6	25
Предлог, союз	21	6	27
Итого:	2962	2174	5136

Китайские исследователи выделяют следующие виды омонимов: лексические (совпадающие по звучанию и написанию – полные омонимы), фонетические (совпадающие по звучанию, но не совпадающие по написанию – омофоны), графические (с одинаковым написанием, но различающиеся значением и звучанием – омографы). Кроме того, в китайском языке возможна ситуация, когда при схожей семантике, слова имеют два (или более) функциональных значения. Такие омонимы называются конверсионными [Ван, 2017], т. е. допускается возможность перехода слова из одной части речи в другую, при этом, не изменяющегося фонетически и морфологически.

В. И. Горелов также считает, что в китайском языке можно говорить о конверсионных омонимах с тем уточнением, что правильнее их считать употреблениями одного и того же слова в функциях нескольких частей речи так, чтобы это не нарушало тождества [Горелов, 1989, с. 27]. Между тем, такое уточнение не отражает отличие слова как словарной единицы в индоевропейских языках и слова как контекстного образования в китайском языке (подробнее об этом см., напр., [Ли И., 2022 ; Береза 2020]). А. А. Хаматова считает конверсию источником появления омонимов и определяет к конверсионным омонимам слова, которые возникли в результате словообразования [Хаматова, 2006, с. 127]. Представляется, что именно эта точка зрения в большей степени соответствует структурно-типологическим особенностям китайского языка.

Ц е л ь ю настоящей статьи было выявить особенности поведения служебных слов 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú в разных функциях и определить частотность омонимов «предлог / союз» в различных контекстах и речевых образцах разных жанров.

Наша гипотеза состояла в том, что частотность служебных слов 因为 yīnwèi / 由于 yóuyú – конверсионных омонимов «предлог/союз» – в разных функциях неодинакова. Мы также ожидали варьирование их частотности в зависимости от жанра.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для выявления особенностей поведения служебных слов 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú при выполнении ими разных функций, а также частоты встречаемости в разных

функциях было выбрано три жанра: художественная литература, публицистический текст и спонтанная речь. Источниками материала послужили 1) корпус Пекинского университета, 2) архив китайской спонтанной речи лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Амурского государственного университета.

Корпус языка и культуры Пекинского университета ВСС (BLCU Corpus Center, сокращённо – ВСС), представляет собой масштабный корпус, всесторонне отражающий состояние современного китайского языка. Его онлайн-система в настоящее время является самой большой и мощной системой онлайн-сервисов китайского языка в мире. ВСС на сегодняшний день оказывает важное влияние на китайское международное образование, преподавание языков, составление словарей и т. д. Для нас это необходимый инструмент для исследования китайских служебных слов.

Объём корпуса составляет 15 млрд иероглифов – первичных слов. Источники языкового материала разнообразны: газеты и новости – 2 млрд; художественная литература – 3 млрд, включая авторов 472 книг, значительную часть которых представляют не китайские писатели; статьи в блогах и сети Weibo – 3 млрд; научно-популярная литература – 3 млрд. Корпус включает неаннотированный материал, материал с сегментацией на слова с указанием их частеречной принадлежности, а также с синтаксической разметкой.

В архиве китайской устной спонтанной речи представлены речевые образцы шести молодых женщин и четырёх молодых мужчин, говорящих на путунхуа, без ярких диалектных проявлений. Общий объём материала устной спонтанной речи составил 58993 иероглифов. Тематика разговорная (о себе, семье, учёбе, развлечениях, хобби и т. п.). Поскольку количества примеров из архива лаборатории было недостаточно, дополнительно были взяты примеры из архива корпуса ВСС в разделе «对话» Duihua (*беседа, диалог*).

Для каждого из двух служебных слов из корпуса было отобрано по 300 примеров контекстов (предложений) в каждом из двух жанров (художественная литература и публицистика) – по 600 на слово. Общее количество примеров из корпуса составило 1200 контекстов. Из архива спонтанной речи на каждое слово было взято по 50 примеров (всего 100) и из корпуса ВСС по 250 примеров предложений (всего 500). Таким образом, общее количество примеров из обоих источников составило 1800 контекстов.

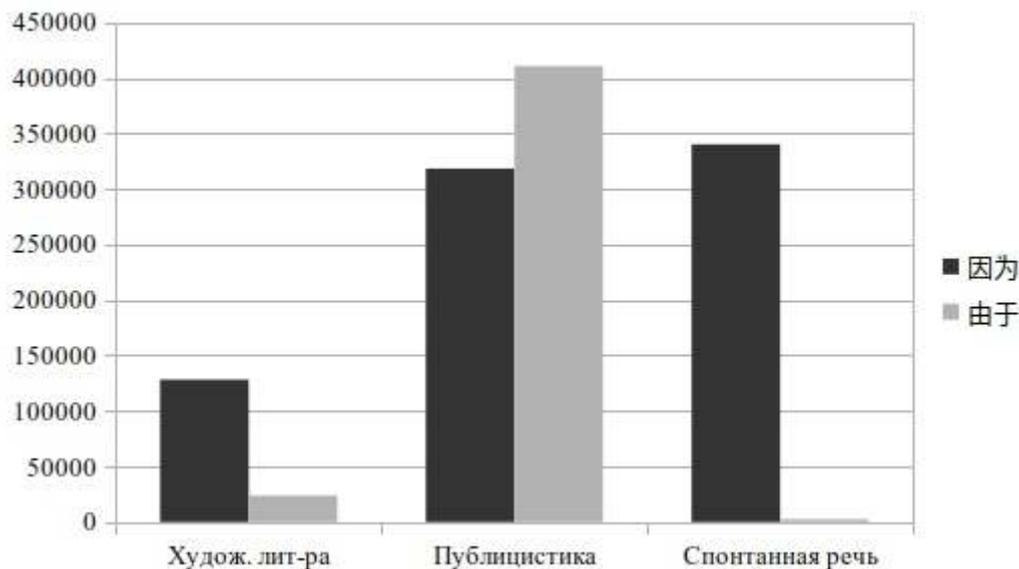
Примеры отбирались методом сплошной выборки. Для обработки найденных примеров использовались: описательный и сравнительно-сопоставительный методы, контекстный анализ (семантико-синтаксического контекста), и приёмы описательной статистики (простой количественный подсчёт, вычисление процентов).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе исследования было выявлено что, частота встречаемости данных служебных слов напрямую зависела от жанра. В публицистических текстах зафиксировано 318376 вхождений слова 因为 yīnwèi и 410789 вхождений слова 由于 yóuyú, в то время, как в художественной литературе соотношение было 128176 к 23617, а в спонтанной речи – 340243 к 2468 (соотношение по жанрам представлено на рис. 1). В публицистических текстах частотность обоих слов оказалась довольно схожей с небольшим преобладанием вхождений слова 由于 yóuyú, тогда как в художественной литературе и особенно спонтанной речи наблюдался резкий контраст между частотой встречаемости слов с абсолютным преобладанием вхождений слова 因为 yīnwèi (в 5 и 137 раз соответственно).

В квалифицированном большинстве случаев за словом 由于 yóuyú следовало существительное (460 из 900), однако в ненамного меньшем количестве примеров за ним следовало глагольное словосочетание или предложение (440 из 900), что составляет 51% и 49 % соответственно. За словом 因为 yīnwèi в большинстве случаев следовало глагольное словосочетание или предложение (540 из 900), в то время как в заметно

меньшем количестве случаев (360 из 900) за ним следовало существительное, что составляет 60 % и 40 % соответственно. Таким образом, 由于 уóuуú почти с одинаковой частотностью употреблялся и в предложной (немного чаще), и в союзной функциях, иными словами омофон-предлог и омофон-союз были схожи по частотности, тогда как 因为 уīnwèi чаще фигурировал как омофон-союз и реже – как омофон-предлог.

Р и с у н о к 1. Распределение вхождений слов 因为 и 由于 по трём жанрам [Figure 1. 因为 and 由于 distribution into three genres]

Приведём примеры предложений с омофоном-союзом и омофоном-предлогом.

Например:

(1) 工薪所得项目收入占个人所得税收入的比重，还由于东部地区所占权数较大而提高 – '*Из-за большого веса восточного региона, удельный вес статьи доходов по заработной плате в доходах по НДФЛ увеличился*'. В предложении 由于 функционирует в роли омофона-союза, так как после него идёт глагольное словосочетание «东部地区所占权数较大» (восточный регион имеет большой удельный вес) (ВСС, публицистический текст, газета 人民日报 Rénmín rìbào, 20.08.2021).

(2) 但是由于场地的问题，还是打的篮球比较少一些，通常就是踢足球，后来到了大学，爱好越来越少。 – '*Но из-за проблем с площадкой, я меньше играл в баскетбол, в основном играл в футбол, а позже, когда уже поступил в университет, моих увлечений становилось всё меньше*'. Здесь 由于 функционирует как предлог, поскольку за ним следует существительное «проблема» (архив спонтанной речи ЛЭФИ АмГУ, диктор-мужчина).

(3) 因为发展中国家如果不能正常出口，发达国家在这些地方的市场也就随之萎缩 – '*Если развивающиеся страны не будут нормально экспортировать (причина), соответственно сократятся и рынки развитых стран*' (следствие). Служебное слово 因为 функционирует в сложном предложении с причинно-следственными связями (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 1995).

(4) 但他不愿一试，因为他担心自己过于紧张，手会发抖，这样，他不但没有挽救自己的生命，而且还丧失了射箭能手的名声。 – '*Но он не хотел пробовать, из-за того, что беспокоился из-за собственного чрезвычайно напряжённого состояния, что у него будут трястись руки, так, что он не только не спасёт собственную жизнь, но и потеряет репутацию хорошего лучника*' (ВСС, художественный текст, Монтень / «Полное собрание сочинений Монтена», дата не указана). Служебное слово 因为 функционирует в роли омофона-союза, так как соединяет части сложного предложения.

(5) 来这工作呢我非常的高兴, **因为**在将来的远东地区我们会接触到一些石油或天然气的项目。 – 'Я очень рад работать здесь, **потому, что** в будущем мы соприкоснёмся с некоторыми газовыми и нефтяными проектами на Дальнем Востоке' (архив спонтанной речи лаборатории экспериментально-фонетических исследований АмГУ, диктор – мужчина). Служебное слово **因为** – омофон-союз, так как соединяет части сложного предложения.

Встречались такие предложения, когда служебные слова **因为/由于** обладали характеристиками как предлогов, так и союзов одновременно в одном контексте.

Схема таких предложений выглядит следующим образом: П – ХПС – С, где П – подлежащее, Х – исследуемые нами служебные слова, С – сказуемое. Процент таких предложений небольшой. Встречались в текстах художественной литературы 21 раз, в публицистической – 63, в спонтанной речи – 38.

Например:

(6) 这些事情以前**由于**一直看不到而无法说, 但我认为他错了 – 'Эти вещи я не мог сказать раньше, потому, что я их не видел, но я думаю он ошибался' (ВСС, художественный текст, 奥尔罕·帕慕克 «Орхан Памук /白色城堡 «Белый замок»).

(7) 最后还**因为**党员团结一致, 并和《赤旗报》读者、党的拥护者的组织的成员以及党的其他拥护者进行了充分合作 – 'И наконец, **благодаря** сплочённости членов партии, осуществилось достаточное сотрудничество с читателями газеты «Акахта» (Японская газета) и последователями членов партии' (ВСС, публицистический текст, 人民日报 (газета), 1997).

(8) 母亲**由于**生病, 现在卧病在床不能起, 生活失去了自理, 而父亲呢每天还要工作, 然后还要照顾我的母亲 – 'Из-за того, что моя мама больна, она прикована к постели и не может встать, и поэтому она не может позаботиться о себе, а мой отец должен работать каждый день и заботиться о маме' (архив спонтанной речи лаборатории экспериментально-фонетических исследований АмГУ, диктор – мужчина).

Кроме того, встречались предложения, где служебные слова **因为 yīnwèi /由于 yóuyú** могли занимать позицию после наречия, что характерно для омофона-предлога. Одновременно с этим, после служебных слов **因为 yīnwèi /由于 yóuyú** следовало глагольное словосочетание или предложение, что характерно для омофона-союза. Однако частотность таких предложений невелика (23 из 1800 примеров). В архиве спонтанной речи ЛЭФИ АмГУ таких примеров не встретилось. На наш взгляд, наречия могут использоваться с данными служебными словами в конструкциях или чтобы сделать акцент на причине, и это вовсе не будет означать, что перед нами омофон-предлог.

(9) 这个弗朗茨以前大概是一个英俊年轻的小伙子, 正**因为**如此娶了一位富有的老婆。 – 'Франц раньше, вероятно, был талантливым молодым человеком, как раз поэтому и женился на богатой женщине (ВСС, художественный текст, 卡尔·麦 «Карл Май»/藏金潭夺宝 «Путешествие за сокровищем в золотом омуте»).

(10) 更**因为**是黄金地段, 老阮吸纳了很多长租客户 – 'Но и из-за того, что это престижный район, Лао Жуань привлекает многих арендаторов долгосрочной аренды' (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 2001).

В-третьих, выявлены две наиболее частотные конструкции: «**因为…所以**» «Yīnwèi...suǒyǐ» (из-за того, что... поэтому) (102 вхождения), «**因为…而**» «Yīnwèi...ér» (153 вхождения). Однако в спонтанной речи обе эти конструкции встречались заметно реже (с явным преобладанием конструкции «**因为…所以**»), чем в художественном или публицистическом тексте.

Конструкция «**因为…所以…**» выражает отношения причины-следствия в сложноподчинённых предложениях с придаточным причины. Предложение после **因为** обозначает причину совершения действия, в то время как предложение после служебного слова **所以** является следствием. Данная конструкция позволяет нам хорошо увидеть причинно-следственную связь.

Больше всего вхождений конструкции «因为…所以» обнаружено именно в спонтанной речи (67 раз из общего количества 102 примеров). Слово «因为» само по себе акцентирует внимание на причине, а 所以 используется для того, чтобы сосредоточиться на результате.

所以 – это ещё и один из наиболее употребляемых каузальных союзов в современном китайском языке. Данный союз берёт своё начало от каузальных повествовательных предложений, которое принято переводить как 'поэтому'. Яо Шуанюнь проводил исследование, связанное с частотой употребления 因为 yīnwèi и 所以 suǒyǐ и пришёл к выводу, что в большинстве случаев вместе они встречаются в разговорной речи в рамках конструкции, но не представил разъяснений того, почему это происходит. Лингвист также подробно проанализировал семантику и функцию 所以 в разговорной речи [Яо, 2010].

(12) **因为**受害人和证据都在大陆, **所以**依法将嫌犯全部押返、由我们整案处理, …。 – *'Поскольку, жертва и улики находятся на материке, поэтому все подозреваемые будут доставлены обратно в соответствии с законом, и мы возьмём на себя все дела'* (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 23.02.2017).

(13) **因为**她会绣花, **所以**妈妈叫她绣床单。 – *'Поскольку она умеет вышивать, мама попросила её вышить простыни'* (ВСС, художественный текст 玛格丽特·杜拉斯 «Маргерет Дюрас» / 情人 «Любовник»).

Иногда причина и следствие очень тесно связаны между собой. 因为 соединяет обстоятельство и определяемое слово. Конструкция «因为…而» показывает, что перед «而» причина, а после 而 результат. Данная конструкция занимает место между подлежащим и сказуемым, при этом не отделяется запятой от сказуемого. В таких предложениях служебное слово «而» является показателем главного сказуемого. Конструкция «因为…而» в предложениях относительно самостоятельна и может стоять после модально-го глагола или отрицания, относящегося к группе сказуемого.

(14) 我恳求她不要**因为**别人的错而怪我。 – *'Я умоляю её не обвинять меня из-за чужих ошибок'* (ВСС, художественный текст, 丹尼尔·笛福 «Даниэль Дефо/молер·弗兰德斯 «Мур Фландерс»).

(15) 也不能**因为**农业基础建设投资周期长、见效慢**而**忽视对农业的投资 – *'Инвестициями в сельское хозяйство нельзя пренебрегать из-за длительного инвестиционного цикла и медленного эффекта строительства сельскохозяйственной инфраструктуры'* (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 31.12.1985).

Частотность других конструкций оказалась значительно ниже: «由于…所以» (78 раз), «由于…因此» (15 раз), «因为不是…而是» (26 раз), «因为不是…所以» (9 раз). Кроме того, встречалась конструкция «由于…而», хотя и очень редко (3 раза). Из них в спонтанной речи встретилась только «因为 … 所以», что явно указывает на их предпочтение в письменной речи.

(16) 工薪所得项目收入占个人所得税收入的比重, 还**由于**东部地区所占权数较大而提高 – *'Из-за большого веса восточного региона, удельный вес статьи доходов по заработной плате в доходах по НДФЛ увеличился'* (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 13.01.1998).

(17) «13 亿人口生活水平的继续提高» 这几个字完全推翻了洋洋几万字的美国人权报告。**因为不是**人民生活一时的提高, 而是不断的提高。 – *'Такие слова как «уровень жизни 1,3 млрд человек продолжает улучшаться», полностью опровергли десятки тысяч слов в докладе США по правам человека. Потому, что это не временное улучшение качества жизни, а непрерывное её улучшение'* (ВСС, публицистический текст 人民日报, 05.03.2001).

(18) **由于**1924 年官方未举行颁奖仪式, 所以也没有颁奖辞 – *'Поскольку в 1924 году официально не проводили церемонию награждения, поэтому и не вручили награду'* (ВСС, художественный текст, 张炜 «Чжан Вэй/ 你在高原 «Ты в Ковон (уезд в КНДР»)).

Наконец, в ходе исследования была замечена следующая интересная закономерность. Служебное слово 因为 yīnwèi как правило использовалось для выражения общих, внезапно возникших причин, акцентируя внимание на объяснение событий или текущих условий со слабым обоснованием.

(18) 因为忘记带伞, 全身都湿透啦 – '*Из-за того, что я забыл зонт, я весь (букв. всё моё тело) промок*'. (ВСС, художественный текст, 李国文 Ли Говэнь/ 涅雷 «Гром»).

(19) 旁听的群众沸腾了, 他们是那么兴奋, 因为他们亲眼看到了保护妇女合法权益的法律付诸实施, 看到了妇联组织为妇女群众伸张了正义 – *Толпа была так взволнована, из-за того, что они своими глазами увидели реализацию законов, защищающих законные права и интересы женщин, и увидели, что Федерация женщин вершит справедливость для массы женщин*. (ВСС, публицистический текст, 人民日报, 22.04.1996).

В примере (18) выражение причины «忘记带伞» (забыл взять зонт) является случайным событием, которое привело к причине, почему «всё тело промокло».

Точно так же в примере (19), каузальное предложение «他们亲眼看到了保护妇女合法权益的法律付诸实施, 看到了妇联组织为妇女群众伸张了正义» является объяснением и выполняет функцию иллюстрирования текущей ситуации основного предложения «旁听的群众沸腾了, 他们是那么兴奋».

Что касается служебного слова 由于 yóuyú, оно, наоборот, в основном используется для уже глубоко-укоренившихся и фундаментальных причин, имеющие веское обоснование, с подчёркиванием объективности и неизбежности.

(20) 由于资本主义政治经济发展的需要, 以及劳动人民争取教育权的斗争, 资产阶级为劳动人民开办了一些学校, 并提出“国民教育”“普及教育”等口号。 – '*В связи с потребностями капиталистического политического и экономического развития и борьбой трудящихся за право на образование, буржуазия открыла некоторые школы для трудящихся и выдвинула лозунги «национального образования» и «всеобщего образования»*' (ВСС, публицистический текст (ВСС, публицистический текст 人民日报, 06.07.1989).

Из приведённых предложений видно, что способы сопоставления исходного выражения весьма обширны. Например, исходная формула «因为» yīnwèi применима как к antecedенту (применение причины в её отношении к следствию), так и к консеквенту (следствие, вывод в отношении к причине), а также к antecedенту и последующим методам сопоставления. В причинно-следственных предложениях исходная форма «由于» yóuyú может использоваться как отдельно, так и в сочетании с «所以», «因此», «因而».

По выборке из 900 примеров была определена частота употребления исходной формы 因为 yīnwèi в двух позициях в предложении – начальной и срединной (табл. 2).

Т а б л и ц а 2 . Частота употребления исходной формы 因为 yīnwèi в разных позициях в предложении

[T a b l e 2 . Frequency of use of the original form 因为 in different positions in the sentence]

因为	Метод сопоставления	Кол-во случаев	Частота
Позиция в начале	因为..., ...	321	35,7%
Позиция в середине (без запятой после)	..., 因为...	528	58,1%
Позиция в середине (с запятой после)	..., 因为, ...	51	6,2%

Из таблицы видно, что частота использования 因为 yīnwèi в середине предложения значительно выше (64,3%), чем в начале (35,7%). Запятая может быть добавлена для обозначения паузы и выделения причины. По выборке из 900 примеров была определена частота исходной формы 由于 yóuyú в самостоятельном использовании и внутри

конструкции. Самостоятельно, данное служебное слово может использоваться в начале предложения (45,2%), что значительно выше, чем в середине предложения, после запятой (15,4%). Оказалось, что частота его употребления заметно выше отдельно (60,6%), чем внутриконструкции (39,4%). Результат представлен в таблице 3.

Т а б л и ц а 3 . Частота употребления исходной формы 由于: самостоятельное использование и в конструкциях
[Table 3 . Frequency of use of the original form 由于: As a single grammar word or a part of the pattern]

由于	Метод сопоставления	Кол-во случаев	частота
Самостоятельное использование	由于…, …	406	45,2%
	…, 是由于/正由于/就由于/正是由于/就是由于	138	15,4%
Парное использование	由于…, 所以/因此/因而…	261	28,9%
	是由于/正由于/就由于/正是由于/就是由于…, 所以/才/就…	64	7,0 %
	(之) 所以…是由于/正由于/就由于/正是由于/就是由于…	31	3,5 %

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что сфера применения служебных слов 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú весьма обширна. Оба слова активно применяются в текстах разных жанров как самостоятельно, так и в конструкциях, выражая причинные отношения. Особенности функционирования этих слов были рассмотрены с позиций омонимии, характерной для китайского языка как языка изолирующего типа, а также с позиций слова как контекстно обусловленной, а не словарной единицы. Выявлено, что в выборке из 1800 предложений служебное слово 由于 почти с одинаковой частотностью употреблялось и в функции предлога (немного чаще), и в функции союза, иными словами, омофон-предлог и омофон-союз были схожи по частотности, тогда как 因为 yīnwèi чаще встречался как омофон-союз и реже – как омофон-предлог. Кроме этого, было отмечено, что частотность данных служебных слов напрямую завесила от жанра. В публицистических текстах частотность обоих слов оказалась довольно схожей с небольшим преобладанием вхождения слова 由于 yóuyú, тогда как в художественной литературе и особенно спонтанной речи наблюдался резкий контраст между частотой встречаемости слов с абсолютным преобладанием вхождений слова 因为 yīnwèi (в 5 и 137 раз соответственно).

Самыми распространёнными конструкциями с изучаемыми словами оказались «因为…所以», «因为…而», «由于…所以», «由于…因此», «因为不是…而是», «因为不是…所以», частота которых была схожа в публицистических и художественных текстах. Однако из перечисленных конструкций, в спонтанной речи нам встретилась только конструкция «因为 … 所以».

Таким образом, опираясь на системно-структурные особенности и специфику синтагматических отношений, можно заключить, что каждое из служебных слов 因为 yīnwèi и 由于 yóuyú следует трактовать как два конверсионных омонима, обладающих разной частотностью в разных жанрах. Эту особенность нельзя не учитывать в методике преподавания китайского языка в связи с теми сложностями, которые она создаёт для обучаемых, специально не подготовленных к характерному для китайского языка избытку омонимии. Перспективу исследования составит выявление частотности других слов-омонимов в разных функциях и в разных жанрах.

Библиографический список

- Береза, 2020 – Береза Е. В. Частицы как класс служебных слов: типология и функциональность (на материале современного китайского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Амурский гос. ун-т, 2022. 176 с.
- Ван, 1954 – Ван Л. Основы китайской грамматики. М. : Изд-во иностр. лит., 1954. 263 с.
- Ван, 2017 – Ван Хайянь. Полисемия и омонимия в китайском и русском языках // Вестн БДПУ. Сер. 1 : Педагогіка. Психологія. Філологія. 2017. № 2. С. 84–87.
- Горелов, 1982 – Горелов В. И. Грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1982. 279 с.
- Горелов, 1989 – Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1989. 318 с.
- Ли И., 2022 – Ли И. Слабые форма слогов в спонтанной речи женщин (экспериментально-фонетическое исследование на материале китайского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.19. Пермь, 2022. 19 с.
- Шатравка, 2009 – Шатравка А. В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. 207 с.
- Хаматова, 2006 – Хаматова А. А. Омонимия в современном китайском языке. М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. 120 с.
- Baker, 1981 – Baker M. C. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago : The University of Chicago Press, 1988. 691 p.
- Ван, 1943 – 王力. 中国现代语法/ 北京. 商务印书馆, 1943年. 464页 [Ван Л. Грамматика современного китайского языка. Пекин : Коммерческое изд-во, 1943. 464 с.].
- Ван, 2010 – 汪婷婷. “因为……所以……” 句式考察—基于《毛泽东选集 1—4 卷》语料. 文学界 (理论版), 第 4 期. 2010 年, 115 - 116 页. [Ван Т. Анализ предложений с конструкцией «因为... 所以» на основе «Антологии Мао Цзыдуна (тома 1–4)» // Литературный мир. 2010. № 4. С. 115–116.].
- Дин и др., 1961 – 丁声树等. 现代汉语语法讲话/ 北京. 商务印书馆, 1961. 373 页. [Дин Ш. и др. Грамматика разговорного современного китайского языка. Пекин : Шану иньшугуань, 1961. 373 с.].
- Ли Ц., 1958 – 黎锦熙. 新著国语文法. 北京 : 商务印书馆, 1958 年. 327 页. [Ли Ц. Новая национальная грамматика. Пекин : Коммерческое изд-во, 1958. 327 с.].
- Ли Ц., 2014 – 李晋霞. 论“由于”与“因为”的差异. 世界汉语教学, 第 4 期. 2014 年. 490 - 496 页. [Ли Ц. Разница между 由于 и 因为 // Китайское учение в мире. 2010. № 4. С. 490–496.].
- Лю, 1932 – 刘复. 中国文法讲话/ 北京. 北新书局. 1932 年. 176 页. [Лю Ф. Общая теория китайской грамматики. Пекин : Изд-во «Бэйсинь», 1932. 176 с.].
- Лю, Чжу, 2013 – 吕叔湘, 朱德熙. 语法修辞讲话/ 北京. 商务印书馆, 2013 年. 416 页. [Лю Ш., Чжу Д. Грамматика разговорного стиля. Пекин : Коммерческое изд-во, 2013. 416 с.].
- Ма Ц., 1998 – 马建忠. 马氏文通/ 北京. 商务印书馆, 1998 年. 448 页. [Ма Ц. Ма ши вэнь тун (Объяснение правил письменного языка господина Ма). Пекин : Коммерческое изд-во, 1998. 448 с.]. [1-е изд. 1898 г.].
- Сяо, 2011 – 肖任飞. 现代汉语因果复句优先序列研究/ 北京. 中国社会科学出版社, 2011 年. 183 页. [Сяо Ж. Причино-следственные сложные предложения в современном китайском языке. Пекин : Китайское научное изд-во общественных наук, 2011. 183 с.].
- Тао, 2007 – 陶伏平. 汉语介词, 连词划界研究述评. - 湖南文理学院学报 (社会科学版), 2007 年. 20 - 22 页. [Тао Ф. Обзор исследований китайских предлогов и союзов // Журнал Хунаньского ун-та искусств и наук. 2007. № 3. С. 20–22.].
- Фан, 2010 – 房清明. “因为 P 而 Q” 与 “为了 P 而 Q” 多角度辨异兼论 “为 P 而 Q”. 宁夏大学学报 (人文社会科学版), 第 3 期, 2010 年, 62 - 66 页. [Фан Ц. Анализ конструкции «为 P 而 Q» с точки зрения различий между конструкциями «因为 P 而 Q» и «为了 P 而 Q» // Журнал ун-та Нинся (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2010. № 3. С. 62–66.].
- Цзинь, 1980 – 金兆梓. 国文法之研究/ 北京. 商务印书馆, 1980 年. 88 页 [Цзинь Ч. Исследование китайской грамматики. Пекин : Коммерческое изд-во, 1980. 88 с.].
- Чжан, 1953 – 张志公. 汉语语法常识/ 北京. 中国青年出版社, 1953 年. 282 页 [Чжан Ч. Введение в грамматику китайского языка. Пекин : Изд-во «Циньянь». 1958. 282 с.].
- Чжу, 2007 – 朱景松. 现代汉语虚词词典/ 北京. 语文出版社, 2007 年. 596 页. [Чжу Ц. Словарь служебных слов современного китайского языка. Пекин : Языковое изд-во. 2007. 596 с.].

References

- Bereza, E. V. (2020). Chastitsy kak klass sluzhebnykh slov: tipologiya i funktsional'nost' [Particles as a class of functional words: Typology and functional patterns]. PhD in Philological sci. diss.; Amur State University. Blagoveshchensk. (In Russ).
- Wang, L. (1954). Osnovi kitayskoi grammatiki [The basics of Chinese grammar]. Moscow: Inostrannaya literatura Press (In Russ).
- Wang, H. (2017). Polisemiya i omonimiya na kitayskom i russkom yazykakh [Polysemy and homonymy in the Chinese and Russian languages]. *Vesti BDPU. Ser. 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filalogiya* [Bulletin of the Berdyansk Pedagogical University. Pedagogy. Psychology. Philology], 2, 84–87. (In Russ.).
- Gorelov, V. I. (1982). *Grammatika kitayskogo yazyka* [Chinese grammar]. Moscow: Prosveshchenie Press. (In Russ).
- Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [The theory of Chinese grammar]. Moscow: Prosveshchenie Press. (In Russ).
- Li, Y. (2022). *Slabye formy slogov v spontannoy rechi zhenshchin (eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye na materiale kitayskogo yazyka)* [Weak forms of syllables in female spontaneous speech (A phonetic study based on Chinese)]. PhD in Philological sci. diss.; Amur State University. Perm. (In Russ).
- Shatravka, A. V. (2009). Spornyye voprosy klassifikatsii sluzhebnykh slov v sovremennom kitayskom yazyke [Challenging issues of grammatical words classification in modern Chinese]. Blagoveshchensk: Amur State university Press. (In Russ).
- Khamatova, A. A. (2006). *Omonimiya v sovremennom kitayskom yazyke* [Homonymy in modern Chinese]. Moscow: AST Press: Vostok – Zapad Press. (In Russ).
- Baker, M. C. (1981). *Incorporation: a Theory of Grammatical Function changing*. Chicago: The university of Chicago Press.
- Wang, L. (1943). *Zhongguo xiandai yufa* [Modern Chinese Grammar]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Wang, T. (2010). “yinwei...suoyi” ju hi kaocha – jiyu “Maozedong xuanji 1–4 juan” yuliao [“Because ... therefore...” Sentence Pattern Inspection. Based on the Corpus of “Selected Works of Mao Zedong Volumes 1–4”]. *Wenxue jie (lilunban)* [Literary Circles], 4, 115–116. (In Chinese).
- Ding, Sh. (1961). *Xiandai hanyu yufa jianghua* [Grammatical patterns of modern colloquial Chinese]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Li, J. (1958). *Xinze guoyu wenfa* [The new book of Mandarin Chinese Grammar]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Li, J. (2014). Lun “youyu” yu “yinwei” de chayi [Difference Between “Because” and “that is why”]. *Shijie hanyu jiaoxue* [Chinese teaching in the world], 4, 490–496. (In Chinese).
- Lu, F. (1932). *Zhongguo wenfa jianghua* [The basics of Chinese grammar]. Beijing: Beixin shuju. (In Chinese).
- Lu, Sh., Zhu, D., (2013). *Yufa xiuci jianghua* [The grammar of colloquial Chinese]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Ma, J. (1893). *Ma shi wentong* [Mr. Ma Wentong]. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
- Xiao, R. (2011). Xiandai hanyu yinguo fuju youxian xulie yanju [Complex Sentences expressing reason-consequence relations in Modern Chinese]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe. (In Chinese).
- Tao, F. (2007). Hanyu jieci, lianci hua jie yan jiu shu ping [An overview of the research on Chinese prepositions and conjunctions]. *Hu nan wen li xue yuan xue bao (she hui ke xue ban)* [Journal of Hunan University of Arts and Science (Social Science Edition)], 3, 20–22. (In Chinese).
- Fang, Q. (2010). “Yinwei P er Q” yu “weile P er Q” duo jiaodu bian yi jian lun “wei P er Q” [Analysis of the “为 P 而 Q” pattern in terms of the inverse differences between the “因为 P 而 Q” and “为了 P 而 Q” patterns]. *Ningxia daxue xuebao (renwen shehui kexue ban)* [Journal of Ningxia University], 3, 115–116. (In Chinese).
- Zhang, Zh. (1953). Hanyu yufa changshi [Introduction to Chinese grammar]. Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe. (In Chinese).
- Zhu, J. (2007). Xiandai hanyu xuci cidian [The dictionary of functional words in modern Chinese]. Beijing: Yuwen chubanshe. (In Chinese).

Чирвоная Мария Олеговна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
mchirvonaya@list.ru

Традиционная и упрощённая иероглифика в преподавании китайского языка в России как аспект языковой политики КНР

Аннотация

Статья рассматривает, насколько успешно Китай при распространении китайского языка за рубежом исключает традиционные иероглифы из учебной программы и каковы лингвистические основания этого процесса. Материалом для исследования послужили учебники, по которым преподаётся китайский язык в действующих Институтах, Школах и Классах Конфуция на территории России. В ходе исследования предпринята попытка определить, есть ли место традиционным иероглифам в преподавании китайского языка по китайским программам и насколько распространено преподавание традиционных иероглифов в России. В результате обнаружено, что определяющей становится тенденция к исключению традиционной китайской иероглифики из учебных материалов, что говорит о том, что Китай создаёт образ однородного языка с единой письменной нормой, отражая свершившийся после реформ факт. Причиной такой языковой политики является стремление устранить чрезмерную избыточность как следствие параллельного функционирования традиционной и упрощённой иероглифических систем. Лингвистическими основаниями унификации в сторону упрощения являются полная семантическая сопоставимость традиционных и упрощённых иероглифов и аналитический тип китайского языка. Вместе с тем использование традиционной иероглифики в изданиях для китайской элиты и наличие традиционных иероглифов в ядре китайского вокабуляра могут способствовать сохранению данного варианта письма для диахронических исследований.

Ключевые слова: языковая политика, единая письменная норма, традиционные иероглифы, упрощённые иероглифы, семантическая сопоставимость

© Чирвоная М. О. 2023

Для цитирования: Чирвоная М. О. Традиционная и упрощённая иероглифика в преподавании китайского языка в России как аспект языковой политики КНР // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 176–184. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_176

Maryia O. Chyrvonaya
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
mchirvonaya@list.ru

Traditional and simplified characters in teaching Chinese in Russia as an aspect of Chinese language policy

Abstract

The article focuses on the issues of how efficiently China excludes traditional Chinese characters while spreading the Chinese language abroad and what linguistic background facilitates the process. The material for the study included the textbooks used to teach Chinese in Confucius Institutes, Schools and Classes in Russia. During the study, an attempt was made to determine whether both traditional characters and the simplified ones are present in the books China chooses for teaching and how common the traditional characters teaching is on the territory of

Russia. It was found that excluding traditional Chinese characters from the curriculum is becoming the major tendency that demonstrates China's efforts to create an image of Chinese as a homogeneous language with one single standard for writing which reflects new after-reform reality. The reason for such a language policy is the desire to eliminate excessiveness triggered by the parallel functioning of traditional and simplified character systems. The linguistic background of unification towards the simplified system includes semantic consistency of traditional and simplified characters and analytic nature of Chinese. However, the use of traditional hieroglyphic system in publications for the elite and the presence of traditional characters in the kernel vocabulary might help preserve this system for diachronic studies.

Keywords: language policy, single writing standard, traditional characters, simplified characters, semantic consistency

© Chyrvonaya M. O. 2023

For citation: Chyrvonaya, M. O. (2023). Traditsionnaya i uproschennaya ieroglifika v prepodavanii kitayskogo yazyka v Rossii kak aspekt yazykovoy politiki KNR [Traditional and simplified characters in teaching Chinese in Russia as an aspect of Chinese language policy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 176–184. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_176

1. Введение [Introduction]

Языковая политика – это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве [Дешериев, 1990, с. 616]. Языковая политика включает в себя и внешнюю составляющую, которая помогает решать внешнеполитические задачи страны [Завьялова, 2015, с. 116]. Одним из факторов внешней политики Китая XXI века называют стремление популяризировать китайский язык за пределами КНР [Керн, Андреева, 2017, с. 26]. Осуществление языковой политики в Китае находится в тесной взаимосвязи с экономическим и социокультурным аспектами развития страны [Ван Д., 2019, с. 91]. Широкое распространение языка и культуры связано с устойчивой привлекательностью КНР вследствие привлекательности её экономики [Михневич, 2014, с. 123].

Китайский язык (далее – КЯ) неоднороден: диалекты КЯ имеют фонетические различия, но они объединены регулярными звуковыми соответствиями, лексикой, грамматикой [Рыбникар, 2013, с. 3]. Китайский язык с древних времён использует иероглифическую систему письма, имеющую богатую историю, эволюционировавшую, несмотря на внешнюю культурную «окаменелость», от Цзиньвэнь до Кайшу [Ван Г., 2018]. В настоящее время неоднородность присутствует и в иероглифике, так как существуют традиционные и упрощённые иероглифы.

Процесс упрощения иероглифов охватывал, разумеется, не только Китай, но и Японию, Южную Корею, Малайзию, Сингапур. При этом в Китае переход к упрощённым иероглифам облегчался тем, что многие из них в прошлом уже существовали как варианты традиционных (стандартных) иероглифов и фигурировали в неофициальном общении [Гурин, 2011 ; Чайлахов, Рудометова 2018, с. 44], а также тем, что традиционные и упрощённые иероглифы семантически полностью сопоставимы [Jiang et al., 2020]. На данный момент в этих двух сосуществующих вариантах письма есть иероглифы, общие для традиционной и упрощённой систем, уникальные для традиционной системы и уникальные для упрощённой системы. В ходе экспериментальных исследований выявлено, что в первых двух группах иероглифы воспринимаются целиком (холистически), а в последней – аналитически, т.к. внутри последней группы в иероглифах много визуально схожих черт [Liu, Hslao, 2012]. Учитывая аналитический характер китайского языка, получается предпочтительным движение к аналитическому подходу в усвоении иероглифов, и это ещё одна лингвистическая причина упрощения. К важным нелингвистическим факторам, способствующим реформированию, можно от-

нести широкое развитие полиграфии и популяризацию школьного образования [Чайлахов, Рудометова 2018, с. 43].

Сосуществование традиционной и упрощённой иероглифики в КНР создавало сложности из-за дублирования информации и, как следствие, чрезвычайной избыточности, что в свою очередь породило стремление к стандартизации, которая была инициирована в начале 20 в., и систематически производилась в ходе реформ, проходивших в несколько этапов, порой поспешно, приводя к путанице, которую приходилось устранять [Гурин, 2011].

Принятие установленного законом языкового стандарта было крайне важно для закрепления достижений реформ модернизации и становления личностных характеристик человека нового времени в обществе [Морозова, 2019, с. 26]. Стандартизация китайского языка на территории КНР осуществлялась на государственном уровне, поскольку язык рассматривается как элемент, демонстрирующий непрерывность и культурную преемственность [Морозова, 2019, с. 22]. Стандартизация китайского письменного языка и принятие общеупотребительного языка (путунхуа 普通话) были проведены после конференции в 1955 году, в которой приняли участие Министерство Образования и Академия Наук КНР. Решение о реформах было принято вследствие того, что наличие большого количества диалектов считалось препятствием на пути к преодолению культурной отсталости от западных стран [Морозова, 2019, с. 22]. В 1956 году Государственный совет принял решение об упрощении китайских иероглифов. Целью перехода с традиционной иероглифики на упрощённую многие авторы называют высокий уровень неграмотности в Китае на момент основания КНР (см., напр., [Ван Дань, 2019, с. 92]), а также необходимость преодоления экономического отставания, которое связывали в том числе и со сложностью письма [Гурин, 2011].

По окончании стандартизации письма традиционные иероглифы применяются на острове Тайвань, в Гонконге и Макао [Завьялова, 1999]. На сегодняшний день в Китае полные иероглифы нельзя применять в рекламе, в названиях учреждений, на вывесках в общественных местах и этикетках, в документах и ценных бумагах. Традиционные иероглифы могут применяться при проведении научно-исследовательских работ, в фамильных знаках, в искусстве каллиграфии [Морозова, 2019, с. 42]. Между тем отмечается, что в Китае издания для элиты всё ещё публикуются с использованием традиционной иероглифики [Гурин, 2011, с. 90], и что традиционные иероглифы часто используются в ядерной части китайского вокабуляра [Jiang et al., 2020]. Примечательно в этой связи и то, что на 9-й международной конференции по китайскому языку президент Китайской Республики, Ма Инцзю, в своём выступлении говорил о необходимости популяризации преподавания полных форм иероглифов, так как именно они обладают длительной историей и отражают культуру [Буров, 2013, с. 182].

Распространение китайского языка и китайской культуры за рубежом – приоритетное направление языковой политики [Морозова, 2019, с. 21], политики «мягкой силы» КНР [Михневич, 2014, с.123]. Эффективность распространения китайского языка достигается путём применения экономических и политических инструментов [Михневич, 2014, с. 123].

С 2004 года Китай начал активнее распространять китайский язык в других странах, открывая в них образовательные учреждения – Институты Конфуция [Завьялова, 2015, с. 116]. На данный момент в России есть не только Институты Конфуция, но и Школы и Классы Конфуция. Институтами Конфуция управляет Канцелярия по международному распространению китайского языка (Ханьбань), которая отбирает учебные материалы для них. Институты Конфуция создаются на базе зарубежного вуза-партнера, при этом их финансированием занимается КНР, они являются государственными организациями [Михневич, 2014, с. 105].

На 2013 год КЯ преподавался на всех континентах мира, за исключением Латинской Америки, при этом наблюдалось соперничество между Китаем и Тайванем [Буров, 2013, с. 177]. Прежде Тайвань опережала Китай на рынке книжной продукции для изучающих китайский язык, но сегодня первенство перешло к Китаю [Буров, 2013, с. 183].

Таким образом, актуальность предложенной темы обусловлена заинтересованностью Китая в распространении языка за рубежом и желанием людей со всего мира изучать китайский язык. Целью данной работы было, проанализировав учебные материалы, по которым слушатели курсов обучаются в Институтах, Школах и Классах Конфуция в России, и определить, какой образ китайского языка КНР хочет создать в глазах изучающих китайский язык людей. Г и п о т е з а, выдвигаемая в настоящем исследовании, состоит в том, что при распространении китайского языка за рубежом КНР основывается на свершившемся в результате реформ важнейшем факте – однородности письменной формы языка.

2. Анализ учебных материалов Институтов, Школ и Классов Конфуция в России [Analysis of textbooks in Cofucius Institutes, Schools and Classes in Russia]

В качестве методов исследования были использованы: сбор информации об учебных материалах, применяемых в программах обучения китайскому языку в Институтах, Классах и Школах Конфуция на территории России, и анализ учебных материалов на наличие / отсутствие традиционной иероглифики. Информация о действующих организациях была взята из статьи «Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР» [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 55]. Информация по учебным материалам была предоставлена по запросу Институтами Конфуция, Классами Конфуция и Школами Конфуция или взята из открытых источников (сайты соответствующих учебных заведений). В настоящем исследовании в фокус внимания попали учебные материалы начального уровня [Чжан и др., 2003 ; Ян, 2007 ; Ли и др., 2009 ; Лю, 2009 ; Лю и др., 2009 ; Ма, 2011 ; Ивченко, 2012, 2018, 2020 ; Jiang, 2014 ; Кондрашевский и др., 2015 ; Сторожук, 2017 ; Hu et al., 2019], так как именно на нём закладываются знания иероглифической письменности, от которых учащиеся будут отталкиваться в дальнейшем. В таблице 1 представлены сводные данные.

В результате выявлено, что более половины – 64,2% – учебных материалов, по которым обучаются слушатели курсов, составляют учебники, 28,5% – учебные пособия, 7% – самоучители. Большая часть – 71% – учебных материалов была издана в Китае, 28,5% учебных материалов было написано исключительно русскими авторами. В десяти образовательных организациях на начальном этапе обучение ведётся по двум или трём учебникам, в восьми образовательных организациях слушатели курсов обучаются по одному учебнику, данные по трём организациям отсутствуют. Используемые учебные материалы были изданы в период с 2003 по 2019 годы, при этом в девяти учебных заведениях год издания был ранее, чем за 10 последние лет, в стольких же заведениях – за последние 10 лет и лишь в двух – за последние 5 лет. В большинстве проанализированных материалов объяснения даются на русском языке (РЯ), также присутствуют объяснения на китайском (КЯ) и английском (АЯ) языках.

Из таблицы 1 видно, что в учебных материалах лишь в 21% случаев предоставлена информация о традиционных иероглифах, и это учебные материалы, которые были написаны русскими авторами и изданы на территории России или на территории Китая. Однако в целом данные таблицы свидетельствуют, что традиционная иероглифика в учебниках большинства учебных заведений представлена ограниченно или совсем не представлена. Хотя обучающиеся и не получают ретроспективы того, что из себя представлял китайский язык, так как письменность, которой они обучаются, применяется лишь с 1950-х годов, целесообразность обращения к традиционным ограниченными в использовании иероглифам сомнительна по крайней мере на начальном этапе. Данные

результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что Китай стремится обеспечить в преподавании на территории России адекватное отражение образа современного китайского языка как однородного феномена с точки зрения письменной формы.

Т а б л и ц а 1. Действующие Институты, Классы и Школы Конфуция в России и их учебные материалы

[Table 1. Confucius Institutes, Classes and Schools functioning in Russia and studying materials that they use]

Город	Университет	Учебные материалы (УМ)	Наличие в УМ традиционной иероглифики
Благовещенск	на базе БГПУ	1. Учебник “ Современный китайский язык” [2009]; (Объяснения на РЯ) 2. Учебник “Лёгкий китайский язык для детей” [2011]. (Объяснения на РЯ)	Отсутствует
Владивосток	на базе ДВФУ	1. Учебник “Hanyu Jiaocheng” (汉语教程) [2007]. (Объяснения на КЯ и РЯ) 2. Учебник “Царство китайского” 1a (汉语乐园 1a) [2009]. (Объяснения на РЯ) 3. Учебное пособие “Новый старт” Часть I (汉语新起点) [2003]. (Объяснения на КЯ и РЯ)	Отсутствует
Волгоград	на базе ВГСПУ	1. Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009]. (Объяснения на РЯ) 2. Учебник “HSK Standard course” I [2014]. (Объяснения на КЯ и АЯ)	Отсутствует
Екатеринбург	на базе РГППУ	Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009].	Отсутствует
Екатеринбург	на базе УрФУ	Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009].	Отсутствует
Иркутск	на базе МИЭЛ ИГУ	Учебное пособие “Познакомьтесь с китайским языком” (体验汉语) [2007]. (Объяснения на РЯ)	Отсутствует
Казань	на базе Института Востоковедения КФУ	Данные отсутствуют.	Данные отсутствуют
Комсомольск-на-Амуре	на базе АмГППУ	Учебник “Курс китайского языка” (汉语教程) [2007].	Отсутствует
Москва	на базе МГУ	1. Учебник «Веселый китайский» [2009]; (РЯ) 2. Учебник «Практический курс китайского языка» [2015]. (РЯ)	Присутствует
Москва	на базе РГГУ	1. Учебник «Полный курс китайского языка для начинающих» [2018]; (РЯ) 2. Учебник «Новые горизонты: интегральный курс китайского языка» (Учебник I) [2012] (РЯ)	Присутствует
Москва	на базе МГЛУ	1. Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009]; 2. Учебник “HSK Standard course” I. [2014].	Отсутствует
Нижний Новгород	на базе НГЛУ	Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009].	Отсутствует
Новосибирск	на базе НГТУ	Учебник “HSK Standard course” I [2014].	Отсутствует
Новосибирск	на базе НГУ	Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009].	Отсутствует
Пермь	на базе МАОУ «Гимназия № 2» г. Перми	1. “Самоучитель китайского языка” [2020]; (РЯ) 2. Учебное пособие “Expressway to Chinese” (Elementary I) [2019]. (КЯ+АЯ)	Отсутствует
Рязань	на базе РГУ им. С. А. Есенина	Данные по учебным материалам отсутствуют. Не предусмотрено обучение традиционным иероглифам.	Отсутствует

Окончание таблицы 1

Город	Университет	Учебные материалы (УМ)	Наличие в УМ традиционной иероглифики
Санкт-Петербург	на базе Восточного факультета СПбГУ	1. Учебник “Современный китайский язык” [2009]; 2. Учебное пособие “Введение в китайскую иероглифику” [2017]. (РЯ)	Отсутствует
Санкт-Петербург	на базе СПбГУ	Учебник “HSK Standard course” I [2014].	Отсутствует
Томск	на базе ТГУ	1. Учебник “Современный китайский язык” [2009]; 2. Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009].	Отсутствует
Улан-Удэ	на базе БГУ имени Доржи Банзарова	1. Учебник “Новый практический курс китайского языка” (Том 1) [2009]; 2. Учебник “HSK Standard course” 1 [2014].	Отсутствует
Элиста	на базе КалмГУ	Данные по учебным материалам отсутствуют. Не предусмотрено обучение традиционным иероглифам.	Отсутствует

3. Заключение [Conclusions]

Анализ литературных источников показал, что лингвистическим основанием для унификации китайских иероглифов в сторону упрощения является их полная семантическая сопоставимость и, как следствие, чрезмерная избыточность создаваемая дублированием информации за счёт параллельного функционирования традиционных и упрощённых иероглифов.

КНР при распространении китайского языка успешно исключает традиционную китайскую иероглифику из учебных программ Институтов, Классов и Школ Конфуция на территории России. Проведённое исследование подтверждает, что Китай заинтересован в том, чтобы китайский язык за рубежом воспринимался как единое целое – общепотребительный язык путунхуа (устная норма) и упрощённая иероглифика (письменная норма). Об этом свидетельствует то, что традиционная иероглифика не представлена в 79% учебных материалов, по которым обучаются слушатели курсов, проводимых на территории Российской Федерации Китаем. Все они изданы авторами – носителями китайского языка на территории КНР.

Важность полученных результатов заключается в том, что, зная, что Китаю всё лучше удастся распространять именно такой образ китайского языка за рубежом, мы понимаем, что и внутренняя составляющая языковой политики Китая направлена на поддержание однородности китайского языка. При таких условиях в дальнейшем китайский язык, возможно, будет стремиться к ещё большей однородности. Между тем нельзя забывать о том, что использование традиционной иероглифики в изданиях для китайской элиты и наличие традиционных иероглифов в ядре китайского вокабуляра – это рычаги, действующие в противоположную сторону и могущие удержать данный вариант письма от полного забвения и сохранить его привлекательность для диахронических научных исследований.

Библиографический список

- Андреева, Керн, 2017 – Андреева Т. Л., Керн К. Е. Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 417. С. 25–29.
- Буров, 2013 – Буров В. Г. Международная Ассоциация китайского языка // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 176–184.
- Ван Г., 2018 – Ван Г. Отражение в китайской иероглифической письменности разделения труда традиционной семьи // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 434. С. 108–112. <https://doi.org/10.17223/15617793/434/13>

- Ван Д., 2019 – Ван Д. Языковая политика в КНР // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : сб. статей междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 декабря 2018 года / под ред. М. В. Мишкевич [и др.]. Минск : Белорусский гос. аграрн. техн. ун-т, 2019. С. 90–94.
- Гурин М. В. Китайская иероглифика в современном мире // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3 (8). С. 87–91.
- Дешериев, 1990 – Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. URL : <http://tapemark.narod.ru/les/616a.html>
- Завьялова, 1999 – Завьялова О. И. Лабиринты иероглифа // НГ-Наука. 20 октября 1999 г.
- Завьялова, 2015 – Завьялова О. И. Лингвистические новации и внешняя политика Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 116–119.
- Ивченко, 2012 – Ивченко Т. В. Новые горизонты: интегральный курс китайского языка (新编汉语新目标 第一册 上) : учебник. Educational Science Publishing House. 2012. 182 с.
- Ивченко, 2020 – Ивченко Т. В. Самоучитель китайского языка. М. : Изд-во АСТ. 2020. 640 с.
- Ивченко и др., 2018 – Ивченко Т. В., Мазо О. М., Ли Т. Полный курс китайского языка для начинающих : учебник. М. : Изд-во АСТ. 2018. 644 с.
- Кондрашевский и др., 2015 – Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка : учебник. В 2 т. Т. 1. 12-е изд., испр. М. : Восточная книга, 2015. 768 с.
- Леонтьева, Белокопытова, 2016 – Леонтьева Э. О., Белокопытова М. С. Институт Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. Т. 3, № 5. С. 51–58. <https://doi.org/10.14530/reg.2016.5>
- Михневич, 2014 – Михневич С. В. Панда на службе дракона: основные направления и механизмы политики «Мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9, № 2. С. 95–129.
- Морозова, 2019 – Морозова Н. В. Языковая политика КНР на современном этапе (2001–2013 гг.) : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 ; Российский гос. гум. ун-т. М., 2019. 188 с.
- Рыбникар, 2013 – Рыбникар А. А. Исследование диалектов Китая российскими учеными // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (28). Новосибирск : СибАК, 2013. С. 1–7.
- Сторожук, 2017 – Сторожук А. Г. Введение в китайскую иероглифику. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Каро, 2017. 592 с.
- Чайлахов, Рудометова, 2018 – Чайлахов И. В., Рудометова А. Ю. Этапы становления и стандартизации китайской письменности // Современная филология : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2018 г.). Казань : Молодой ученый, 2018. С. 41–46. URL : <https://moluch.ru/conf/phil/archive/259/13635/>
- Лю и др., 2009 – Царство китайского языка (汉语乐园) : книга для школьников (рус. изд.) / Ф. Лю, В. Ван, Ж. Чжоу, Д. Ли. Пекин : Пекинский ун-т языка и культуры, 2009. 65 с.
- Чжан и др., 2003 – Новый старт. Китайский язык. 1,2 (汉语新起点) : учебник / С. Чжан, Ф. Хэ, А. А. Хаматова, К. А. Курилова. Пекин : Цзяной кэсюэ чубаньшэ. 2003. 111 с.
- Ян, 2007 – Ян Ц. Курс китайского языка (汉语教程) : учебник (русская версия). Т. 1. Beijing : Beijing Language and Culture University Press. 2007. 175 с.
- Hu et al., 2019 – Hu W., Wu Zh., Xu J. Expressway to Chinese (Elementary I). Beijing : Beijing Language and Culture University Press, 2019. 132 p.
- Jiang, 2014 – Jiang L. HSK Standard course 1. Beijing : Beijing Language and Culture University Press, 2014. 129 p.
- Jiang et al., 2020 – A study on differences between simplified and traditional Chinese based on complex network analysis of the word co-occurrence networks / Zh. Jiang, D. Zhao, J. Zheng, Y. Chen // Computational Intelligence and Neuroscience. 2020. Vol. 20, Article ID 8863847. <https://doi.org/10.1155/2020/8863847>
- Liu, Hslao, 2012 – Liu T., Hslao J. The perception of simplified and traditional Chinese Characters in the eye of simplified and traditional Chinese readers // Journal of Vision. 2012. Vol. 12, Iss. 9, Article 533. doi:<https://doi.org/10.1167/12.9.533>

- Ли и др., 2009 – 李晓琪, 罗青松, 刘晓雨, 王淑红. 快乐汉语. 人民教育出版社. 2009 [Веселый китайский язык: учебник / С. Ли, Ц. Ло, С. Лю, Ш. Ван. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2009. 123 с.].
- Лю, 2009 – 刘珣. 新使用汉语. 北京语言大学出版社. 2009. [Лю С. Новый практический курс китайского языка. Beijing: BLCUP, 2009. 248 с.].
- Ма, 2011 – 马亚敏. 轻松学汉语. 课本 1. 联书店 (香港) 有限公司. 2011. [Ма Я. Легкий китайский язык для детей I: учебник. Hong Kong: Joint Publishing (HK) Co Ltd, 2011. 128 с.].
- У, 2009 – 吴中伟. 当代中文. 华语教学出版社. 2009. [У Чж. Современный китайский язык (рус. изд.): учебник. Пекин: Хуаюй цзяосюэ чубаньшэ. 2009. 194 с.].
- Чжан, 2007 – 张如梅. 体验汉语. 高等教育出版社. 2007. [Чжан Ж. Познакомьтесь с китайским языком: учебник. Пекин: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2007. 163 с.].

References

- Andreeva, T. L., Kern, K. E. (2017). Lingvisticheskiy aspekt kak faktor vneshney politiki KNR v XXI v [Linguistic aspect as a factor of the foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Tomsk State University Journal], 417, 25–29. (In Russ.).
- Burov, V. G. (2013). Mezhdunarodnaya Assotsiatsiya kitayskogo yazyka [International association of the Chinese language]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Vostok (Oriens)], 4, 176–184. (In Russ.).
- Wang, G. (2018). Otrazhenie v kitayskoy ieroglificheskoy pis'mennosti razdeleniya truda traditsionnoy sem'i [Reflection of the division of labor within a traditional family in the Chinese hieroglyphic writing]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Tomsk State University Journal], 434, 108–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/434/13>
- Wang, D. (2019). Yazykovaya politika v KNR [Language policy in PRC]. In M. V. Mishkevich et al. (Eds), *Kartina mira cherez prizmu kitayskoy i belorusskoy kul'tur* [Picture of the world through the prism of Chinese and Belarusian cultures]: Conf. Proc., Minsk, December 14, 2018 (pp. 90–94). Minsk: Belarusian State Agrarian Technical University Press. (In Russ.).
- Gurin M. V. (2011). Kitayskaya ieroglifika v sovremennom mire [Chinese hieroglyphics in the modern world]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-Educational Idea], 3 (8), 87–91. (In Russ.).
- Desheriev, Yu. D. (1990). Yazykovaya politika [Language policy]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/616a.html> (In Russ.).
- Zav'yalova, O. I. (1999, October 20). Labirinty ieroglifa [Hieroglyph labyrinths]. *NG-Nauka* [NG-Science]. (In Russ.).
- Zav'yalova, O. I. (2015). Lingvisticheskie novatsii i vneshnyaya politika Kitaya [Innovations in Chinese linguistics and China's foreign policy]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6, 116–119. (In Russ.).
- Ivchenko, T. V. (2012). Novye gorizonty: integral'nyy kurs kitayskogo yazyka [New horizons: Integral course of the Chinese language]. Educational Science Publishing House. (In Russ. and Chinese).
- Ivchenko, T. V. (2020). Samouchitel' kitayskogo yazyka [Chinese language tutorial]. Moscow: AST Press. (In Russ. and Chinese).
- Ivchenko, T. V., Mazo, O. M., Li, T. (2018). Polnyy kurs kitayskogo yazyka dlya nachinayushchikh [Full course of the Chinese language for beginners]. Moscow: AST Press. (In Russ. and Chinese).
- Kondrashevskiy, A. F., Rumyantseva, M. V., Frolova, M. G. (2015). Prakticheskiy kurs kitayskogo yazyka [Practical course of the Chinese]. In 2 volumes. 12th edn., with corrections. Moscow: Vostochnaya kniga Press. (In Russ. and Chinese).
- Leont'eva, E. O., Belokopytova, M. S. (2016) Institut Konfutsiya kak instrument vneshney politiki KNR [Confucius Institutes as a tool of China's foreign policy]. *Regionalistika* [Regionalistics], 3 (5), 51–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/reg.2016.5>
- Mikhnevich, S. V. (2014). Panda na sluzhbe drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki «Myagkoy sily» Kitaya [The Panda in the Dragon's service: The main directions and mechanisms

- of China's soft power policy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [International Organisations Research Journal], 9 (2), 95–129.
- Morozova, N. V. (2019). *Yazykovaya politika KNR na sovremennom etape (2001–2013 gg.)* [The language policy of the PRC at the present stage (2001–2013)]: PhD in Historical sci. diss. Moscow : Russian State University for the Humanities.
- Rybnikar, A. A. (2013). *Issledovanie dialektov Kitaya rossiyskimi uchenymi* [Study of China dialects by Russian scientists]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art criticism and cultural studies]: XXVIII International Conf. Proc. (Vol. 5 (28), pp. 1–7). Novosibirsk : SibAK Press.
- Storozhuk, A. G. (2017). *Vvedenie v kitayskuyu ieroglifiku* [Introduction into Chinese characters]. St Petersburg : Karo Press.
- Chaylakhov, I. V., Rudometova, A. Yu. (2018). *Etapy stanovleniya i standartizatsii kitayskoy pis'mennosti* [Stages of formation and standardization of the Chinese writing system]. *Sovremennaya filologiya* [Modern Philology]: VI International Scientific Conf. Proc. Kazan : Young Scientist, 41–46.
- Liu, F., Wang, W., Zhou, R., Li, D. (2009). *Hàn yǔ lè yuán* [Chinese Paradise]. Beijing : Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese and Russ.).
- Zhang, X., He, F., Khamatova, A. A., Kurilova, K. A. (2003). *Hàn yǔ xīn qǐ diǎn 1, 2* [New start. Chinese language]. Beijing : Jiaoyu kexue chubanshe. (In Chinese and Russ.).
- Yang, J. (2007). *Hanyu Jiaocheng* [Chinese language course] (Vol. 1). Beijing : Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese and Russ.).
- Xu, J., Hu, W., Wu, Zh. (2019). *Expressway to Chinese (Elementary I)*. Beijing : Beijing Language and Culture University Press.
- Jiang, L. (2014). *HSK Standard course 1*. Beijing : Beijing Language and Culture University Press.
- Jiang, Zh., Zhao, D., Zheng, J., Chen, Y. (2020). A study on differences between simplified and traditional Chinese based on complex network analysis of the word co-occurrence networks. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 20, Article ID 8863847. <https://doi.org/10.1155/2020/8863847>
- Liu T., Hslao J. (2012). The perception of simplified and traditional Chinese Characters in the eye of simplified and traditional Chinese readers. *Journal of Vision*, 12 (9), Article 533. doi:<https://doi.org/10.1167/12.9.533>
- Li, Sh., Luo, Q., Liu, Sh., Wang, Sh., (2009). *Kuaile hanyu* [Happy Chinese]. Beijing : Renmin jiaoyu Press. (In Chinese and Russ.).
- Liu, S. (2009). *Xin shi yong han yu* [New practical course of the Chinese language]. Beijing : Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese and Russ.).
- Ma, Ya. (2011). *Qingsong xue hanyu I* [Easy Chinese for children 1]. Hong Kong : Joint Publishing (HK) Co Ltd. (In Chinese and Russ.).
- Wu, Zh. (2009). *Dangdai zhongwen* [Modern Chinese]. Beijing : Hanyu jiaoxue chubanshe. (In Chinese and Russ.).
- Zhang, R. (2007). *Tiyan hanyu* [Experiencing Chinese]. Beijing : Gāoděng jiàoyù chūbǎnshè. (In Chinese and Russ.).

Иванищева Ольга Николаевна
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск, Российская Федерация
oivanishcheva@gmail.com

**О народно-разговорной речи на рубеже XX–XXI веков
[Рецензия на «Словарь народно-разговорной речи города
Архангельска»: Т. 1: Городское просторечие. Т. 2: Городские
социолекты. Ч.1. Профессиональная речь рыбаков и моряков.
Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодёжный жаргон
Архангельска (1996–2018)]**

Аннотация

Три тома словаря отражают разные пласты народно-разговорной лексики Архангельска (городское просторечие, профессиональная речь рыбаков и моряков и молодежный жаргон Архангельска). Актуальность словаря обусловлена его комплексным характером и исследованием языковой картины мира на материале речи архангелогородцев, что имеет не только региональную, но и общероссийскую значимость, так как фиксирует живую разговорную речь северян на рубеже XX – XXI веков. Впервые в русской лексикографии городское просторечие и социолекты Архангельской области изучены как в статическом, так и в динамическом аспектах. При каждом слове даётся толкование его значений, приводятся основные грамматические формы, ударение, эмоционально-экспрессивные, энциклопедические пометы, примеры употребления, фразеологизмы. В словаре успешно решаются многие проблемы лексикографирования субстандартной лексики.

Ключевые слова: словарь народно-разговорной речи, просторечие, жаргон молодёжи и рыбаков и моряков Архангельского Севера, лексикография

© Иванищева О. Н. 2023

Для цитирования: Иванищева О. Н. О народно-разговорной речи на рубеже XX–XXI веков [Рецензия на «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска»: Т. 1: Городское просторечие. Т. 2: Городские социолекты. Ч.1. Профессиональная речь рыбаков и моряков. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодёжный жаргон Архангельска (1996–2018)] // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 185–190. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_185

Olga N. Ivanishcheva
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russian Federation
oivanishcheva@gmail.com

**About folk-colloquial speech at the turn of the XX–XXI centuries
[Review of the «Dictionary of Folk-colloquial speech of the city of
Arkhangelsk»: Vol. 1: Urban vernacular. Vol. 2: Urban sociolects.
Part 1. Professional speech of fishermen and sailors. Vol. 2: Urban
sociolects. Part 2: Youth jargon of Arkhangelsk (1996–2018)]**

Abstract

Three volumes of the Dictionary reflect different layers of the folk-colloquial speech of Arkhangelsk (Urban Vernacular, Professional speech of fishermen and sailors, Youth jargon of Arkhangelsk). The relevance of

dictionary of this kind is due to its complex nature. The study of the language picture of the world using the material of the speech of the Arkhangelsk people has not only regional but also all-Russian significance. In this regard, it seemed relevant to fix the living colloquial speech of northerners at the turn of the 20th – 21st centuries. For the first time in Russian lexicography, urban vernacular and sociolects of the Arkhangelsk region were studied both in static and dynamic aspects. With each word, an interpretation of its meanings is given, the main grammatical forms, stress, emotionally expressive, encyclopedic marks, usage examples, phraseological units are given. The dictionary successfully solves many problems of sub-standard lexicography.

Keywords: dictionary of folk-colloquial speech, vernacular, jargon of youth and fishermen and sailors of the Arkhangelsk North, lexicography

© Ivanishcheva O. N. 2023

For citation: Ivanishcheva, O. N. (2023). O narodno-razgovornoy rechi na rubezhe XX–XXI vekov [Retsenziya na «Slovar' narodno-razgovornoy rechi goroda Arkhangel'ska»: T. 1: Gorodskoe prostorechie. T. 2: Gorodskie sotsiolekty. Ch.1. Professional'naya rech' rybakov i moryakov. T. 2: Gorodskie sotsiolekty. Ch. 2: Molodezhnyy zhargon Arkhangel'ska (1996–2018)] [About folk-colloquial speech at the turn of the XX–XXI centuries [Review of the «Dictionary of Folk-colloquial speech of the city of Arkhangelsk»: Vol. 1: Urban vernacular. Vol. 2: Urban sociolects. Part 1. Professional speech of fishermen and sailors. Vol. 2: Urban sociolects. Part 2: Youth jargon of Arkhangelsk (1996–2018)]]]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 185–190. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_185

1. Введение [Introduction]

1. Оценка актуальности, новизны и практической значимости [Evaluation of the demand, novelty and application results]

В новых социокультурных условиях описание живой речи горожан представляет большой интерес, так как фиксирует пёструю по своему составу речь россиян. Однако словарей, призванных фиксировать «живую устную речь народа» в конкретный исторический период, сравнительно немного.

Актуальность проблемы обусловлена возрастающим вниманием к изучению форматов знаний на всех уровнях языка и слова как лексикографической единицы, активным, и часто далеко не позитивным, влиянием лексики ограниченного употребления (жаргон, арг, просторечие, специальная лексика) на общеупотребительную лексику, а также интенсивным развитием междисциплинарных научных направлений: социолингвистики, аргологии, лингвоперсонологии, психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

Север всегда считался хранителем исконно русских традиций. Речь жителей Архангельского Севера, будучи региональной разновидностью общенародного русского языка, издавна являлась сокровищницей русского языка и русской культуры, всегда считалась особенной, образной, меткой, точной. Диалектная речь жителей Архангельской области изучается давно, в то время как городское просторечие и социолекты практически не были изучены ни в статическом, ни в динамическом аспектах. Оптимальный вариант словаря народно-разговорной речи пока не найден. Создание лингвистической карты живой речи русских городов далеко не завершено.

«Словарь народно-разговорной речи города Архангельска» [Словарь..., 2013 ; Словарь..., 2016 ; Словарь..., 2019] достойно пополнил список региональных словарей субстандартной лексики: городского просторечия, профессиональной речи рыбаков и моряков Архангельского Севера, молодежного жаргона Архангельска [Козырев, Черняк, 2016, с. 181, 241, 262, 272, 318].

Актуальность такого словаря определяется его комплексным характером: он позволяет увидеть «жизнь» слова, изменения в субстандартной лексике на рубеже XX и

XXI веков. Новизна рецензируемого словаря состоит в том, что он явился результатом более чем двадцатилетней работы авторов, лингвистов Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, по изучению активных микропроцессов, происходящих в русской речи конца XX – начала XXI века, в лаборатории социопсихолингвистики при кафедре русского языка и речевой культуры под руководством О. Е. Морозовой.

Авторы словаря в своей работе исходили из языкового своеобразия Архангельска, являющегося, с одной стороны, поморским городом, в котором живут моряки и рыбаки, носители профессиональных жаргонов, заключающих в себе элементы традиционной поморской лексики, а с другой стороны – современным городом. В речи жителей Архангельска обнаруживаются и реликты диалектной речи, и городское просторечие, и различные социолекты (профессиональная речь рыбаков и моряков, молодёжный жаргон и др.).

Существует множество проблем, связанных с лексикографированием некодифицированной речи, решение которых также осуществлялось при написании рецензируемого словаря. Это и проблема отбора наиболее актуальной просторечной, профессиональной и жаргонной лексики в состав словника словаря, разработка системы помет (социолингвистических, прагматических, этимологических и др.), проблема границы омонимии и многозначности при контекстуальном анализе семантики одинаково звучащих звуковых комплексов, иначе говоря, проблема тождества слова.

В процессе работы возникала и проблема подачи пластов народно-разговорной речи. Первый путь решения проблемы – единый алфавитный словарь речи города, второй – разнесение отдельных пластов лексики ограниченного употребления по разным томам словаря. Наиболее целесообразным авторам представился второй путь, позволяющий увидеть своеобразие различных подсистем лексики ограниченного употребления русского языка. Составители собрали большую картотеку, которая и легла в основу трёх томов словаря (более 10000 частотных лексем и фразеологизмов). «Словарь призван, во-первых, зафиксировать народно-разговорную речь Архангельска конца XX – начала XXI века, периода больших социальных потрясений в России, когда язык стремительно менялся и в нём одновременно сосуществовали пласты лексики, отражающие быт, представления, реалии трёх различных эпох: дореволюционной, советской и постсоветской; во-вторых, привлечь внимание горожан к проблемам культуры речи» [Морозова, 2013, с. 8].

Решение серьёзной проблемы соотношения ненормативности народно-разговорной речи и культурноречевых рекомендаций было найдено с помощью специальных запретительных помет, фиксирующих случаи грубого нарушения нормы.

Не вызывает сомнения практическая ценность словаря. Его материалы могут найти применение в преподавании многих филологических дисциплин, а также будут полезны не только специалистам-гуманитариям, но и широкому кругу читателей, тем, кто не безразличен к судьбам русского слова, кто интересуется историей и этнографией родного края.

2. Оценка структуры словаря [Evaluation of the dictionary structure]

Словарь народно-разговорной речи состоит из трёх книг. В первом томе словаря [Словарь..., 2013] собрана лексика городского просторечия, которая включает в себя «новое» и «старое» просторечие. Лексика «старого» просторечия близка к устаревшей лексике поморов (названия течений, льда, ветров и т. д.). «Новое» просторечие и молодёжный жаргон – язык наших дней, порой грубый и фамильярный. Авторы разработали систему экспрессивно-эмоциональных помет (*неодобр.*, *укоризн.*, *груб.*, *вульг.*, *фам.*, *презр.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *бран.*), указывающих на то, что слово не рекомендовано к употреблению. Если нарушаются грамматические нормы или нормы ударения, в словаре используется помета «не рек.» (не рекомендуется). В словарь, особенно в том «Город-

ское просторечие», вошли не только имена нарицательные, но и некоторые собственные, поскольку именно ономастикон во многом определяет своеобразие языкового облика города (*Розочка* – улица Розы Люксембург, *Мексика* – район Маймакса в Архангельске).

Архангельск – город-порт, своеобразие языка которого формирует профессиональная лексика моряков и рыбаков. Слова, представленные во втором томе словаря [Словарь..., 2016], собраны в процессе наблюдений за живой речью моряков и рыбаков Архангельского Севера: рыболовов-любителей, рыбаков тралового флота, матросов Северного морского пароходства, поморов-промысловиков, а также анализа текстов региональных средств массовой информации и художественных произведений, книг о жизни и быте поморов. Значения многих поморских слов уже неизвестны большинству жителей Архангельска, однако часть данной лексики вошла в морской и рыбацкий профессиональные жаргоны [Языковая картина..., 2010]. Объединение в пределах одного словаря различных языковых подсистем даёт возможность увидеть их взаимодействие. Так, казалось бы, бесследно исчезли из речи архангелогородцев многие слова диалектной поморской речи. Однако оказалось, что большинство слов, связанных с наименованиями ветра и движений воды, приливов и отливов, вошли в современные морской и рыбацкий профессиональные жаргоны. Среди них названия ветров: *сиверко*, *шалоник* (*шалонник*) – северные ветры; *бора* – северо-западный ветер, *обедник* – западный ветер, *сток* – восточный ветер. Часть лексики сохранилась в составных наименованиях: *Житова кошка* (кошка – остров в дельте Двины, покрытый ивняком), *Пур-Наволок* (наволок – выступающий мыс). У некоторых слов появились новые значения. Например, у лексемы *бахилы* (изначально (поморск.): кожаные чулки, которые рыбаки надевают поверх обуви) развиваются новые значения: 1) большая разношенная обувь. *Выбросил бы эти бахилы-то. Зап. 2006.* 2) большие тапки из целлофана, надеваемые поверх обуви при посещении больницы. *Не забудь бахилы купить. Зап. 2007.*

Том словаря «Молодёжный жаргон Архангельска» [Словарь..., 2019] представляет результаты двадцатилетних наблюдений за речью молодёжи (1996 – 2018 гг.), что отражено в хронологических пометах (Зап. 1998 ; Зап. 2018 и др.).

Сеть Интернет и современное телевидение увеличивают долю общежаргонной лексики в молодёжной речи. В словарь вошли как общежаргонная лексика и фразеология, так и лексика разных субкультур, отмеченная особыми пометами: *школьн.* (школьный жаргон), *студ.* (студенческий жаргон), *гот.* (жаргон готов), *комп.* (компьютерный жаргон), *рол.* (жаргон ролевиков), *гейм.* (жаргон геймеров), *нарк.* (жаргон наркоманов), *арм.* (армейский жаргон), *панк.* (жаргон панков), *хип.* (жаргон хиппи), *мет.* (жаргон металлистов). Региональный компонент также представлен, о чём свидетельствует помета *Арханг.* в словарных статьях регионализмов (*Варава* – Варавино, район Архангельска).

3. Критические замечания [Criticism]

При несомненных достоинствах рецензируемого словаря, таких, как научность, высокий уровень лексикографической разработки описываемого материала, системы оценочных, этимологических и энциклопедических помет, необходимо отметить в качестве перспективы исследования следующую проблему, с которой сталкиваются составители словарей городской речи, – это объём и структура словаря. Стоит ли включать в словари ту просторечно-разговорную лексику, которая уже отмечена в словарях русского языка? С одной стороны, это ведёт к увеличению объёма словаря, загружая его информацией, которую можно почерпнуть из других источников. С другой стороны, чем полнее словарь отражает городскую речь, тем удобнее его использовать в качестве материала для исследований. Кроме того, в условиях современной реальности, с развитием средств массовой коммуникации, немногие лингвисты рискнут утверждать, что какое-

либо слово (особенно новое) употребляется только в одном городе или в нескольких регионах и в одном и том же значении. Думается, что региональные словари городской речи могут включать и общепросторечную лексику, проиллюстрированную региональным материалом из устной речи и местных средств массовой информации. Но желательно, чтобы при этом были ссылки на словари, в которых данное слово уже отмечено (имеется в виду прежде всего разговорная и просторечная лексика). Это поможет выявить распространённость слова, его освоенность и историческую перспективу, что, например, сделано в словаре города Омска [Словарь..., 2003].

4. Заключение [Conclusions]

Все три тома словаря имеют лингвоэнциклопедический характер. В них содержится большое количество энциклопедических словарных помет, выполненных на высоком уровне лексикографической разработки описываемого материала, системы эмоционально-оценочных, этимологических, региональных и энциклопедических помет. Все лексикографические параметры представлены убедительно и, что очень важно, последовательно.

Лексикографическая фиксация обиходно-разговорной речи и жаргонов позволяет составить целостное представление о развитии лексико-фразеологической системы русского языка. Представленный в трёх томах словаря материал позволяет выявить тенденции в развитии языка и языковой картины мира применительно к современной российской лингвокультуре.

Словарь имеет большую социокультурную и теоретическую значимость, вносит вклад в развитие социолингвистики, диалектологии и прагмалингвистики. Материалы словаря, вне всякого сомнения, будут востребованы его потенциальными пользователями. Словарь не только непредвзято отражает состояние обиходной речи жителей Архангельска, но и выполняет роль справочного пособия. В этом своём качестве словарь будет полезен для региональных журналистов и для учителей, работающих в Архангельске и Архангельской области, для филологов, социологов и культурологов, изучающих современную языковую ситуацию на Русском Севере.

Библиографический список

- Козырев, Черняк, 2016 – Козырев В. А., Черняк В. Д. Кто есть кто в русской лексикографии : справочная книга. СПб. : Свое издательство, 2016. 594 с.
- Морозова, 2013 – Морозова О. Е. Народно-разговорная речь Архангельска // Словарь народно-разговорной речи города Архангельска : в 3 тт. / сост. Е. Е. Котцова [и др.] ; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск : САФУ, 2013. Т. 1 : Городское просторечие. С. 3–8.
- Словарь..., 2003 – Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М. : Изд-во «Русские словари» : Изд-во «Астрель» : Изд-во АСТ : Изд-во «Транзиткнига», 2003. 565 с.
- Словарь..., 2013 – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска : в 3 тт. / сост. Е. Е. Котцова [и др.] ; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск : САФУ, 2013. Т. 1 : Городское просторечие. 203 с.
- Словарь..., 2016 – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска : в 3 тт. / сост. Е. Е. Котцова [и др.] ; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск : САФУ, 2016. Т. 2 : Городские социолекты. Ч. 1: Профессиональная речь моряков и рыбаков. 199 с.
- Словарь..., 2019 – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска : в 3 тт. / сост. Е. Е. Котцова [и др.] ; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск : САФУ, 2019. Т. 2 : Городские социолекты. Ч. 2: Молодежный жаргон Архангельска, 1996–2008. 195 с.
- Языковая картина..., 2010 – Языковая картина мира поморов / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова, Е. В. Артемьева, Т. А. Сидорова. Архангельск : Поморский ун-т, 2010. 369 с.

References

- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2016). *Kto est' kto v russkoy leksikografii* [Who is who in Russian lexicography]. St Petersburg : Svoe Press.
- Morozova, O. E. (Ed.). (2013). *Narodno-razgovornaya rech' Arkhangel'ska* [Folk colloquial speech of Arkhangelsk]. *Slovar' narodno-razgovornoy rechi goroda Arkhangel'ska* [Dictionary of colloquial speech of the city of Arkhangelsk]. In 3 volumes (Vol. 1, pp. 3–8). Arkhangelsk : SAFU Press.
- Osipov, B. I. (Ed.). (2003). *Slovar' sovremennogo russkogo goroda* [Dictionary of the modern Russian city]. Moscow : Russkie slovari Press : Astrel Press : AST Press : Tranzitkniga Press.
- Morozova, O. E. (Ed.). (2013). *Slovar' narodno-razgovornoy rechi goroda Arkhangel'ska* [Dictionary of folk colloquial speech of the city of Arkhangelsk]. In 3 volumes. Vol. 1 : Gorodskoe prostorechie [Urban vernacular]. Arkhangelsk : SAFU Press.
- Morozova, O. E. (Ed.). (2016). *Slovar' narodno-razgovornoy rechi goroda Arkhangel'ska* [Dictionary of folk colloquial speech of the city of Arkhangelsk.]. In 3 volumes. Vol. 2 : Gorodskie sotsiolekty [Urban sociolects]. Part 1 : Professional'naya rech' moryakov i rybakov [Professional speech of sailors and fishermen]. Arkhangelsk : SAFU Press.
- Morozova, O. E. (Ed.). (2019). *Slovar' narodno-razgovornoy rechi goroda Arkhangel'ska* [Dictionary of folk colloquial speech of the city of Arkhangelsk.]. In 3 volumes. Vol. 2 : Gorodskie sotsiolekty [Urban sociolects]. Part 2 : Molodezhnyy zhargon Arkhangel'ska, 1996–2008 [Youth jargon of Arkhangelsk, 1996–2008]. Arkhangelsk : SAFU Press.
- Sidorova, T. A. (Ed.). (2010). *Yazykovaya kartina mira pomorov* [Language picture of the world of the Pomors]. Arkhangelsk : Pomor University Press.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

Котцова Елена Евгеньевна

**Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
г. Архангельск, Российская Федерация**

e.kotzova@yandex.ru

О прикладной лингвистике и современных тенденциях развития гуманитарного знания [Рецензия на учебное пособие: О. Н. Иванищева «Прикладная лингвистика»]

Аннотация

Учебное пособие освещает проблемы некоторых направлений прикладной лингвистики (антропологическая лингвистика, лексикография, социолингвистика и юрислингвистика), востребованных в современную эпоху, и методы решения этих проблем. Актуальность учебного пособия обусловлена тем, что в науке до сих пор нет единого понимания феномена «прикладная лингвистика». Новизна пособия состоит в том, что рассмотрение проблем прикладной лингвистики в нём соотнесено с современными тенденциями развития гуманитарного знания, а именно с глобализацией гуманитарного пространства и проблемами коммуникации. Проблемы и методы прикладной лингвистики рассмотрены на примере языка коренного малочисленного народа Севера (кильдинский саамский язык) и приграничного северного региона (Мурманская область), а также на примере употребления инвективной лексики современного русского языка. Описана специфика подходов к исследованию лексики саамского языка. В пособии уточняется процедура обнаружения инвективности лексики в процессе проведения лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, антропологическая лингвистика, социолингвистика, лексикография, юрислингвистика

© Котцова Е. Е. 2023

Для цитирования: Котцова Е. Е. О прикладной лингвистике и современных тенденциях развития гуманитарного знания [Рецензия на учебное пособие: О. Н. Иванищева «Прикладная лингвистика»] // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 191–195. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_191

Elena E. Kotsova

**Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russian Federation**

e.kotzova@yandex.ru

On applied linguistics and modern trends in the development of Humanities [Book review: O. N. Ivanishcheva «Applied Linguistics»]

Abstract

The coursebook aims to highlight the problems in some areas of applied linguistics (anthropological linguistics, lexicography, sociolinguistics and legal linguistics) which are relevant in the modern era and methods for solving them. As in modern science there is still no common understanding of the «Applied Linguistics» phenomenon, the demand for this book is obvious. The novelty of the coursebook is determined by the fact that considering the problems of applied linguistics in it correlates with modern trends in the development of Humanities including the globalization of the Humanities space and communication issues in the new reality. The problems and methods of applied linguistics are considered on the example of the language of the indigenous small people of the North (Kildin Saami language) and the northern border region (Murmansk region) as well as on the example of the use of invective vocabulary of the modern Russian language. The specificity of approaches to the study of the vocabulary of the Saami language is described. The coursebook clarifies the procedure for detecting invective vocabulary during the linguistic expertise.

Keywords: applied linguistics, anthropological linguistics, sociolinguistics, lexicography, legal linguistics

© Kotsova E. E. 2023

For citation: Kotsova, E. E. (2023). O prikladnoy lingvistike i sovremennykh tendentsiyakh razvitiya gumanitarnogo znaniya [Retsenziya na uchebnoe posobie: O. N. Ivanishcheva «Prikladnaya lingvistika»] [On applied linguistics and modern trends in the development of Humanities [Book review: O. N. Ivanishcheva «Applied Linguistics»]]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 191–195. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_191

1. Введение [Introduction]

1. Оценка актуальности, новизны и практической значимости [Evaluation of the demand, novelty and application results]

Несмотря то, что представление о предмете прикладной лингвистики кажется довольно прозрачным, в науке до сих пор нет единого понимания этого феномена, что подчёркивает актуальность рецензируемого учебного пособия [Иванищева, 2020]. Отмечается, что прикладная лингвистика призвана решать различные социально значимые прикладные задачи [Герд, 2005, с. 5] и поэтому в государственных образовательных стандартах высшего образования 45.03.03 и 45.04.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика (уровень бакалавриата и магистратуры) предмет прикладной лингвистики сужается до изучения электронных языковых ресурсов (лингвистические корпуса, словари, тезаурусы, онтологии, базы данных и базы знаний) и лингвистических технологий, применяемых в электронных системах различного назначения (поисковых системах, системах машинного перевода, системах управления, системах обработки звучащей речи, экспертных системах, электронных языковых ресурсах) [ФГОС, 2015 а ; ФГОС, 2015 б].

С другой стороны, роль прикладной лингвистики в решении проблем общелингвистического и даже общегуманитарного характера значительна, хотя в существующих пособиях по прикладной лингвистике [Прикладное языкознание, 1996 ; Баранов, 2001 ; Склярова, 2016] эти проблемы в основном связываются с функциями языка (когнитивной и эпистемической функций, функции языка как средства передачи информации, социальной функции). Новизна учебного пособия состоит в том, что рассмотрение проблем прикладной лингвистики в нём соотнесено с современными тенденциями развития гуманитарного знания, а именно с глобализацией гуманитарного пространства и проблемами коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, практическая значимость пособия несомненна. Оно может найти применение в преподавании многих дисциплин на филологических факультетах высших учебных заведений, например, таких, как теория языка, лексикография, социолингвистика и теория коммуникации. Результаты работы также могут быть использованы при создании учебной и учебно-методической литературы и, конечно, в научных изысканиях студентов и аспирантов.

2. Оценка структуры учебного пособия [Evaluation of the book structure]

В пособии 4 главы, каждая из которых ставит проблему и представляет методы решения этой проблемы. Кроме того, каждая глава содержит вопросы для обсуждения и контрольно-измерительные материалы.

В главе 1 «Антропологическая лингвистика» обсуждается антропоцентричный подход к исследованию лексики языка коренного малочисленного народа Севера (кильдинского саамского языка), указывается специфика онтологического и методологического подходов к исследованию лексической системы исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера. Подчёркивается, что общепринятое утверждение о

декларативности антропоцентричного подхода к исследованию языковых фактов в современной лингвистике может быть преодолено, если рассматривать язык в аспекте системно-нормативных ограничений в его функционировании, связанных с особенностями человеческой деятельности и с коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Так, исследование антропоцентричности кильдинского саамского языка на примере ландшафтной лексики показало, что выделение смысла и оформление в отдельное слово в ландшафтной лексике кильдинского саамского языка непосредственно связано со значимостью реалии для хозяйственной деятельности человека, а ограничения в функционировании современного кильдинского саамского языка объясняются бытовыми функциями языка, утратой части промыслов и потерей части народных знаний. Принцип антропоцентризма получает новое решение, если использовать онтологический и методологический подходы. Как самый эффективный метод анализа языкового материала при антропоцентричном подходе называется метод сравнения, на основе которого выявляются оппозитивные отношения, лексические лакуны, разграничиваются научные и наивные знания о реалиях, а значит, «наивноязыковая» и «научная» картины мира.

В главе 2 «Лексикография» продолжается развитие идеи об актуальности антропоцентричного подхода к языковым явлениям. В частности, говорится о такой тенденции современной лексикографии, как обращение к пользователю словаря, учёт его потребностей, интересов и опыта. В связи с этим в ином ракурсе представляется типология словарей и анализируется специфичность двуязычного словаря как страноведческой энциклопедии. Особое внимание уделяется принципам лексикографирования языков коренных народов Севера: обсуждается специфика тематических переводных словарей саамского, эвенского, юкагирского, мансийского, хантыйского и других языков, которая состоит прежде всего в составе словника, то есть в составе тематических групп, представленных в словаре, а также в содержании словарной статьи, включающей обязательный культурологический комментарий. Инновацией в теоретическом осмыслении автором пособия процесса создания словаря исчезающего языка (кильдинского саамского языка) является описание оппозиций «словарь – язык», «словарь – пользователь» и «словарь – составитель» как основы концепции словаря языка коренного малочисленного народа.

В главе 3 «Социолингвистика» представлены типы языковых ситуаций и даны модели социолингвистического портрета приграничного северного региона (на примере Мурманской области) и малого языка (на примере кильдинского саамского языка). Количественные и качественные показатели характеристики региона и малого языка соответствуют принятым в научной литературе (см., напр., [Копьева, Андросова, 2017; Процукович и др., 2017]): количество носителей языка и их качественные показатели, языковые контакты, наличие письменной культуры и др. Среди социолингвистических методов внимание уделяется биографическому методу.

Глава 4 «Юрислингвистика» посвящена теоретическим вопросам лингвоэкспертной деятельности и прежде всего оскорблению как юридическому и лингвистическому феномену. В выводах обсуждается такой спорный вопрос, как методы лингвистической экспертизы. Оспаривается распространённое мнение о том, что методы лингвистической экспертизы должны отличаться от научных филологических методов и что деятельность лингвиста-эксперта отличается от деятельности лингвиста-исследователя. Отмечается, однако, что использование уже отработанных методов и методик не всегда приводит к желаемому результату, что вызывает претензии со стороны лингвоэкспертного сообщества.

3. Критические замечания [Criticism]

При несомненных достоинствах рецензируемого учебного пособия, таких, как научность, глубокое и оригинальное представление теории и практики исследования языковых фактов, основанное в том числе на работах автора, выполненных в рамках

грантовой деятельности, необходимо, на наш взгляд, отметить несколько чрезмерную углубленность в материал, который представляется автору наиболее интересным. В пособии, представляющим четыре отрасли прикладной лингвистики (антропологическая лингвистика, лексикография, социолингвистика, юрислингвистика), не освещаются общие, может, даже широко известные проблемы этих наук. Автору, очевидно, (и это вполне разумно и, наверное, оправданно) кажется, что знакомство с материалом пособия предполагает подготовленного в теоретическом отношении читателя. Подобное представление материала возможно, но в таком случае лучше адресовать его слушателям программ магистратуры и аспирантуры, а не бакалавриата и тем более обучающимся филологических классов гимназий, как указано в аннотации к пособию. И в таком случае недостаток оборачивается достоинством, так как учебных пособий, предназначенных для аспирантуры направления 45.06.01 Языкознание и литературоведение (в новом варианте, включающем следующие научные специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика), на рынке учебно-методической литературы немного (см., напр., [Андросова, 2014 ; Андросова, Андросов, 2016 и др.]).

4. Заключение [Conclusions]

Учебное пособие, несмотря на некоторые замечания по поводу содержания и, скорее, благодаря им, представляет глубокое и оригинальное осмысление проблем прикладной лингвистики на современном этапе. Научные идеи этого пособия и его методические находки, вне всякого сомнения, будут востребованы его потенциальными пользователями: студентами, аспирантами и преподавателями.

Библиографический список

- Андросова, 2014 – Андросова С. В. Акустический анализ речевого сигнала : учеб.-метод. пособие. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2014. 60 с.
- Андросова, Андросов, 2016 – Андросова С. В., Андросов Е. Ю. Статистическая обработка данных звучащей речи : учеб. пособие. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2016. 72 с.
- Баранов, 2001 – Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Герд, 2005 – Герд А. С. Прикладное терминоведение в его отношении к терминоведению и прикладной лингвистике // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. 2005. № 7. С. 1–6.
- Иванищева, 2020 – Иванищева О. Н. Прикладная лингвистика : учеб. пособие. М. : РУСАЙНС, 2020. 236 с.
- Копьева, Андросова, 2017 – Копьева, Д. А., Андросова, С. В. «Языковое гнездо» как способ решения проблемы сохранения эвенкийского языка в Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 17–25. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_17_25
- Прикладное языкознание, 1996 – Прикладное языкознание : учебник / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 526 с.
- Процукович и др., 2017 – Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области / Е. А. Процукович, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, О. Н. Черноградская // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 74–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
- Склярова, 2016 – Склярова Н. Г. Введению в прикладную лингвистику. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие. Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2016. 86 с.

- ФГОС, 2015 а – Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования БАКАЛАВРИАТ. Направление подготовки 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика. Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 181. URL : <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450303.pdf> (дата обращения : 17.03.2022).
- ФГОС, 2015 б – Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования МАГИСТРАТУРА. Направление подготовки 45.04.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика. Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 1407. URL : <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/450403.pdf> (дата обращения : 17.03.2022).

References

- Androsova, S. V. (2014). *Akusticheskiy analiz rechevogo signala [Acoustic speech analysis]: A coursebook*. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- Androsova S. V., Androsov E. Yu. (2016). *Statisticheskaya obrabotka dannykh zvuchashchey rechi [Statistical procedures in oral speech data processing]: A coursebook*. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]: A coursebook*. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ).
- Gerd, A. S. (2005). *Prikladnoe terminovedenie v ego otnoshenii k terminovedeniyu i prikladnoy lingvistike [Applied terminology in its relation to terminology and applied linguistics]*. Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2 : Informatsionnye processy i sistemy [Scientific and Technical Information. Series 2 : Information Processes and Systems], 7, 1–6. (In Russ).
- Ivanishcheva, O. N. (2020). *Prikladnaya lingvistika [Applied linguistics]*. Moscow : RUSCIENCE Press. (In Russ).
- Kop'iova, D. A., Androsova, S. V. (2017). «Yazykovoe gnezdo» kak sposob resheniya problemy sokhraneniya evenkiyskogo yazyka v Amurskoy oblasti [«Language nest» as a way to solve the problem of preserving the Evenki language in the Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (3), 17–25. (In Russ). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_17_25
- Gerd, A. S. (Ed.). (1996). *Prikladnoe yazykoznanie [Applied linguistics]*. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ).
- Protsukovich, E. A., Morozova, O. N., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Chernogradskaya, O. N. (2017). *Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v s. Ivanovskoe Selemdzhimskogo rayona Amurskoy oblasti [Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selemdzha Distict, Amur Region]*. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 3 (3), 74–85. (In Russ). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
- Sklyarova, N. G. (2016). *Vvedeniyu v prikladnuyu lingvistiku. Informatsionnye tekhnologii v lingvistike [Introduction to applied linguistics. Information technology in linguistics]*. Pyatigorsk : PGU Press. (In Russ).
- FGOS (2015 a). *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven' vysshego obrazovaniya BAKALAVRIAT. Napravlenie podgotovki 45.03.03 Fundamental'naya i prikladnaya lingvistika [Federal State Educational Standard of Higher Education. Level of higher education BACHELOR. Field of study 45.03.03 Fundamental and Applied Linguistics]*. Retrieved March 17, 2022 from <<http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450303.pdf>>. (In Russ).
- FGOS (2015 b). *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven' vysshego obrazovaniya MAGISTRATURA. Napravlenie podgotovki 45.04.03 Fundamental'naya i prikladnaya lingvistika [Federal State Educational Standard of Higher Education. Level of higher education MASTER. Field of study 45.04.03 Fundamental and Applied Linguistics]*. Retrieved March 17, 2022 from <<http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/450403.pdf>>. (In Russ).

Наши авторы

- Айкина Татьяна Юрьевна*, канд. филол. наук, доцент Отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки Нац. исслед. Томского политехн. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, email: aikina@trpu.ru
- Алексеев Александр Борисович*, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английского языка РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация, email: neuausstatten@mail.ru
- Андросова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru
- Бодулева Алла Ралифовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Уфимского ун-та науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, email: boduleva-a@yandex.ru
- Бойчук Игорь Васильевич*, <https://orcid.org/0000-0002-8408-285>, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: boichuk_i@bsu.edu.ru
- Виклова Лариса Георгиевна*, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>, д-р филол. наук, проф., проф. Ин-та иностранных языков Московского городского пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: vikulovalg@mail.ru
- Гостева Ника Светлановна*, соискатель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Московского городского пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: nika_gosteva@bk.ru
- Дмитриева Дарья Юрьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Уфимского ун-та науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, email: darya_dron@mail.ru
- Иванищева Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры филологии и медиакоммуникаций Мурманского Арктического гос. ун-та, Российская Федерация, email: oivanishcheva@gmail.com
- Кирколуп Ольга Валерьевна*, старший преподаватель кафедры французского языка Алтайского гос. пед. ун-та, г. Барнаул, Российская Федерация, email: olga.kirkolup@gmail.com
- Коришнова Анастасия Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Котцова Елена Евгеньевна*, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) фед. ун-та им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, email: e.kotzova@yandex.ru
- Лагута Нина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nlaguta@mail.ru
- Ли Юнно*, аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: 844238106@qq.com
- Ма Татьяна Юрьевна*, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru
- Мазарчук Анна Владимировна*, младший научный сотрудник Отдела языков народов Российской Федерации Ин-та лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: anja_av@rambler.ru
- Морозова Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Осипов Борис Яковлевич*, <https://orcid.org/0000-0003-1171-268X>, младший научный сотрудник Отдела северной филологии ИГиПИМНС СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: b_osipov@rambler.ru
- Пак Ирина Яковлевна*, канд. филол. наук, преподаватель Народного ун-та Китая, г. Пекин, Китайская Народная Республика, email: Ira3822@yandex.ru
- Пинчукова Наталья Владимировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: pinnut12@mail.ru
- Платошина Виктория Владимировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: platoshina@bsu.edu.ru
- Плотникова Анна Владимировна*, <https://orcid.org/0000-0003-3229-0543>, ассистент кафедры китайского языка Ин-та иностранных языков Московского городского пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: plotnikovaav@mgpu.ru
- Салина Анастасия Сергеевна*, ассистент кафедры иностранных языков Бирского филиала Уфимского ун-та науки и технологий, г. Бирск, Российская Федерация
- Сопова Ирина Валентиновна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: sorova.ir@yandex.ru
- Стародубцева Наталья Сергеевна*, канд. пед. наук, доцент кафедры китаеведения Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Сыскина Анна Александровна*, канд. филол. наук, доцент Отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки Нац. исслед. Томского политехн. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, email: saa@trpu.ru
- Таранова Елена Николаевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: taranova_e@bsu.edu.ru
- Цзян Цзиньчи*, магистрант Народного ун-та Китая, г. Пекин, Китайская Народная Республика, email: 2398854899@qq.com
- Черединыченко Олеся Александровна*, <https://orcid.org/0009-0009-8362-3345>, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: olesya7965@bk.ru
- Чирвоная Мария Олеговна*, преподаватель кафедры лексикологии английского языка Московского гос. лингвистич. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: mchirvonaya@list.ru

Our authors

- Tatiana Yu. Aikina*, PhD in Philology, Associate Professor, Division for Foreign Languages, School of Core Engineering Education, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, email: aikina@tpu.ru
- Aleksandr B. Alekseev*, PhD in Philology, senior teacher, English Language Department, RANEPa, Moscow, Russian Federation, email: neuausstatten@mail.ru
- Svetlana V. Androsova*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru
- Alla R. Boduleva*, PhD in Philology, Associate Professor, English Language and Cross-Cultural Communication Department, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, email: boduleva-a@yandex.ru
- Igor V. Boichuk*, <https://orcid.org/0000-0002-8408-285>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: boichuk_i@bsu.edu.ru
- Larisa G. Vikulova*, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>, Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Scientific Research, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: vikulovalg@mail.ru
- Nika S. Gosteva*, PhD student, Department of Teaching English and Business Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: nika_gosteva@bk.ru
- Darya Y. Dmitrieva*, PhD in Philology, Associate Professor, English Language and Cross-Cultural Communication Department, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, email: darya_dron@mail.ru
- Olga N. Ivanishcheva*, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Media and Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation, email: oivanishcheva@gmail.com
- Olga V. Kirkolup*, senior teacher, French Language Department, Altay State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, email: olga.kirkolup@gmail.com
- Anastasia S. Korshunova*, PhD student, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: anastasiakorshun1992@gmail.com
- Elena E. Kotsova*, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, email: e.kotzova@yandex.ru
- Nina V. Laguta*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nlaguta@mail.ru
- Li Yongnuo*, PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: 844238106@qq.com
- Tatyana Yu. Ma*, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: tdovnar@mail.ru
- Anna V. Mazarchuk*, junior researcher, Department for Languages of the Russian Federation, Institute for Linguistic Studies of the RAS, St Petersburg, Russian Federation, email: anja_av@rambler.ru
- Olga N. Morozova*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Boris Ya. Osipov*, <https://orcid.org/0000-0003-1171-268X>, junior researcher, Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, email: b_osipov@rambler.ru
- Irina Ya. Pak*, PhD in Philology, invited teacher, Renmin university, Beijing, People's Republic of China, email: Ira3822@yandex.ru
- Natalya V. Pinchukova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: pinnut12@mail.ru
- Victoria V. Platoshina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: platoshina@bsu.edu.ru
- Anna V. Plotnikova*, <https://orcid.org/0000-0003-3229-0543>, teaching assistant, Chinese Language Department, The Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: plotnikovaav@mgpu.ru
- Anastasia S. Salina*, teaching assistant, Foreign Languages Department, Birska Branch of Ufa University of Science and Technology, Birska, Russian Federation
- Irina V. Sopova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: sopova.ir@yandex.ru
- Natalya S. Starodubtseva*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Anna A. Syskina*, PhD in Philology, Associate Professor, Division for Foreign Languages, School of Core Engineering Education, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, email: saa@tpu.ru
- Elena N. Taranova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: aranova_e@bsu.edu.ru
- Jiang Jinch*, master student, Renmin University, Beijing, People's Republic of China, email: 2398854899@qq.com
- Olesya A. Cherednichenko*, <https://orcid.org/0009-0009-8362-3345>, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: olesya7965@bk.ru
- Maryia O. Chyrvonaya*, teacher, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, email: mchirvonaya@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Алексеев А. Б.</i>	Некоторые лингвостилистические особенности англоязычного дискурса смешанных единоборств	5
<i>Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Салина А. С.</i>	Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей)	20
<i>Бойчук И. В., Сопова И. В., Таранова Е. Н., Платошина В. В.</i>	Лингвостилистические особенности политического дискурса (на материале выступлений политиков англоязычных стран)	30
<i>Викуллова Л. Г., Плотникова А. В.</i>	Диалогические стратегии образовательного пространства сайта национального института корейского языка	39
<i>Гостева Н. С.</i>	Вариативность атрибутивных структур, описывающих существительное с концептуальным значением 'объект растительного мира' в русском и английском языках (на материале поисковых запросов Google)	50
<i>Кирколуп О. В.</i>	Дискурсивная модель концепта ПРОТЕСТ (на основе публикаций издания «Ведомости»)	64
<i>Коришнуова А. С., Лагута Н. В.</i>	Категория локативности и её репрезентация в новостном интернет-дискурсе	74
<i>Ли Ю.</i>	Добро и зло как ценность и антиценность (на основе данных Словаря русской ментальности 2014 г.)	85
<i>Ма Т. Ю., Пинчукова Н. В.</i>	Структурные и семантические трансформации библейских прецедентных имён <i>Cain</i> и <i>Abel</i> в лингвокультуре США и Великобритании	95
<i>Мазарчук А. В.</i>	Функционирование названий пяти видов скота в монгольских пословицах и поговорках	109
<i>Морозова О. Н., Осипов Б. Я., Андросова С. В.</i>	Безударный вокализм в эвенском и эвенкийском языках	120
<i>Пак И. Я., Цзян Ц.</i>	Образный потенциал семантического поля «РАСТЕНИЕ» (на материале русского и китайского языков)	131
<i>Стародубцева Н. С.</i>	Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодежи	143
<i>Сыскина А. А., Айкина Т. Ю.</i>	Особенности использования слов-связок в современном американском варианте английского языка для академических целей (на материале СОСА)	152
<i>Чередниченко О. А., Андросова С. В.</i>	Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров	164
<i>Чирвоная М. О.</i>	Традиционная и упрощённая иероглифика в преподавании китайского языка в России как аспект языковой политики КНР	176
Рецензии		
<i>Иванищева О. Н.</i>	О народно-разговорной речи на рубеже XX–XXI веков [Рецензия на «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска»: Т. 1: Городское просторечие. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь рыбаков и моряков. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодёжный жаргон Архангельска (1996–2018)]	185
<i>Котцова Е. Е.</i>	О прикладной лингвистике и современных тенденциях развития гуманитарного знания [Рецензия на учебное пособие: О. Н. Иванищева «Прикладная лингвистика»]	191
Наши авторы		196

CONTENTS

Original Papers

<i>Alekseev A. B.</i>	Some linguostylistic peculiarities of the English-language mixed martial arts discourse	5
<i>Boduleva A. R., Dmitrieva D. Y., Salina A. S.</i>	Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (Based on English articles)	20
<i>Boichuk I. V., Sopova I. V., Taranova E. N., Platoshina V. V.</i>	Concerning linguo-stylistic features of political discourse (With references to speeches of politicians from English-speaking countries)	30
<i>Vikulova L. G., Plotnikova A. V.</i>	Dialogue strategies of the educational space of the National Institute of the Korean language website	39
<i>Gosteva N. S.</i>	Variability of attributive structures describing a noun with a conceptual meaning of the flora object in Russian and English (Based on Google search queries)	50
<i>Kirkolup O. V.</i>	Discursive model of the concept PROTEST (Based on «Vedomosti» publications)	64
<i>Korshunova A. S., Laguta N. V.</i>	The category of locativity and its representation in Internet news discourse	74
<i>Li Y.</i>	Good and evil as value and antivalue (Based on The dictionary of the Russian mentality, 2014)	85
<i>Ma T. Yu, Pinchukova N. V.</i>	Structural and semantic transformations of the biblical precedent names <i>Cain</i> and <i>Abel</i> in linguoculture of the USA and the Great Britain	95
<i>Mazarchuk A. V.</i>	Functioning of terms denoting the five kinds of livestock in Mongolian proverbs	109
<i>Morozova O. N., Osipov B. Ya., Androsova S. V.</i>	Unstressed vowels in Even and Evenki	120
<i>Pak I. Ya., Jiang J.</i>	Figurative potential of the semantic field “PLANT” (Based on Russian and Chinese)	131
<i>Starodubtseva N. S.</i>	The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth	143
<i>Syskina A. A., Aikina T. Yu.</i>	Functioning patterns of linking words in modern American English for academic purposes (Based on COCA)	152
<i>Cherednichenko O. A., Androsova S. V.</i>	Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres	164
<i>Chyrvonaya M. O.</i>	Traditional and simplified characters in teaching Chinese in Russia as an aspect of Chinese language policy	176
Reviews		
<i>Ivanishcheva O. N.</i>	About folk-colloquial speech at the turn of the XX–XXI centuries [Review of the «Dictionary of Folkcolloquial speech of the city of Arkhangelsk»: Vol. 1: Urban vernacular. Vol. 2: Urban sociolects. Part 1. Professional speech of fishermen and sailors. Vol. 2: Urban sociolects. Part 2: Youth jargon of Arkhangelsk (1996–2018)]	185
<i>Kotsova E. E.</i>	On applied linguistics and modern trends in the development of Humanities [Book review: O. N. Ivanishcheva «Applied Linguistics»]	191
Our authors		196

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 9, No 2, 2023.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 05.06.2023. Подписано к печати 02.06.2023. Дата выхода в свет 29.06.2023.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 23,25. Тираж 1000. Заказ 240. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.